

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СИНТЕЗ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Под общей редакцией
В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер

Москва
2022

Под общей редакцией
В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер

Рецензенты:
Клейнер Г.Б., член-корр. РАН, д.э.н., проф.
Качалов Р.М., д.э.н., проф.
Вархотов Т.А., к. филос.н., доц.

С 38 **Синтез в экономической теории и экономической политике.** Колл. монография / Под общей ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2022. – 444 с.

ISBN 978-5-9940-0723-5

Внимание к синтезу в экономической теории является новой и восходящей тенденцией в развитии экономического знания: ученые все чаще начинают фиксировать разрыв между множеством данных эмпирических исследований и возможностями их широких теоретических обобщений. Монография в известной мере восполняет этот пробел. Также она привлекает читателя к новой теме – синтезу в экономической политике. Необходимость такого синтеза отражает не только тенденции развития экономической теории, но вызвана сложностями самой экономики, где одновременно развиваются разнонаправленные процессы. Соответственно, структура монографии состоит из двух разделов. В первом разделе основное внимание уделено методологическим проблемам и результатам синтеза в экономической теории. Рассмотрены примеры синтеза в экономической науке в прошлом, показаны примеры его реализации в настоящем, обозначены перспективы развития в будущем. Второй раздел посвящен анализу приложений синтетических концепций и подходов к решению конкретных экономических проблем, а также примерам успешного синтеза в экономической политике и его перспективам.

Ключевые слова: экономическая теория, экономическая политика, методология экономической науки, теоретический синтез, синтез в экономической политике.

Классификация JEL: B20, B41, B50, B52, N00.

Synthesis in Economic Theory and Economic Policy. Monograph / Eds. Mayevsky V.I. and S.G. Kirdina-Chandler. Moscow: Institute of Economics of Russian Academy of Sciences. 2022. – 444 p.

ISBN 978-5-9940-0723-5

Attention to synthesis in economic theory is a new and rising trend in the development of economic knowledge: scientists are increasingly beginning to fix the gap between the wealth of empirical research data and the possibilities of their broad theoretical generalizations. The monograph fills this gap to a certain extent. It also draws the readers to a new topic, namely synthesis in economic policy. The need for such a synthesis reflects not only the trends in the development of economic theory but is caused by the complexities of the economy itself, where multidirectional processes are simultaneously developing. Accordingly, the structure of the monograph consists of two parts. The first part focuses on methodological problems and results of synthesis in economic theory. Examples of synthesis in economic science in the past are considered, examples of its implementation in the present are shown, and prospects for development in the future are indicated. The second part is devoted to an analysis of the applications of synthetic concepts and approaches to solving specific economic problems, as well as examples of successful synthesis in economic policy and its prospects.

Keywords: economic theory, economic policy, methodology of economic science, theoretical synthesis, synthesis in economic policy.

JEL Classification: B20, B41, B50, B52, N00.

ББК 65.5

© Институт экономики РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© В.Е. Валерийс, дизайн, 2007

300-летнему юбилею
Российской академии наук
посвящается

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

- Волынский А.И. – глава 15;
Вольчик В.В. – глава 14;
Исламутдинов В.Ф. – глава 8;
Кирдина-Чэндлер С.Г. – Предисловие научных редакторов;
главы 1, 2, 4, 9, 10, 12; Заключение;
Кирилюк И.А. – Приложение;
Круглова М.С. – глава 15;
Маевский В.И. – Предисловие научных редакторов;
главы 5, 9, 10, 11; Заключение;
Малков С.Ю. – глава 11;
Маслюкова Е.В. – глава 14;
Ореховский П.А. – глава 3;
Проволович Т.О. – глава 7, 10;
Рубинштейн А.А. – главы 5, 10, 11;
Сенько О.В. – Приложение;
Сморodinская Н.В. – глава 13;
Фролов Д.П. – глава 6;
Ценжарик М.К. – глава 16.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие научных редакторов	12
--------------------------------------	----

Часть 1

МЕТОДОЛОГИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИНТЕЗА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Глава 1. Основания и разновидности теоретического синтеза в экономической науке	22
Введение	22
1.1. Теоретический синтез и его основания	23
1.2. Предпосылки теоретического синтеза в экономике	26
1.3. Разновидности теоретического синтеза в экономике	30
Глава 2. Парадоксы неоклассического и нового неоклассического синтеза	41
Введение	41
2.1. Предпосылки и результаты неоклассического и нового неоклассического синтеза	43
2.2. Источники парадоксов неоклассического и нового неоклассического синтеза	51
Глава 3. Старые дискуссии классиков и неоклассиков о производительном и непроизводительном труде на новый лад: произошел ли синтез?	63
Введение	63
3.1. Тезис: постановка проблемы. Классики	64
3.2. Антитезис: проблемы измерения ВВП. Неоклассики	66
3.3. Синтез: проблема производительного и рентоориентированного поведения	70
3.4. Новый синтез: изъятие ренты и непроизводительный труд в частном секторе. М. Маццукато и Д. Гребер	75

Глава 4.	Трудные пути синтеза в отечественной экономической теории: от политической экономии социализма к системным и институциональным исследованиям	84
	Введение	84
	4.1. Проблемы теоретического синтеза в политической экономии социализма в СССР	86
	4.2. Системная парадигма в экономической теории и барьеры для развития	91
	4.3. Становление институционального синтеза	101
Глава 5.	Синтез теории длинных волн и модели переключающегося режима воспроизводства	109
	Введение	109
	5.1. Почему мейнстрим игнорирует К-волны?	110
	5.2. Гипотеза существования К-волн на макроуровне	114
	5.3. Подтверждение гипотезы на основе расчетов по модели переключающегося режима воспроизводства с переменной отдачей капитала	119
Глава 6.	Постинституциональная теория трансплантации институтов: сложностно-ориентированный синтез	132
	Введение	132
	6.1. Метафора кораллового рифа для описания институциональных изменений	138
	6.2. Институтогенные сообщества как коллективный актор трансплантации институтов	142
	6.3. Конструирование институциональной ниши	149
Глава 7.	Новейшие примеры междисциплинарного синтеза в экономике	158
	Введение	158
	7.1. Нейроэкономика как попытка междисциплинарного синтеза	161
	7.2. Социально-когнитивно-нейробиологический синтез Питера Уайброу и Мэтью Либермана	168
	7.3. Психолого-экономико-социологический синтез Ю.И. Александрова и С. Г. Кирдиной-Чэндлер	171
Глава 8.	Синтетические возможности энтропийного подхода в экономических исследованиях	177
	Введение	177

8.1. Попытки синтеза на базе энтропийного подхода в экономических исследованиях.....	178
8.2. Проблемы применения энтропийного подхода в экономике.....	181
8.3. Возможные варианты синтеза на основе энтропийного подхода.....	186

Часть 2

СИНТЕЗ И НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Глава 9. От синтеза в экономической теории — к синтезу в экономической политике	198
Введение.....	198
9.1. Теоретические основы синтеза в экономической политике, или о взаимосвязи экономической теории и экономической политики.....	200
9.2. Синтез в экономической политике: обобщение некоторых результатов и перспективы.....	210
Глава 10. Денежная эмиссия и экономический рост в контексте синтеза институциональной теории и теории воспроизводства.....	217
Введение.....	217
10.1. Особенности синтеза теории институциональных X-Y-матриц и теории переключающегося режима воспроизводства.....	220
10.2. Роль денежной эмиссии в воспроизводственном процессе.....	224
10.3. «Инвестиционный» и «потребительский каналы денежной эмиссии и их влияние на экономический рост: необходимость синтеза.....	231
Глава 11. Сочетание долгового и валютного способов монетизации российской экономики в экономической политике	237
Введение.....	237
11.1. О долговом способе монетизации экономики и целесообразности компромисса.....	239
11.2. Варианты перехода к преимущественно долговому способу монетизации российской экономики.....	249

Глава 12. Синтез «старых» и «новых» институтов денежного обращения в постсоветской России	261
Введение.....	261
12.1. Теоретические основания исследования и определение терминов	263
12.2. Денежное обращение в советской России.....	270
12.3. Денежное обращение в постсоветской России.....	277
Глава 13. Теория экономической резильентности и ее применение в политике экономического роста	290
Введение.....	290
13.1. Уязвимость глобализированной экономики и ее национальных подсистем перед внезапными шоками	291
13.2. Глобальные тенденции 2020-х годов и концепция экономической резильентности	296
13.3. Резильентный подход в политике экономического роста....	304
Глава 14. Теория нарративной экономики и ее применение в современной инновационной политике	310
Введение.....	310
14.1. Нарративный анализ как междисциплинарная методология.....	311
14.2. Проблемы российской инновационной системы и инновационной политики через призму нарративов.....	320
14.3. Нарративы, экономическое моделирование инновационных систем и инновационная политика	325
Глава 15. «Социализм с китайской спецификой» как результат риторического синтеза в экономической политике	334
Введение.....	334
15.1. Нормативная экономическая наука и экономическая политика.....	335
15.2. «Социализм с китайской спецификой»: синтез несовместимого?.....	341
Глава 16. Институциональный и процессный подходы в управлении цифровыми экосистемами	352
Введение.....	352
16.1. Цифровые экосистемы.....	354

16.2. Понятие и роль алгоритмов.....	359
16.3. Экосистема как структура управления: институциональный подход.....	362
16.4. Алгоритмическое управление: процессный подход.....	367
Заключение.....	374
Приложение. Методы Монте-Карло для селекции экономических моделей регрессионного анализа	379
Литература	400
Информация об авторах	442

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ

Внимание к синтезу в экономической теории является, на наш взгляд, восходящей тенденцией в развитии экономического знания наступающего десятилетия. В предыдущие годы, как известно, в экономической науке отмечался так называемый «эмпирический поворот» (Либман, 2008). Он выразался в постоянном росте публикаций эмпирической направленности, особенно на основе данных, собираемых самими авторами. На это обратил внимание Дэниел Хамермеш, проанализировавший экономические публикации с середины прошлого века до конца первого десятилетия века нынешнего (Hamermesh, 2013). Эмпирический поворот был поддержан и усилен распространением цифровых технологий, достижениями в области вычислительной техники, широким использованием множества программных пакетов и эпохой Big Data. Как отмечают методологи науки, все чаще «теории замещались анализом данных», имело место «измерение без теории», а сегментация науки стала в экономике «горячей темой»¹.

-
1. Ананын О.И. «Сегментация экономического знания: структура и дисфункции». Доклад на IV Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики «Сегментация экономической науки и проблемы синтеза», 19–20 октября 2022 г., г. Москва http://www.econorus.org/pdf/Program_Conference_20221019-20.pdf.

В результате мы наблюдаем разрыв между множеством данных эмпирических исследований и возможностями их широких теоретических обобщений. Реакцией на этот процесс стало усиление внимания к синтезу в работах экономических теоретиков, наблюдаемое в последние несколько лет. Одно из направлений этого внимания было связано с распространением идей синергетики. Концепция «экономической синергетики» (Евстигнеев, Евстигнеева, 2007, 2010), развиваемая в Институте экономики с начала 2000-х годов отражает эту тенденцию. Она представляет собой синтез экономического анализа с инструментарием таких дисциплин, как социология, философия, психология и др. (*Очерки по экономической синергетике*, 2017. С. 122). К настоящему времени идея «глобального синтеза экономического знания», при всей проблематичности своей реализации, все больше витает в умах исследователей (Шаститко, Тутов, 2021. С. 99). Особенно недостаток хороших «больших теорий» начинает осознаваться в периоды больших изменений, и нет сомнения, что это именно наше время!

Характерной чертой «больших теорий», о необходимости которых задумывается сейчас все больше экономистов-теоретиков, является, несомненно, их ярко выраженный синтетический характер. Синтез, как известно, один из алгоритмов создания «больших теорий». Действительно, многие выдающиеся результаты XVIII–XIX вв. в экономической науке получены с помощью именно теоретического синтеза. Таковы, например, знаменитые «Экономические таблицы» Ф. Кенэ, построенные под влиянием идей У. Гарвея в области кровообращения. То же самое можно сказать об экономической теории А. Смита, разработанной прежде всего на основе синтеза теории трудовой стоимости и идей самоорганизующегося рынка (учение об экономической свободе субъектов рыночных отношений). Наконец, общепризнан теоретический синтез экономической теории и социологии в «Капитале» К. Маркса.

Конечно, синтетический характер великих теорий основоположников экономической науки не защитил их от

критики. Бросая ретроспективный взгляд на эти теории, мы обнаруживаем, что все они, подобно синтетическим теориям XX и начала XXI в., оказывались объектами весьма строгого критического анализа. Так, Смит не воспринял ряд положений физиократического синтеза Кенэ. В свою очередь, Маркс не согласился как с «догмой Смита», так и с Кенэ, который, по его мнению, не сумел отразить механизма воспроизводства в условиях становления капитализма и внутреннюю противоречивость этого механизма. Далее, теоретический синтез самого Маркса был тщательно и весьма критически исследован Й. Шумпетером, полагавшим, что «хотя синтез способен нести новый свет, он может означать и новые оковы» (*Шумпетер*, 2008. С. 422). Наконец, сам Шумпетер, создавший в начале XX в. выдающуюся «Теорию экономического развития» (она основана на синтезе «статичной» теории равновесия Л. Вальраса и «процессного» экономического учения Маркса, представившего экономическую эволюцию как особый, обусловленный самой экономической системой процесс) оказался за пределами неоклассического мейнстрима: в отличие от господствующего мнения, призывающего рассматривать функционирование капитализма в рамках существующих структур, он полагал, что данное функционирование происходит через создание и разрушение таких структур.

Так что синтез не гарантирует долговременного успеха той или иной экономической синтетической теории. Возникают новые факты, процессы, явления, и одни теории уступают место другим. Это неизбежный процесс, и он означает прогресс экономической науки. Однако каждая из отмеченных нами выше теорий стала, несомненно, важной и весьма заметной вехой на пути прогресса этой науки.

Авторы настоящей монографии не претендуют на предъявление «больших теорий» «здесь и сейчас». Но они показывают примеры синтеза в экономической теории, которые могут предшествовать их появлению и тем самым также послужить прогрессу науки. Именно этому посвящена первая

часть монографии — она называется «Методология, результаты и перспективы синтеза в экономической теории».

В качестве своеобразного гида по первой части выступает глава 1. В ней вводится понятие *теоретического синтеза*, рассмотрены его основания и классифицированы разновидности *теоретического синтеза*. Это понятие введено с целью отделить синтез как известную (наряду с анализом) стадию научного исследования, от становления новых теоретических синтетических направлений в экономической теории. То есть таких, в которых соединяются, казалось бы, противоположные² или базирующиеся на различных исходных предпосылках теории. В ходе синтеза между этими теориями формируется общее исследовательское поле и прекращаются методологические дискуссии. Другими словами, определяется общая аксиоматика и методология нового направления (теории).

Рассмотрены различные разновидности теоретического синтеза, среди них:

- *внутридисциплинарный* синтез, примерами которого служат известные неоклассический и новый неоклассический синтезы (глава 2);
- *предметный* синтез, связанный, например, с различными попытками решения проблемы производительного и непроизводительного труда (глава 3);
- *онтологический* синтез, что показано на примере становления институционального синтеза (глава 4);
- *модельный* синтез — в монографии речь идет о синтезе теории длинных волн и модели переключающегося режима воспроизводства (глава 5);
- *междисциплинарный* синтез, представленный постинституциональной теорией трансплантации институтов (глава 6) и более сложными конструкциями, например социально-когнитивно-нейробиологическим и психолого-экономико-социологическим синтезами (глава 7);

2. Здесь мы следуем логике известной философской триады «тезис—антитезис—синтез».

– *методологический* синтез, перспективы становления которого рассмотрены на примере энтропийного подхода (глава 8).

Выделенные в нашей классификации разновидности теоретического синтеза не являются «непроницаемыми», а дополняют друг друга. Так, из проанализированных в монографии примеров новый неоклассический синтез является одновременно и внутридисциплинарным, и модельным, а постинституциональная теория трансплантации институтов представляет собой не только междисциплинарный, но и онтологический вид синтеза. Предложенная классификация разновидностей теоретического синтеза, таким образом, предлагает, на наш взгляд, неплохие возможности для многомерного описания его основных характеристик.

Итак, в первой части монографии рассмотрены примеры синтеза в экономической науке в прошлом, показаны примеры его реализации в настоящем и обозначены некоторые возможные перспективы на будущее. История науки развивается по спирали, и в эпоху новых потрясений она опять стоит перед вызовом разработки новых экономических синтетических теорий и опирающихся на них концепций управления и политики.

Вопросы синтеза в экономической политике разбираются во второй части монографии, которая названа «Синтез и новые концептуальные подходы в экономической политике». Так же, как и в первой части, роль путеводаителя по всем ее главам выполняет начальная глава второй части (глава 9). Начинается она с рассмотрения сложных взаимосвязей между экономической теорией и экономической политикой, а затем знакомит читателя с примерами синтеза в экономической политике, подробнее представленными в монографии в последующих главах второй части.

Мы решили привлечь внимание к синтезу в экономической политике (что является весьма новой для российского научного сообщества постановкой), исходя из двух причин. Первая состоит в том, что, несмотря на противоречивый

порой характер связей между теорией и практикой, или между экономической теорией и экономической политикой, эта связь все-таки существует. Поэтому синтез в экономической теории нередко приводит к соответствующим изменениям в политике. Относительно недавним примером может служить широкое использование в экономической политике результатов нового неоклассического синтеза, а именно моделей DSGE (динамических стохастических моделей общего равновесия), в частности, в деятельности центральных банков. Поэтому наблюдаемые нами примеры синтеза в экономической теории, как можно надеяться, могут инспирировать и соответствующие тренды в экономической политике. Вторая причина обусловлена сложностью самой экономики, т.е. объекта политики, в которой одновременно протекают разнообразные процессы, зачастую различной направленности. Поэтому при выборе вариантов политики приходится синтезировать мероприятия по управлению ими. Одной из известных задач синтеза в экономической политике служит, например, потребность сочетания рыночных и централизованных инструментов для регулирования экономических процессов.

Соответственно, под синтезом в экономической политике мы понимаем такую конфигурацию предлагаемых и реализуемых мер, которые по отдельности представляются альтернативными, но так подгоняются друг к другу, что совместно позволяют достичь поставленных экономических целей более эффективно, чем если эти меры использовать по отдельности и независимо. Другими словами, речь идет о своего рода дополнительной деятельности экономической политики, позволяющей достичь синергетического эффекта.

В настоящей монографии мы обращаем внимание на примеры синтеза в экономической политике в различных сферах. Первые следующие за главой 9 главы имеют своим объектом управление денежной эмиссией и денежным обращением. В главе 10 рассматриваются варианты политики с использованием альтернативных каналов поступления «новых» денег

в экономику, названных в исследовании «инвестиционным» и «потребительским». Основу сценарных расчетов составляет синтез теории переключающегося режима воспроизводства (ПРВ) и теории институциональных X-Y-матриц. Результаты расчетов разных вариантов показывают, как на основе комбинирования «инвестиционного» и «потребительского» каналов можно управлять параметрами инфляции и экономического роста. Сравнительная эффективность синтеза двух способов монетизации российской экономики рассмотрена в главе 11. Здесь речь идет о валютном способе (эмиссия под валютное обеспечение экономики) и долговом (под залог национальных государственных и корпоративных ценных бумаг) денежной эмиссии. Сценарные расчеты на основе модели ПРВ позволяют оценить результаты такого синтеза для стабилизации финансовой ситуации и поддержания экономического роста. Глава 12 обобщает результаты политики в области денежного обращения в постперестроечной России, суть которой состоит в синтезе альтернативных экономических институтов, характерных для X- и Y-матрицы. Показано, что такой синтез обеспечивает одновременно гибкость и устойчивость системы денежного обращения, что подтвердилось в условиях внешних для России вызовов после известных событий февраля 2022 г.

Достижение устойчивости экономики по отношению к подобным и иным шокам — это вызов не только для России. В последние годы это стало проблемой практически для всех экономик мира. Свойства резильентности экономики, т.е. сопротивляемости внезапным шокам, и необходимые требования к экономической политике в связи с этим обсуждаются в главе 13. Обоснован вывод о том, что необходим синтез мероприятий, направленных одновременно и на повышение устойчивости системы с поглощением внешних шоков, и на способность к эволюции с поддержанием экономического роста.

Еще одно направление синтеза в экономической политике связано с возрастающей ролью «неэкономических фак-

торов» в ее осуществлении. Один из них – использование нарративов (распространенных историй) при планировании тех или иных мероприятий. В главе 14 не только раскрывается содержание относительно нового научного направления – «нарративной экономики», которая сама по себе является синтезом экономических и социологических подходов. Авторы также показывают возможности использования нарративов в российской инновационной политике, обращая особое внимание на синтез качественных методов нарративного анализа с количественными методами эконометрического моделирования. В следующей, 15 главе показаны результаты успешной опоры на нарративы (в их функции служить «упрощенными экономическими протомоделями») в экономической политике КНР. Речь идет об идеологеме «социализм с китайской спецификой», которая стала результатом «риторического синтеза» в экономической политике. В ее рамках удалось примирить сторонников «плана» и «рынка», что привело к прекращению борьбы между ними и выстраиванию единого понятийного поля для идентификации новых экономических явлений и феноменов в экономической, весьма успешной политике КНР.

Вторая часть монографии завершается главой 16, посвященной синтезу методов управления структурными и процессными свойствами экономических экосистем. Речь идет о цифровых экосистемах, функционирующих на основе онлайн-платформ. Объектом анализа в главе являются экосистемы с управляющими частными компаниями. Но проанализированный опыт управления оказывается весьма полезным и для государственной экономической политики, где онлайн-платформы играют все более значимую роль.

Данная монография является результатом коллективного труда. В ней представлены взгляды сотрудников Института экономики РАН и коллег-единомышленников из других организаций по поводу проблем и сложностей нового наступающего синтетического этапа в развитии и применении экономического знания. Предварительное обсуждение

большинства представленных материалов состоялось в ходе XIV Пушкинского симпозиума по эволюционной экономике «Гетеродоксальная экономика и экономический рост» (12 октября 2021 г.) и на научной конференции «Проблемы синтеза в экономической теории» – к 90-летию со дня рождения Р.Н. Евстигнеева (5 июля 2022 г.), организованных Институтом экономики РАН. Весьма полезным оказалось также предварительное обсуждение текста монографии на Научном совете направления «Экономическая политика» (рук. Е.Б. Ленчук, уч. секретарь И.С. Букина) в Институте экономики РАН 20 сентября 2022 г. Надеемся, что нам удастся привлечь внимание читателей к актуальным проблемам синтеза в экономической теории и экономической политике, которые смогут оценить наш вклад в их решение.

Выражаем также персональную благодарность А.Я. Рубинштейну за высказанные комментарии, А.И. Волынскому и А.М. Чуняеву за организационно-техническую помощь в работе над монографией, а уважаемым рецензентам Г.Б. Клейнеру, Р.М. Качалову и Т.А. Вархотову – за поддержку и ценные соображения.

*В.И. Маевский,
С.Г. Курдина-Чэндлер,
г. Москва, октябрь 2022*

Часть 1

МЕТОДОЛОГИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СИНТЕЗА
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ

Глава 1

ОСНОВАНИЯ И РАЗНОВИДНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

«Теории не следует менять до тех пор, пока к этому нет принудительных оснований, а единственным принудительным основанием для смены теории является ее расхождение с фактами».

Пол Карл Фейерабенд

Введение

Синтез, как и анализ, является важнейшей стадией научного исследования. Анализ направлен на выявление структуры и строения изучаемого объекта, он позволяет отделить существенное от несущественного и на этой основе помогает строить классификации предметов и явлений. Можно сказать, что в результате анализа конкретный объект расчленяется и описывается в координатах абстрактных сущностей. Синтез, напротив, есть процесс последующей сборки, объединения в систему тех частей, свойств, отношений, которые были выделены посредством анализа. В процессе научного синтеза происходит своего рода возвращение к объекту как к конкретному целому, но на более продвинутом или системном, по-новому структурированном уровне понимания. В экономике, как и в любой науке, анализ и синтез играют равно значимую роль и необходимо дополняют друг друга. Предполагается, что анализ предшествует синтезу.

Однако в данной монографии, особенно в первой ее части, данный синтез, понимаемый как инструмент или стадия любого научного исследования, не является объектом рассмотрения.

В целом внимание к синтезу в экономической теории в последние несколько лет растет. Мы наблюдаем этот тренд с 2018 г. (табл. 1).

Таблица 1. Количество работ по запросу «economic theory» и «synthesis in economic theory», данные Google Scholar, 2018–2021 гг.

Запрос	2018	2019	2020	2021	2021
Economic theory, тыс. ед.	774	625	444	276	189
Synthesis (in Economic theory), тыс. ед.	76,9	68,0	61,5	44,6	46,6
Доля, %	9,9	10,1	13,8	16,2	24,7

Источник: составлено авторами.

Хотя общее число работ по экономической теории сокращается — это является следствием отмеченного выше, в Предисловии редакторов, «эмпирического поворота» в экономической науке, среди самих теоретических работ растет доля тех, где так или иначе обсуждаются вопросы синтеза. Поскольку понимание синтеза в экономической теории различается в разных работах, мы ввели свое понятие *теоретического синтеза*, которому следуем в данной монографии.

1.1. Теоретический синтез и его основания

Под теоретическим синтезом понимается синтез в теоретическом знании, при котором удается интегрировать противостоящие друг другу теории, концепции или доктрины и на этой основе открыть новое научное направление, обеспечивая более широкую концептуальную основу для участия представителей различных подходов в его развитии. Как отмечал Джеффри Александер, такого рода синтез часто связан с «пересмотром парадигмы» (Alexander, 2017)³, он позволяет «раскрывать основания и процедуры интеграции теоретических подходов, концептуальных положений как конкретной науки, так и разных наук для более емкого, содержательного, многомерного понимания, объяснения и изменения действительности» (Национальная энциклопедическая служба, 2022).

Мы отличаем теоретический синтез от научного синтеза как стадии индивидуального (группового) научного исследо-

3. Иногда также говорят о транспарадигмальном характере теоретического синтеза (Kenworthy, Miller, Collins, Read & Earleywine, 2011).

вания. Одну из форм последнего можно наблюдать, например, на этапе обзора литературы по теме работы, хорошо известного всем работающим в науке. «Обзор литературы можно в целом охарактеризовать как более или менее систематический способ сбора и синтеза предыдущих исследований ... обзор литературы является отличным способом синтеза исследовательских разработок для того, чтобы представить доказательства на мета-уровне и выявить области, в которых необходимы дополнительные исследования, что является критическим компонентом создания теоретических рамок и построения концептуальных моделей» (Snyder, 2019. P. 333). Это и есть один из видов научного синтеза, который имеет место на индивидуальном (групповом) уровне.

В отличие от него теоретический синтез наблюдается на уровне научных направлений, целой дисциплины или дисциплин: в данном случае речь идет об экономике. Задача такого теоретического синтеза «состоит в том, чтобы на основе соединения, казалось бы, противоположных по содержанию исследовательских программ разработать более общую ... теорию, отражающую изменения, произошедшие в экономике, результаты новейших теоретических исследований, а также все позитивное, что содержится в предшествующих концепциях» (Никифоров, 2014).

Конечно, с одной стороны, теория сама по себе является формой, информационной моделью синтетического знания, поскольку она синтезирует в одно целое отдельные понятия, гипотезы и законы по поводу определенных процессов. С другой стороны, в ходе развития одних теорий могут возникать процессы синтеза с другими теориями, концепциями, доктринами, предлагающими альтернативное объяснение изучаемых феноменов, что мы и подразумеваем здесь под теоретическим синтезом. Теоретический синтез фиксирует такой этап развития научного знания, когда в ходе интеграции существующих представлений и новых доктрин, концепций и идей в науке происходит существенное, этапное переосмысление принятых ранее теоретико-методологиче-

ских положений с учетом новых доступных науке данных⁴. В общественных науках новые данные связаны, как правило, с появлением (распространением) социально-экономических феноменов, которые ранее или не наблюдались, или не имели массового характера, или не предвиделись.

Поэтому закономерно, что в экономической теории синтез происходит обычно тогда, когда приверженцы разных аналитических схем осознают их слабую объяснительную и прогностическую силу, т. е. недостаточную адекватность, для понимания постоянно усложняющейся экономической реальности. Тогда они объединяют усилия для поиска новых теоретических рамок, что подробнее будет показано в монографии при исследовании различных видов синтеза далее.

Итак, теоретический синтез, или этапный синтез в теоретическом научном знании, означает согласование различных подходов и/или концепций, которые до того, возможно, конкурировали друг с другом (Садовский, 2001). Когда между конкурирующими концепциями, моделями или доктринами достигается взаимоприемлемый консенсус по основным теоретическим и содержательным вопросам, а также происходит «прекращение методологической борьбы» (Вудфорд, 2010. С. 18) и достигается «методологический консенсус», имеет место теоретический синтез, который фиксирует достигнутое взаимопонимание и открывает дорогу для развития нового теоретического направления.

Конечно, такого рода синтез в экономической теории — не уникальное явление, он имеет место и в других дисциплинах, в частности в области естественных и точных наук. В качестве примера можно привести современный эволюционный синтез (англ. modern synthesis; neo-Darwinian synthesis) в биологии, означавший переосмысление ряда положений классического дарвинизма с позиций генетики начала XX в. Выявление дискретной природы наследствен-

4. Неслучайно моменты такого синтеза рассматриваются как важные этапы для понимания и объяснения направлений эволюции различных направлений науки (Нехода, Кушинова, 2012. С. 125).

ности и развитие теоретической популяционной генетики позволили обеспечить учению Дарвина прочный генетический фундамент на новом уровне развития науки (Воронцов, 1980). Современная синтетическая эволюционная теория, являясь синтезом прежде всего генетики и дарвинизма, также опирается на палеонтологию, систематику, молекулярную биологию и другие дисциплины.

Еще одним характерным примером теоретического синтеза в естественных науках служат достижения современной физики. Закрепившееся в ней понятие квантового поля возникло в результате синтеза представлений о классическом поле и частицах, что позволило разрешить методологическую дилемму корпускулярно-волнового дуализма классической физики. В рамках новой квантовой физики (частью которой стала квантовая теория поля) была обоснована связь явлений на уровне микромира с их последствиями на уровне макромира (Ширков, Казаков, 2009).

В развитии математических дисциплин также постоянно происходит теоретический синтез. Например, мы видим его в геометрии, где на основе интеграции геометрии Евклида с гиперболической геометрией Лобачевского и эллиптической геометрией Римана возникло направление, известное сегодня как общая Риманова геометрия⁵.

И в естественных, и в точных, и в социальных науках для осуществления теоретического синтеза необходимы определенные предпосылки. Рассмотрим их применительно к экономике.

1.2. Предпосылки теоретического синтеза в экономике

Каждый раз задача теоретического синтеза состоит в улучшении объяснительных и прогностических возможно-

5. «...риманова геометрия возникла на основе синтеза и обобщения трех идей, выдвинутых в развитии геометрии. Первой явилась идея о возможности геометрии, отличной от евклидовой; второй было понятие о внутренней геометрии поверхностей; третьей – понятие о пространстве любого числа измерений (*Математика, ее содержание, методы и значение*, 1956. С. 159)

стей экономической теории. Какие факторы и предпосылки способствуют такого рода синтезу? Отметим три наиболее важных, на наш взгляд, аспекта — практический, внутринаучный и методологический.

Начнем с **практического** фактора. Как известно, «нет ничего практичнее хорошей теории». Потому что хорошая теория дает адекватные объяснения того, как происходят самые разные процессы, и тем самым помогает практическим людям управлять этими процессами. Однако для экономистов справедливо и дополнительное утверждение — «нет ничего лучше для теоретического развития, чем практика». Неслучайно историки экономической мысли (среди них В. С. Автономов, О. И. Ананьин, У. Баумоль, М. Блауг, Н.А. Макашева, А.Г. Худокормов и др.) связывают появление новых синтетических схем со спровоцировавшими их изменениями в экономической жизни, с вызовами реальной практики и необходимостью создания «новой теории для изменившегося мира» (*История экономических учений...*, 2002. С. 481). Так, убедительный анализ связи между кризисами производства и кризисами в экономической теории, которые требовали пересмотра теоретических основ и формирования обновленных концепций, представлен в (*Худокормов*, 2009. С. 360–362). О связи изменений в экономической теории с экономической практикой также подробно писали Г.Б. Клейнер (*Клейнер*, 2017) и А.А. Мальцев (*Мальцев*, 2017). В последующих главах данная связь будет продемонстрирована более детально. Так, в главе 2 при анализе причин и парадоксов неоклассического и нового неоклассического синтеза будет показано, какими возникшими экономическими явлениями они были вызваны и как, в свою очередь, способствовали разрешению противоречий при объяснении этих новых экономических процессов.

Таким образом, потребность объяснить новые феномены экономической реальности и дать соответствующий теоретический ответ служит первой предпосылкой каждого нового синтеза в экономической теории. Сюда мы относим

и потребности эффективного управления экономическими процессами⁶, которые требуют постоянной адаптации экономической теории к меняющейся практике и тем самым стимулируют запрос на новые теоретические экономические разработки.

Однако только вызовы практики, какими бы настоятельными они ни были, сами по себе не приведут к становлению новых синтетических концепций. К этому должна быть готова сама наука, что предполагает наличие в ней конкурирующих теоретических схем для объяснения новых фактов и их активное дискутирование. Мы называем это **внутри-научным** аспектом становления теоретического синтеза в экономике. Разнообразие научных концепций, создание условий для их свободного и широкого обсуждения, активные научные дискуссии, в том числе по поводу альтернативных точек зрения, таким образом, есть вторая предпосылка, необходимая для становления теоретического синтеза. В главе 2 мы подробно покажем роль данной предпосылки в истории первого и второго синтеза в неоклассической экономической теории. И наоборот, в главе 4 на примере истории политической экономии социализма в СССР можно будет увидеть, как отсутствие достаточных условий для такого рода дискуссий привело к отсутствию необходимого прогресса в экономической науке того периода.

Однако, наряду с рассмотренными выше факторами становления теоретического синтеза, а именно — потребностями практики и необходимым концептуальным разнообразием в самой науке, — также важна третья предпосылка, без которой, на наш взгляд, синтез вряд ли возможен. Это третья из обозначенных нами предпосылок — **методологическая**. Каждый раз синтез связан с обновлением методологической программы экономической теории, такое обновление становится «момен-

6. Во второй части монографии будут рассмотрены примеры теоретического синтеза в экономической науке «под запросы» экономической практики. В свою очередь, сама экономическая политика носит все более синтетический характер, опираясь на современные теоретические достижения экономистов.

том истины» для дисциплины, которая «не может смириться с собственной неразвитостью» (Carrigan, 2014).

Речь идет об артикуляции обобщающей обновленной методологии, знаменующей отмеченное выше «прекращение методологической борьбы» и формирование «методологического консенсуса». Таким образом, разрешается определенная методологическая дилемма, которая существовала в той или иной дисциплине до теоретического синтеза, т.е. противоречие в исследовательских подходах, не позволяющее привить новые концепции к стволу «традиционной» науки или соединить синтезируемые дисциплины между собой. Разрешением этого противоречия служит формирование и признание обновленной методологической рамки для дальнейших исследований, которая вбирает в себя преимущества и сильные стороны (сильные с точки зрения объяснения существующих фактов) каждой из участвовавших в синтезе концепций. Как правило, эта методология включает в себя основные поддерживаемые сторонниками каждого нового синтеза предпосылки, общие взгляды на связи между экономическими феноменами и очень часто также совокупность характерных математических моделей и экономико-математических методов. В главе 5 будет представлен один из недавних примеров такого модельного синтеза двух экономических теорий, а именно теории переключающегося режима воспроизводства и теории длинных волн. Математические модели и расчеты позволяют логически обосновать и уточнить выделяемые теоретиками функциональные взаимосвязи, а также проверять выводы и прогнозы, базирующиеся на общих методологических предпосылках.

Как и в случае с первыми двумя факторами, подробнее о роли методологического фактора будет сказано в последующих главах. Так, в главе 2 мы покажем, как общность методологических предпосылок способствовала реализации неоклассического и нового неоклассического синтеза, а также какое значение она имела для развития неоклассической теории мейнстрима в целом. В главе 4 мы зафиксируем феномен

«застывшей методологии» в политической экономии социализма, что стало тормозом необходимого теоретического синтеза для советского обществоведения и развития научного знания, из-за которого оно перестало быть «реальной производительной силой». В главе 8 будут проанализированы особенности развития междисциплинарной методологии в ходе теоретического синтеза в экономике.

Отмеченные факторы и предпосылки формируют разновидности теоретического синтеза, которые мы можем наблюдать в ходе развития экономической теории.

1.3. Разновидности теоретического синтеза в экономике

Классификацию разновидностей теоретического синтеза можно выполнить по различным основаниям. Мы остановимся на тех основаниях и разновидностях, которые подробно рассмотрены в настоящей монографии, хотя и покажем их в более широком контексте.

1. Во-первых, в экономической теории (как и в других направлениях науки) синтез отличается *представленностью и охватом научных дисциплин*, т. е. он может носить как внутрдисциплинарный, так и междисциплинарный характер⁷.

При **внутрдисциплинарном** синтезе, замкнутом внутри экономической дисциплины, речь идет о взаимодействии различных экономических доктрин и концепций. Примерами такого синтеза могут служить неоклассический синтез 1940–1960-х годов и новый неоклассический синтез 1990-х годов в рамках неоклассической экономической теории, которые стали важными этапами в развитии ортодоксального экономического мейнстрима. Первый теоретический синтез стал реакцией экономической теории на Великую депрессию, которая показала неадекватность предположений о роли рынка как исчерпывающего экономиче-

7. Об особенностях внутрдисциплинарного и междисциплинарного синтеза см., например: (Проволович, 2021; Орехов, 2018).

ского регулятора. В результате в основание неоклассической теории, построенной на основе маршаллианских идей, были включены положения доктрины Дж. М. Кейнса о необходимости государственных интервенций для сглаживания циклического развития капиталистической экономики. Второй (или новый) неоклассический синтез возник как ответ экономической теории на не известное ранее явление стагфляции, когда стагнация экономики и рост инфляции происходили одновременно. Для его объяснения возникло новое теоретическое направление, объединившее представления из теории реального делового цикла с методами моделирования новой макроэкономики и принявшее к тому же гипотезу рациональных ожиданий экономических агентов. Разработанные в его рамках динамические стохастические модели общего равновесия оказались более адекватными для анализа условий и факторов экономического роста (подробнее о неоклассическом и новом неоклассическом синтезе – в следующей главе 2).

В качестве нарождающегося внутридисциплинарного синтеза некоторые авторы предлагают рассматривать поведенческую макроэкономику, где происходит синтез оптимизационных моделей «новых кейнсианцев» с концепциями поведенческой экономики. Это позволяет трактовать данную программу как очередной «новый синтез» (Никифоров, Антипина, 2016; Миклашевская, Антипина, Никифоров, 2018).

Известны и более частные случаи внутридисциплинарного экономического синтеза. Примером может послужить «концепция валютного замещения», которую ее авторы позиционируют как синтез теории спроса на деньги и теории валютных курсов: «Концепция валютного замещения является примером не просто параллельной эволюции, а синтеза теории спроса на деньги и теории формирования валютных курсов» (Кадочников, 2012. С. 107). Феномен валютного замещения (currency substitution) отражает тот факт, что «агенты, формирующие свой спрос на деньги (в том числе транзакционный), рассматривают в качестве таковых не

только отечественные деньги, но и зарубежные» (Кадочников, 2012. С. 106). Отмеченный синтез позволил выстроить более адекватные теоретические рамки, учитывающие более широкий набор характеристик экономической системы. Как пишет Д. Кадочников, в свое время обращение экономистов к понятию валютного замещения «отразило интеграцию в теорию денег (прежде всего в теорию спроса на деньги) аргументации портфельной теории, развивавшейся в рамках теории финансов, что позволило перейти от моделирования (часто неявного и неосознанного) спроса на деньги в закрытой экономике к исследованию открытой экономики» (Кадочников, 2012. С. 107). См. также: (Thomas, 1985; Rogers, 1992)). При этом отмечается важная роль методологических предпосылок в осуществлении данного синтеза, поскольку он стал возможным благодаря «общности теоретико-методологических основ теории спроса на деньги и теории валютных курсов и их влияния друг на друга» (Кадочников, 2012. С. 96). Действительно, теория спроса на деньги создает методологическую основу структурных моделей, к которым относится и теория валютных курсов, т.е. они оказываются генетически связанными.

Междисциплинарный синтез имеет место, когда речь идет о взаимодействии экономики с другими дисциплинами. Он предполагает объединение различных типов дисциплинарного знания, главной целью которого является достижение эффективного научного результата. В последнее время данный вид синтеза, ориентированный на установление междисциплинарных связей, начинает рассматриваться как путь, который весьма перспективен и для развития экономической науки «самой по себе». В свое время на это указывал гетеродоксальный экономист Д. Фули: «Постоянный диалог между... исследователями и учеными, работающими над схожими задачами в различных научных дисциплинах, станет лучшей гарантией открытой, критической дискуссии в экономической науке» (Фули, 2012. С. 94).

Междисциплинарный синтез означает выход за пределы собственно экономической теории. Именно поэтому

его чаще можно наблюдать в гетеродоксальной экономике, которая активно сотрудничает с социологией, политологией, психологией и естественными науками. В составе гетеродоксальной экономики представлены такие «синтетические» направления, как феминистская экономика, экологическая экономика, институциональная экономика⁸, экономическая физика, эволюционная экономика, социальная экономика и др., в которых экономические процессы рассматриваются во взаимосвязи (и в контексте) с социальными и природными процессами.

Результатом междисциплинарного синтеза в экономической теории является также развитие стыковых дисциплин. Наиболее известными, пожалуй, являются нейроэкономика, которая возникла на пересечении предметов экономической теории, нейробиологии и психологии; «правовая экономика» (Law and Economics), в которой методы неоклассической теории используются для анализа законодательства; конституционная экономика (Constitutional Economics), возникшая на стыке экономики и конституционализма. Теория общественного выбора также рассматривается в качестве примера междисциплинарного синтеза неоклассической экономической теории с элементами социологических и психологических теорий (Канозов, 2012).

В главе 6 монографии представлен оригинальный вариант междисциплинарного синтеза при формировании современной программы постинституционализма. Речь идет о расширенной теории трансплантации институтов, которая предлагает интегративную концептуальную и методологическую рамку изучения трансплантационных процессов разного типа и масштаба в их реальной сложности, т.е. речь идет о междисциплинарном сложностно-ориентированном синтезе.

Некоторые специалисты полагают движение к междисциплинарному синтезу магистральным путем развития

8. См. код B5 — Current Heterodox Approaches в классификации JEL (Journal of Economic Literature codes).

экономической теории (и не только в ней)⁹. «В долгосрочном периоде экономическая наука будет в той же мере определяться социологией и философией науки и взаимодействиями, которые определяют внутренний консенсус, как и отдельными методами или теоретическими подходами» (Фоули, 2012. С. 94). Этот вывод, сделанный десятилетие назад, подтверждается новейшими примерами междисциплинарного синтеза в экономике, представленными в главе 8.

В то же время обсуждаются и риски междисциплинарного синтеза, поскольку в его результате может происходить размывание предметов участвующих в них дисциплин и потеря дисциплинарной специфики. Так, мультидисциплинарный характер современной гетеродоксальной экономики приводит к тому, что она зачастую исключается из программы курсов по экономике. В этих условиях, как пишет канадский гетеродоксальный экономист Марк Лавуа, «единственным способом сохранить многообразие теоретических парадигм, эмпирических инструментов и единство с другими социальными дисциплинами является... перенос департаментов гетеродоксальной экономической теории на факультеты свободных искусств, социальных наук или в школы общественных и международных отношений» (Lavoie, 2015. P. 22, 26. Цит. по: (Мальцев, 2018. С. 163)).

2. Во-вторых, основанием классификации разновидностей теоретического синтеза может выступать *характер взаимодействия участвующих в нем концепций и дисциплин*.

Такое взаимодействие может носить неравноправный характер, и тогда говорят о **«непаритетном взаимодействии»** направлений или дисциплин, вовлеченных в теоретический синтез. Непаритетное взаимодействие обозначают формулой либо «методологического империализма», либо «методологической вассальности» (Орехов, 2018. С. 92; также см.: (Браславский, 2014. С. 22)). Такое явление может возни-

9. Прагматическим выражением данного подхода служит политика грантового финансирования и поддержки научных исследований в ряде стран, в том числе в России: междисциплинарные проекты уже многие годы являются фаворитами этой политики.

как в ходе внутродисциплинарного синтеза, так и при междисциплинарном синтезе.

Так, на непаритетный характер взаимодействия между маршаллианской неоклассикой и кейнсианской доктриной в ходе внутродисциплинарного неоклассического синтеза указывали многие экономисты. Их мнение обобщил Л. Харрис, когда написал, что «та интерпретация, которой подверглась работа Кейнса, сделала его модель... сходной с неоклассической теорией цены (микроэкономикой) и неоклассической количественной теорией» (Харрис, 1990. С. 402).

Междисциплинарный синтез также может носить непаритетный характер. Множество концепций, возникших в ходе теоретического синтеза неоклассической теории с иными социальными науками, характеризуют как результат такого непаритетного взаимодействия. Для его обозначения даже возник широко известный термин «экономический империализм». Он означает экспансию ортодоксальной экономической теории в смежные области общественнознания (социологию, политологию, историю, право и др.), предполагающую использование неоклассической методологии и свойственных ей моделей — как логических, так и экономико-математических, для объяснения происходящих за пределами экономической жизни процессов, причем зачастую без учета их специфики. В определенной мере это справедливо и для представленных выше примеров стыковых дисциплин — нейроэкономики, «правовой экономики», конституционной экономики и др.

В частности, в качестве еще одного примера такого непаритетного взаимодействия иногда рассматривают поведенческую экономику — результат синтеза микроэкономики и психологии (Пескова, Ковалевская, 2016). Поведенческая экономика, которая изначально была направлена на исследование нерационального поведения экономических агентов, вызванного их психологическими особенностями, со временем прочно встроилась в неоклассику, трактуя «иррациональность как специфический случай рациональности» (Томас Сарджент, цит по: (Skidelsky, 2020. P. 12)). Поэтому она наследует пред-

ставление об экономике как о сумме индивидуальных выборов, что приводит «к одному из величайших недостатков экономической неоклассической теории — ее неспособности понять природу социального мира» (Капелюшников, 2013. С. 12)¹⁰.

Взаимодействие между концепциями в ходе теоретического синтеза может происходить также на основе **«равноправного сотрудничества»** (Орехов, 2018). Его целью является конструирование общего универсального знания, полученного в ходе диалога и предъявления достижений каждой из наук (концепций, доктрин, теорий). Так, при междисциплинарном синтезе совмещение этих достижений происходит не на основе методологического подстраивания к ведущей дисциплине (как это происходит в ходе непаритетного взаимодействия), но на основе «языка» общих трансдисциплинарных систем, т.е. систем более высокого (мета) уровня по отношению к тем дисциплинам, которые участвуют в синтезе. Этот язык, разделяемый представителями разных дисциплин, обеспечивает платформу для их диалога и паритетного взаимодействия. Среди таких метасистем можно выделить системную парадигму, теорию самоорганизации, теорию информации, теорию катастроф (Браславский, 2014), теорию игр (Орехов, 2018). В этом же ряду находятся, по-видимому, теория эволюции и теория коммуникации. Пример такого междисциплинарного психолого-экономико-социологического синтеза на основе равноправного сотрудничества представлен в главе 8. Платформой для равноправного диалога участвовавших в нем дисциплин стала системная парадигма.

Следование общей парадигме на основе «равноправного сотрудничества» является необходимым условием как для внутродисциплинарного, так и междисциплинарного синтеза, поскольку создает возможности стыковки языков теоретиче-

10. Само отношение к поведенческой экономике как теоретическому синтезу продолжает оставаться неоднозначным. Если одни авторы считают теорию поведенческой экономики «революцией» в развитии современной экономической мысли (Costa-Font, 2011), то другие — лишь «реестром разрозненных эмпирически наблюдаемых психологических феноменов» (Капелюшников, 2013. С. 52), фактически отказывая ей в теоретическом статусе.

ских описаний. Например, экономисты разных направлений или приверженцы неодинаковых концепций могут говорить на общем для них языке или институционально-эволюционной теории, или системной парадигмы, или теории информации, что позволяет им поддерживать «коммуникацию, которая является одним из условий развития научного знания» (Дудина, 2001. С. 12)¹¹. Также возможность междисциплинарного синтеза основывается на предпосылках разделяемой участниками синтеза обобщенной картины предмета исследования, по отношению к которой отдельные дисциплинарные картины предстают в качестве взаимо-содействующих компонентов. Взаимосодействие организовано на основе уже упомянутого общего теоретического языка (языка трансдисциплинарных систем), при этом каждая из дисциплин одновременно сохраняет свой специфический язык и методическое обеспечение (Augsburg, 2005. P. 56).

3. Третьим основанием классификации разновидностей теоретического синтеза могут служить *структурные элементы* синтезируемых теорий. Поскольку любая теория как система знаний имеет сложную структуру, то подходы к выделению «списка» ее структурных элементов неоднозначны. Например, говорят о следующих элементах теории: объект, предмет, методология, а также понятийное поле (терминология), которое задает характерную для той или иной теории (концепции) риторику. При ином подходе методологи науки выделяют следующие основные структурные элементы теории: исходные основания — фундаментальные понятия, принципы, законы, уравнения, аксиомы и т.п.; идеализированный объект¹², который представляет собой абстрактную модель существенных свойств и связей изучаемого объекта; логику теории, т.е. совокупность

11. Подробнее об этом см.: (Орехов, 2018. С. 93).

12. Собственно структура научных теорий содержательно «определена системной организацией идеализированных (абстрактных) объектов (теоретических конструктов). Высказывания теоретического языка непосредственно формулируются относительно теоретических конструктов и лишь опосредованно, благодаря их отношениям к внеязыковой реальности, описывают эту реальность» (Степин, 2000. С. 707).

определенных правил и способов доказательства (Кохановский и др., 2003). Соответственно, по каждому из отмеченных (и не отмеченных здесь) структурных элементов теорий возможен синтез между разными конкретными теориями.

Конечно, необходимо обратить внимание на некоторую условность разделения видов синтеза в зависимости от того, какой структурный элемент теории будет положен в основу классификации. Теория, как известно, представляет собой взаимосвязанное единство своих структурных элементов. Зачастую представление о предмете или объекте связано с методологией, которая развивается для их анализа, а набор исходных предположений теории в значительной мере задает идеализированный объект. Поэтому иногда непросто обозначить структурные основания синтеза. Тем не менее, при всей условности предложенного основания классификации можно, как правило, выделить один из набора структурных элементов теории, который в наибольшей мере способствует синтезу концепций.

Ввиду многообразия представлений о структурных элементах теорий невозможно представить исчерпывающий перечень всех возможных разновидностей такого рода синтеза. Однако некоторые виды синтеза, проанализированные в монографии, являются репрезентантами данной классификации.

Так, можно вести речь о синтезе двух или более теорий «по объекту» — и тогда имеет место объектный, или **онтологический, синтез**¹³. В главе 9 монографии представлен теоретический синтез такого рода. Онтологическим основанием синтеза теории переключающегося режима воспроизводства и теории институциональных X-Y-матриц, первые итоги которого рассмотрены в девятой главе, является общий для них теоретический объект исследования, а именно — закономерности воспроизводства (социально)-экономических систем. Поэтому, несмотря на то что первая из теорий является процессной, а вторая — структурной, становится возможным их синтез. Другими примерами синтеза подобного

13. О роли разработки онтологических оснований экономической теории см. (Болдырев, 2008).

рода служат «институциональный синтез», представленный в главе 4, и сложностно-ориентированный синтез, описанный в главе 6. С точки зрения представленности и охвата научных дисциплин (первого основания классификации разновидностей теоретического синтеза) оба из них относятся к классу междисциплинарного синтеза, а по структурным элементам теорий – к онтологическому (объектному) синтезу.

Другая разновидность синтеза в данной классификации – **методологический синтез**. Неоклассический и новый неоклассический синтез являются наиболее известными вариантами такого синтеза. Как сказано в главе 2, сама возможность их осуществления обусловлена сохранением опоры на основополагающий методологический принцип – принцип методологического индивидуализма (подробнее об этом см.: *Кирдина-Чэндлер, 2021. С. 43*).

Рассмотренная выше «концепция валютного замещения», возникшая в результате синтеза теории спроса на деньги и теории валютных курсов, еще один пример методологического синтеза. Как отмечали исследователи данной концепции, именно общая методологическая основа обеих теорий обеспечила генетическую преемственность используемых в них моделей и возможность синтеза (*Кадочников, 2012. С. 96*).

Еще одним вариантом методологического синтеза являются разработки на основе энтропийного подхода, представленные в главе 8. Опора на общую «энтропийную методологию», подразумевающую рассмотрение экономических систем разного уровня как динамичных открытых диссипативных систем с обратной связью и управляющей подсистемой, позволяет осуществлять различные формы внутридисциплинарного (в рамках экономической теории) и междисциплинарного синтезов с разной степенью успешности¹⁴.

14. Данный пример служит хорошей иллюстрацией отмеченной выше условности рассматриваемой классификации разновидностей синтеза на основе структурных элементов теории, поскольку в данном случае можно говорить и о том, что эти разработки на основе энтропийной методологии объединяет также общность идеализированного объекта, его абстрактной модели в виде динамичных открытых диссипативных систем с обратной связью.

Третья разновидность синтеза в рамках данной классификации, вариант которого представлен в монографии, это **предметный синтез**. Речь идет о синтезе теорий, которые работают с одним конкретным предметом, хотя и работают по-разному. Так, в главе 3 проанализированы возможности и трудности синтеза теоретических концепций разных периодов времени, общим предметом которых была проблема производительного и непроизводительного труда. В основе исследования лежит известная гегелевская триада «тезис—антитезис—синтез». Использование логики диалектической триады Гегеля оказалось особенно плодотворным при историко-хронологическом исследовании модификации предметов исследуемых теоретических концепций, поскольку позволило понять, как определялась, артикулировалась и решалась эта проблема в экономической теории, а также дать ответ на вопрос, состоялся ли необходимый теоретический синтез в исследованиях производительного и непроизводительного труда и насколько удалось (и удалось ли) разрешить отмеченное в этой сфере противоречие.

Подведем итог: несмотря на разновидности теоретического синтеза в экономике, в них решаются схожие задачи. Они состоят в обновлении экономической теории, адекватной вызовам реальной практики и отвечающей потребностям объяснения экономических процессов и управления ими. Роль теоретического синтеза, независимо от той разновидности, в какой он представлен, состоит том, чтобы перенастраивать научные направления в соответствии с общественными запросами и обеспечивать своевременное реагирование экономических теорий на происходящие в обществе изменения. В следующих главах мы покажем, как это происходит и насколько успешно.

Глава 2

ПАРАДОКСЫ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО И НОВОГО НЕОКЛАССИЧЕСКОГО СИНТЕЗА¹⁵

«В любой науке должно быть здоровое
равновесие между абстрактной общностью
и полнокровной конкретностью».

Георгий Александров

Введение

Неоклассический синтез 1940–1960-х годов и новый неоклассический синтез 1990-х годов являются, пожалуй, наиболее известными примерами теоретического синтеза в экономике. В свое время они стали важными этапами в развитии ортодоксальной экономической теории¹⁶. Их достижениями являются имплементация в неоклассическую теорию актуальных идей для создания «новых теорий для изменяющегося мира». Поскольку достижения каждого синтеза хорошо известны, в данной главе мы сконцентрируемся преимущественно на свойственных им ограничениях и связанных с ними парадоксах.

Что мы понимаем под парадоксами неоклассического и нового неоклассического синтеза в экономической теории? Дело в том, что обычно в ходе теоретического синтеза, как было отмечено в главе 1, происходит усиление объяснительных и прогностических возможностей новой синтетической теории или подхода по сравнению с теми, которые «синтезировались». Другими словами, после синтеза возникшее теоре-

15. Глава подготовлена на основании статьи: (Кирдина-Чэндлер. 2021).

16. Здесь и далее «ортодоксальная экономическая теория», «экономическая ортодоксия», «современная неоклассическая экономическая теория», «неоклассика», «неоклассическая ортодоксия», «экономический мейнстрим» употребляются как синонимы.

тическое направление позволяет лучше увязать и объяснить то, что раньше такого объяснения не имело. Если же в ходе синтеза объяснительные возможности новой теоретической схемы, концепции или направления сохраняют прежние ограничения и не достаточны для разрешения теоретических коллизий и получения адекватных ответов на вызовы практики, то синтез, по-видимому, не в полной мере смог решить поставленную задачу. Такую ситуацию можно обозначить как парадокс (от др.-греч. *παράδοξος* — неожиданный, странный). Причины такого рода парадоксов исследованы, на наш взгляд, недостаточно. Однако они важны для понимания ограничений и перспектив развития неоклассической экономической теории.

В данной главе мы попробуем рассмотреть гипотезу о противоречивой роли методологических предпосылок экономики мейнстрима при осуществлении неоклассического и нового неоклассического синтеза. С одной стороны, строгие (и одновременно довольно жесткие) методологические основания экономической ортодоксии определяют каждый раз возможность синтеза, методологическое категориальное ядро (*hard core*) неоклассики служит основной платформой для его осуществления. Если опереться на классификацию разновидностей теоретического синтеза, представленного в первой главе, то неоклассический и новый неоклассический синтез являются примерами внутридисциплинарного методологического синтеза. С другой стороны, парадоксальность ситуации состоит в том, что одновременно методологический фактор выступает ограничением при решении постоянно дискутируемых проблем ортодоксальной теории. Мы предполагаем, что именно жесткость методологического ядра не позволила улучшить прогностические возможности неоклассической теории, сделать ее модели менее абстрактными и учесть необходимый социальный и материально-природный контекст, а также разрешить проблему «классической дихотомии» ни в ходе неоклассического, ни нового неоклассического синтеза. Более того, особенности методологии в значительной мере

усиливают идеологизацию неоклассики, ее заикленность на микрооснованиях и сохранение оптимизационной математики равновесных моделей. В современных условиях, существенно отличающихся от тех, когда окончательно сформировалось методологическое ядро неоклассики (середина XX в.), следование ее постулатам становится ограничением плодотворного развития ортодоксальной экономической теории.

2.1. Предпосылки и результаты неоклассического и нового неоклассического синтеза

Излагая особенности каждого синтеза, мы будем следовать логике, обозначенной в первой главе. Поэтому сначала мы проанализируем предпосылки, которые обусловили становление неоклассического и нового неоклассического синтеза. Среди них, во-первых, запросы практики, во-вторых, наличие новых идей и творческих дискуссий в научном сообществе, в-третьих, методологический аспект.

Итак, первой предпосылкой каждого нового синтеза в экономической теории выступает потребность объяснить новые феномены экономической реальности и дать соответствующий теоретический ответ.

Действительно, исследователи неоклассического синтеза и нового неоклассического синтеза постоянно обращают на это внимание. Так, формирование *неоклассического синтеза*, известного сначала как «кейнсианский», а ныне как «самуэльсоновский» (*Samuelson, 1955*) синтез, повсеместно связывают с ответом экономической теории на мировой кризис 1929 г. и Великую депрессию. Этот кризис опроверг центральную концептуальную идею неоклассиков об эффективности стихийного рыночного регулирования капиталистической экономики без государственного вмешательства и потребовал новых теоретических обоснований.

Соответственно, потребность в *новом неоклассическом синтезе* также была спровоцирована ударами извне, т. е. сигналами самой экономики. Таким ударом стал новый экономический феномен, не имевший объяснений в рамках орто-

доксальной экономической теории после неоклассического синтеза. Этот феномен — стагфляция, когда экономический спад и депрессивное состояние экономики (*стагнация* при увеличении безработицы) и рост цен — *инфляция*, — происходили одновременно. «Речь шла о совершенно новом явлении в цикле, когда в фазе кризиса цены вместо того, чтобы падать, наоборот повышаются. Впервые это произошло в кризисе 1973–1975-х годов... Борясь со спадом традиционными кейнсианскими методами, власти только усугубляют инфляцию; борясь с инфляцией, усугубляют спад» (Меньшиков, 2007. С. 324). Эту ситуацию интерпретировали как кризис кейнсианского регулирования экономики (Там же), что потребовало, соответственно, ревизии экономической теории и нового синтеза. «Стагфляция 70-х годов была для кейнсианской теории тем же, чем Великая депрессия — для классической ортодоксии» до нее (Tobin, 1996. P. 6. Цит. по: (Маневич, 2008. С. 6)).

Вторая предпосылка, которая обусловила возможности синтеза, связана с внутринаучными факторами и предполагает необходимый уровень новых разработок и дискуссий по их поводу.

Действительно, накануне неоклассического синтеза в 1920–1930-е годы в западных странах, где господствовала неоклассическая теория, в ее рамках шли интенсивные научные дискуссии об экономической динамике и политике стабилизации со множеством объяснений циклов и депрессий. «Общая теория занятости, процента и денег» английского экономиста Дж. М. Кейнса (Keynes, 1936) была им противопоставлена. Вызванная публикацией данной книги «кейнсианская революция» спровоцировала множество откликов ряда ученых. Первые попытки соединить идеи Кейнса с господствовавшей неоклассической доктриной (подробнее об этом см.: (Trautwein, 2014)) были представлены уже через год после опубликования его книги, прежде всего в работах Хикса (Hicks, 1937), Лундберга (Lundberg, 1937) и Хаберлера (Haberler, 1937). При этом характерное отношение неоклассиков к претендовавшей на всеобщность теории Кейнса

выразил его соотечественник Джон Р. Хикс, автор модели IS-LM. Он толковал теорию Кейнса не как новую *общую теорию*, а как частный случай неоклассической теории, применимый в условиях глубокой депрессии (Маневич, 2008. С. 4). Последовавшие затем работы Ф. Модильяни (Modigliani, 1944), Э. Хансена (Hansen, 1949), П. Самуэльсона, Д. Патинкина (Patinkin, 1956), Дж. Тобина (Tobin, 1958) и др. по адаптации и развитию идей Кейнса в совокупности сформировали известный «Великий неоклассический синтез», который был декларирован П. Самуэльсоном в 1950-х годах. Он опубликовал основные его положения в учебнике 1948 г. (Samuelson, 1948) и уточнял в дальнейших переизданиях в 1950–1960-х годах, в том числе с учетом отмеченных выше работ.

Сутью *неоклассического синтеза* стало соединение в новой доктрине кейнсианских идей для анализа экономики в краткосрочном периоде и неоклассических — в долгосрочной перспективе. Другими словами, было принято, что коррекция экономики в краткосрочном периоде может быть достигнута на основе мероприятий государственной налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, но при этом сохранилось признание того, что равновесие в долгосрочной перспективе достигается без необходимости государственного вмешательства (Policonomics, 2021). Или, как писал Самуэльсон, неоклассическая теория эффективного распределения ресурсов «вступает в свои права», как только кейнсианское макроэкономическое управление денежным спросом ликвидирует вынужденную безработицу и инфляцию (Samuelson, 1955. P. vi).

Если мы обратимся к предыстории *нового неоклассического синтеза*, то увидим, что он также стал возможным в результате многочисленных научных дискуссий, обострившихся в 1970-е годы. Основная полемика велась тогда вокруг закономерностей экономической динамики, поскольку Кейнсу и его последователям так и не удалось создать целостной теории цикла (Довбенко, Осик, 2011).

Это не позволяло исследовать причины отмеченной выше стагнации и предлагать эффективные меры экономической политики. Также было выявлено внутреннее теоретическое противоречие неоклассического синтеза. Оно заключалось в том, что вальрасовская микроэкономика с равновесием рынков и общим равновесием не может полноценно агрегироваться в кейнсианскую макроэкономику, где рынки не приходят к равновесию. Поэтому во второй половине XX в. внутри самой макроэкономики (порожденной неоклассическим синтезом) стали возникать новые направления, конкурировавшие друг с другом. Наряду с неокейнсианством (Д. Хикс, П. Самуэльсон, Ф. Модильяни) в 1950-е годы начал развиваться монетаризм, основоположником которого был М. Фридман. Затем в 1970–1980-е годы получила известность новая классическая макроэкономика, которая включала в себя модели реального делового цикла и базировалась на гипотезе о рациональных ожиданиях, фактически отказавшись от идей Кейнса о «выборе» между инфляцией и безработицей даже в краткосрочном периоде (Р. Лукас, Т. Сарджент, Дж. Мут, Э. Прескотт, Л. Рэппинг). В 1980-е годы с ними вступили в полемику новые кейнсианцы, попытавшиеся в очередной раз совместить кейнсианскую макроэкономику с микроэкономикой и предполагавшие не гибкие, как у новых классиков, а жесткие зарплаты и цены, что не позволяет таким ценам «расчищать» рынки (Г. Мэнкью, Д. Ромер, Дж. Стиглиц, С. Фишер, О. Бланшар). Также в 1980-е годы появились так называемые новые теории роста, в том числе теории эндогенного роста (П. Ромер, Р. Лукас, С. Ребело, Л. Петронеро), предложившие свои объяснения экономической динамики.

Итогом отмеченного разнообразия подходов и моделей, а также активных дискуссий между их сторонниками и оппонентами стал *новый неоклассический синтез* 1990-х годов (подробнее о его становлении и характеристиках см. *Goodfriend, King, 1997; Woodford, 2009; Вудфорд, 2010; Laffargue, Malgrange, Morin, 2012*). Это направление объединило представления реального делового цикла, гипотезу

рациональных ожиданий и некоторые методы моделирования из новой классической макроэкономики с представлениями о номинальных жесткостях и прочих несовершенствах рынка из нового кейнсианства, включая его идеи о том, что монетарная политика может стабилизировать экономику. В ходе нового неоклассического синтеза теория реального делового цикла была доработана до динамических стохастических моделей общего равновесия (DSGE-модели) с репрезентативным агентом. Стохастический элемент в этих моделях генерируется шоками в экономике, воздействующими как на спрос, так и на предложение. Сегодня эти модели стали одними из наиболее массовых в неоклассическом экономическом мейнстриме и получили широкое распространение не только в научных кругах, но также используются в деятельности ряда центральных банков¹⁷ и институциональных консультантов по экономической политике (Вудфорд, 2010. С. 28; Полбин, 2013. С. 348).

Сторонники нового неоклассического синтеза обозначили и новую основную цель экономической политики — поддержание невысоких и стабильных темпов инфляции. «Данная рекомендация на концептуальном уровне «вдохновлена» монетаризмом, а на практическом уровне подкрепляется успешной борьбой с инфляцией ФРС США в начале 1980-х гг. путем жесткой денежно-кредитной политики» (Столбов, 2012. С. 16).

Перейдем к анализу третьей предпосылки, которая обусловила возможность неоклассического и нового неоклассического синтеза — методологической. Поскольку и в первом, и во втором случае мы говорим о синтезе в рамках неоклассической экономической теории, то очевидно, что имеет место сохранение ее базовых предпосылок, формирующих категориальное ядро неоклассики, ее парадигму. В основе категориального неоклассического ядра лежит принцип методологического индивидуализма, о роли которого много написано, в том числе

17. Справедливости ради отметим, что при этом ни один крупный центральный банк в мире не использует модель DSGE в качестве *основной* модели экономики (Korinek, 2017. P. 11).

и в наших предыдущих работах (Кирдина, 2013а, 2013б). Основанная на принципе методологического индивидуализма система парадигмальных предпосылок ортодоксальной экономики, берущая начало от классического труда «Principles of Economics» Альфреда Маршалла (1890), окончательно оформилась к середине XX в. Важнейшими из них, по мнению Гэри С. Беккера, являются предпосылки максимизации, рыночного равновесия и устойчивых предпочтений (Becker, 1976)¹⁸.

Набор методологических предпосылок задает, в свою очередь, и набор аналитических предпосылок, что ведет к выбору определенного математического инструментария. Так, репрезентация рынка как состояния уравнивания спроса и предложения во времени и пространстве требует принятия набора таких аналитических предпосылок, как «выпуклости кривых производственных возможностей (production sets) и карт потребительских предпочтений, рациональности экономических агентов» (Ронкалья, 2018. С. 588). Это определяет и специфику математического аппарата, используемого неоклассикой, а именно «оптимизационной математики из термодинамики в качестве основы для математической экономики» (Фоули, 2012. С. 91).

В ходе каждого синтеза данная система предпосылок сохраняла свое парадигмальное значение. Если исходно те или иные допущения и предпосылки возникающих концепций не вписывались в нее, происходила их адаптация или модификация (а порой и игнорирование) с целью вписать их в категориальное неоклассическое ядро. Это служило для таких концепций входным билетом в экономическую ортодоксальную теорию.

Покажем, как это происходило в ходе *неоклассического синтеза*. Известно, что Дж. М. Кейнс считал индивида не столько рациональным субъектом, сколько субъектом,

18. Вера в силу этих предпосылок питает явление, известное как «экономический империализм», также связанное с именем Г. Беккера, когда экономисты вторгаются со своими теоретическими моделями в неэкономические сферы, полагая неоклассическую теорию основой для унификации общественных наук.

подверженным «денежным иллюзиям», значительная часть экономической деятельности которого определяется иррациональным началом («animal spirits»). Поэтому в «Общей теории...» Кейнс ввел макроэкономические функции потребления, инвестиций и предпочтения ликвидности, основанные не на принципе оптимизации, а преимущественно на привычках и эмоциях (подробнее об этом см.: Автономов, 1998; Розмаинский, 2007).

Однако в результате неоклассического синтеза «последующее развитие макроэкономики... характеризовалось внедрением в нее макроэкономических функций, основанных на оптимизации» (Розмаинский, 2008. С. 94), так что с тех пор оптимизация и равновесный анализ «являются ведущими принципами экономического мейнстрима» (Там же. С. 93). В результате неоклассического синтеза макроэкономика, будучи, по сути, детищем Кейнса, стала основываться на «выведении макроэкономических поведенческих функциональных связей из индивидуальных максимизационных решений» (Харрис, 1990. С. 435), Исследователи неоклассического синтеза связывают закономерность такой интерпретации с тем, что «(А)налитические инструменты Кейнса, развернутые в «Трактате¹⁹», во многом являются теми же маршаллианскими конструкциями (кривыми спроса и предложения) его студенческих дней» (Foley, 2014. P. 7), за которыми стоят предпосылки равновесия и рациональности, основанные на принципе методологического индивидуализма.

Новая классическая школа указала на внутреннее противоречие неоклассического синтеза: вальрасовская микроэкономика с равновесием рынков и общим равновесием не может агрегироваться в кейнсианскую макроэкономику, где рынки не приходят к равновесию.

Похожая ситуация имела место в ходе *нового неоклассического синтеза*. Так, разработанные на его основе макроэкономические модели DSGE, учитывая известную «критику

19. Речь идет о работе Кейнса «A Treatise on Money», 1931.

Лукаса» (Lucas, 1976), базируются теперь на микроэкономических взаимодействиях рациональных агентов, т.е. на микрооснованиях.

Таким образом, динамика экономической системы при таком подходе обусловлена не столько сочетанием тех или иных макроэкономических показателей и мерами экономической политики, сколько «представляет собой результат некоторой оптимизационной деятельности экономических агентов» (Полбин, 2013. С. 348). Сохранение методологической основы²⁰ ортодоксии в ходе нового неоклассического синтеза находит свое отражение в том, что экономисты продолжают уделять основное внимание индивидуальному поведению рациональных экономических агентов в связи с теми или иными изменениями макроэкономической политики, а затем обобщать (агрегировать) решения экономических агентов, обновивших свои ожидания в ответ на изменения политики.

Сохранение устойчивости концептуального ядра ортодоксальной экономики, опирающегося на принцип методологического индивидуализма и равновесные оптимизационные модели, обеспечило, на наш взгляд, саму возможность как неоклассического, так и нового неоклассического синтеза (Кирдина, 2013. С. 100). Как мы показали, за счет этого развитие «синтетических» направлений каждый раз позволяло ортодоксальной теории, с одной стороны, вбирать в себя некоторые новые идеи и актуальные разработки, а, с другой стороны, сохранять определенное единство неоклассической теории, что продолжает обеспечивать ее доминирование и статус экономического мейнстрима.

20. Основные разногласия между представителями нового неоклассического синтеза носят технический характер и касаются того, как улучшать качество моделей — путем калибровки или статистического оценивания. Когда модели калибруются, макроэкономист подбирает значения параметров из других исследований или эмпирических наблюдений. Качество модели в таких условиях определяется ее рабочими характеристиками, а не статистической оценкой. Когда же используется статистическая оценка, ее методом служат стандартные статистические критерии согласия. Калибровка часто ассоциируется с новыми классиками, занимающимися реальными деловыми циклами, но методологический консенсус между ними до конца так и не был достигнут: если Лукас, Прескотт и Кюдланд выступают в пользу калибровки, то другой известный новый классик, Сарджент, поддерживает статистическое оценивание.

2.2. Источники парадоксов неоклассического и нового неоклассического синтеза

Итак, отмеченная устойчивость концептуального ядра, или *hard core*, по Лавуа (Lavoie, 1992), ортодоксальной экономической теории, а также явная или неявная приверженность поколений экономистов принципу методологического индивидуализма каждый раз лежат в основе синтеза принимаемых теоретических инноваций с мейнстримом. Однако эта устойчивость мейнстрима имеет и оборотную сторону. Она, наш взгляд, является основным препятствием для решения характерных для неоклассики теоретических проблем, которые сохранились как в рамках неоклассического, так и в рамках нового неоклассического синтеза. Эту неспособность разрешить известные и постоянно обсуждаемые теоретические затруднения мы называем парадоксами синтеза в неоклассической экономической теории. Мы отметим три таких парадокса: они показывают, какие именно традиционные для экономической ортодоксии проблемы так и не получили своего разрешения.

На **первый парадокс** обращают внимание не только внешние и внутренние критики ортодоксии, но также практики, т.е. основные потребители официального научного знания. Этот парадокс состоит в том, что, несмотря на оба синтеза, неоклассическая экономическая теория по-прежнему обладает низкими прогностическими возможностями.

После первого синтеза они проявились в 1970-е годы, когда возникли непредвиденные в рамках неоклассики явления стагфляции, связанные в том числе с поразившим экономику западных стран нефтяным кризисом. После нового неоклассического синтеза также происходили непрогнозируемые явления — мировая экономика пережила «кризис доткомов» начала 2000-х годов, который оказался лишь репетицией Великого финансового кризиса 2008/09. В связи с этим кризисом широкий резонанс получили вопросы королевы Елизаветы II при посещении ею Лондонской школы эко-

номики о том, почему никто не сумел предсказать кредитный кризис, и ответы на него. Как заметил, например, профессор Л. Гарикано (Luis Garicano), которому королева лично адресовала свой вопрос, «люди делали то, за что им платили, и поступали в соответствии со своими побуждениями. Однако, с социальной точки зрения, во многих случаях им платили за то, чтобы делать неправильные вещи» (Stewart, 2009). Эти «неправильные вещи» и есть тот парадокс непредсказуемости крупнейших экономических потрясений, характерный для неоклассической экономической теории.

После кризиса работавшие с неоклассическими DSGE-моделями макроэкономисты также столкнулись с резкой критикой как со стороны своих коллег, так и со стороны аутсайдеров, и в целом «подход DSGE оказался под сильным огнем» (Korinek, 2017. P. 1). Специалисты, отмечая слабость этой исследовательской программы при изучении циклических колебаний, указывали, что она «бессильна в части их прогнозирования и предупреждения. Поэтому стабилизационная политика, основанная на DSGE-моделях, всегда будет носить субъективный характер» (Столбов, 2012. С. 18). Неоклассический синтез, «расширив рамки теоретического анализа в экономической науке, оказался недостаточным для решения практической задачи — недопущения глобальной рецессии» (Там же. С. 24), которая оказалась непрогнозируемой и поэтому не была предупреждена.

Второй парадокс связан с избыточной универсальностью (абстрактностью) предлагаемых неоклассикой моделей описания экономики. Ее модели продолжают оставаться внеисторичными и не учитывают ограничительной специфики ни социально-культурных, ни материально-природных условий, в которых развиваются экономики. Как писал об этом У. Баумоль, макроэкономические модели «не содержат ничего такого, что отличало бы рыночные экономические системы от экономик советского типа или от экономики Древнего Рима и средневекового Китая» (Баумоль, 2001. С. 84). Неоклассические модели также не учитывают ограни-

чений природной материальной среды, поскольку это вступает в фундаментальное противоречие с их базовыми аналитическими предпосылками, предполагающими непрерывный рост на бесконечных временных горизонтах. Неслучайно Р. Уэйплс отмечал, что экологические и социальные проблемы продолжают остро дискутироваться и остаются теми вопросами, по поводу которых (в отличие от всех остальных) ученые, входящие в Американскую экономическую ассоциацию, не могут достичь консенсуса (*Whaples*, 2006. Цит. по: (Баженов, Мальцев, 2018. С. 9)). «Огромный пласт исследований, посвященных ... роли социального и иных контекстов при принятии решений, остается практически не инкорпорированным в макроэкономику» (*Столбов*, 2012. С. 23).

Очевидно, что теория, в том числе и экономическая, не может не оперировать с универсалиями и едиными абстрактными сущностями. Вопрос, однако, в том, насколько абстрактные теоретические модели эвристичны. Не происходит ли в процессе абстрагирования того, что называют «выплескиванием с грязной водой и младенца», когда игнорируются определяющие разнообразие экономик социальные и природные условия? Неоклассическая экономика обращается к зависимости от этих условий, используя лишь понятие внешнего фактора. Такие факторы рассматриваются скорее как случайные, реальные последствия которых не так важны, поскольку равновесный рынок всегда сможет решить эту проблему. Другого решения неоклассика не предложила ни в ходе неоклассического, ни нового неоклассического синтеза. Можно сказать, что в ней так и не достигнуто «здоровое равновесие между абстрактной общностью и полнокровной конкретностью».

Наконец, сохранение так называемой «классической дихотомии» — ее даже называют «вечной дихотомией» неоклассики (*Остапенко*, 2020), — представляется нам **третьим парадоксом**. Принцип «классической дихотомии», выявленный Й.А. Шумпетером (*Schumpeter*, 1954), и связанное с ним представление о нейтральности денег означают рассмотрение

реального и монетарного секторов экономики как не оказывающих прямого влияния друг на друга. Экономическая ортодоксия предполагает их взаимосвязь лишь посредством установления абсолютного уровня цен, который при этом не влияет на установление равновесия в реальном секторе экономики в долгосрочном периоде. Другими словами, общий уровень цен, зависимый от денежного предложения и имеющий монетарную природу, и относительные цены, определяемые процессами в реальном секторе, формируются независимо. Поэтому денежные агрегаты не оказывают влияния на динамику реальных макроэкономических показателей (ВВП, занятость, инвестиции) в долгосрочной перспективе, что означает нейтральность денег (подробнее об этом см., например: *Маевский, 2021*). Принцип «классической дихотомии» предполагает, таким образом, определенное разграничение монетарного и реального анализа²¹.

Данный парадокс означает, что в рамках неоклассики после первого и второго неоклассического синтеза так и не удалось выйти за рамки реального анализа (об этом см.: *Hein, 2008*). Другими словами, в ходе этих синтезов не преодолены ограничения разобщенности анализа реальных и денежных процессов. Как отмечают критики неоклассики, используемые в ней экономические модели не включают в себя механизмы денежного обращения и «финансирования путем создания денег» (*Кумхоф, Якоб, 2016. С. 52*). Несмотря на то, что «новый неоклассический синтез в его посткризисной реинкарнации обладает большей гибкостью и способностью к учету монетарных факторов, чем принято считать его критиками» (*Остапенко, 2020. С. 83*), он, тем не менее, сохраняет свою приверженность реальному анализу. Это

21. Существует точка зрения, согласно которой программой нового неоклассического синтеза «была поставлена точка в дебатах о наличии либо отсутствии классической дихотомии» (*Столбов, 2012. С. 16*). В то же время сторонники этой позиции признают, что проблема является лишь частично решенной, т.е. «денежно-кредитная политика способна приводить к изменению реальных показателей в краткосрочном периоде» (Там же), а не в долгосрочном, а модели неоклассического синтеза по-прежнему отличаются «недостаточным учетом роли финансов» (Там же. С. 21).

подтверждается «существованием в DSGE-моделях фундаментально равновесных, естественных макроэкономических параметров, которые задаются, с одной стороны, предпочтениями вперёдсмотрящих, максимизирующих межвременное потребление индивидов, и, с другой стороны, оптимальным технологическим и производственным выбором фирм» (Там же. С. 82). Тем самым модели DSGE «не дают ответов, как меняются параметры экономики ... в случае увеличения или уменьшения количества денег, совершающих круговое движение» (Маевский и др., 2020. С. 35).

Поэтому критики нового неоклассического синтеза называют его «новой классической контрреволюцией» в экономической теории» и «самуэльсоновским кузеном» неоклассического синтеза (Foley, 2014. Pp. 4–14), в ходе которого происходит возвращение к формально более сложной, но по-прежнему экономически неполной версии «классической дихотомии» (Foley, 2014. P. 17).

Неспособность ортодоксальной экономической теории решить отмеченные проблемы, что мы интерпретировали как парадоксы неоклассического и нового неоклассического синтеза, связана, на наш взгляд, с ригидностью ее методологической программы. Парадоксально, что в ходе каждого синтеза она не столько развивалась и обогащалась (хотя и впитывала новые элементы), сколько углубляла характерные методологические предпосылки. Как следствие, идеологизация экономического мейнстрима, микрооснования (microfoundations) и характерная оптимизационная математика равновесных моделей являются уже непреодолимыми препятствиями для дальнейших плодотворных попыток приближения к реальности в рамках экономической ортодоксии. Рассмотрим три этих препятствия более подробно.

Что мы понимаем под идеологизацией ортодоксии? В данном случае мы используем термин «идеология» в общеметодологическом смысле, соглашаясь с О.С. Нарайкиным в том, что «идеология – это обобщающая теория, обобщение разделяемых большинством принципов» (О достоверности

научного знания, 2021). Закрепление и незыблемость таких принципов означают идеологизацию в науке, когда «идеология предлагает вопросы и гипотезы для изучения, служит как система фильтров, регулирующая формирование и эволюцию идей и направление мысли, и ориентирует сам процесс исследования» (Сэмюэлс, 1981. С. 667).

Однако набор принципов, который был в свое время достоверным, объясняющим и достаточным, с возникновением новых фактов и развитием самой науки может перестать быть таковым. Например, механика Ньютона была достоверна в определенных пределах, известных сегодня в физике. Однако она оказалась не достоверной для объяснения процессов, проходящих на уровне микромира. Таким образом, пересмотр и постоянная ревизия методологических принципов является одним из условий развития любой науки.

В неоклассической экономической теории, как мы показали, набор основополагающих предпосылок практически не пересматривался со времен Маршалла (Блауг, 1994). Идеологизация в экономической неоклассической теории означает, что набор обобщающих принципов становится не столько рамкой для консолидации работающих в этой сфере экономистов, сколько догмой (что нередко сопровождается претензией экономической теории на роль социальной идеологии²²). Мы полагаем, что современная ортодоксия становится подверженной этому эффекту.

Декларирование микрооснований, несмотря на их значение для развития единой экономической теории микромакроуровня, также начинает играть роль непреодолимого препятствия для понимания и анализа экономических процессов во все более сложной экономике²³. Стиглицз называет

22. Как отмечал в этой связи бразильский гетеродоксальный экономист Луис Карлос Брессер-Перейра, «неоклассическая экономическая теория играет роль мета-идеологии, математически и «научно» легитимизируя неолиберальную идеологию» (Bresser-Pereira, 2010. P. 499).

23. Британский экономист Роберт Скидельский, ссылаясь на работы Кейнса, даже объявляет идею микрооснований червем (worm) на пути прогресса в экономической теории (www.primeconomics.org/articles/macroeconomics-andmicrofoundations-3 – доступ 10.09.2017). См. также: (Skidelsky, 2020).

их «wrong microfoundations» и полагает «сердцевиной» неудач экономической ортодоксии после нового неоклассического синтеза (Stiglitz, 2018. С. 70). То, что хорошо для обеспечения целостности теоретических схем, не всегда оказывается полезным при исследовании реальных экономических процессов. Так, микрооснования затрудняют понимание институциональной и мезоуровневой специфики различных экономических систем в силу того, что эта специфика при таком подходе даже не просматривается. Переход с одного уровня анализа на другой происходит путем агрегирования экономических агентов «в широкие классы, каждый из которых рассматривается как органическое целое — потребители, инвесторы и т.д.» (Баумоль, 2001, С. 81), а «поведение группы фирм или агентов подчиняется тем же законам, что и поведение отдельных единиц» (Хикс, 1993. С. 373). При таком базирующемся на микрооснованиях подходе уровни, соответствующие структурам (и результатам) взаимодействия этих агентов, проскакиваются и остаются вне экономического анализа. Эти структуры представляют собой то, что теоретики систем называют «эмерджентными эффектами», но они «слишком сложны, чтобы их можно было удовлетворительно описать с микроперспективы, учитывая наше нынешнее состояние знаний. Говоря более резко, мы знаем, что физики понимают микроуровень процессов, которые происходят в нашем организме, гораздо более детально и точно, чем врачи — но Вы бы скорее хотели увидеть своего врача или физика, если Вы заболели, на том основании, что последний лучше понимает микро-основы того, что происходит в вашем теле?» (Korinek, 2017. Р. 3). Эта резкая метафора обращает наше внимание на то, что в реальной экономике существует множество эмерджентных явлений, которые не могут быть прослежены до уровня их микроэкономического происхождения. «Одним из наиболее важных таких понятий является совокупный спрос, который не имеет четкого аналога с позиций микроэкономики» (Там же).

Наконец, рассмотрим еще одно непреодолимое, на наш взгляд, препятствие для плодотворности дальнейших попы-

ток приближения к реальности в рамках экономической ортодоксии — речь идет о характере основных математических моделей, основанных на идеях оптимизации и равновесия. «Новый неоклассический синтез, в котором центральное положение занимают модели общего равновесия, идеологически близок к вальрасовской традиции в экономической науке. Ее отличает излишне механистический взгляд на экономические процессы» (Столбов, 2012. С. 26). При этом заметим, что предпосылки равновесия (и связанные с ними представления об эргодичности²⁴ и бесконечных горизонтах) в стандартных моделях, в частности в моделях DSGE, являются барьером для объяснения отклонений от равновесных состояний и выявления причин кризисов (Korinek, 2017. P. 3)²⁵.

Однако в условиях, когда турбулентность, нелинейность, сложность и непредсказуемость экономических процессов становятся постоянными спутниками экономического развития, неудовлетворенность такого рода представлениями возрастает. Специалисты отмечают, что если «вплоть до начала кризиса 2008–2009 гг. ... сомнительный характер предпосылок, лежащих в основе нового неоклассического синтеза, не влиял на релевантность выводов этой теории» (Столбов, 2012. С. 16), то позже разразившийся «кризис нанес мощный удар по принципам нового неоклассического синтеза» (Там же. С. 21). Таким образом, проявился отмеченный Д. Фули «самуэльсоновский порок», когда вновь возникло «искушение изменить формулировку абстрактной задачи так, чтобы она соответствовала имеющимся математическим инструментам, а не искать новые инструменты, адекватные имеющейся задаче» (Фули, 2012. С. 91). Такими инструментами про-

24. Эргодичность — свойство динамических систем; состоит в том, что в процессе эволюции почти каждое состояние проходит с определенной степенью вероятности вблизи любого другого состояния.

25. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц в этой связи выказался еще более критично: вывод Коринека о том, что «научная строгость» методологии DSGE «сомнительна», следует рассматривать как преуменьшение (Stiglitz, 2018).

должают оставаться равновесные оптимизационные модели неоклассической экономической теории.

Подведем итоги нашего исследования. Неоклассическая экономическая теория является лишь частью мира экономических идей и концепций. Однако ее доминирующее положение и статус мейнстрима, поддерживаемые не только армией приверженцев, но множеством работающих институтов — от ассоциаций и журналов до университетских программ и консультационных агентств, заставляет нас с большим вниманием относиться к ее состоянию и перспективам развития.

Очевидно, что это направление постоянно прогрессирует, впитывая в себя все новые и новые разработки экономистов со всего мира, «мейнстрим находится в состоянии динамической трансформации, в которой участвуют различные исследовательские программы» (Баженов, Мальцев, 2018. С. 9). Свидетельством этого стали *неоклассический синтез 1940–1960-х годов* и *новый неоклассический синтез 1990-х годов*, в ходе которых под давлением экономической практики обновлялись теоретические концепции и инструменты экономического анализа.

В то же время мы обратили внимание на сопровождающие тот и другой синтез парадоксы. Они состояли в том, что странным образом ряд теоретических проблем, постоянно требовавших своего решения, решены не были. Во-первых, так и не удалось существенно увеличить прогностическую силу неоклассических ортодоксальных теорий. Более того, непредвиденные потрясения, с которыми сталкивается мировая экономика, становятся все масштабнее и глубже. Во-вторых, несмотря на усложнение и уточнение теоретических моделей экономики в ходе каждого синтеза, они продолжают оставаться довольно абстрактными. Неоклассика сохраняет свой нормативный уклон, и ее продолжают критиковать за то, что она объясняет не развитие реальных экономик, в которых социальные, материальные и природные условия являются значимыми факторами нелинейного и циклического развития, а описывает «стерильный» экономический мир, в кото-

ром правит бал оптимальность. В-третьих, в своих теоретических моделях экономическая ортодоксия до сих пор не представила убедительного решения проблемы «классической дихотомии», т. е. взаимосвязанного рассмотрения монетарного и реального секторов. Соответственно, деньги (в долгосрочном периоде) для экономистов-теоретиков по-прежнему нейтральны (что многим кажется противоречащим простому здравому смыслу) и являются лишь «социальным устройством для снижения операционных издержек, что не обеспечивает ... понимания финансовой динамики» (Foley, 2014. P. 2).

Причину отмеченных парадоксов мы видим в сохранении жесткого методологического концептуального ядра экономического мейнстрима, что становится причиной уже не силы, а, возможно, слабости неоклассической теории. Как отмечал один из конструктивных критиков (и одновременно активных пользователей) моделей DSGE Антон Коринек, «(е)сли методология становится доминирующей, но недостаточно широкой, чтобы зафиксировать все явления, представляющие интерес в данной области, то она подвергает саму эту область риску достаточной прочности» (Korinek, 2017. P. 11). Проявлением этих «рисков прочности» являются отмеченная идеологизация неоклассической экономической теории, заикленность теории на микрооснованиях и превалирование оптимизационной математики равновесных моделей.

Обращая внимание на парадоксы синтеза в экономической ортодоксальной теории, мы исходим из того, что выявление парадоксов, как правило, стимулирует новые исследования, содействует более глубокому осмыслению теории и проверке очевидности ее постулатов. Однако могут ли быть преодолены эти парадоксы в рамках самой неоклассики? Мы видим, что действующая система исходных предпосылок, базирующихся на принципе методологического индивидуализма, обеспечивает силу и единство неоклассической теории. Но одновременно эта же система является своего рода входным фильтром при акцептации новых идей, пропуская лишь их модифицированные адаптированные под неоклассиче-

скую доктрину версии. Другими словами, именно жесткость методологического неоклассического ядра есть основное препятствие для преодоления отмеченных парадоксов в ходе нового синтеза, что делает их преодоление в рамках неоклассики невозможным. Неоклассическая теория поймала себя в методологическую ловушку, ею же созданную.

Более отзывчивым на проблемы экономической жизни направлением, внутри которого возможен плодотворный синтез, нам представляется гетеродоксальная экономическая теория²⁶. Она менее замкнута и более открыта к междисциплинарному диалогу. В силу этого она может дать «более полное и надежное объяснение экономических реалий, чем ортодоксальная экономика мейнстрима» (*Contemporary Issues in Heterodox Economics...*, 2021. Р. 3; см. также: (Lavoie, 2009)). С точки зрения гетеродоксии экономика рассматривается и моделируется не как равновесная структура, а как процесс, в котором структуры, в том числе институциональные, возникают вследствие эмерджентных эффектов экономической коэволюции (Elsner 2007), а также кумулятивной причинности (по Веблену). Неслучайно для Т. Веблена и Дж. Коммонса термин «эволюционный» синонимичен «институциональному» (Квашиницкий, 2006. С. 95). В гетеродоксии признается фактор неопределенности (а не рисков, как в неоклассической экономике) в силу разного рода положительных обратных связей. Соответственно, возникающие для преодоления неопределенности структуры (мезоструктуры) и эффекты (например, path dependence) становятся объектом анализа. Также гетеродоксальные экономисты исходят из исторической, культурной, географической и социальной обусловленности экономических процессов, что находит отражение в известном понятии *embeddedness* (К. Поланьи, М. Грановеттер).

26. О гетеродоксии (гетеродоксальной экономической теории) и ее отличии от ортодоксии см., например: (Мальцев, 2017. С. 151; Кирдина-Чэндлер, 2018; Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2020).

Изучение возможностей синтеза в гетеродоксальной экономической теории составляет перспективную задачу наших исследований. Предстоит проанализировать парадоксальную, на наш взгляд, ситуацию, которая складывается в гетеродоксальной экономике. Здесь парадокс состоит в том, что, несмотря на разнообразие развиваемых гетеродоксами подходов и используемых исследовательских схем, мы пока не наблюдаем тенденций к синтезу между ними. Предстоит проверить гипотезу о том, что причины этого также следует искать в методологической плоскости. Но здесь они имеют противоположный, по сравнению с ортодоксией, характер: не жесткость, а, наоборот, неоформленность методологического консенсуса служит препятствием для результативного синтеза развиваемых гетеродоксальных концепций. Но это, как говорится, «уже совсем другая история».

Глава 3

СТАРЫЕ ДИСКУССИИ КЛАССИКОВ И НЕОКЛАССИКОВ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ НА НОВЫЙ ЛАД: ПРОИЗОШЕЛ ЛИ СИНТЕЗ?

«В «социальном строе» один везет, а девятеро лодырничают... И думается: «социальный вопрос» не есть ли вопрос о девяти дармоедах из десяти, а вовсе не о том, чтобы у немногих отнять и поделить между всеми. Ибо после дележа будет 14 на шее одного трудолюбца; и окончательно задавят его. «Упразднить» же себя и даже принудительно поставить на работу они никак не дадут, потому что у них «большинство голосов», да и просто кулак огромнее».

В. Розанов

Введение

В данной главе рассматривается старая дискуссия о содержании производительного и непроизводительного труда и ее современные и новейшие интерпретации в экономической теории. Для анализа используется логика диалектической триады Гегеля «тезис—антитезис—синтез». Она позволяет хронологически сопоставить различные понимания того, какой труд считался и считается производительным, а какой нет. Демонстрируется, что за отвергнутым разделением двух видов труда стоит особая традиция анализа общего равновесия. Подход, при котором любой оплаченный труд является производительным, порождает проблемы при оценке величины ВВП и перспективных направлений экономического роста. Показано, как старая дискуссия приобретает в наше время новое звучание при анализе производительного и рен-тоориентированного поведения экономических акторов. Однако отмеченные в рамках неоклассического мейнстрима «синтез» и «новый синтез» двух противоречивых видов труда не позволяют снять это противоречие.

3.1. Тезис: постановка проблемы. Классики

Разграничение «производительного» и «непроизводительного» труда имеет долгую историю в экономической науке. Но к настоящему времени оно уже основательно забыто. Введенное еще А. Смитом, это разграничение, как писал М. Блауг, «одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли» (Блауг, 1994. С. 48). Сам подход основывается вроде бы на простой и почти самоочевидной гипотезе — труд в сфере производства создает стоимость (ценность), которая необходима для обеспечения жизни любому человеку, труд в сферах обмена и распределения *полезен*, однако он, в конечном счете, только обеспечивает доставку того, что было произведено, потребителям, поэтому нельзя считать его производительным. Наконец, сфера потребления является прямой противоположностью сферы производства: если последнее увеличивает текущий доход и богатство, то потребление приводит к его уничтожению. Простой цикл производства — обмена — распределения — потребления приводит к тому, что все произведенное людьми оказывается потреблено, доход (а заодно и запас ценности) обнуляется, и цикл необходимо начинать сначала. Это представление о кругообороте полностью согласуется с общей идеей равновесия, которая продолжает доминировать и в современной экономической теории.

Такое понимание функционирования экономики приводит и к простым — хотя и провокационным, как это обычно и бывало у классиков — вопросам. Если принять посылку о том, что, как полагал Смит, общество стремится к увеличению богатства²⁷, то необходимо увеличивать удельный вес производительного труда и снижать долю непроизводительного. Если вдобавок допустить, что не весь объем произведенной стоимости (ценности) потребляется, но часть его откладывается, превращаясь в запасы сырья, семян, орудий труда —

27. Об этом свидетельствует, в частности, само название знаменитого труда: (Смит, 1962).

всего того, что теперь понимается под термином «капитал», то богатство такого общества будет прирастать. При этом чем больше удельный вес людей, занятых производительным трудом, и чем меньше — всех прочих, тем выше будет «коэффициент полезного действия» такой экономической системы. Общественное разделение труда — это не только естественная ситуация, позволяющая повышать производительность, но и необходимое условие проведения в жизнь экономической политики, направленной на увеличение доходов и богатства.

При такой постановке проблемы экономического роста оставалось только отделить непроизводительные виды экономической деятельности от производительных и начать стимулировать занятость в последних. Но это оказалось не так просто. Сначала у А. Смита речь шла только о видах труда, которые изменяют форму предметов труда, что соответствовало «физикалистскому» пониманию работы как приложения энергии к материи. Однако рыбная ловля, как и сельское хозяйство, противоречили такому грубому подходу. Поэтому, как указывает Блауг, Смит стал использовать разделение «по принципу складирования: производительный труд “закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, который можно продать”, а услуги непроизводительного труда “исчезают в самый момент их оказания”» (Блауг, 1994. С. 49). Таким образом, вся сфера услуг, включая торговлю, финансы, образование, здравоохранение оказалась «непроизводительной».

Именно это представление было заимствовано у классиков К. Марксом и легло в основу деления совокупного продукта социалистического производства на «необходимый» и «прибавочный» в СССР. Как представлялось советским политэкономам, которые придерживались марксистской традиции, прибавочный продукт служил не только для накопления ресурсов и расширения производства, но был и источником потребления работников, занятых в сфере услуг. Такое положение порождало ряд статистических и финансовых проблем: так, «произведенный» национальный доход

(НД) должен быть равен «использованному» национальному доходу. Однако производился НД в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте и связи, а потреблялся не только *здесь* (оплата труда в промышленности и других сферах представляла собой так называемый «необходимый продукт»), но и в торговле, финансах, образовании, науке, здравоохранении, культуре, государственном управлении, обороне (оплата труда в этих сферах была уже «прибавочным продуктом»). Добиться такого равенства было непростой задачей, которая решалась с помощью сложной системы налогов, важнейшими из которых были акцизы и налог с оборота. На закате СССР описываемый подход стал использоваться для дискредитации советского строя: прибавочный продукт стал ассоциироваться с «прибавочной стоимостью», поэтому получалось, что «государство рабочих и крестьян» якобы эксплуатировало своих производительных работников сильнее, чем «капиталистическое»²⁸. Наряду с концепцией «постиндустриального общества», которая с энтузиазмом была воспринята тогдашней советской интеллигенцией (большинство которой в условиях прежнего категориального деления было «потребителем» прибавочного продукта и тем самым выступало в качестве «эксплуататора» производительных работников), категории «производительного» и «непроизводительного» труда стали восприниматься как марксистская ошибка, анахронизм.

3.2. Антитезис: проблемы измерения ВВП. Неоклассики

В свою очередь, маржиналистская революция в экономической теории не опровергла справедливости рассматри-

28. К.А. Хубиев: «У нас сейчас по крайней мере существуют три типа эксплуатации. Это узаконенная эксплуатация в кооперативах, незаконная эксплуатация в теневой экономике. В последнее время очень энергично муссируется вопрос о государственной эксплуатации. И то, что на эту тему ничего не говорят ученые-обществоведы, создает основу для различных политических спекуляций. Какой здесь убийственный аргумент? Говорят, у нас самая высокая норма прибавочного продукта, стало быть, государственная эксплуатация — это хуже частнокапиталистической эксплуатации» (*Частная...*, 1990. С. 65).

ваемого деления, а просто отбросила его. Принцип оценки ценности с помощью предельной полезности (и предельной производительности — применительно к оборудованию и ресурсам) снимал вопрос о «производительном» и «непроизводительном» труде. Любой товар и/или услуга, за который был готов платить покупатель, считался «удовлетворяющим потребность», тем самым становясь «полезным». Соответственно и труд, который был затрачен на создание такого товара (услуги), был источником ценности (создавал стоимость), а стало быть, становился производительным. В этих условиях менеджер оказывал услугу рабочему, принимая его на работу и организовывая производственный процесс, работник получал предельную оценку своего труда (зарплату), а капиталист — владелец фирмы — предоставлял свой капитал во временное распоряжение менеджеру. Вопрос об эксплуатации (присвоении чужого труда) как необходимом условии любого капиталистического производства — именно так его ставили марксисты — полностью снимался.

По мере развития предельного анализа — по-видимому, важнейшим этапом здесь было появление учебника А. Маршалла (*Маршалл*, 1983-84) — деление на производительный и непроизводительный труд стало выглядеть глубокой архаикой, присущей разве что марксистской советской политической экономии. Соответственно, исчез и вопрос о том, в какой степени более высокий удельный вес «производительных» сфер экономики способствует более высоким темпам экономического роста. В неоклассическом дискурсе эта проблема автоматически и эффективно решалась с помощью действия рыночного механизма: там, где достигалась наиболее высокая отдача на единицу капитала и оплата в расчете на единицу труда, там находились в данный момент и соответствующие «зоны роста». Появление такого статистического агрегата, как валовый внутренний продукт, который, с одной стороны, фиксировал все доходы факторов производства (зарплату, процент, прибыль, ренту и т.д.), а с другой стороны, учитывал все направления расходов (потребление,

инвестиции, государственные расходы), выглядело гораздо более точным и внутренне согласованным (учитывая совмещение системы национальных счетов и межотраслевого баланса, осуществленное Стоуном в 1950-х годов (Стоун, 1956)), чем советская система учета создания и использования национального дохода.

Тем не менее использование такого подхода к оценке дохода породило свои проблемы. Банальным примером является ситуация «услуг кухарки»: если пищу готовит наемная работница, то оплата ее услуг будет входить в ВВП, если же с этой задачей справляется глава семейства или его жена, то оплаты услуг не происходит, и ВВП становится меньше. То же самое относится и к проживанию в собственном жилье и плате за аренду. Наконец, то, что стало актуальным в последние годы — оплата «услуг» природы: если чистый воздух является «свободным благом», то мы не включаем его в состав ВВП, но если его приходится очищать от заводских выбросов и двуокиси углерода, это уже «хозяйственное благо» и в качестве такового должно учитываться в составе ВВП. Представительный доклад, рассматривающий эти проблемы и содержащий критику ВВП, был представлен авторитетной комиссией, включавшей в свой состав двух нобелевских лауреатов по экономике (Стиглиц и др., 2016). Недостатки использования ВВП для оценки «богатства народов» сейчас стали общепризнанными, однако, по большому счету, другого статистического агрегата, в соответствии с которым можно было бы оценивать экономический рост, исследователями пока не предложено.

В завершение данного раздела необходимо отметить еще одну методологическую особенность как классической, так и неоклассической традиции: это *представление о равновесии*. Схема кругооборота предполагает, что производство равно потреблению. Правда, возможно, что экономика приходит в это состояние не в течение одного календарного года, а в течение какого-то другого временного периода (последнее привело к появлению теории циклов). Такая

методологическая особенность, в свою очередь, дополняется специфическим представлением о деньгах как «посредниках» в процессе достижения равновесия, где сумма «покупок» (расходов) должна равняться сумме «продаж» (доходов). Другими словами, деньги рассматриваются здесь преимущественно как «товарные», а не «кредитные»²⁹, что, в свою очередь, лежит в основе знаменитого уравнения количественной денежной теории.

Теория циклов сначала увязывала длительность деловых циклов со сроками жизни активов, в последнее время — с теми или иными «шоками производительности» (вариант, предложенный Ф. Кидландом и Э. Прескоттом). Однако статистикам, которые занимались оценкой ВВП, мало чем могло помочь допущение, что в верхней поворотной точке цикла, называемой кризисом, наблюдается максимальное накопление запасов и превышения совокупного спроса над предложением, что, в свою очередь, ведет к максимальной переоценке (капитализации) активов; а в нижней поворотной точке, так и не получившей названия, уровень запасов приближается к нулю, а все активы недооценены. Перед ними стояла вполне конкретная задача — измерить уровень доходов (и расходов) в течение года; решение этой задачи, в частности, позволяло прогнозировать налоговые поступления, а стало быть, и деятельность государственных органов. Представления о равновесии, таким образом, приняли простую форму: ВВП, рассчитанный по сумме доходов, должен быть равен такому же расчету по сумме расходов, и все это должно было равняться сумме «добавленной стоимости», распределенной по «видам экономической деятельности». Это привело, с одной стороны, к включению в ВВП ряда «фиктивных доходов», таких как амортизация основного капитала, рента от проживания в собственном, а не в арендованном жилье, доходы от «тене-

29. Первые деньги в человеческих сообществах, по мнению антропологов, были именно «кредитными», уже потом, в связи с государствами, войнами и содержанием армий, появляются «декретные» деньги (которыми, в частности, уплачивают налоги) и «товарные» (ими расплачивается армия с поставщиками провизии и других товаров). Подробнее см.: *Гребер, 2021*.

вой экономики». Со стороны таких же условно оцениваемых расходов, в свою очередь, следует указать инвестиции в произведенные, но не проданные в текущем году товары (что порождало соответствующую задачу определения цен их будущих продаж). И — что особенно важно для анализа нашей проблемы — все это должно было совпасть с объемом добавленной стоимости по видам экономической деятельности, что предполагало определенные условные допущения в отношении прибыли, процента, косвенных налогов и т.д. (единственным исключением в данной оценке была оплата труда, которая относительно жестко привязывалась к календарному году и не требовала таких условных оценок). Это существенно, так как оценка добавленной стоимости таких сфер, как «наука и образование» и/или «финансовый сектор», может быть как завышена за счет будущих ожидаемых поступлений (возврата «финансовых инвестиций, подобно стоимости произведенных, но нереализованных товаров), так и занижена, поскольку услуги сектора образования и науки оцениваются «по себестоимости» — в этом случае, как и в случае бюджетной сферы в целом, предполагается, что государственное (или грантовое) финансирование покрывает только затраты труда, материалов и оборудования, но дополнительная стоимость (прибыль, рента, процент) в данном секторе почему-то не создается. Хотя в частных учебных заведениях, как и при осуществлении частных НИОКР, текущие затраты на единицу услуги которых сопоставимы с государственными, прибыль, и рента (доход от патентов и лицензий) включаются в состав ВВП.

3.3. Синтез: проблема производительного и рентоориентированного поведения

Как уже говорилось, деление труда на производительный и непроизводительный было отброшено неоклассикой, и уже давно представляется любопытным анахронизмом, который обсуждается преимущественно в истории мысли. Однако переход к признанию того, что любые затраты на товар и/или услугу, которые оплатил покупатель, являются «произ-

водительными», привел к другой проблеме, которая, вообще говоря, является одним из «слепых пятен» современного мейнстрима. Так, если на каком-то рынке возникает монополия или — что гораздо чаще — олигополия, то продавцы — монополисты получают более высокую оценку своих товаров, чем продавцы таких же товаров на конкурентном рынке. Вообще говоря, в соответствии с неоклассическим подходом это должно обозначать то, что *продавцы — монополисты просто создают более высокую полезность для потребителя, чем конкуренты*. Но теоретики традиционно делали полностью противоположный вывод: они считали, что монополисты *наносит ущерб, а не создают излишек полезности*, и изымают у потребителей часть «ренты покупателя», устанавливая завышенные цены. Более того, в соответствии со взглядами одного из столпов либерализма, Ф. фон Хайека, монополии наносят еще и *политический* ущерб обществу: «Проблема монополий была бы гораздо менее трудной, если бы нашим противником были одни только капиталисты-монополисты. Но... тенденция к образованию монополий является реальной угрозой не из-за усилий, предпринимаемых кучкой заинтересованных капиталистов, а из-за той поддержки, которую они получают от людей, участвующих в прибылях, а также от тех, кто искренне убежден, что, выступая за монополии, они способствуют созданию более справедливого и упорядоченного общества... Происходящий в последнее время рост монополий является в огромной степени следствием сознательного сотрудничества объединений капиталистов с профсоюзами, результатом которого стало образование в рабочей среде привилегированных групп, участвующих в прибылях и тем самым в грабеже всего общества, в особенности его беднейших слоев — рабочих других, менее организованных отраслей и безработных.

Печально наблюдать, как великое демократическое движение поддерживает в наше время политику, ведущую к разрушению демократии, политику, которая в конечном счете принесет выгоду очень немногим из тех, кто защищает ее

сегодня... Надо понять, что мы подчиняемся либо безличным законам рынка, либо диктатуре какой-то группы лиц, третьей возможности нет» (Хайек, 1992. С. 148–149). Стоит отметить, однако, что существуют *другие* либералы, которые не видят необходимости в борьбе с монополизмом. Вот как, например, интерпретировали фон Хайека отечественные неолибералы В. Найшуль и Г. Сапов: «...Хорошо известно, например, что монополии приводят к нерациональному использованию ресурсов. Значит, говорит традиционная наука, его можно и нужно улучшить, регулируя монополии государственными органами и проводя в жизнь антитрестовское законодательство. Надо создать соответствующие органы, и они увеличат эффективность экономики.

Нет, следует из теории Хайека, проблемы монополий вообще не существует. Сверхвысокие монопольные цены посылают правильные сигналы другим экономическим агентам. Данная сфера – сверхэффективна, и стоит тем или иным способом обойти монополию. В условиях отсутствия государственного регулирующего органа монополия будет так или иначе похоронена» (Найшуль, Сапов, 1996. С. 12–13)³⁰. Соответственно, проблема вовсе не в монополиях, а в государстве, которое борется с ними. Такая интерпретация идей фон Хайека стала распространенной в 1970-е годы, когда в экономической политике стала обсуждаться идея перехода к дерегулированию, «освобождению рынков». Здесь следует отметить также идею «легального картеля», выдвинутую нобелевским лауреатом Дж. Стиглером, увязывавшим монополизм с государственным регулированием (Стиглер, 2017). Если убрать государственное регулирование, которое, получается, защищало раздел рынка монополистами, то освобожденный от такой защиты рыночный механизм станет работать намного более эффективно.

30. Вообще говоря, если продолжить мысль фон Хайека и применить ее к аргументации Найшуля и Сапова, то получится, что эти российские экономисты *политически* отстаивали интересы привилегированных групп, активно участвовавших в «грабеже всего общества». Стоит ли удивляться тому, что идеалы либерализма в России оказались так сильно дискредитированы?

В свою очередь, в работах Дж. Бьюкенена и Г. Таллока анализировался уже не обычный, но «политический» рынок, включавший в себя группы «погони за рентой»³¹. Именно такое поведение агентов крупного бизнеса, который, по мнению неонституционалистов, пытался закрепить свои преимущества юридически, через принятие парламентом соответствующих законов о регулировании, и было *рентоориентированным*.

Еще более остро проблема рентоориентированного поведения ставилась в работах М. Олсона. Результатом такого поведения является наступление стагнации и институционального склероза, когда все рынки оказываются поделены, а между акторами заключены формальные и неформальные соглашения по извлечению ренты (Олсон, 2013).

В результате такой неолиберальной революции, одержавшей победу над кейнсианством в 1970–1980-е годы, возник неожиданный консенсус относительно старой проблемы. Деление на производительный и непроизводительный труд трансформировалось в деление на производительное и рентоориентированное поведение, произошел своеобразный синтез старых представлений о непроизводительном труде и рентоориентированном поведении. При этом поведение государственных акторов рассматривалось преимущественно как «погоня за рентой», в то время как поведение частных акторов, независимо от того, действовали они в условиях конкурентного или монополизированного рынка, оказывалось производительным. Это стало авторитетным дискурсом того времени и предопределило общий курс на приватизацию, дерегулирование и «демонтаж государства благосостояния». Госсектор стал ассоциироваться с неэффективностью, бюрократизмом, коррупцией, в то время как частный сектор — с эффективностью, конкуренцией и инновациями.

Тем не менее оставалась проблема производства и распределения общественных благ. Часть из них была «квазиоб-

31. См., например: (Бьюкенен, 1997).

ществленными», допускавшими параллельное производство в государственном и частном секторах. Так, в сферах образования и здравоохранения могут сосуществовать и конкурировать государственные и частные организации, а параллельно с полицией действуют и частные охранные предприятия. Переход к полной приватизации производства общественных благ в этих важнейших сферах так и не был осуществлен ни в одной из богатых стран. Вместо этого произошел знаковый сдвиг в риторике: после упомянутых работ неоинституционалистов государство стали рассматривать как рыночного агента, меняющего налоги на общественные блага. Это позволило ввести государственные учреждения в ранг «производительных», хотя и с соответствующими оговорками.

Завершая данный раздел, еще раз остановимся на «слепом пятне» нынешнего экономического мейнстрима. Произошел любопытный сдвиг в коллективной структуре когнитивности экономистов-теоретиков. Так, классическими либералами извлечение монопольной прибыли рассматривалось как «непроизводительное», рентоориентированное поведение, с которым нужно было бороться, будь то через регулирование цен, будь то через другие меры антitrustовского законодательства. Неолибералы такую борьбу считают не просто ошибкой, но как раз *одной из форм рентоориентированного поведения*. Наоборот, государство раньше выводилось за пределы рыночных отношений: оно обеспечивало бизнесу необходимую правовую среду, способствовало производству «человеческого капитала», но не рассматривалось в качестве обычного экономического актора, равного фирме или домохозяйству. Теперь же все наоборот: государственные организации должны участвовать в рыночной конкуренции, причем *на заведомо худших условиях, чем частные фирмы*. Так, последние могут свободно менять состав своего предложения и цены, получая прибыль, в то время как организации государственного сектора должны руководствоваться установленными стандартами производства товаров и услуг, а заодно предлагать свои услуги на основе фиксированных цен

и тарифов. Другими словами, государственные организации, как правило, *некоммерческие*. И в качестве таковых они просто *должны быть неэффективными*.

Попросту сказать, рентоориентированного поведения в частном секторе, где действуют олигополии, якобы не может быть: более высокая прибыль является свидетельством более высокой эффективности, которая является неотъемлемым признаком производительности. Напротив, государственные организации, их служащие и политики являются рентоориентированными по определению. И сравнительно низкая эффективность их работы, отсутствие прибыли как раз и свидетельствуют об отсутствии инновационности и ориентации на присвоение ренты. На этих посылах и строятся дальнейшие рецепты неоинституционалистов по совершенствованию «институционального дизайна».

3.4. Новый синтез: изъятие ренты и непроизводительный труд в частном секторе. М. Маццукато и Д. Гребер

Неожиданное продолжение старых дискуссий вокруг производительного и непроизводительного труда возникло в последнее десятилетие. Чтобы охарактеризовать эту «новую старую постановку вопроса», остановимся на двух работах, принадлежащих перу Марианны Маццукато и Давида Гребера.

Маццукато использует, казалось бы, давно устаревшее понятие общественной ценности, причем в явном виде обращаясь к наследию классической политической экономии: «Под “созданием ценности” я понимаю способы, с помощью которых различные типы ресурсов (человеческие, материальные и неосязаемые) возникают и взаимодействуют с целью производства новых товаров и услуг. Под “изъятием ценности” я понимаю виды деятельности, сосредоточенные на манипуляции существующими ресурсами и продукцией и на извлечении непропорционально высоких доходов из протекающих из этого торговых операций» (Маццукато, 2021. С. 28). Ценность здесь имеет прямые параллели с марксист-

ской (и рикардianской) трудовой ценностью (стоимостью); собственно, в одном из разделов своей работы Маццукато как раз и рассматривает это классическое понятие. Очевидно также, что прибыли, которые получает корпорация за счет своего монопольного положения, будут в этом дискурсе результатом «манипуляций ресурсами», а стало быть, это «изъятие», а не «создание» ценности. Казалось бы, это относительно небольшое отличие от неолиберальной позиции и возврат к неоклассикам, но Маццукато идет гораздо дальше. По сути, она обвиняет основную часть финансового сектора в «рентоориентированном поведении», в изъятии, а не создании ценности³². Мало того, она «покушается на святое»: «Сегодня патентная “сделка” разбалансирована настолько, что патентная система больше не поддерживает инновационную экономику, а замедляет ее. Привели к этой разбалансировке изменения в четырех основных сферах: предмет патентования, длительность патентной защиты, легкость получения патентов и причины стремления к патентной защите...

Можно утверждать, что благодаря совокупности этих изменений патенты повлекли за собой не производительное, а непроизводительное предпринимательство... Во многих случаях предпринимательство может быть и *непроизводительным* – например, когда оно задействует инновации в поисках рентных доходов или обнаруживает неиспользуемые, но эффективные юридические ухищрения, которые можно использовать против конкурентов. Сегодня патентная система предоставляет “непроизводительному предпринимательству” множество благоприятных возможностей подобного рода: патенты могут стимулировать монополии и усиливать злоупотребление рыночными преимуществами, блоки-

32. При этом Маццукато не замечает (намеренно?), что в своей аргументации она использует примеры отдельной, по сути, замкнутой национальной экономики. Если же допустить, что дело идет о таких крупных открытых экономиках, как США, ЕС или Япония, то финансовый сектор может изымать (и изымает) ценность не столько из своей национальной, сколько из мировой экономики, перераспределяя в свою пользу доходы и богатство других стран. Но тогда с позиций *отдельной* страны (например, США или Великобритании) финансовый сектор выглядит «производительным».

ровать распространение исследовательской работы, которая финансируется государством и осуществляется коллегиально» (Мацукуато, 2021. С. 290–291, 294).

Таким образом, кроме финансового сектора, Мацукуато критикует и часть «инновационных секторов» — преимущественно фармацевтику и информатику. По ее мнению, в настоящее время большая часть «добавленной стоимости» в этих видах экономической деятельности является изъятием такой стоимости из других сфер, собственный же производительный вклад сравнительно невелик. Однако этого мало. Она еще утверждает, что роль государственного сектора в создании ценности регулярно недооценивается: «Если судить по национальным счетам, то складывается впечатление, что государство попросту тратит получаемое в виде налогов, собираемых с создающих ценность компаний. Но может ли это соответствовать действительности?»

Существующие национальные счета неспособны уловить полный объем этой добавленной государством ценности, а также в них делается несколько существенных неверных допущений. Прежде всего, в национальных счетах большая часть государственной ценности рассматривается только в качестве издержек, которые главным образом представляют собой плату государственным служащим; в государственной деятельности отсутствует операционная прибыль, которая увеличивала бы ее добавленную ценность. Доля заработной платы в добавленной ценности частного сектора редко превышает 70%. Исходя из этого, можно утверждать, что добавляемая государством ценность в среднем составляет лишь 70% от того, какой она должна быть.

Во-вторых, предполагается, что возврат от инвестиций, осуществляемых государством, равен нулю — в рамках этой логики государство не приносит прибавочный продукт... Попросту бессмысленно оценивать возврат от громадных государственных инвестиций как нулевой, если аналогичные инвестиции частного сектора приносят прибыль...» (Мацукуато, 2021. С. 347–348).

Маццукато приводит довольно много примеров, свидетельствующих в пользу недооценки ценности благ, создаваемых в государственном секторе, и переоценки ценности, создаваемой в финансовой сфере, а также в фармацевтике и секторе информационных технологий. Но *так и должно быть*. Как мы показали выше, измерение ВВП основано на определенных принципах. Эти принципы, с одной стороны, позволяют весьма произвольно оценивать добавленную стоимость в различных секторах и сферах национальной экономики, а с другой — одинаково подходят к учету ценности, создаваемой акторами в условиях свободных и фиксированных цен. Можно согласиться с этой критикой и несколько изменить принципы учета; в частности, ввести необходимую «ценностную надбавку» в блага, создаваемые в госсекторе и снизить оценку ожидаемой ценности в финансовом секторе и «монополизированных» отраслях. Более того, вероятно, при соответствующей пропагандистской подготовке можно добиться введения того или иного налогообложения «сверхдоходов», на чем настаивают многие экономисты, которых волнует растущее неравенство в распределении богатства и доходов. Но это мало что изменит в современных *представлениях* о «богатстве народов».

Проблема, которую ставит Маццукато перед сообществом экономистов-теоретиков, намного глубже, чем простое изменение системы оценок ВВП и/или распределения налогового бремени. На самом деле речь идет о том, как применить социальные критерии к оценке деятельности людей — кто создает ценность, а кто ее изымает. Если, например, применить такое деление к ученым, а среди них — и к экономистам, то такая постановка вопроса становится довольно скандальной. Большая часть ученого сообщества согласится с идиотизмом ситуации, в которой производительность научных поисков оценивается по количеству опубликованных работ; более того, по-видимому, многие согласятся с тем, что основная часть таких публикаций — «мусорные», поскольку не обеспечивают «прироста научного знания». Но то же самое большинство

ученых с негодованием отвергнет непосредственно вытекающий отсюда логический вывод о том, что занятия наукой во многом представляют собой особый вид рентоориентированного поведения, или, выражаясь языком публицистов, «социального паразитизма». Но если это так, то почему с подобной логикой должны соглашаться акторы финансового сектора или «инновационные предприниматели»?

Однако в современных богатых обществах действительно происходит что-то странное. Аксиомой для экономистов является положение о том, что если фирма платит своему работнику, то он делает для нее что-то полезное. Возможно, что этот труд и не создает ценность с точки зрения общества, если речь идет об *антиблагах*, будь-то наркотики, вооружения, азартные игры или платные сексуальные услуги. Однако, по крайней мере, работник своим трудом увеличивает доход фирмы. В противном случае оплата его труда уменьшала бы прибыль, а это иррационально.

Однако у современных антропологов на этот счет другое мнение. Д. Гребер, который написал книгу о феномене «бредовой работы», отмечает: «Я бы не рискнул сообщить человеку, который убежден, что делает для мира что-то осмысленное, что на самом деле это не так. Но как насчет тех людей, которые сами считают, что их работа бессмысленна?»

...я думаю, что никогда не встречал корпоративного юриста, который не считал бы свою работу бредовой... .. Существует целый класс хорошо оплачиваемых профессионалов, которые, если ты встретишь их на вечеринке и расскажешь, что сам занимаешься чем-то интересным..., [они] не станут обсуждать с тобой свою работу даже в самых общих словах. После нескольких бокалов эти люди разразятся тирадами о том, какой бессмысленной и тупой работой они на самом деле заняты.

Здесь имеет место глубоко укоренившееся психологическое насилие. Как вообще можно говорить о достойном труде, если мы втайне чувствуем, что наша работа не должна существовать?» (Гребер, 2020. С. 21–23).

Как это не удивительно, много работников оценивают свой труд как абсолютно непроизводительный (правда, стоит оговориться, что это не имеет никакого отношения к ренто-ориентированному поведению): «опросное агентство YouGov взялось проверить гипотезу и провело опрос среди британцев, используя фразы, напрямую позаимствованные из эссе, например: «Приносит ли ваша работа какую-нибудь пользу миру?» Неожиданно более трети респондентов – 37% – ответили «нет», 50% сказали «да», а 13% затруднились с ответом.

Это было почти вдвое больше, чем я ожидал: я думал, что доля бредовой работы составляет около двадцати процентов. Более того, чуть позже опрос в Голландии дал почти такие же результаты (на самом деле даже чуть выше): сорок процентов работников заявили, что существование их работы ничем не оправдано.

То есть гипотеза не просто подтвердилась реакцией публики – она также получила исчерпывающее статистическое подтверждение» (Гребер, 2020. С. 27).

Удивительно, но в отдельных пассажах Гребер начинает почти дословно использовать категории Маццукато, при этом, по-видимому, будучи не знаком с ее работой: «На самом деле мало кто из экономистов пытался подсчитать *общую общественную ценность* (курсив мой. – П.О.) разных профессий: большинство из них, видимо, сочло бы это дурацкой затеей. Однако те, кто пытался, в целом подтверждают, что обратная взаимосвязь между пользой и оплатой действительно существует...

Среди известных мне исследований ближе всего к этой задаче проект британского Фонда новой экономики: он располагает наиболее широкой выборкой. Авторы исследования использовали метод под названием «анализ социального возврата на инвестиции», чтобы рассмотреть шесть видов занятий, представляющих структуру занятости в целом: три высокооплачиваемых и три низкооплачиваемых...:

- банкир: годовая зарплата около 5 млн ф.ст.; уничтожает приблизительно 7 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;

- директор по рекламе: годовая зарплата около 500 тыс. ф.ст., уничтожает приблизительно 11,5 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;
- бухгалтер: годовая зарплата около 125 тыс. ф.ст., уничтожает приблизительно 11,2 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;
- больничный санитар: годовая зарплата около 13 тыс. ф.ст. (6,26 ф.ст. в час); приносит приблизительно 10 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;
- рабочий в сфере утилизации: годовая зарплата около 12,5 тыс. ф.ст. (6,1 ф.ст. в час); приносит приблизительно 12 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.;
- воспитатель в детском саду: годовая зарплата около 11,5 тыс. ф.ст.; приносит приблизительно 7 ф.ст. общественной ценности на каждый заработанный ф.ст.» (Гребер, 2020. С. 297–298).

Таким образом, старая дискуссия о производительном и непроизводительном труде приобретает «новое дыхание»: санитар, мусорщик и воспитатель создают дополнительную стоимость, а банкир, рекламщик и бухгалтер ее изымают.

Это, конечно, грубая оценка. При более точном различении, которое пытается провести Мацдукто, будет происходить, вполне в духе маржиналистского анализа, изменение «предельной общественной ценности». Сокращение количества тех работников, которые в расчете на 1 руб. своей зарплаты приносят «уничтожение» общественной ценности, постепенно сведет это уничтожение к нулю, то же самое будет происходить и с увеличением занятых в тех сферах, где сейчас на 1 руб. зарплаты приходится высокая положительная предельная ценность.

Подведем итоги проведенного исследования и обозначим проблемы нового синтеза концепций производительного и непроизводительного труда.

Аргументация Маццукато и Гребера вполне укладывается в классическую постановку проблемы экономического роста А. Смитом: необходимо определить сферы, где дополнительная занятость приносит отрицательный прирост общественной ценности, а также сферы, где такая занятость приносит положительный прирост. Экономическая политика, направленная на рост национального богатства, должна обеспечить стимулы для перехода работников из одной сферы в другую.

Однако в рамках сегодняшнего мейнстрима такая задача не может быть решена. Как уже много раз говорилось, любой оплаченный товар и/или услуга включается сейчас в ВВП и по умолчанию обладает общественной ценностью. Важнейшей – и наиболее уязвимой – чертой аргументации Маццукато и Гребера является допущение о том, что часть оплачиваемого труда не увеличивает, а уменьшает общественную ценность (другими словами, изымает, а не создает ценность). Это противоречит нынешнему представлению об общем экономическом равновесии, где производство должно быть равно потреблению. Оказывается, что часть того, что мы сейчас считаем производством, следует относить к «уничтожению ценности», т. е. – к потреблению.

При этом общая посылка современной экономической теории о том, что все виды оплачиваемого труда необходимы, очевидно, по-прежнему бесспорна. Но следует различать *средние* и *предельные* величины. Как уже говорилось выше, часть работников, занятых в финансовом секторе, является производительной; но превышение занятости сверх какого-то предела приводит к тому, что каждый следующий работник будет приносить отрицательную общественную ценность. Поэтому нет смысла говорить о равновесии, необходимо обсуждать *структурную сбалансированность*. Однако такая постановка вопроса предполагает уже синтез мейнстрима и структуралистских теорий роста. При условии доминирования старых концептов экономического поведения, общего равновесия и подходов к оценке ВВП это представляется маловероятным.

Тем не менее сохранение привычных подходов ведет к усугублению политических противоречий. Д. Гребер так описывает сложившееся положение: «из-за подобных условий труда политическая жизнь наполнена ненавистью и злобой. Те, кто с трудом выживает и не может найти работу, злятся на трудоустроенных. Трудоустроенных убеждают ненавидеть бедняков и безработных, которых постоянно называют паразитами и нахлебниками. Те, кто застрял на бредовой работе, обижены на тех, кому повезло заниматься по-настоящему производительным или полезным трудом. А тем, кто занят по-настоящему производительным или полезным трудом, недоплачивают, их унижают и не ценят; и их, в свою очередь, все сильнее бесят те, кто, по их мнению, занял немногочисленные рабочие места, где можно хорошо зарабатывать и при этом заниматься чем-то полезным, возвышенным или привлекательным, — те, кого они называют либеральной элитой. Наконец, всех их объединяет ненависть к политическому классу: они считают, что он коррумпирован (и совершенно правы). Однако политическому классу все предыдущие формы пустой ненависти весьма удобны, поскольку они отвлекают внимание от него самого» (Гребер, 2020. С. 346).

Такая ситуация является весьма неустойчивой. Она будет усугубляться — и, по мере ухудшения, как нам представляется, экономисты постепенно будут понимать, что старые дискуссии возникали отнюдь не на пустом месте. Поэтому проблема нового синтеза концепций производительного и непроизводительного труда продолжает ждать своего решения.

Глава 4

ТРУДНЫЕ ПУТИ СИНТЕЗА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА К СИСТЕМНЫМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ³³

«Наука — это драма идей».
Альберт Эйнштейн

Введение

Теоретический синтез в экономической теории означает парадигмальную «перезагрузку» и адаптацию научного знания в соответствии с меняющимися социальными условиями. В какой мере отечественная экономическая теория приспособлялась и приспособляется к такого рода изменениям и можно ли говорить о синтезе в разработках российских экономистов? С этой точки зрения мы проанализируем сначала состояние политической экономии социализма в СССР. Будет показано, что, несмотря на неоднократно предпринимаемые советскими политэкономистами попытки критического анализа традиционных понятий, введения новых категорий и концептуальных дополнений, в политической экономии социализма не произошло существенных методологических изменений и не состоялся необходимый теоретический синтез. «Застывшая методология» этой науки стала основным тормозом для адекватного выполнения ею своих общественных функций, прежде всего прогностической и преобразовательной.

33. Основу данной главы составили материалы, представленные в: (Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021). Несостоявшийся теоретический синтез — тормоз реальной практики (методологические заметки по поводу распада СССР) // Социологические исследования. № 12. С. 27–36; а также в: (Кирдина-Чэндлер, 2021)).

После распада СССР место политической экономики социализма в умах многих экономистов и на университетских кафедрах России заняла современная экономическая неоклассическая теория. Как уже отмечено выше, в ходе ее развития было зафиксировано два важнейших теоретических синтеза — неоклассический синтез 1940–1960-х годов и новый неоклассический синтез 1990-х годов. Оба имели внутридисциплинарный характер. В главе 2 показано, однако, что разработанный инструментарий по-прежнему не позволяет изучать «риски системы как целого» и строить надежные долгосрочные прогнозы экономического развития. В российских условиях эта ситуация еще более усугубляется в связи с рядом институциональных особенностей российского общества и экономики, качественно отличающихся от западных³⁴. В главе рассматриваются характеристики и перспективы системной парадигмы как основы междисциплинарного теоретического синтеза, необходимого для развития отечественной экономической теории. Также проанализированы барьеры развития системной парадигмы и способы их преодоления. В заключение обозначены контуры междисциплинарного «институционального синтеза», становление которого наблюдается в России с начала 2010-х годов. Выведены его отличительные особенности. Во-первых, он развивается за пределами экономической ортодоксии и осуществляется в ходе исследовательского сотрудничества гетеродоксальных экономистов с представителями социально-гуманитарных и естественных дисциплин, то есть является междисциплинарным (полидисциплинарным). Во-вторых, основным предметом исследования в его рамках являются институты, или, более широко — мезоуровневые структуры, обеспечивающие целостность, воспроизводство и развитие социально-экономических систем. В-третьих, методологическую основу междисциплинарного сотрудничества в рамках «институционального синтеза» обеспечивают системная парадигма и опора на холистический подход.

34. Эта специфика подробно проанализирована в теории институциональных X-Y-матриц (Кирдина, 2014).

4.1. Проблемы теоретического синтеза в политической экономии социализма в СССР

Основы и направления развития политической экономии социализма как составной части советского обществоведения были заложены еще В.И. Лениным, который в свое время писал: «для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» (Ленин, 1967. С. 184). Творческая разработка марксистских положений отечественными обществоведами не изменяла, однако, «идейный стержень» общественных наук, который окончательно сформировался в СССР в 1930-е годы (Булыгина, 2000). Его основу составили идеология марксизма-ленинизма и приверженность построению социализма и коммунизма как основной цели общественного развития.

По поводу идеологизации и несвободы советского обществоведения, призванного служить делу «социалистического строительства», написано много литературы. Их суть емко и кратко выразил известный исследователь в этой области Г.П. Федотов: общественные науки в СССР стали служебным понятием (Федотов, 1994). Другими словами, советскому обществоведению в целом и политической экономии социализма в частности предстояло решать не (с)только исследовательские, но и политические задачи «на службе» правящей коммунистической партии.

Как же происходило развитие политической экономии социализма в СССР? Имел ли в ней место теоретический синтез, который бы отражал методологическое обновление ее понятийного аппарата и обогащение предмета исследования в соответствии с потребностями меняющейся практики?

В анализе политэкономии социализма обратимся прежде всего к одному из важнейших ее постулатов, который был зафиксирован, например, в работе И.В. Сталина

«Экономические проблемы социализма в СССР» (1951 г.): «законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей». Было признано, что эти объективные законы партия и правительство могут лишь изучать и учитывать в своей деятельности, но не могут их отменить. И таким важнейшим объективным законом был признан сформулированный Марксом и формально разделявшийся всеми советскими политэкономами закон о примате производительных сил (базиса) по отношению к производственным отношениям (надстройке), единство которых определяло способ производства и характер общественно-экономической формации. «На известной ступени своего развития производительные силы перерастают рамки данных производственных отношений и вступают с ними в противоречие. ...В силу этого старые производственные отношения раньше или позже сменяются новыми производственными отношениями, соответствующими достигнутому уровню развития и характеру производительных сил» (*Политическая экономия*, 1953. С. 10).

Но могла ли предполагаться смена общественно-экономической формации и, соответственно, замена надстройки в виде политической советской системы в СССР — «стране победившего пролетариата», строящей коммунизм? «В этих условиях тезис о примате производительных сил, которые непрерывно развиваются и рано или поздно должны были, следуя логике марксизма-ленинизма, изменить строй, — становился идеологически неприемлемым» (*Кирдина*, 2006. С. 32). Было очевидно, что положение о пассивной, вторичной роли производственных отношений по отношению к базису (в виде производительных сил) требовало пересмотра. Это было тем более важно, поскольку фактически соответствовало активной роли руководящей коммунистической партии (надстройки) в проведении экономических преобразований и развитии производительных сил в стране. Говоря современным языком, перед политической экономией социализма встала задача теоретического синтеза — разработки

методологии, которая позволила бы интегрировать позиции, по-разному определявшие соотношение базиса и надстройки в общественном развитии.

В политэкономической литературе тех лет мы видим попытки такого «синтеза», который, по сути, означал попытку реинтерпретации Марксовой концепции. Приведем характерную цитату из работы крупнейшего советского экономиста тех лет К.В. Островитянова³⁵: «Политика советского государства, руководимого Коммунистической партией, согласно учению Ленина, является концентрированным выражением экономики и имеет примат над последней. Положение о примате политики над экономикой в социалистическом обществе ни в малейшей степени не противоречит и не отменяет основ исторического материализма и, в частности, того положения, что экономика является базисом человеческого общества, а политика, государство, право — надстройкой над базисом. Марксизм-ленинизм не рассматривает надстройку как нечто пассивное по отношению к базису — экономике. Наоборот, он признает активную роль надстроек, оказывающих огромное обратное влияние на экономику и производительные силы общества» (Островитянов, 1972. С. 84).

Приведенная цитата ярко показывает, что в условиях идеологического контроля над общественными науками необходимый теоретический «синтез» происходил не на деле, а лишь на словах. «Последовательное уточнение какого-либо официального идеологического положения приводило в конце концов или к отрицанию социалистического характера общества или к отрицанию соответствия официального

35. О его статусе говорит тот факт, что Островитянов возглавлял группу авторов и редакторов учебника «Политическая экономия» (1954 г.), в соответствии с указаниями И. В. Сталина. «...В советских условиях официально принятый учебник по политической экономии был больше, чем учебник. Он становился (и стал) настольной библией для миллионов людей, которым по нему предстояло знакомиться с экономической теорией. Ввиду такой особой значимости им занималась вся советская элита, включая Сталина. Но этим были предопределены и идеологический характер, и отдаленность от научного содержания экономической теории, в особенности в той части учебника, которая была посвящена социалистической системе...» (Дзарасов и др., 2004. С. 199).

положения марксизму» (Воейков, 2012. С. 28). Хотя было понятно, что — в данном случае категории производительных сил и производственных отношений, — при такой противоречивой и слишком абстрактной трактовке вряд ли помогают понять механизмы общественного развития в СССР, отказаться от нее в политической экономии социализма оказалось невозможно (более подробный анализ см.: (Кирдина, 2006)).

Другим примером того, как не состоялся необходимый для развития политической экономии социализма теоретический синтез, служит известная дискуссия между «товарниками» и «нетоварниками» 1960-х годов. «Товарники» обосновывали объективный характер развития товарно-денежных отношений при социализме — наиболее известной была группа Я.А. Кронрода в Институте экономики АН СССР. «Нетоварники» во главу угла ставили планомерность, полагая существование товарно-денежных отношений лишь временной фазой «на пути перехода к коммунизму» — эта позиция была представлена сотрудниками кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которой руководил Н.А. Цаголов. Дискуссия закончилась решением ЦК КПСС от 21.12.1971 г. «О работе партийной организации Института экономики Академии Наук СССР по выполнению постановления ЦК КПСС “О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве”», на основании которого «товарники» фактически оказались лишены возможности работать и печатать свои труды. «Этот разгром, в конечном счете, закрыл возможные альтернативные направления социально-экономического развития страны... Она [точка зрения «товарников». — С. К.-Ч.] призывала к новому пониманию социализма, открывала новые направления развития общественного строя, предлагала новую научную методологию — попытку сначала разобраться в существующих реалиях, их сформулировать, а затем искать научно обоснованные решения выявленных проблем» (Кузнецова, 2005. С. 46). Другими словами, он являлся призывом к разработке обновленной

методологии в политической экономии социализма. Но он не был поддержан и реализован.

В свое время данный подход не получил поддержки и при подготовке нового послесталинского учебника по политэкономии социализма. «Эту работу взялся делать Институт экономики АН СССР группой ученых во главе с Я.А. Кронродом. ...Но труд Института экономики так и не появился в печати» (Воейков, 2012. С. 39). Зато в 1963 г. издали новый учебник политэкономии под редакцией Н.А. Цаголова — главного оппонента «товарников», где именно его версия была утверждена «в качестве официальной и единственной» (Дзарасов и др., 2004. С. 368). Более того, за кафедрой Цаголова — единственной на пространстве бывшего СССР — устойчиво закрепились идентификация «школы экономической методологии» (Шаниро, 2015). Период методологического плюрализма, начавшийся в период «оттепели», быстро закончился. Тем самым закрылось и «окно возможностей» для теоретического синтеза и обновления методологии, так необходимых для развития политической экономии социализма.

Попытка обновления методологических категорий и выхода за пределы жестких и недостаточно эвристичных конструкций «производительных сил и производственных отношений», а также «планового социализма», вновь была предпринята в начале 1980-х годов. Академик Л.И. Абалкин в своей работе «Диалектика социалистической экономики» предложил включить в методологическую программу экономических исследований новую аналитическую категорию «на стыке известных категорий производительных сил и производственных отношений» — «организационно-экономические отношения» (Абалкин, 2000. С. 339). Однако и эта попытка не получила развития. Политэкономия социализма в СССР даже в последние годы его существования не смогла выйти из роли «служебного понятия».

Полувековая история советской политэкономии позволяет увидеть картину поисков совершенствования исследовательской методологии в общественных науках и идентифицировать

идеологические барьеры, на которые постоянно наталкивались эти поиски. Те барьеры, которые не позволили изменить исследовательскую парадигму и осуществить прорыв к необходимому теоретическому синтезу в экономической теории.

Распад СССР, похоронивший политическую экономию социализма, вызвал к жизни новые экономические теории и доктрины. Активное подключение постсоветского российского общества к глобальным структурам по всем направлениям стало характерной чертой и российской науки. В экономике следствием этого процесса стало освоение российскими учеными современных достижений экономической ортодоксальной неоклассики и гетеродоксальных направлений. Среди последних особую популярность получили институциональные исследования, и «бум институционализма» в постперестроечной России был зафиксирован многими исследователями (подробнее об это см.: *Кирдина, 2015*). Именно на этом направлении возникли предпосылки теоретического синтеза в отечественной экономической науке. Его метаметодологическим основанием стала системная парадигма, характерная для отечественного обществоведения.

4.2. Системная парадигма в экономической теории и барьеры для ее развития

Как можно определить системную парадигму? Очевидно, в современной науке представлен разнообразный системный инструментарий. Речь идет о теориях систем разного уровня, системном анализе, системных исследованиях и др. (исчерпывающий обзор был сделан, например, в: *Лившиц, 2013*). Но неизменным остается выделение системы (при множественности определений того, что это такое) как идеального объекта или предмета исследования. Как правило, речь идет о представлении анализируемого феномена как целостной сложной многоуровневой системы эмерджентного типа³⁶,

36. В системах эмерджентного типа связи между уровнями имеют морфологический характер. Подробнее о свойстве эмерджентности см.: *(Goldstein, 1999. Pp. 55–56)*.

в составе которой можно выделить взаимосвязанные подсистемы и элементы. Это означает, что поведение системы как целого отличается от поведения образующих ее составных частей. Кроме того, современное представление о системе подразумевает наличие функции (или цели) системы, определяемой с точки зрения наблюдателя или исследователя. Также отмечается объективный характер существования систем, обусловленный свойствами самоорганизации.

Сформирована ли соответствующая парадигма в экономической теории? Введенное Т.С. Куном (*Kuhn*, 1962) в методологии науки понятие *парадигмы* предполагает сложившееся в научной среде принципиальное видение мира и общие мировоззренческие, философские ценности, характер принятых символических обобщений, схожие концептуальные схемы и образцы решения задач, разделяемые основной массой ученых в конкретном научном сообществе³⁷. С этой точки зрения подход к анализу экономики как системы вряд ли имеет парадигмальный характер, поскольку ее не разделяет «основная масса ученых». К тому же среди обществоведов дискутируются характер и особенности использования системных представлений, разработанных в естественных науках, для анализа социально-экономических систем.

Так, весьма распространена точка зрения на общество и, соответственно, экономику как на отличные от природы формы пространства и времени, «творимые субстанционально свободной человеческой волей» (*Момджян*, 2001. С. 610). Характер связей в таких образованиях также отличается от природных, в том числе биологических, систем, поскольку они имеют преимущественно информационный и символический характер и постоянно меняются — например, в социологии поэтому популярна введенная Зигмунтом Бауманом категория *текущая современность*. При таком понимании

37. Хотя Кун разрабатывал идею парадигмы только в отношении естественных наук и отрицал ее применимость к общественным наукам, в настоящее время распространена точка зрения, согласно которой также «можно говорить о парадигме в экономической науке» (*Кошовец*, 2020. С. 384). И мы ее разделяем.

использование естественно-научных подходов для анализа социальных систем, или систем с участием человека предполагается весьма ограниченным. Более адекватными признаются методы социальных и гуманитарных наук — социологических, психологических и др.³⁸, учитывающих особенности действующего в обществе и экономике субъекта, наделенного сознанием и свободой воли.

В то же время большое число сторонников имеет и другая точка зрения: общество как часть материальной реальности можно исследовать с тех же позиций, что и мир природы, опираясь на философский тезис о единстве и целостности реально существующего³⁹. Общество как социальная система (подсистемами которой являются экономика, политика и др.) может рассматриваться как надындивидуальная система. Хотя она и формируется в ходе взаимодействия людей, но обладает собственными интегральными свойствами. Поэтому при анализе общества и экономики можно опираться на общие принципы функционирования любых сложных систем. Среди последователей этой точки зрения мы и встречаем приверженцев *системной парадигмы* в экономической теории. Что она подразумевает?

Экономика, в соответствии с известными определениями, представляет собой сферу, где общество принимает и реализует решения об использовании ограниченных, дефицитных ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей (Фишер и др., 1997. С. 1). Поэтому особенность системного подхода к анализу экономики состоит в том, что ее следует изучать как социальную систему, то есть систему с участием человека. Другая особенность состоит в том, что именно системные свойства должны быть основным объектом анализа, что означает реализацию «стержневого принципа холизма» (Клейнер, 2020. С. 16). Третья особенность — признание объективного характера социальной системы и ее

38. Данный тренд мы отчетливо наблюдаем и в экономической науке.

39. В этой связи отметим, что развитие экономической теории характеризуется постоянным укреплением ее теоретического каркаса естественно-научными идеями.

способности к самоорганизации. Имея это в виду, зафиксируем следующее рабочее определение системной парадигмы для экономической теории: она предполагает преимущественное рассмотрение экономики как объективно существующей социальной (с участием человека) системы; при этом холистический подход является основным методологическим принципом⁴⁰. Холистический подход предполагает работу со структурными (системными) связями и свойствами системы, не сводимыми к свойствам входящих в нее элементов и не выводимыми из них, а также предполагает анализ механизмов, обеспечивающих целостность системы.

Одним из первых системную парадигму в экономике представил и исследовал патриарх венгерской (и мировой) экономической науки Януш Корнаи (*Kornai*, 1998, 2016; *Корнаи*, 2002). В список авторов, развивающих системную парадигму в экономических исследованиях, Корнаи, помимо себя, включил таких ученых, как К. Маркс, представителей австрийской (неоавстрийской) школы – Й. А. Шумпетера, Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека, а также В. Ойкена и К. Поланьи.

В России первенство в приложении идей системной парадигмы к экономическому анализу принадлежит Г.Б. Клейнеру, который развивает «системную экономику» в качестве нового направления экономической теории (*Клейнер*, 2004, 2013, 2021). Рассмотрение экономики как сложной многоуровневой системы было представлено также в пионерных работах Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых по экономической синергетике (см., например: *Евстигнеев, Евстигнеева*, 2007, 2010).

Отдельно отметим направление *экономика сложности* (*complexity economics*), где также используются системные представления (*Arthur, Durlauf, Lane*, 1997; *Foster*, 2004a; *Chian*, 2007; *Arthur*, 2015, 2021). Однако до сих пор экономика сложности, как отмечают исследователи, не имеет

40. В литературе представлена точка зрения, противопоставляющая системный подход (Марио Бунге называет его “*systemism*”) индивидуализму и холизму. Мы не согласны с данной точкой зрения, однако согласны с ее автором в том, что холизм фокусируется на анализе структур социальных систем (*Bunge*, 2000. P. 147).

адекватного философского основания (Gr bner, 2016), и ее системный фундамент четко не артикулирован.

В целом, несмотря на отмеченные выше разработки, системная парадигма не занимает доминирующих позиций в экономической теории. Что препятствует этому?

Если в 1898 г. Торстейн Веблен спрашивал в своей статье «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?» (Veblen, 1898), то более века спустя Джон Фостер задает вопрос о том, «Почему экономика не является наукой сложных систем?» (Foster, 2004b). Что до сих пор мешает системной парадигме, распространенной в ряде естественных наук, занять столь же достойное место в экономической теории? На наш взгляд, речь идет прежде всего о мировоззренческих ограничениях или трудностях. Они связаны, во-первых, со сложностью анализа социальной системы как таковой, т. е. системы с участием человека, в которой он сам является элементом. Вторая трудность заключается в доминировании редукционистского, а не холистического подхода в экономической теории.

Конкретизируем первую трудность. В социальных системах, где человек является элементом, перед ним возникают объективные трудности их познания, поскольку уровень сложности социальной (экономической) системы по определению превышает уровень сложности элемента этой системы — человека (экономического агента). Более того, научный метод требует обособления объекта от наблюдателя, что в случае анализа социальной, в том числе экономической реальности, чрезвычайно затруднено.

Поэтому научное сознание в данном случае должно уподобиться религиозному сознанию и принять на веру, что такая система — со своими законами, *не сводимыми к законам человеческого поведения и напрямую не зависящая от них*, — действительно существует и поэтому может быть объектом научного анализа. Для представителей естественных наук такой подход (принятие на веру) не нов. Еще Альберт Эйнштейн заявлял: «Вера в существование внешнего мира,

независимого от воспринимающего субъекта, есть основа всего нашего естествознания» (Эйнштейн, 1967. С. 136). Однако для представителей экономических и гуманитарных наук тезис о признании «независимой от воспринимающего субъекта» социальной реальности является не таким очевидным, и вокруг него постоянно ведутся дискуссии.

Также приходится лишь верить в то, что экономическая социальная система познаваема и как-то упорядочена. Несмотря на несомненные научные достижения и возможности предвидения, *пространство непредсказуемого наукой*, в том числе и экономической, продолжает расширяться. «Без веры в то, что природа подчинена законам, не может быть никакой науки. Невозможно *доказательство* (курсив мой. — С. К.-Ч.) того, что природа подчинена законам. Ибо все мы знаем, что мир со следующего момента может уподобиться игре в крикет из книги “Алиса в стране чудес”», писал по этому поводу один из основателей кибернетики Норберт Винер (Винер, 1958. С. 42). В отношении *социальной природы* тезис о невозможности доказательства действующих в ней законов является, по-видимому, еще более жестким.

Таким образом, рассмотрение экономики как системы высшего, по отношению к человеку, уровня сложности требует принятия необходимых *догматов* — веры в ее существование, во-первых, и веры в ее структурированность, упорядоченность, во-вторых. Неприятие этих догматов становится незримым, но непреодолимым барьером восприятия системной парадигмы многими современными экономистами.

Другая трудность, связанная с первой, заключается в *доминировании редуccionистского подхода* в экономических исследованиях. О том, что этот подход является препятствием в изучении сложных системных структур, применительно к физике в 1972 г. Филипп Андерсон писал следующее: «редуccionистские подходы обладают лишь ограниченной возможностью объяснять устройство мироздания. Реальность имеет иерархическую структуру, каждый уровень которой в определенной степени независим от уровней, нахо-

дящихся выше и ниже. На каждой стадии необходимы совершенно новые законы, концепции и обобщения, требующие не меньшего вдохновения и творчества, чем на предыдущих» (Anderson, 1972. P. 393). На наш взгляд, это в полной мере справедливо и для «экономического мироздания» тоже.

Однако отношение к признанию несводимости разных уровней анализа экономики в современной экономической теории противоречиво. Значительная часть современных теоретических макроэкономических моделей, как известно, опирается на микрооснования. В свое время декларация *микрооснований*, подтвержденная в ходе нового неоклассического синтеза, рассматривалась как важный шаг в построении единой экономической теории микро-макроуровня и валидности макроэкономических моделей. Однако все больше экономистов именно в «неправильных микрооснованиях» находят причину неадекватности современных экономических моделей реальным процессам (Stiglitz, 2018. P. 70). То, что хорошо для обеспечения красоты и единства теории, порой не отражает ситуации на практике.

Принятые в неоклассической экономической теории микрооснования — это следствие характерного для неоклассики принципа методологического индивидуализма (Курдина, 2013). Данный принцип «представляет собой реализацию общефилософского принципа методологического редукционизма, поскольку выводит свойства системы (экономики) из свойств ее элементов» (Литвинцева, 2001). Более высокий уровень иерархии экономической системы, где действуют законы ее целостности, исследуется сравнительно редко. Холистический подход в экономических исследованиях представлен, пожалуй, лишь в исследованиях традиционных институционалистов (см. об этом: (Toboso, 2008)) и в сравнительном институциональном анализе (обзор в свое время был представлен в (Ананьин, 2002)). Однако оба эти направления до сих пор не занимают доминирующего положения в современной экономической теории, поэтому используемые в них подходы не являются широко распространенными среди экономистов.

Итак, наряду с трудностями *веры в экономическую систему*, доминирующей в экономике редуционистский подход также сдерживает распространение системной парадигмы в экономической теории⁴¹. Действительно, сильным препятствием для восприятия системной парадигмы экономистами служат разделяемые ими постулаты неоклассической экономической теории, составляющей современный мейнстрим экономической науки. Они сильно отличаются от тех постулатов, которым следовали классические экономисты.

Период становления (полит)экономической теории можно охарактеризовать как *период стихийной системности*, когда объектом исследования выступали экономические системы в целом. При этом описание экономики как социальной системы базировалось на аналогии с системами более низкого порядка. Сотни лет назад экономика уподоблялась физической системе, в которой потоки необходимого вещества взаимодействуют на основе определенных законов. Первые экономические таблицы и опирающаяся на них классическая политэкономия XVIII–XIX вв. отражают этот подход. Неслучайно основатель школы физиократов Франсуа Кенэ (1694–1774) создавал свои таблицы в тот же исторический период, когда Исаак Ньютон (1643–1727) уже заложил основы классической физики. Однако уже с конца XIX в. и до начала XXI в. подходы, характерные для классической политической экономии, развивались не так активно, будучи замещенными неоклассической школой экономической мысли.

В рамках ее представлений исследователь использует схему рассуждений, при которой на экономику как объект исследования явно или неявно проецируются свойства и правила поведения самого исследователя. Иными словами,

41. Характерен известный ответ британских ученых на вопрос королевы Елизаветы II о причинах финансового кризиса 2008 г. — «неспособность коллективного воображения многих блестящих людей, как в Англии, так и за рубежом, осознать риски системы как целого» (Цит. по: Полтерович, 2011. С. 101)).

ученый-экономист рассматривает *экономику* прежде всего как *совокупность взаимодействующих индивидов*. Именно поэтому экономическую теорию часто называют *наукой об экономическом поведении*. Используемая при этом концептуальная модель опирается на несколько исходных постулатов, постоянно модифицируемых и уточняемых, но, тем не менее, сохраняющих свое внутреннее содержание. К ним относятся, во-первых, признание независимости (относительной) основных участников обменных отношений — продавцов и покупателей; во-вторых, выделение свободной (условно свободной, монополистической, ограниченной) конкуренции — как основы ведения хозяйственной деятельности; в-третьих, принципы экономической (ограниченной) рациональности, методологического индивидуализма и максимизирующего поведения; в-четвертых, маржиналистская оценка результатов хозяйственной деятельности, что находит отражение в принципе предельной полезности благ; и, наконец, — стремление экономики к равновесию (полному, частичному, ограниченному), когда посредством цен уравниваются спрос и предложение благ. Теоретико-игровые конструкции, все чаще применяемые в современном экономическом анализе, также опираются в основном на эти неоклассические принципы.

В *мэйнстрим экономикс* используются соответствующие этим постулатам математические модели. Их особенность состоит в том, что в них отражаются преимущественно *локальные* связи между агентами, но не принимаются во внимание внутренние системные связи, которые воплощены в структуре системы и обеспечивают ее воспроизводство и устойчивость при изменяющихся условиях. Другими словами, системные связи, которые поддерживают упорядоченность, организацию, устройство системы, обусловлены не только и не столько характером взаимоотношений между элементами (локальными связями), но ее взаимоотношением с внешней средой, то есть они выявляются в ходе взаимодействия системы как целого со средой, в которой она

функционирует⁴². Также с точки зрения теории неравновесной динамики и синергетики, определяющих современную эволюционную системную парадигму, порядок, равновесие и устойчивость систем достигаются постоянными динамическими неравновесными процессами: этот факт игнорируется в моделях экономики мейнстрима.

Эти нелокальные, системные связи проявляются в периоды так называемых «шоков» или социальных потрясений, но практически незаметны в обычных условиях (как незаметен для нас воздух, которым мы дышим). Они, как правило, остаются «за скобками» и в современных агентно-ориентированных моделях равновесия, учитывающих лишь локальные взаимодействия. Поскольку *мэйнстрим экономикс* уже много лет является базовой парадигмой, которую преподают почти во всех мировых, а ныне и в российских, университетах, то правило «не замечать системные связи», рассматривая любое явление через призму концепции равновесия и доминанты локальных связей, стало неотъемлемой частью современного экономического образования. Это определяет тот интеллектуальный контекст, в рамках которого обычно ведутся дискуссии на экономические темы.

Показательна критика неоклассической экономики специалистами из Института Санта-Фе (Santa Fe Institute), известного своими мультидисциплинарными исследованиями и успехами в изучении сложных систем. В своем докладе на Давосском Форуме-2012 они отмечали, что неоклассическая экономическая теория посвящена анализу преимущественно равновесной экономики, представляемой как сбалансированная машина и закрытая система. В отличие от этого при системном подходе экономика моделируется как сложная система, в которой элементы реагируют друг на друга и взаимодействуют в сложных и непредсказуемых направлениях.

42. Например, в теории институциональных матриц (Кирдина, 2014), в качестве таких системных связей исследуются институты (институциональные матрицы), специфика которых (X или Y) зависит от климатических характеристик территорий, на которых исторически формировались государства как устойчивые институциональные образования.

В то время как равновесная экономика опирается на предпосылку отрицательной обратной связи (выраженной признанием закона убывающей отдачи факторов производства), системная парадигма предусматривает наличие положительных обратных связей. Незначительные события в ходе взаимодействия элементов системы могут оказывать значительное влияние. При этом управление сложной системой не обязательно означает контроль над ее отдельными элементами (*SFI at Davos...*, 2012). Эта критика десятилетней давности сохраняет свою актуальность и сегодня (*Korinek*, 2017; *Arthur*, 2021).

С системной точки зрения более важным является понимание законов, управляющих поведением элементов системы, своего рода инструкций, по которым они действуют. Как писал Майкл Дж. Аптер, процесс развития систем — это «непрерывное самовоспроизведение начального набора инструкций, что эти наборы инструкций, следовательно, служат элементами развития, что между получающимися наборами инструкций возможно общение и что нормальное развитие системы, состоящей из этих наборов инструкций, в конечном счете, определяется только этими инструкциями» (*Аптер*, 1970. С. 199). В экономической теории в качестве модели, реализующей указанный принцип, выступает, на наш взгляд, институциональная модель, в которой роль «самовоспроизводящихся наборов инструкций» играют институты.

4.3. Становление институционального синтеза

Мы уже цитировали прогноз Дункана К. Фоули о том, что в «долгосрочном периоде экономическая наука будет в той же мере определяться социологией и философией науки и взаимодействиями, которые определяют внутренний консенсус, как и отдельными методами или теоретическими подходами» (*Фоули*, 2012. С. 94). Можно с большой вероятностью предположить, что именно такую модель экономики имел в виду Я. Корнай, когда обосновывал системную парадигму (*Kornai*, 1998; *Корнай*, 2002). Ее сутью он считал не только внимание к общим свойствам системности и историчности, но также

фокусировку на исследовании институтов, которые определяют рамки и ход экономических процессов, возникают исторически и развиваются эволюционным путем. Соответственно, дисфункции, присущие системам, имеют внутренний характер, они встроены в них, их можно лишь смягчить, но не устранить, они самовоспроизводятся, так как глубоко укоренены в самой системе и закреплены в ее институциональной структуре. Представители системной парадигмы в экономике из списка Корнаи фактически занимались анализом институтов, хотя данный термин еще не был в ходу в те времена.

Подчеркнем, что понятие *институтов* в рамках системной парадигмы базируется не на *микрооснованиях* и *принципе методологического индивидуализма*, как это свойственно новой институциональной экономике⁴³. Здесь работает системный холистический подход, характерный, как было отмечено выше, для традиционных, или оригинальных институционалистов, сравнительного и исторического институционального анализа, а также для экономики сложности, или *complexity economics* (Gräbner, 2016, 2017).

В этих направлениях, развиваемых преимущественно за пределами ортодоксального неоклассического мейнстрима, исследователи неявно опираются на *принцип методологического институционализма*, который подробно описан в наших предыдущих работах (Кирдина, 2013, 2015). Он позволяет «улавливать институциональную специфику, не представленную напрямую ни на уровне индивидов (микроуровне), ни на уровне формируемой макросреды» (Кирдина, 2015. С. 57). Другими словами, опора на *принцип методологического институционализма* позволяет изучать *мезоуровень* экономики, где происходит объективизация, обезличивание потребностей и устремлений участников экономической деятельности и превращение их в самостоятельные сущности,

43. В связи с этим мы разделяем сделанный В.А. Тамбовцевым вывод о том, что «в нынешних условиях возникновение единой институциональной экономической теории практически невозможно» (Тамбовцев, 2021. С. 33) и связываем это прежде всего с различными методологическими основаниями старого (оригинального) и нового институционализма.

необходимые для функционирования всей системы. Эти сущности реализуются в структурах, отражающих эмерджентные эффекты системы, и они «слишком сложны, чтобы их можно было удовлетворительно описать с микроперспективы, учитывая наше нынешнее состояние знаний» (Korinek, 2017. P. 3). Таким образом, суть принципа методологического институционализма состоит в том, чтобы концентрироваться на анализе мезоуровня социальных, в том числе экономических, систем, т.е. исследовать эти системы с точки зрения поддерживающих их целостность и развитие формальных и неформальных правил (институтов). Следовательно, «объяснение общественных явлений также происходит в терминах функционирования и изменения институциональных структур» (Кирдина, 2015. С. 56). Большинство отнесенных Я. Корнаи представителей системной парадигмы в экономике, среди них – К. Маркс, К. Поланьи, В. Ойкен, Й. Шумпетер, – неявно опирались на этот методологический принцип.

В рамках неоклассической экономической теории, которая развивается за пределами системной парадигмы, мезоуровень «понимается либо как групповой, т.е. “срединный” уровень агрегации индивидов (или других социальных и экономических субъектов), либо “пропадает” и не различается на фоне микро- и макроуровней, а потому игнорируется» (Кирдина, 2015. С. 54). Неслучайно мезоэкономические исследования развиваются преимущественно в рамках гетеродоксальной экономики (Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2020; Kirdina-Chandler, Maevsky, 2020), которая претендует на то, чтобы дать более полное и надежное объяснение экономических реалий, чем ортодоксальная экономика мейнстрима (*Contemporary Issues in Heterodox Economics...*, 2021). Видимо, поэтому становление *институционального синтеза* происходит за пределами экономической ортодоксии⁴⁴.

44. Вне ортодоксии был замечен и так называемый *новый институциональный синтез* («new institutional synthesis»), который означает привнесение неоинституциональных дефиниций в экономическую историю и развитие на этой основе *новой институциональной истории* («new institutional history») (Conti-Brown, 2016).

Институциональный синтез должен также опираться на воспроизводственный подход, поскольку институты организуют экономику, в которой действуют активы длительного пользования, что определяет "фундаментальную неопределенность" — неотъемлемую характеристику "сложной экономической системы" (Rousseas, 1987; Евстигнеев, Евстигнеева, 2008). Также институциональный синтез требует опоры на иную математику, а не на «оптимизацию и равновесный анализ, которые являются ведущими принципами экономического мейнстрима» (Розманский, 2008. С. 93).

Сверхзадача любого синтеза в экономике состоит в интеграции несовпадающих иди даже альтернативных исследовательских программ в рамках более общей экономической теории. Также необходимым условием синтеза является критический анализ предшествующих концепций с целью отделения всего позитивного от всего негативного. Не менее важна выработка новой (или развитие прежней) методологической основы, позволяющей синтезировать различные концепции. Каковы с этой точки зрения характеристики и приметы институционального синтеза, становление которого мы наблюдаем?

Во-первых, его целью, на наш взгляд, служит разработка более адекватной современной реальности экономической теории, которая учитывает *эмерджентные связи экономических систем, воплощенные в институтах*. Различия между экономическими системами во времени и пространстве отражаются в системах имманентных им институтов. Они являются интеграторами и экономического поведения, и структурирования экономики и ее воспроизводства.

Во-вторых, в отличие от известных к настоящему времени неоклассического и нового неоклассического синтеза в экономической теории, которые носили внутридисциплинарный характер и были замкнуты внутри экономики, *институциональный синтез имеет междисциплинарный или полидисциплинарный* (если речь идет о взаимодействии между более чем двумя социально-гуманитарными дисциплинами) харак-

тер. Именно поэтому он наблюдается преимущественно в гетеродоксальной экономике, которая активно сотрудничает с социологией, политологией, психологией и естественными науками. Язык общения между ними опирается на понятия системной парадигмы. При этом речь идет о сотрудничестве различных дисциплин, объединенных прежде всего предметом и объектом исследования⁴⁵, каковыми являются институты в широком смысле этого слова (мы понимаем под ними мезоуровневые структуры социально-экономических систем различного масштаба).

В-третьих, институциональный синтез проходит *на основе «равноправного сотрудничества»* (Орехов, 2018) между дисциплинами с целью конструирования общего универсального знания (о таком основании теоретического синтеза мы подробно писали в главе 1). Различные дисциплины исследуют общий институциональный объект в рамках одного проекта или независимо друг от друга, вступая в диалог и предъявляя полученные знания, совмещение которых становится возможным на основе разделяемой системной парадигмы.

В-четвертых, институциональный синтез предполагает опору на *воспроизводственный подход*, поскольку институты организуют экономику, в которой действуют активы длительного пользования, что определяет *фундаментальную неопределенность* – неотъемлемую характеристику сложной экономической системы (Евстигнеев, Евстигнеева, 2007).

Становление институционального синтеза отражает объективную потребность в преодолении разобщенности исследовательских направлений и программ, на которую, в частности, указывает Р.И. Капелюшников (Капелюшников, 2018. С. 87). Также институциональный синтез отвечает на многолетний запрос о необходимости более тесного сотрудничества экономистов с представителями разных общественных дис-

45. Что позволяет определить институциональный синтез как *онтологический* синтез в соответствии с классификацией, представленной в главе 1.

циплин, что было обосновано в ряде работ (Ананьин, 2009; Розов, 2009; Вольчик, 2015)⁴⁶.

Где мы видим приметы формирующегося институционального синтеза?

Во-первых, обратим внимание на работу В.М. Полтеровича «*Становление общего социального анализа*». Она посвящена обоснованию синтеза общественных наук в рамках общего социального анализа, и одним из основных факторов этого синтеза служит общий объект исследования – «функционалирование и развитие общественных институтов, поведение человеческих коллективов в рамках этих институтов» (Полтерович, 2011. С. 109). Междисциплинарное взаимодействие экономистов, социологов, политологов (и не только) необходимо потому, что они ищут ответы на одни и те же вопросы: «Как устроены социальные институты, обеспечивающие общественное развитие?», «Какими они должны быть?», «Как обеспечить их совершенствование?» (Полтерович, 2011. С. 108). Такое понимание синтеза экономики и других общественных наук дает нам основания трактовать предложенное направление общего социального анализа как пример «институционального синтеза» в нашем понимании. Позже В.М. Полтерович не только продемонстрировал роль предложенного им синтетического подхода на примере проектирования необходимых России институциональных реформ (Полтерович, 2013), но и обозначил синтетический характер своих разработок более явно (Полтерович, 2022).

Во-вторых, сошлемся на нашу работу «*Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход*» (Александров, Кирдина, 2013). В ней на основе системной парадигмы удалось обеспечить синтез результатов

46. Отметим, однако, и скептицизм по отношению к перспективе институционального синтеза. Как полагает, например, В.С. Автономов, институциональные теории слишком конкретны для того, чтобы стать основой «больших теорий», синтезирующих различные взгляды и подходы. Свои обоснования он представил в докладе «Большие теории, сегментация и междисциплинарный синтез» на IV Октябрьской международной научной конференции «Сегментация экономической науки и проблемы синтеза» (19–20 октября 2022 г., г. Москва).

экономико-социологических и психологических исследований и обосновать морфологический характер связей институциональных и ментальных структур.

В-третьих, отметим работу С.В. Дегтяревой «*Методологические основания исследования институциональной структуры национальной экономики*». Автор представила попытку синтезировать системный подход и институциональную теорию для разработки методологии анализа структуры национальной экономики России (Дегтярева, 2010).

В-четвертых, идеи институционального синтеза мы находим также в работах Г.Б. Клейнера, который обосновывает роль системной парадигмы для интеграции неоклассической, институциональной и эволюционной концепций и многостороннего рассмотрения социально-экономических образований как комплексов, носящих черты технологических, экономических, социальных, институциональных, биологических и иных систем (Клейнер, 2004. С. 6).

Наконец, наиболее современным и продвинутым примером институционального синтеза является предложенная Д. П. Фроловым в главе 7 «постинституциональная теория трансплантации институтов», представляющая собой по сути сложностно-ориентированный междисциплинарный синтез.

Подводя итоги проведенного исследования, заметим следующее: по известному выражению основателя Римского клуба Аурелио Печчеи, «острая потребность в системном подходе диктуется самым сложным характером современного мира, где взаимные связи между отдельными компонентами зачастую важнее, чем сами компоненты» (Печчеи, 1985. С. 111). В свое время это привело к широкому распространению системной парадигмы в естественных науках. В то же время в экономической теории развитие системной парадигмы сдерживается мировоззренческими ограничениями, доминирующими в головах теоретизирующих экономистов, и постулатами неоклассической экономики, занимающей господствующие позиции в современной экономической науке.

Системная парадигма в экономике предполагает исследование не столько поведения экономических субъектов, сколько характеристик и механизмов динамики экономической системы в целом. Структурами, обеспечивающими целостность экономической системы и ее постоянное самовоспроизводство в условиях фундаментальной неопределенности, служат институты. Поэтому именно в рамках системной парадигмы в экономике можно наблюдать становление институционального синтеза как результата сотрудничества экономистов и представителей других дисциплин при изучении институтов. Его особенностью являются подход к исследованию институтов как сущностей, в которых воплощаются эмерджентные свойства экономических систем. Он имеет междисциплинарный (полидисциплинарный) характер и предполагает паритетное взаимодействие сотрудничающих дисциплин. Системная парадигма служит важной объединительной основой этого сотрудничества, позволяя формировать общий для разных дисциплин язык научной коммуникации.

Глава 5

СИНТЕЗ ТЕОРИИ ДЛИННЫХ ВОЛН И МОДЕЛИ ПЕРЕКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ РЕЖИМА ВОСПРОИЗВОДСТВА⁴⁷

«Большие циклы можно рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода. Основная их причина лежит в механизме накопления, аккумуляирования и рассеяния капитала, достаточного для создания новых производительных сил».
Н.Д. Кондратьев

Введение

Обнародованные 100 лет назад Николаем Дмитриевичем Кондратьевым основные положения теории длинных циклов конъюнктуры (Кондратьев, 1922/2002), а затем опубликованная в 1925 г. статья на тему «Большие циклы конъюнктуры» (Кондратьев, 1925) вызвали значительный интерес в мировом экономическом сообществе. В течение десятилетий длинноволновая тематика активно обсуждается в литературе⁴⁸. На наш взгляд, одним из наиболее значительных теоретических направлений в ее развитии является концепция техноэкономических парадигм К. Фримена и К. Перес и род-

47. Глава подготовлена на основании работы: (Маевский, 2022). Авторы выражают благодарность проф. С.Ю. Малкову за помощь в построении модели ПРВ с переменной отдачей капитала.

48. В 1934 г. в предисловии к четвертому изданию «Теории экономического развития» Й. Шумпетер указал на связь повышательной фазы «длинных волн» Кондратьева со своей теорией, а именно «с предпринимательской деятельностью, предпринимательской прибылью, нарушением равновесия, вызываемым... появлением новых отраслей промышленности...» (Шумпетер, 2008. С. 41). Начиная с 70-х годов исследование длинноволновой проблематики на базе идей Н. Кондратьева и Й. Шумпетера заметно активизировалось: (Mandel, 1980; Gordon, 1978; Mensch, 1979; van Duijn, 1983; Barr, 1979; van der Zwan, 1980; Eklund, 1980; Kleinknecht, 1981; Glismann et al, 1983; Freeman, 1987; Hirooka, 2006; Forrester, 1981; Rostow, 1975; Wallerstein, 1984, Перес, 2011). В России заметный вклад в развитие теории «длинных волн» Кондратьева внесли: (Меньшиков, Клименко, 1989; Глазьев, 1993; Гринин, Коротаев, 2014; Акаев, 2011; Макашева, 2017; Малков и др., 2014).

ственная ей теория технологических укладов С.Ю. Глазьева, которые упорядочивают реальный процесс технологических и институциональных изменений в мировой экономике с конца XVIII в. и по сей день.

5.1. Почему мейнстрим игнорирует К-волны?

Однако приходится констатировать, что исследования длинных циклов, или длинных волн Кондратьева (в дальнейшем будем использовать термин «К-волны») не оказали сколь-нибудь заметного влияния на современный мейнстрим. Синтеза теории К-волн и ортодоксальной макроэкономической теории не случилось, тематика К-волн оказалась на периферии экономической науки.

Одна из основных причин негативного отношения мейнстрима, в частности ортодоксальных макроэкономистов, к длинным К-волнам, а равно к коротким и средним циклам — это отсутствие какой-либо периодичности или цикличности экономических колебаний *объемов выпуска*. Вот что пишет по этому поводу Д. Ромер — автор известного учебника по макроэкономике: «Поскольку в динамике выпуска не наблюдается никакой регулярности, современная макроэкономика больше не рассматривает колебания как комбинацию детерминированных циклов разной длины; попытки выделить циклы разной длины (циклы Китчина — 3 года, Жюгляра — 10 лет, Кузнеца — 20 лет, Кондратьева — 50 лет) были прекращены ввиду их нерезультативности⁴⁹. Превалирующее мнение на данном этапе состоит в том, что экономика выводится из равновесия шоками различной силы и характера с относительно случайной периодичностью, после чего происходит распространение этих шоков. Основные макроэкономические школы отличаются друг от друга гипотезами о природе шоков и о механизмах их распространения» (Ромер, 2015. С. 231).

49. Здесь Ромер справедливо отмечает: «Когда мы говорим об отсутствии регулярности в колебаниях, следует помнить об одном важном исключении: наблюдаются значительные сезонные колебания, во многом похожие на обычные колебания деловой активности (см. работы: (Barsky, Miron, 1989; Miron, 1996)).

Наше отношение к позиции профессора Д. Ромера, а в целом — к позиции ортодоксальных макроэкономистов, можно назвать амбивалентным. С одной стороны, мы поддерживаем Ромера, когда он утверждает, что с точки зрения экономических колебаний в динамике выпуска «не наблюдается никакой регулярности». Сказанное, по нашему мнению, верно не только по отношению «к комбинации детерминированных циклов разной длины», но относится и к отдельно взятым длинноволновым колебаниям. С другой стороны, мы категорически не согласны с тем, как ортодоксальные макроэкономисты воспринимают сущность длинноволновой динамики: вопреки уважаемым ортодоксам, она проявляется в колебаниях не самого выпуска, а в колебаниях тех факторов или сил, которые этот выпуск определяют. Разъясним свою позицию.

Начнем с того, в чем мы согласны с Д. Ромером и приведем подтверждающее его позицию высказывание академика Р.М. Энтова: «Динамика агрегированных макропоказателей не согласуется с гипотезой о существовании длинных волн ... требуются дезагрегированные статистические данные, выявляющие различия в темпах роста отдельных отраслей... В Англии и США устойчивые различия в темпах роста макроэкономических показателей по фазам длинной волны можно было наблюдать лишь в группе отраслей, производящих капитальные блага» (*Длинные волны...*, 1991. С. 24).

На самом же деле, если ставить вопрос о вековой тенденции роста ВВП, более уместно говорить не о волновой, а *экспоненциальной* специфике этого роста. Именно на такую форму динамики указывают расчеты, проведенные проф. С. Ю. Малковым на основе рядов А. Мэддисона (рис. 5.1).

Однако из того факта, что динамика выпуска носит по преимуществу экспоненциальный характер и не подвержена регулярным длинноволновым колебаниям, не следует делать вывода, что такие колебания отсутствуют вообще. Зафиксируем две особенности формирования К-волн, которые признают сторонники длинноволновой динамики и которые не обсуждают ортодоксальные макроэкономисты.

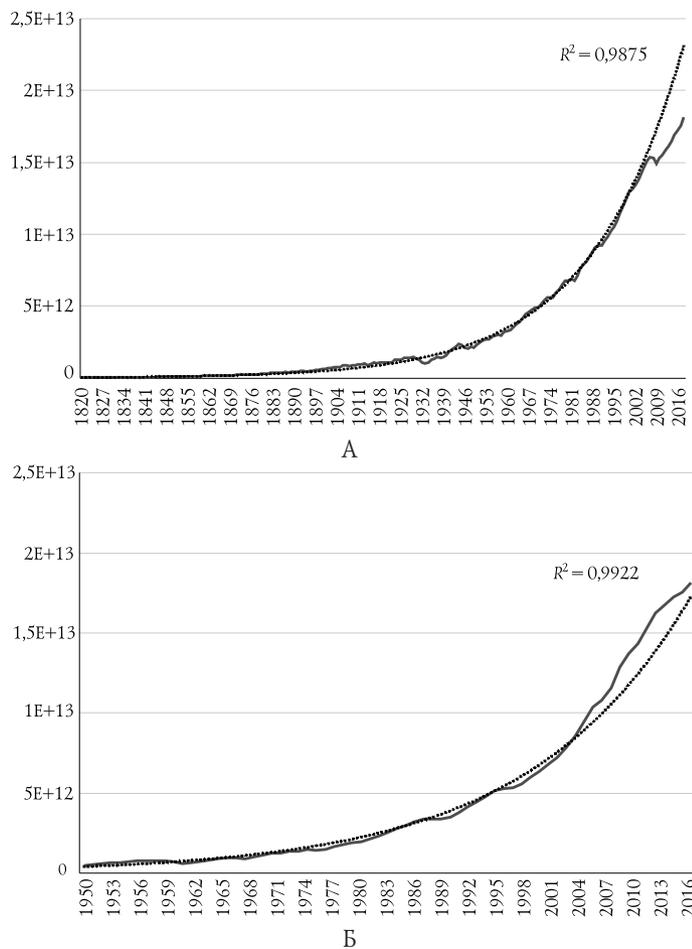

Рис. 5.1. Динамика ВВП в постоянных ценах 2011 г. США (А) и Китая (Б), долл., с экспоненциальным трендом

Источник: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020>.

Первая особенность: длинные К-волны проявляют себя через динамику определенных *технико-экономических* показателей (таких как энергоёмкость, удельные веса в потреблении первичных энергоносителей и т.д.), отражающих реально существующий процесс смены технологических укладов. Так, в литературе хорошо известен расчет

Н. Накиценовича (Nakicenovic, 1992), показывающий, каким образом смена технологических укладов сопряжена с волнообразной динамикой показателей структурных сдвигов в потреблении первичных энергоносителей. Приведем траектории волн потребления первичных энергоносителей, рассчитанные Н. Накиценовичем (рис. 5.2).

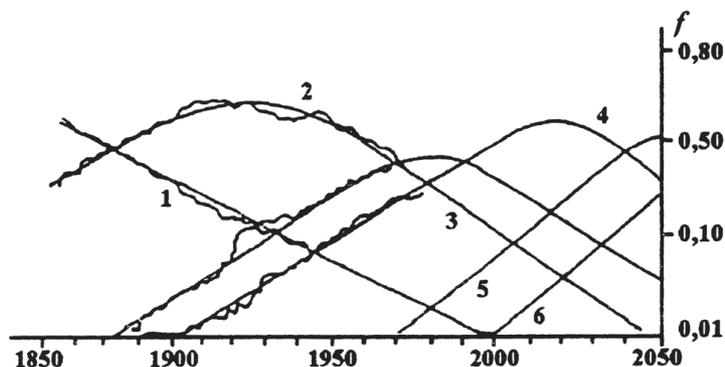

Рис. 5.2. Структура потребления первичных энергоносителей в США. f — доля первичного энергоносителя в общем потреблении первичных энергоносителей; 1 — лес; 2 — уголь; 3 — нефть; 4 — газ; 5 — ядерное топливо; 6 — новые формы энергоносителей.

Вторая особенность: в ходе смены технологических укладов наряду с длинноволновыми колебаниями технико-экономических показателей могут происходить колебания социально-экономических показателей, таких как цены, ставки процента, курсы ценных бумаг и т.д. Напомним, поведение прежде всего индекса товарных цен, курса ренты, курса консоли, индекса роста заработной платы стало для Н.Д. Кондратьева одним из важных аргументов в пользу существования больших циклов конъюнктуры (К-волн)⁵⁰. В современной литературе часто приводятся примеры соответствия колебаний технико-экономических показателей, с одной стороны, и социально-экономических показателей, с другой. Прочитируем С.Ю. Глазьева: «Фаза роста нового

50. См., например: (Кондратьев, 1989. С. 179–188).

технологического уклада сопровождается... перестройкой экономических оценок... Наиболее четко эти изменения проявляются в периодически происходящих колебаниях цен на энергоносители — с резкого повышения этих цен начинается падение эффективности доминирующего технологического уклада и процесс его замещения новым, более эффективным. По мере роста последнего энергоемкость общественного производства сокращается, падает спрос на энергоносители, снижаются цены на них, а также на энергоемкие материалы и сырье, что создает благоприятные условия для возобновления экономического роста на базе нового технологического уклада» (Глазьев, 2018. С. 48).

А теперь вернемся к Д. Ромеру, который объяснил негативное отношение макроэкономического мейнстрима к синтезу с теорией К-волн (а также других видов циклов) отсутствием регулярности колебаний (в том числе длинноволновых) в динамике выпуска. Зададимся вопросом, не может ли быть так, что ортодоксальные макроэкономисты отказались от синтеза с теорией К-волн, потому что не сумели или не пожелали разобраться в сущности К-волн, не смогли преодолеть трудности, возникающие на пути учета данного феномена в макроэкономическом анализе.

5.2. Гипотеза существования К-волн на макроуровне

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, сформулируем гипотезу, учитывающую две вышеуказанные особенности К-волн:

долгосрочная динамика выпуска на макроуровне (динамика ВВП) не подвержена регулярным длинноволновым колебаниям и носит по преимуществу экспоненциальный характер, прежде всего потому, что она формируется в результате взаимодействия двух сил, где первая сила — это радикальные (парадигмальные) технологические изменения, сопровождающие переход от одного технологического уклада к другому и вызывающие длинноволновые колебания

технико-экономических показателей, отражающих эти изменения; вторая сила — это ответная контрициклическая реакция государства и рынка на радикальные технологические изменения, которая, как правило, ориентирована на демпфирование негативных последствий технологических изменений, но иногда, напротив, усугубляет негативные последствия (например, в случае провалов рынка). Ответная реакция проявляется в форме длинноволновых колебаний социально-экономических показателей.

По нашему мнению, реалистичность выдвинутой гипотезы вполне очевидна и не нуждается в специальном обосновании. Тем не менее, мы рассмотрим данную гипотезу на модельном уровне, поскольку таким способом можно получить новые знания об особенностях взаимодействия двух вышеуказанных сил. С этой целью следует решить две задачи:

(А) найти такой технико-экономический параметр, который способен отразить на макроуровне действие *первой* силы и при этом подвержен длинноволновым колебаниям.

(Б) выбрать макроэкономическую модель, способную сымитировать такое взаимодействие двух рассматриваемых сил, при котором долгосрочная динамика выпуска на макроуровне (динамика ВВП) не будет подвержена регулярным длинноволновым колебаниям.

Обратимся к задаче А. Есть определенные основания полагать, что на макроуровне в роли технико-экономического параметра, способного улавливать переход от одного доминирующего технологического уклада к другому доминирующему технологическому укладу, мог бы выступать показатель капиталоемкости (или капиталоемкости) совокупного производства⁵¹. В пользу данного показателя говорят два аргумента.

51. Есть и другие технико-экономические показатели, способные улавливать длинноволновые колебания. Помимо вышеуказанной энергоемкости в роли такого показателя может выступать, например, отношение индекса Доу-Джонса к цене золота (см.: <https://www.macrotrends.net/1378/dow-to-gold-ratio-100-year-historical-chart>). Но такие показатели плохо согласуются с параметрами макроэкономических моделей.

Во-первых, несмотря на известный «стилизированный факт» Н. Калдора, допускающий неизменность капиталоемкости во времени (этим «фактом» активно пользуются многие макроэкономисты, в том числе сторонники теории К-волн) существуют, если так можно выразиться, физические основания для длинноволновой динамики рассматриваемого показателя. Действительно, среди факторов, влияющих на динамику капиталоемкости, заметную роль играет зависимость от степени использования производственных мощностей. На восходящей части К-волны (в период становления доминирующего уклада и улучшения экономической конъюнктуры) спрос на продукцию растет. Соответственно, растет и степень использования мощностей, а капиталоемкость снижается. На нисходящей части К-волны картина прямо противоположная: капиталоемкость растет, что связано со снижением степени использования мощностей вследствие понижения спроса на продукцию старого доминирующего уклада и эмбрионального состояния нового технологического уклада.

Во-вторых, имеются определенные статистические подтверждения длинноволновых колебаний капиталоемкости. Так, по данным статистики США колебания капиталоемкости хорошо видны на интервале 1946–2019 гг. (рис. 5.3)⁵².

После исключения линейного тренда анализ Фурье с одной гармоникой дает следующие результаты (рис. 5.4).

Имеет смысл сравнить, насколько уместно применять стилизованный факт Н. Калдора для экономики США на интервале 1946–2019 гг. (см. рис. 5.3) относительно синусоидальной аппроксимации капиталоемкости, изображенной на рис. 5.4 (табл. 5.1).

52. *Источник:* Bureau of Economic Analysis, Interactive Data: Table 1.1. Current-Cost Net Stock of Fixed Assets and Consumer Durable Goods (<https://www.bea.gov/data/investment-fixed-assets/by-type>); Table 1.1.5. Gross Domestic Product (<https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product>).

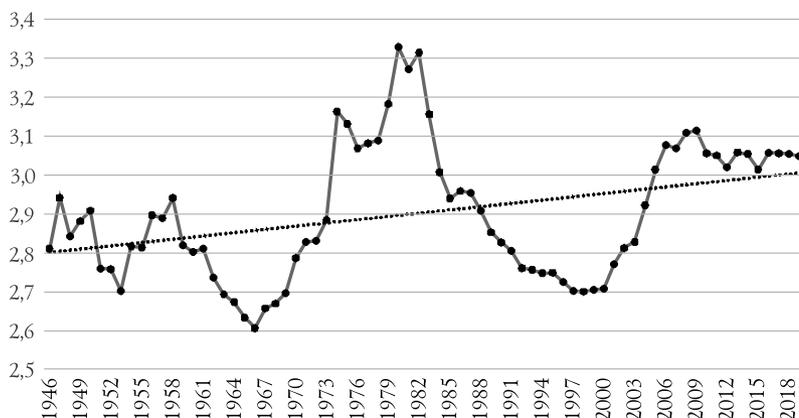

Рис. 5.3. Динамика отношения основного капитала к ВВП США в 1946–2019 гг., линейная аппроксимация

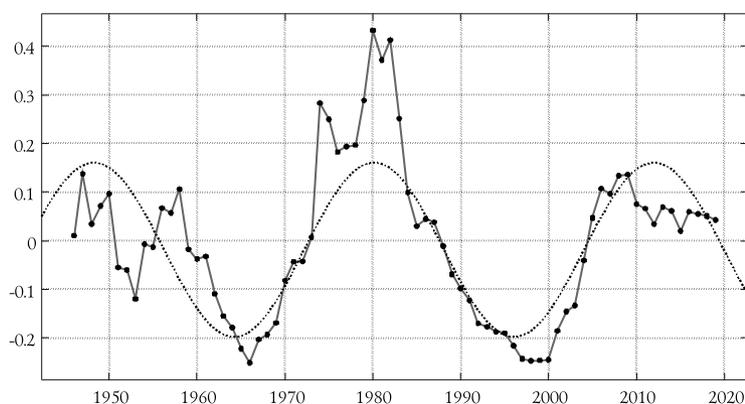

Рис. 5.4. Синусоидальная аппроксимация отношения основного капитала к ВВП США в 1946–2019 гг. по методу Фурье после удаления линейного тренда

Рис. 5.3, 5.4 и приведенные в табл. 5.1 статистические оценки показывают, что динамика капиталоемкости США на интервале 1946–2019 гг. намного лучше описывается синусоидой и представляет собой статистически значимую длинноволновую траекторию с периодом

$$T = 2\pi / w \approx 31,9 (30,5, 33,4) \text{ года.}$$

Таблица 5.1. Сравнение линейной и синусоидальной аппроксимации

	Линейная аппроксимация	Синусоидальная аппроксимация
Уравнение	$f(t) = p_1 t + p_2$	$f(t) = a_0 + a_1 \cos(wt) + b_1 \sin(wt)$
Коэффициенты (в скобках 95% доверительный интервал)	$p_1 = 0,002804 (0,001043, 0,004565)$	$a_0 = -0,01863 (-0,04223, 0,004966)$ $a_1 = 0,1015 (-2,563, 2,766)$ $b_1 = 0,1475 (-1,688, 1,983)$ $w = 0,1972 (0,1881, 0,2063)$
$p_2 = -2,655 (-6,146, 0,8366)$	$a_0 = -0,01863 (-0,04223, 0,004966)$	0,6192
$a_1 = 0,1015 (-2,563, 2,766)$	0,1623	0,09946
$b_1 = 0,1475 (-1,688, 1,983)$		
$w = 0,1972 (0,1881, 0,2063)$		
Скорректированный R-квадрат	0,1106	0,6192
Среднеквадратическая ошибка модели	0,1623	0,09946

Обратимся к задаче Б, связанной с выбором макроэкономической модели, способной демпфировать негативные эффекты, возникающие при смене технологических укладов. Эта задача, по сути дела, есть задача синтеза теории К-волн с некоторой макроэкономической моделью. Вопрос, с какой. По нашему мнению, широко распространенные в экономической практике модели типа DSGE (динамические стохастические модели общего равновесия) не приспособлены для решения задачи подобного рода (в них отсутствует управление эмиссией и инфляцией). Поэтому воспользуемся имитационной моделью переключающегося режима воспроизводства (моделью ПРВ), представленной ниже, и попытаемся с ее помощью провести расчеты, показывающие, что:

- в случае, когда на динамику ВВП влияет *только первая сила* (она индуцирует регулярные длинноволновые колебания технико-экономических показателей, отражающие переход от одного технологического уклада к другому) и не влияет *вторая сила* (отсутствует встречная реакция государства и рынка на действие

первой силы, реакция, проявляющая себя через социально-экономические параметры), данная динамика может обрести вид регулярной К-волны с экспоненциальным трендом;

- но, если на динамику ВВП помимо *первой силы* влияет также *вторая сила*, траектория ВВП может утратить вид регулярной К-волны с экспоненциальным трендом. Она может превратиться в обычную экспоненту, лишенную каких-либо признаков регулярных длинноволновых колебаний.

5.3. Подтверждение гипотезы на основе расчетов по модели переключающегося режима воспроизводства с переменной отдачей капитала

Поскольку в своих исследованиях мы опираемся на модифицированную модель ПРВ, разработанную для решения поставленной цели, дадим ее краткое описание⁵³.

Модель ПРВ имитирует поведение нефинансового сектора экономики, создающего в течение года основную часть ВВП. В роли субъектов нефинансового сектора приняты абстрактные *разновозрастные* макроэкономические подсистемы $\{G_1, G_2, \dots, G_N\}$, где подсистема G_1 самая молодая в году t , а подсистема G_N – самая старая в этом же году t . В отличие от субъектов инвестиционной сферы (производящих основной капитал «для себя» и «для других») макроэкономические подсистемы из набора $\{G_1, G_2, \dots, G_N\}$ способны производить в переключающемся режиме то основной капитал «для себя» (программа А), то непроектные блага «для всех» (программа В). Подсистемам $\{G_1, G_2, \dots, G_N\}$ соответствуют домашние хозяйства $\{H_1, H_2, \dots, H_N\}$, которые участвуют в выполнении программ А и В, получают за это денежный

53. Данная модель ПРВ отличается от описаний, которые были даны ранее в работах (Маевский и др., 2019; Маевский и др., 2020), прежде всего тем, что коэффициент капиталаотдачи (R_p) записан в явном виде.

доход и расходуют его на приобретение благ, производимых по программе В (Маевский и др., 2018. С. 83–84).

Переменные модели:

Y_i – месячный выпуск продукции подсистемы G_i в ценах базового года;

M_{Y_i} – накопления денежных средств подсистемы G_i ;

ΔM_{Y_i} – государственные субсидии⁵⁴ подсистемам G_i ;

M_{H_i} – текущие денежные средства домашних хозяйств H_i (\bar{M}_{H_i} – те же средства в начале месяца);

ΔM_{H_i} – эмиссия в домашние хозяйства H_i .

Коэффициенты модели:

k_{H_i} – доля денежных средств, расходуемых домашними хозяйствами H_i в месяц на покупки потребительских благ;

h_i – коэффициент, отражающий соотношение доходов домашнего хозяйства H_i и стоимости произведенного продукта Y_i в условиях простого воспроизводства;

w – коэффициент индексации доходов домашних хозяйств;

q – коэффициент, корректирующий распределение денежных потоков между производством потребительских и инвестиционных благ;

$\delta(t - k\tau)$ – дельта-функция; выражение $M\delta(t - k\tau)$ означает импульсное увеличение количества денег на сумму M в моменты времени $k\tau$.

Уравнения базовой модели с учетом инфляционных процессов

А. Уравнения динамики денежных средств первых i подсистем (i принимает значения от 1 до $(N-1)$), выпускающих в течение года t потребительские товары (программа В), имеют следующий вид:

1. Динамика накоплений денежных средств M_{Y_i} подсистемы G_i в течение года:

54. Источником субсидий могут быть собираемые налоги и эмиссия.

$$\frac{\partial M_{Y_j}}{\partial t} = \sum_{j=1}^N k_{H_j} \frac{\widehat{M}_{H_j}}{\tau} \left(\frac{Y_i}{\sum_{j=1}^{N-1} Y_j} \right) - wh_i Y_i \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau) + \quad (1)$$

$$+ \Delta M_{Y_i} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau),$$

где первый член в правой части уравнения — денежные доходы подсистемы G_i в результате продажи на рынке произведенной ею продукции; второй член — денежные средства, поступающие из подсистемы G_i в i -ю группу домашних хозяйств (считается, что эти выплаты производятся в начале очередного месяца); третий член — государственные субсидии (считается, что перечисление субсидий производится в начале каждого месяца).

Коэффициент индексации доходов домашних хозяйств w зависит от инфляционных процессов и вычисляется по отношению к базисному году. В рамках модели принято следующее выражение для w :

$$w = q^P_{t-1} \quad (1a)$$

2. Динамика денежных средств домашних хозяйств H_i :

$$\frac{\partial M_{H_i}}{\partial t} = wh_i Y_i \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau) - \frac{k_{H_i} \widehat{M}_{H_i}}{\tau} + \quad (2)$$

$$+ \Delta M_{H_i} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau),$$

где первый и третий члены в правой части уравнения — доходы домашних хозяйств H_i с учетом субсидий и налогов (считается, что денежные доходы поступают в домашние хозяйства в начале каждого месяца); второй член — текущие расходы на покупки потребительских товаров.

3. Динамика уровня цен P на потребительскую продукцию в год t :

$$P_t = \left(\frac{\sum_{j=1}^N k_{H_j} \frac{\widehat{M}_{H_j}}{\tau}}{\sum_{j=1}^{N-1} Y_j} \right) \quad (3)$$

При определении динамики уровня цен в базовой модели считается, что домашние хозяйства покупают все произведенные товары.

Б. Уравнения для подсистемы G_N , обновляющей в год t основной капитал (программа А), имеют следующий вид:

4. Динамика расходования M_{Y_N} — средств G_N -й подсистемы:

$$\frac{\partial M_{Y_N}}{\partial t} = -\frac{\widehat{M}_{Y_N}}{12} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau) + \Delta M_{Y_N} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau), \quad (4)$$

где первый член в правой части уравнения — денежные средства, поступающие из подсистемы G_N в N -ю группу домашних хозяйств (считается, что эти выплаты производятся в начале очередного месяца). При этом считается, что подсистема G_N в течение годового периода расходует накопленные в предыдущие $N-1$ лет средства \widehat{M}_{Y_N} на обновление основного капитала (эти средства идут на выплату зарплат работникам, участвующим в обновлении основного капитала).

Величина обновленного в году t подсистемой G_N основного капитала в постоянных ценах базового года определяется по формуле:

$$K_N = \frac{W_N}{h_N P_t} = \frac{\widehat{M}_{Y_N}}{h_N P} \quad (5)$$

где W_N — годовой фонд номинальной зарплаты (при этом считается, что все накопленные средства подсистема G_N тратит

на обновление основного капитала, т. е. на зарплату тех, кто прямо или косвенно участвует в данном обновлении). В следующие за годом t несколько лет (до очередного обновления основного капитала) объем продукции Y_N (в постоянных ценах базового года), производимой данной подсистемой на потребительский рынок, будет соответствовать величине:

$$Y_N = R_t K_N, \quad (5a)$$

где R_t — отдача капитала⁵⁵ в год t .

5. Динамика денежных средств домашнего хозяйства H_N :

$$\begin{aligned} \frac{\partial M_{H_N}}{\partial t} = & \frac{\widehat{M}_{Y_N}}{12} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau) - \frac{k_{H_N} \widehat{M}_{H_N}}{\tau} + \\ & + \Delta M_{Y_N} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau), \end{aligned} \quad (6)$$

где первый и третий члены в правой части уравнения — доходы домашнего хозяйства H_N с учетом субсидий и налогов (считается, что денежные доходы поступают в домашние хозяйства в начале каждого месяца); второй член — текущие расходы H_N на покупки потребительских товаров.

Уравнения (1)–(6) описывают динамику экономической системы в течение года t , когда подсистема G_N обновляет свой основной капитал. После этого в следующий годовой период подсистема G_N начинает выпускать потребительские товары, а подсистема G_{N-1} начинает обновлять свои изношенные основные фонды. Таким образом, подсистема G_N в следующий год занимает место подсистемы G_1 , подсистема G_1 занимает место подсистемы G_2 , подсистема G_2 занимает место подсистемы G_3 , ..., подсистема G_{N-1} занимает место подсистемы G_N . И так далее, для последующих годов.

55. В отличие от определения рентабельности капитала (Return on capital) как отношения полученной прибыли к капиталу мы используем коэффициент отдачи собственного капитала, равный отношению объема реализации к годовой стоимости собственного капитала. Отдача капитала может быть возрастающей ($R > 1$), нейтральной ($R = 1$) или убывающей ($R < 1$).

В. Уравнение ВВП в постоянных ценах в год t имеет следующий вид:

$$GDP_t = \sum_{j=1}^{N-1} Y_j + K_N \quad (7)$$

т. е. ВВП в постоянных ценах составляет сумму выпущенных потребительских товаров (предполагается, что они выкупаются полностью) и созданного при обновлении основного капитала.

А теперь приступим к долгосрочным расчетам на основе модели, описанной ПРВ. Расчетный период принят равным 140 условных лет.

1. Рассмотрим простейший случай, когда на интервале в 140 лет капиталоотдача не подвержена волновой динамике и равна единице на всем этом интервале (в модели ПРВ этот показатель (R_t) включен в уравнение (5)). Из 140 лет первые 10 лет экономика функционирует в режиме простого воспроизводства, когда и темп роста ВВП, и темп эмиссии, и индекс инфляции, и специфический для модели ПРВ коэффициент q (участвует в распределении денежных потоков между производством потребительских и инвестиционных благ) равны единице. Начиная с 11-го года и до 140-го, моделируемая экономика переходит в режим роста при условии, что темп прироста эмиссии равен 6% в год. В этом случае волновая динамика ВВП отсутствует. Имеет место идеальный экспоненциальный рост ВВП с темпом 3,4% в год при инфляции 2,6% (рис. 5.5А, 5.5Б).

2. А теперь предположим, что в моделируемой на период 140 лет экономике в интервале 60–90-х годов зародился новый технологический уклад, которому соответствует восходящая часть К-волны. В это время капиталоотдача равна 1. Затем на интервале 90–110 лет данный технологический уклад приходит в упадок. Этому соответствует нисходящая часть данной К-волны, которая проявляется в снижении капиталоотдачи с 1 до 0,95. Далее, в период 110–140-х годов возникает новый уклад и новая К-волна (ее восходящая часть), и капиталоотдача вновь возвращается к уровню 1. Таким образом, К-волны фик-

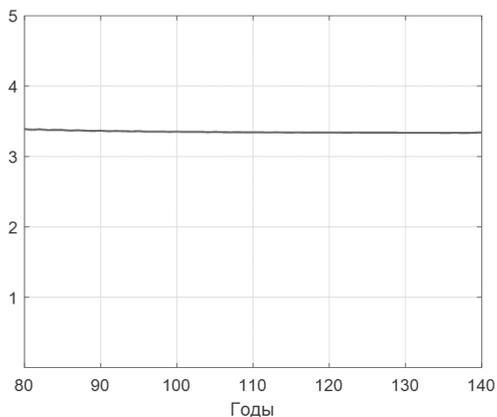

Рис. 5.5А. Модельный расчет темпа прироста реального ВВП (%) в условиях постоянной капиталотдачи

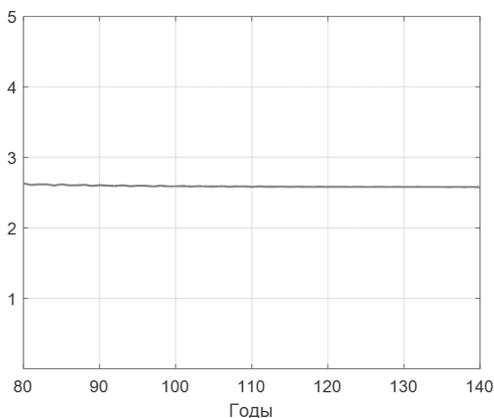

Рис. 5.5Б. Модельный расчет инфляции (%) в условиях постоянной капиталотдачи

сируются через волны движения капиталотдачи, выраженные в виде кусочно-линейной функции.

Если регулятор (или просто саморегулирующийся рынок) никак не среагирует на волновую динамику капиталотдачи (не изменит темпа эмиссии денег, не поменяет других правил игры), то условные расчеты по модели ПРВ покажут возникновение длинных волн инфляции и темпа ВВП, также выраженных через кусочно-линейные функции (рис. 5.6А, 5.6Б):

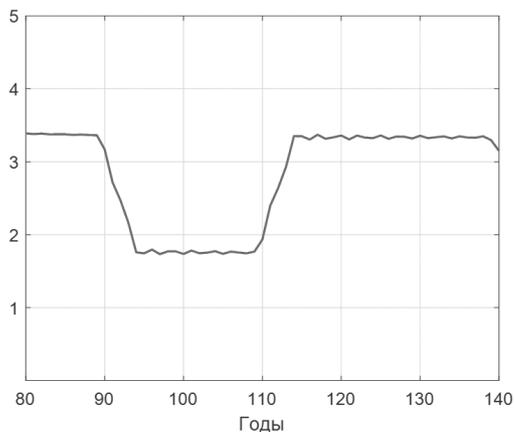

Рис. 5.6А. Модельный расчет снижения темпа прироста реального ВВП (%) в течение 90–110 годов при снижении капиталоотдачи в этот же промежуток времени

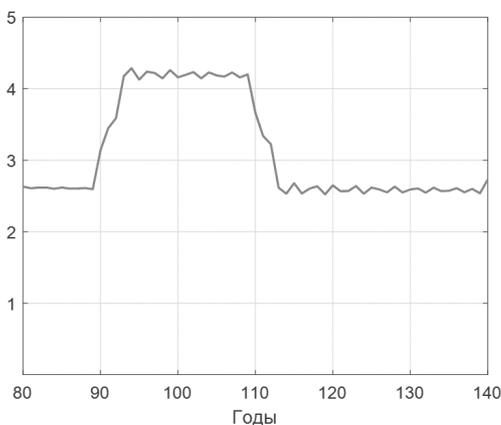

Рис. 5.6Б. Модельный расчет роста инфляции в течение 90–110 годов при снижении капиталоотдачи в этот же промежуток времени

3. Однако следует полагать, что на практике эксцессы, изображенные на рис. 5.6А и 5.6Б, как правило, не возникают. Регулятор (или просто саморегулирующийся рынок) пытается предотвратить спад ВВП в течение 90–110 годов и принимает определенные меры. Эти меры различны. В рамках модели ПРВ смягчить спад можно, управляя или эмиссией, или коэффициентом q , участвующим в распределении

денежных потоков между производством потребительских и инвестиционных благ (в модели ПРВ коэффициент q входит в уравнение (1а)). Начнем с коэффициента q . Допустим, что данный коэффициент равен 1 в 60–90-е и в 110–140-е годы (тогда, когда экономика находится на восходящей части К-волн), но в период 90–110-х годов его удастся снизить с 1 до 0,95. Тогда получим следующие траектории темпов ВВП и индекса инфляции (рис. 5.7А, 5.7Б):

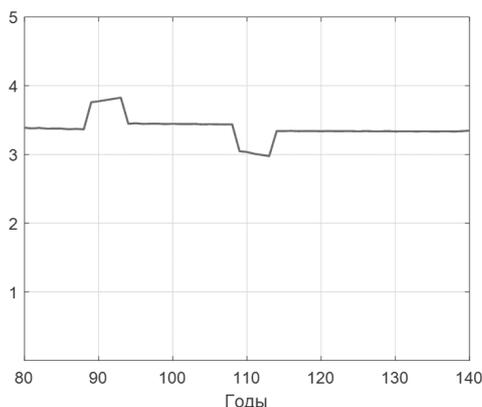

Рис. 5.7А. Модельный расчет выравнивания темпа прироста реального ВВП (%) при снижении капиталотдачи, но при условии снижения q в 90–110-е годы

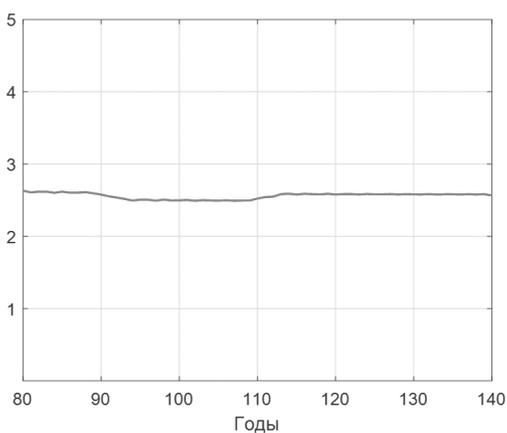

Рис. 5.7Б. Модельный расчет инфляции (%) при снижении капиталотдачи, но при условии снижения q в 90–110-е годы

Сравнивая рис. 5.6А и рис. 5.7А, а также рис. 5.6Б и рис. 5.7Б, видим, что снижение коэффициента q способно кардинально изменить макроэкономическую ситуацию: несмотря на снижение капиталоотдачи в период 90–110-х годов (что говорит о прохождении экономики в 90–110-е годы через нисходящую часть К-волны), темп ВВП может обрести тенденцию к росту, а индекс инфляции — к понижению. Получается, ВВП не реагирует на длинноволновый спад! Ситуация, на первый взгляд, кажется экзотической. Однако данный расчет согласуется с тем, что приходится наблюдать на практике. Напомним, что на снижение индекса инфляции на нисходящей части К-волны обращал внимание сам Н.Д. Кондратьев, анализируя поведение товарных цен за период с конца XVIII в. по начало XX в. (Кондратьев, 1989. С. 180–181).

4. Рассмотрим, наконец, попытку регулятора преодолеть спад ВВП, возникающий при снижении капиталоотдачи в период 90–110-х годов, ΔM_{H_i} , возникающий при снижении капиталоотдачи в период 90–110-х годов, посредством наращивания эмиссии в домашние хозяйства.

В данном случае речь идет о монетарном стимулировании экономического роста. Такая политика, как известно, вызывает неоднозначную реакцию в российском экономическом сообществе. Одни экономисты (А.Л. Кудрин, Э.С. Набиуллина и др.) считают, что она ведет к инфляции? и даже к стагфляции, другие (С.Ю. Глазьев, М.В. Ершов и т.д.) полагают, что при проектном финансировании политика монетарного стимулирования может обеспечить экономический рост. В расчетах по модели мы исходили из того, что ускорение эмиссии в условиях снижающейся капиталоотдачи может вызвать повышенный спрос на продукцию стареющего технологического уклада. С этой целью темп эмиссии был увеличен с 6% до 10% в год в течение 90–110-х годов.

Расчеты по модели ПРВ показали, что в какой-то мере правы и противники, и сторонники политики монетарного стимулирования экономического роста. Оказалось, что при

ускорении эмиссии темп реального ВВП постепенно возрастает в течение 90–110-го годов, однако при этом растет и индекс инфляции (рис. 5.8А, 5.8Б):

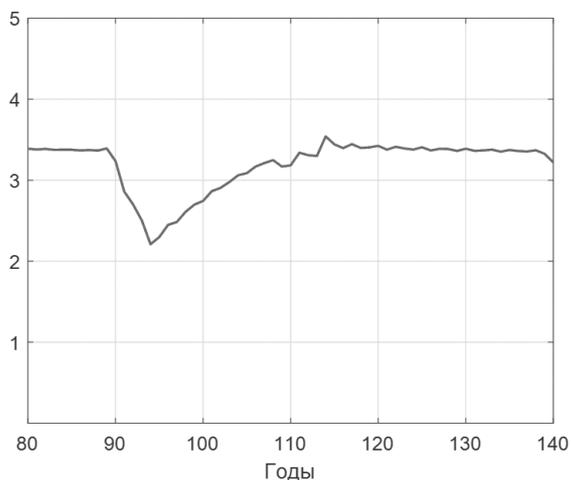

Рис. 5.8А. Модельный расчет темпа прироста реального ВВП (%) при снижении капиталотдачи, но с одновременным ростом темпа эмиссии с 6 до 10% в 90–110-е годы

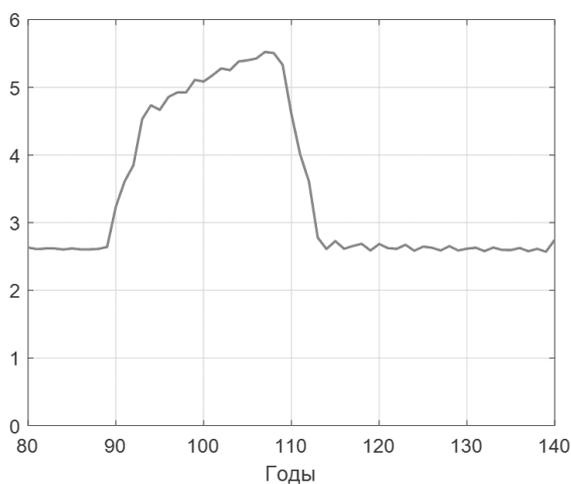

Рис. 5.8Б. Модельный расчет инфляции (%) при снижении капиталотдачи, но с одновременным ростом темпа эмиссии с 6 до 10% в 90–110-е годы

Расчеты по модели ПРВ показали также, что использование политики монетарного стимулирования роста в период нахождения экономики на нисходящей части К-волны таит в себе определенные трудности. Помимо того, что такая политика предотвращает спад темпов ВВП, но усиливает инфляцию, оказалось, что после 110-го года возникает необходимость тезаврации части денежной массы (Рис. 5.8В)

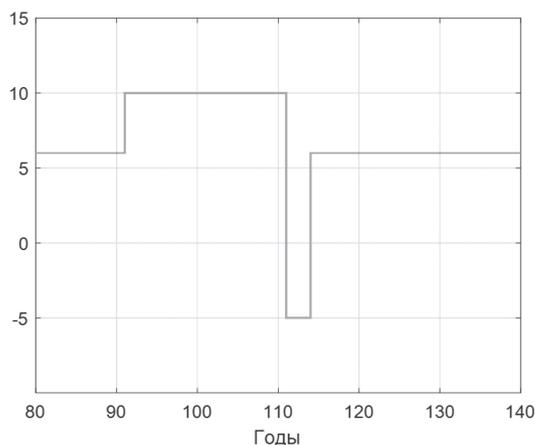

Рис. 5.8В. Темпы эмиссии (%) в период 90–110 годов с тезаврацией в 111–113 годы

Необходимость тезаврации объясняется тем, что дополнительные деньги, накопившиеся за период 90–110-го годов, были нужны для того, чтобы искусственно поддерживать спрос на продукцию старого технологического уклада (ради предотвращения спада на нисходящей К-волне). После 110-го года, когда доминировать стал новый технологический уклад, поддержка спроса на продукцию старого уклада оказалась ненужной. Часть денег оказалась избыточной, и они были выведены из обращения так, как показано на рис. 5.8В.

Таковы наши условные расчеты по модели ПРВ. Главный результат: удалось осуществить синтез модели ПРВ с теорией К-волн, а именно, используя модель ПРВ, удалось показать, каким образом действие регулятора может демпфировать К-волны выпуска, вызываемые переходом от одного доми-

нирующего технологического уклада к другому. Разумеется, это лишь первый шаг: впереди предстоит большая работа по адаптации модели ПРВ к задачам эффективного управления экономикой в условиях К-волн. Заметим, что подобного рода задача не интересует ортодоксальных макроэкономистов. Они игнорируют К-волны и, как нам представляется, тем самым ограничивают возможности собственной макроэкономической теории, когда сводят проблему колебаний к спонтанно возникающим шокам.

Подведем итоги проведенного исследования. Оно, на наш взгляд, позволяет доказать, что отказ от синтеза ортодоксальных макроэкономических моделей с теорией К-волн на том основании, что К-волны не проявляют себя в динамике выпуска, не является убедительным. В противовес ортодоксам нами предложена гипотеза, объясняющая, почему К-волны не характерны для макроэкономических показателей выпуска, таких как ВВП или ВНП, но при этом вполне могут проявлять себя на уровне технико-экономических показателей макроуровня типа капиталоотдачи или на уровне социально-экономических показателей, таких как инфляция. Суть данной гипотезы в следующем: долгосрочная траектория выпуска на макроуровне не обладает К-волновой динамикой, так как она формируется в результате взаимодействия двух сил, каждая из которых обладает К-волновой динамикой.

Расчеты, проведенные с помощью модели ПРВ, подтвердили корректность предложенной гипотезы: было показано, что регулятор обладает достаточно мощными инструментами, позволяющими демпфировать на уровне ВВП колебательную динамику технико-экономических показателей, вызванную сменами технологических укладов. Таким образом была продемонстрирована возможность модельного синтеза теории ПРВ и теории К-волн. В дальнейшем мы намерены продолжить исследование в области данного синтеза и надеемся, что таким образом гетеродоксальная экономическая теория сможет получить определенные преимущества перед своим ортодоксальным конкурентом.

Глава 6

**ПОСТИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ
ТРАНСПЛАНТАЦИИ ИНСТИТУТОВ:
СЛОЖНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ
СИНТЕЗ⁵⁶**

«Конечно, было бы очень хорошо, если бы все в конечном счете оказывалось простым или поддавалось простому описанию. Но некоторые вещи можно лучше и более точно объяснить лишь в их сложности...»
Энтони Грейлинг

Введение

Трансплантация экономических институтов — одна из самых долгоиграющих тем в области институциональных исследований. Она многие десятилетия сохраняет свою актуальность, вызывая все новые волны интереса. Начало этому направлению анализа было положено во второй половине XX в. С 1990-х годов формируется междисциплинарное множество перекликающихся концепций, связанных с институциональной трансплантацией и трансфером, импортом институтов, их диффузией и имитацией, циркуляцией норм, трансплантацией права и правовым смешиванием (*legal mixing*), мобильностью, мутациями, путешествиями и переводом политики (*policy travel / translation*), извлечением уроков (*lesson drawing*), институциональным и политическим обучением и т.д. Фоном разворачивания исследований в этих направлениях стала критика идеологии Вашингтонского консенсуса с его универалистскими

56. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00271. Глава подготовлена на основе статьи: (Фролов, 2021).

рекомендациями и игнорированием роли местных институтов⁵⁷. Тем не менее, и в первых десятилетиях XXI в., несмотря на смену риторики и отказ от основных принципов Вашингтонского консенсуса, ведущие глобальные организации и площадки продолжали курс на трансплантацию развивающимися странами институтов англо-американского типа. Кристаллизованное выражение эти идеи получили в содержательно близких теориях порядков открытого доступа и инклюзивных институтов. Такие институты и порядки позиционируются фактически (хотя и с оговорками) как универсальные рецепты экономического роста для любых стран, проблема же состоит лишь в определении способа их бережной трансплантации. Poleмика вокруг данной теоретической линии, и в частности ее массивная критика, отражает новый виток роста внимания к проблематике трансплантации институтов.

Так или иначе, в основе всего этого широкого фронта исследований лежит набор методологических принципов и теоретических положений, который, с известной долей условности, обобщенно можно назвать базовой теорией трансплантации институтов (далее — *базовая теория*). Вкратце суть базовой теории состоит в следующем. Трансплантация институтов рассматривается как копирование формальных правил и механизмов инфорсменты, то есть нормативно-правового каркаса эталонных институтов, доказавших свою высокую эффективность в другой стране (странах). Речь идет, безусловно, не о наивном копировании методом шоковой терапии; трансплантация (в идеале) должна проводиться в логике проектного управления, поэтапно и вариативно (не в едином формате), начинаясь с экспериментов (пилотных проектов) и продолжаясь путем выстраивания траектории промежуточных институтов. Результатом трансплантации

57. В экономической науке первые работы по институциональным трансплантациям относятся к 1960-м годам (*Spitz*, 1966; *Whyte*, 1968), а на рубеже XX–XXI вв. появились первые диссертация и монография в этой области (*De Jong*, 1999). В России наибольшую известность получили пионерные работы В. Полтеровича (2001; 2007).

является воссоздание копируемого института в виде, максимально приближенном к его реальному состоянию (т. е. не к нормативно-правовой форме, а к функциональному содержанию) в стране происхождения. Трансплантируемый институт адаптируется к новой институциональной среде (в первую очередь к неформальным институтам), следствием чего часто становятся дисфункциональные проявления – провалы, разрывы, мутации, атрофия, перерождение и т.д., – собирательно называемые трансплантационным эффектом (*transplant effect*; см.: *Berkowitz et al.*, 2003; *Seidler*, 2014). Среда выступает главным фактором отбора и успешной адаптации нового института: критическую роль при этом играют схожие неформальные нормы и, в целом, культурная близость страны-донора и страны-реципиента. В случаях трансплантации институтов из развитых стран в развивающиеся дисфункции встречаются повсеместно. Их предотвращение или, как минимум, сокращение негативных последствий от них является важнейшей задачей, решаемой в ходе трансплантаций. Государство рассматривается в качестве главного актора трансплантации институтов. При этом особое значение имеют независимая экспертиза и общественный контроль реформ во избежание риска захвата и подчинения скопированных институтов группами интересов. Эмпирическую базу базовой теории в основном составляют случаи достаточно крупных институциональных трансплантаций, проводившихся под патронажем государства. Конечно, базовая теория не является полностью согласованным и унифицированным исследовательским полем; здесь мы фиксируем наиболее распространенные позиции, конвенционально разделяемые большинством работающих в этой области ученых.

Сделаем терминологическое уточнение. Мы используем термин «*трансплантация институтов*» как *зонтичный метатермин*, который обобщает многочисленные частные термины, применяемые для описания международного движения институтов, но менее распространенные или содер-

жательно более узкие (такие как трансфер институтов, их импорт, копирование, диффузия, имитация, мобильность, смешивание, институциональное обучение и т.д.). Это не означает принципиального отказа от их употребления, однако комплексный анализ исследовательского поля стимулирует к задействию максимально «вместительного» и наиболее широко используемого термина. Связанные с указанными частными терминами направления исследований различаются своими акцентировками, методами, научными традициями и т.д., но в целом они образуют единое (хотя и неоднородное) поле. К тому же метафорой трансплантации явно или неявно оперируют практически все исследователи в данной области.

Базовая теория, несмотря на ее широкое распространение, не свободна от внутренних проблем, которые вызваны не изначальной некорректностью ее методологических установок, а их обнаружившейся ограниченностью в контексте очередного витка быстрого качественного усложнения экономических институтов и всей социальной реальности. Многие позиции базовой теории в современных условиях оказываются односторонними или излишне упрощенными. Это позволяет нам поставить вопрос о переходе к расширенной теории трансплантации институтов (далее – *расширенная теория*). В расширенной теории акцент делается на тех аспектах трансплантационных процессов, которые базовая теория традиционно недооценивает или игнорирует, что позволяет ввести набор дополнительных объясняющих факторов. В предлагаемом авторском варианте расширенной теории ее основу составляет комплекс сложностно-ориентированных подходов, относящихся к методологическому арсеналу *постинституционализма* (см. подробнее: Фролов, 2020а, 2020б, 2021; Frolov, 2021, 2022). Постинституционализм объединяет альтернативные линии теоретизирования об институтах, выходящие за рамки современного институционального мейнстрима в область

междисциплинарных исследований институциональной сложности⁵⁸.

Сравнительный анализ базовой и расширенной теорий институциональной трансплантации приведен в табл. 6.1. Подчеркнем: это первая, рамочная версия расширенной теории, открытая изменениям и дополнениям.

Расширенная теория необходима для того, чтобы изучать трансплантации экономических институтов в их реальной сложности, избегая редукционистских подходов. Именно поэтому расширенная теория носит выраженный междисциплинарный характер, представляя собой интегративную концептуальную и методологическую рамку изучения трансплантационных процессов разного типа и масштаба. Задача объединения различных дисциплинарных традиций анализа трансплантаций институтов как никогда важна. Сейчас центр активности сместился из экономики и юридической науки в исследования регулятивной политики (*policy studies*), международные отношения и экономическую географию, где развиваются и тестируются новые методологии. Изучаемые этими дисциплинами вопросы в области институциональных трансплантаций сильно пересекаются и их разграничение — это не более чем условность. Однако для базовой теории это разграничение, основанное на конвенционально проведенных границах между дисциплинами, имеет значение. В расширенной же теории от искусственного разделения трансплантации институтов и регулятивных политик предлагается решительно отказаться.

58. Постинституционализм был создан Ф. Кливер и ее научной школой в начале 2000-х годов. Он развивал теоретические идеи Э. Остром: в частности, ее теория крафтинга институтов легла в основу теории институционального бриколажа, которая в раннем постинституционализме занимала центральное место (*Cleaver, 2001*). Изначально постинституционализм позиционировался в качестве методологической альтернативы институциональному мейнстриму в области управления общими ресурсами (*Cleaver, Franks, 2005*). В дальнейшем методологические амбиции постинституционализма снизились, его предметное поле ограничилось экономикой природопользования, а сам он был переименован в критический институционализм. Мы настаиваем на необходимости дальнейшего развития *широкой программы постинституционализма*.

Таблица 6.1. Сравнение базовой и расширенной теорий трансплантации институтов

Объект сравнения	Базовая теория	Расширенная теория
Ключевая метафора	Пересадка органов	Формирование рифогенных сообществ вокруг искусственных коралловых рифов
Трактовка институтов	Институты как формальные правила и неформальные нормы поведения, поддерживаемые механизмами инфорсmenta	Институты как комбинации разнотипных факторов — норм и правил, социальных практик и рутин, статусных функций, организационных форм, общих ментальных моделей
Акторы	Государство, институциональные предприниматели	Неоднородная сеть внутренних и внешних по отношению к трансплантируемому институту акторов, прямо или косвенно связанных с ним интересами и/или ценностями
Взаимодействие со средой	Институты адаптируются к среде	Институты не только адаптируются к среде, но и преобразуют ее за счет конструирования ниш акторами
Основная модель трансплантации	Трансплантация «сверху» (под эгидой государства)	Трансплантация «снизу» (частные институциональные инициативы), смешанная (государственно-частная) модель
Сфера трансплантации	Государственный сектор	Государственный сектор, частный сектор, местное самоуправление
Ориентация во времени	Path dependence (акцент на зависимости от траектории прошлого развития)	Path creation (акцент на формировании новых траекторий развития в будущем)
Восприятие отклонений от эталонного института	Нозоцентричный подход (отклонения как трансплантационные дисфункции)	Нормоцентричный подход (отклонения как «индивидуальные» траектории развития и результаты рефункционализаций)
Результат трансплантации	Адаптация нового института или его отторжение	Институциональные ассамбляжи — неоднородные, внутренне противоречивые системы заимствованных и местных институтов, базирующиеся на несводимых институциональных логиках
Роль коммуникаций	Коммуникации не имеют значения	Скопированные институты развиваются в интерактивном коммуникационном поле, которое значимо влияет на ход трансплантации

Игнорирование массы факторов, которые важны для успеха (или неудачи) трансплантаций институтов, — следствие завышенных междисциплинарных барьеров, которыми представители базовой теории постепенно себя окружили. Поэтому, несмотря на встроенные и порой глубокие различия

разных дисциплинарных направлений изучения институциональных трансплантаций, задача наведения концептуального моста между ними для расширенной теории является приоритетной⁵⁹. Не отрицание наследия базовой теории, а междисциплинарное приращение ее предметного поля и инструментария — такова логика расширенной теории. Формирование расширенной теории важно еще и в связи с фрагментированностью сложившихся частных теорий, объясняющих трансплантации институтов в разных дисциплинах. Попытки построить единую методологическую рамку на основе одной из таких теорий непродуктивны из-за неизбежного сужения предмета и метода. На наш взгляд, нужна гораздо более широкая концептуальная рамка, интегрирующая и обобщающая частные теории трансплантации институтов.

Далее рассмотрим некоторые методологические позиции расширенной теории трансплантации экономических институтов в ее авторской версии (см. подробнее: (Фролов, 2021)).

6.1. Метафора кораллового рифа для описания институциональных изменений

Чем плоха ключевая для базовой теории метафора пересадки органов? Как и любая научная метафора — теми акцентами, которые она расставляет. Это, во-первых, однонаправленность процесса трансплантации, во-вторых, идентичность пересаживаемых органов, в-третьих, имплицитная фокусировка на отторжении трансплантатов.

Хирургическая операция по трансплантации органа — процесс односторонний, участие реципиента в нем исключительно пассивное (его иммунитет даже специально подавляется), а органы донора и реципиента идентичны, в связи

59. Объединительная логика расширенной теории в этом смысле переключается с идеями общего социального анализа (Полтерович, 2011), но не в его экстремально унифицированных версиях. Внутреннее разнообразие и даже некоторая эклектичность методологии — важная черта идентичности расширенной теории.

с чем главная цель состоит в том, чтобы пересаженный орган прижился, т. е. стабильно, без дисфункций заработал в новом организме. Напротив, успешная трансплантация институтов – это всегда интерактивный и мультисубъектный процесс, в ходе которого разнообразные акторы экономики-реципиента активно участвуют в адаптации нового института. Причем перенесенный в новую среду институт неизбежно отличается от своего эталонного образца, а его расхождения с оригиналом чаще всего имеют адаптивный характер. В этом смысле трансплантационная метафора задает довольно искаженные ориентиры и для исследователей, и для политиков.

Метафора трансплантации вызывает вполне конкретные негативные ассоциации: «Трансплантированные институты часто “не приживаются” или “болеют”» (Полтерович, 2001. С. 25), а «попытки экспортировать институты из одной страны в другую и легитимизировать их в последней часто неудачны, как и трансплантация органов» (Эгертссон, 2011. С. 6). Как следствие, реакция отторжения трансплантированных институтов выдвигается на передний план и неявно создается впечатление, что это наиболее распространенный ответ со стороны экономики-реципиента. В реальности отторжение институтов и их серьезные дисфункции наблюдаются в достаточно ограниченном классе случаев. Это практически всегда случаи плохо подготовленного и излишне быстрого переноса сложных институтов слаборазвитыми странами из высокоразвитых. Такой формат институциональных реформ уже давно вызывает негативные оценки экспертов и в мировой практике используется все реже. Вообще говоря, трансплантационная аналогия фокусирует внимание на централизованных изменениях, оставляя в стороне постоянно происходящие горизонтальные взаимодействия институциональных систем, свободный обмен институтами в разных сферах экономики и общественной жизни. В экономической и социальной истории гораздо больше распространены случаи успешного заимствования институтов, хотя они преимущественно относятся к инкрементным изменениям, модификациям, улучшающим

инновациям, внедрению лучших практик. К таким случаям метафора трансплантации не вполне применима, т.к. никаких болезненных реакций (отторжения или дисфункций) практически не наблюдается. Сама концентрация на негативных аспектах копирования институтов, задаваемая хирургической метафорой, подталкивает исследователей к выбору определенного класса институциональных трансплантаций — радикальных и по большей части неудачных. Уточним, что отказываясь от хирургической метафоры мы продолжаем применять термин «трансплантация институтов» как получивший наибольшее распространение и не требующий уточнений, однако используем данный термин *исключительно нейтрально*, не вкладывая в него ассоциации с пересадкой органов⁶⁰.

В расширенной теории предлагается использовать *новую метафору* — *искусственные коралловые рифы, вокруг которых формируются рифогенные сообщества*. Поскольку под влиянием антропогенных факторов площадь естественных рифов неуклонно сокращается, получает все большее распространение практика затопления различных конструкций в качестве каркасов для последующего образования искусственных рифов. Важно, что рифогенное сообщество представляет собой сложную экосистему, развивающуюся во взаимодействии разнообразных растений (бентосных водорослей и т.д.) и организмов — губок, моллюсков, червей, иглокожих, ракообразных, рыб. Все они выполняют взаимосвязанные функции в развитии рифовых экосистем. Основой для искусственных рифов являются технологические объекты: списанные и затопленные суда, вагоны, военная и бытовая техника, старые автомобили и покрышки, бетонные сооружения, специальные 3D-напечатанные модели и т.д. Постепенно

60. Похожая ситуация сложилась в области исследований науки и технологий (science and technology studies), где современные ученые вынужденно используют устоявшийся термин «трансфер технологий / инноваций», но в нейтральном смысле, игнорируя непродуктивную аналогию с транспортным трансфером и следующую из нее линейную модель инноваций (Flink, Kaldewey, 2018).

эти искусственные конструкции присваиваются и колонизируются (обживаются) морскими обитателями — обрастают водорослями и заселяются беспозвоночными, вокруг них возникают динамичные скопления рыб, расширяются межвидовые взаимодействия в формах конкуренции и симбиоза, образуется сложная пищевая сеть. Спустя некоторое время на искусственном рифе формируется рифогенное сообщество с высокой плотностью и богатым видовым разнообразием.

Метафора искусственных рифов делает акценты на заселении, освоении, модификациях, взаимодействиях, становлении экосистемы. Это позволяет расширить предмет анализа базовой теории трансплантации институтов, перенеся внимание на активную роль самых разных (не только элитных или наиболее мощных) групп акторов в адаптации трансплантатов к новой среде. Центральное место в расширенной теории занимают не статичные институциональные каркасы, перемещаемые из одних стран в другие, а *институты, пересобираемые своими сообществами*, или, даже точнее — сообщества акторов, динамично пересобирающие в новой среде трансплантированные институты, рекомбинируя их элементы и дополняя их новыми. Показательно, что Т. Веблен ставил в пример экономистам своего времени морских биологов, которые «перенаправили свои исследования со структуры коралловых рифов на структуру и образы жизни полипов, живущих на них и рядом с ними» (Veblen, 1898. P. 384). Аналогичный шаг предлагает сделать и расширенная теория. В терминах рифовой метафоры базовая теория (в нормативном смысле) сконцентрирована на том, чтобы сделать искусственный риф максимально похожим на настоящий и затопить его в выбранном месте, а расширенная теория — на его последующем обживании и развитии рифогенного сообщества. Таким образом, метафора рифа связывает базовую и расширенную теории, демонстрируя, что расширенная теория трансплантации институтов не отвергает базовой теории, она достраивает ее новыми аналитическими фокусировками и теоретическими подходами.

6.2. Институтогенные сообщества как коллективный актор трансплантации институтов

Базовая теория обращает все свое внимание на трансплантации институтов по модели «сверху вниз». Это объясняется тем, что свободный «рынок институтов», т. е. саморегулирующийся механизм обмена ими между экономическими системами, крайне искажен, поэтому нуждается в активном участии государства (см., например: (Полтерович, 2001. С. 29)). Обычно трансплантации «сверху» проектируются и осуществляются политическими акторами: уполномоченными государственными служащими, политиками, лоббистами, группами интересов и их коалициями, а также экспертами и консультантами, в том числе международными организациями. Скопированные из зарубежного опыта комплексы формальных правил в некоторой степени адаптированном виде внедряются в экономическую практику страны-реципиента с расчетом на то, что на основе этой правовой рамки стихийно сложатся комплементарные ей неформальные нормы и модели поведения. Но имплицитно главная цель трансплантации «сверху» – это именно «клонирование оригинального института в другом контексте» (*De Jong, Mamadouh, 2002. P. 20*), поскольку дальнейшая стадия внедрения скопированного института разработчиками контролируется крайне слабо и фактически мало их интересует. В связи с приоритетным вниманием к роли государства частный сектор находится на дальней периферии изучения институциональных трансплантаций, под объектами которых в базовой теории практически всегда понимаются «правила игры» общенационального действия. В стороне остаются микроинституты (в том числе частные стандарты, кодексы и регламенты), а также мезоинституты муниципального, регионального и отраслевого масштабов.

Поэтому в базовой теории проводится разграничение между собственно трансплантацией (импортом, трансфером)

и диффузией институтов, построенное на критерии наличия/отсутствия вышестоящего субъекта изменений. С такой позиции международная диффузия институтов рассматривается как неуправляемый «естественный» процесс, а в центре внимания оказываются лишь проводимые государством институциональные заимствования. В расширенной теории предлагается отказаться от искусственного противопоставления этих форм копирования институтов. Наряду с централизованными трансплантациями *не меньшее внимание должно уделяться трансплантациям институтов «снизу»*, а также смешанным, государственно-частным трансплантационным процессам.

Современное положение дел в области международной динамики институтов и регулятивных политик можно охарактеризовать как революцию, вызванную цифровыми технологиями (Legrand, 2021). Упрощение и ускорение обмена институциональным опытом, расширение возможностей для коллабораций и формирования экспертных сетей вызывают качественный рост мобильности институтов, позволяя говорить о новой парадигме быстрой политики (fast policy; см.: (Peck, Theodore, 2015)) и, шире, *быстрых институциональных трансплантаций*. Возможно, из-за того, насколько легко и стремительно успешные институциональные инициативы в государственном и коммерческом секторах распространяются по всему миру, создается впечатление, что трансплантации институтов в их привычном смысле исчезли, а их место занимают спонтанные диффузии институтов и обмены институциональными идеями. И это действительно так: трансплантации институтов в традиционном централизованном формате, привычном представителям базовой теории, становятся все более редким явлением, что, однако, не означает отсутствия необходимости в развитии соответствующей теории. Наоборот, теория трансплантации институтов должна расширить свою предметную область и набор лежащих в ее основе методологий для того, чтобы адекватно изучать весь *континуум современных трансплантационных процессов*.

Так же как новые идеи и технологии, институты лучше всего распространяются из одних стран в другие на основе бенчмаркинга и добровольных инициатив, в формах свободных имитаций и экспериментов, которые лежат в основе процессов стихийной диффузии социальных практик или «путешествий» регулятивных моделей. Государство в таких путешествиях в лучшем случае выступает проводником. Так, фирмы во всем мире присоединяются к международным институциональным инициативам в области устойчивого развития, социальной ответственности, бережливого производства, безопасности, инклюзивности, прозрачности и т.д., принимая добровольные кодексы поведения. Тем самым они копируют и внедряют зарубежные ценности, нормы, правила, практики, принципы и порядки, способствуя трансплантации соответствующих институтов и их экспансии в своих странах. Огромное распространение получил регуляторный / политический бенчмаркинг — целенаправленный поиск и внедрение лучших мировых институциональных практик в разных масштабах, от организаций и государственных структур до отраслей и территориальных образований. Акторами трансплантаций «снизу» являются главным образом частные фирмы, некоммерческие структуры, местные сообщества, инициативные группы. Регуляторы на всех уровнях управления все активнее ориентируются на мировые практики — и при этом вынужденно отходят от традиционных принципов проведения трансплантаций «сверху». В частности, множество лучших практик во всем мире копируется из институционального опыта ведущих глобальных городов, однако этот пласт трансплантаций выпадает из поля зрения базовой теории. Конечно, в современной реальности четкое разграничение централизованной и децентрализованной институциональной деятельности, «жесткого» (императивного) и «мягкого» (диспозитивного) права, нормотворчества и добровольного установления стандартов становится все

более затруднительным⁶¹. И все же внимание расширенной теории связано в большей степени с восходящими «снизу вверх» трансплантационными процессами.

Важность такого методологического сдвига обусловлена еще и тем, что в среднем масштаб институциональных трансплантатов имеет выраженную тенденцию к снижению. Хотя можно привести примеры сравнительно недавних внедрений заимствованных макроинститутов развивающимися странами, в основном трансплантируемые институты становятся все более ограниченными по сфере действия и специализированными по содержанию⁶². Поэтому отторжение институтов и их радикальные мутации являются сейчас слабо распространенными последствиями трансплантаций, а роль государства устойчиво сокращается.

В базовой теории, помимо политических акторов — заказчиков и разработчиков проектов реформ, — выделяются две агрегированные группы влияния: силы поддержки / давления и силы сопротивления / противодействия (*Watson, 1974; Полтерович, 2001; Кузьминов и др., 2005*). «Трансплантации, как любые другие изменения, порождают победителей и проигравших» (*De Jong, Mamadouh, 2002. P. 20*), соотношение которых играет ключевую роль в успешной адаптации заимствуемого института.

С позиций расширенной теории представляется сомнительным дихотомичное восприятие отношения акторов к трансплантируемым институтам по схеме «принять или отвергнуть», в связи с чем и возникают силы поддержки и сопротивления. От этой редуccionистской схемы следует переходить к глубокому изучению институциональной деятель-

61. Повторим: трансплантационные процессы следует рассматривать как континуум. Например, трансплантации «сверху» сильно различаются по степени «принуждения» к институциональным инновациям со стороны государства (см.: (*Evans, 2009*)). В свою очередь, трансплантации «снизу» (особенно на городском и региональном уровне) в различной степени вовлекают государство, поэтому в некоторых случаях принимают сложные гибридные формы. В итоге на практике чаще всего сложно разграничить централизованные и стихийные трансплантации институтов.

62. Правда, при этом «трафик» институциональных обменов увеличился, а сами трансплантации усложнились, став мультисубъектными и высокоизменяемыми.

ности акторов в отношении заимствуемых институтов, ведущей к многоаспектным и разнонаправленным изменениям со множеством итераций. Кроме того, силы поддержки и сопротивления в содержательном институциональном смысле — это такие же гомогенные абстракции, как силы спроса и предложения. Внутри каждой из этих сил складывается сложная сеть взаимодействующих групп с разными ресурсами, сплоченностью, ценностями, интересами, ожиданиями, стратегиями и т.д.⁶³ В случаях новых институтов обычно все стороны получают разные наборы положительных и отрицательных эффектов, многие из которых проявляются с течением времени, поэтому дать однозначную оценку тому, кто победит, а кто проиграет вследствие трансплантации, бывает крайне затруднительно (особенно если оценивать действие институтов не только по транзакционным издержкам, но и по транзакционной ценности; см.: Фролов, 2020b)⁶⁴. Не менее трудно провести четкую границу между силами поддержки и сопротивления, поскольку их состав нестабилен во времени. Так, заинтересованные группы акторов могут поддерживать идею внедрения зарубежного института, но не конкретный вариант (проект) изменений, или же они могут выступать за конкретный проект, но начать сопротивляться ему вследствие искажений в ходе его реализации. Напротив, акторы со стороны сопротивления в результате эффективной коммуникационной политики могут перейти в состав нейтральных или даже поддерживающих трансплантацию сил. Более того, в ходе трансплантации могут возникать даже параллельно действующие силы поддержки с разными представлениями о будущем скопированного института и расходящимися целями. Реальность не вмещается в бинарное прокрустово ложе базовой теории.

63. Полезным шагом также является замена крайне важной для базовой теории метафоры культурной близости стран — участниц трансплантации институтов метафорой *культурных трений*, сдвигающей акцент на сложные взаимодействия разных групп акторов, асимметрию власти и социальное конструирование культуры (см.: (Shenkar et al., 2008)).

64. Результаты действия институтов не всегда проявляются напрямую, часто имеют отложенный характер, с трудом поддаются количественной оценке.

Кроме того, базовая теория основной упор делает на напрямую связанных с трансплантируемым институтом акторах, к которым относятся «активные социальные слои или группы, заинтересованные в применении данного института» (Кузьминов и др., 2005. С. 25). Но в современных условиях усложнения межинституциональных связей многие акторы связаны с трансплантируемыми институтами косвенно, через их влияние на другие институты. В сложной институциональной системе новый институт может создавать многочисленные побочные, неявные и отложенные эффекты для акторов «отдаленных» институтов. Такие опосредованно связанные с заимствованным институтом *внешние акторы* образуют гетерогенные сети влияния, которые оказывают значимое воздействие на доверие к этому институту, его легитимность и устойчивость, а также в любой момент могут перейти к активной поддержке или сопротивлению. Институты нашего времени сильно зависимы от внешних аудиторий. Поэтому расширенная теория отказывается от понимания внешних (косвенно связанных с трансплантируемыми институтами) акторов лишь как пассивного большинства, нейтрально относящегося к трансплантации.

С точки зрения расширенной теории в качестве действующих лиц трансплантаций следует рассматривать не только силы поддержки и сопротивления, а в целом *институтогенное сообщество* — неоднородную сеть внутренних и внешних по отношению к трансплантируемому институту акторов, прямо или косвенно связанных с ним своими интересами и/или ценностями. Такое сообщество представляет собой широкое множество в разной степени затрагиваемых трансплантацией лиц и групп реального и потенциального влияния, действия которых основаны на различных убеждениях, ожиданиях и мотивах⁶⁵. При трансплантации институтов *поддержка сообщества важнее точности копирования*. Отчасти

65. В рамках конкретных трансплантационных процессов мотивации акторов могут варьировать в широком диапазоне — от извлечения прибыли, повышения политической популярности и коррупционных ожиданий до следования религиозным ориентирам, солидарности с сообществом и избегания ответственности.

организованное, отчасти дисперсное сообщество связанных с новым институтом акторов в ходе его адаптации к новой среде неизбежно будет модифицировать различные элементы институциональной комбинации, дополнять и устранять их, менять набор функций, формировать новые нормы, статусы, практики, представления и т.д. Разные группы акторов на разных этапах процесса трансплантации могут выполнять разные функции в отношении внедряемого института — и эта картина нуждается в серьезной детализации. Анализ функций и ролей акторов институциональных трансплантаций, как признают эксперты (Seidler, 2018), все еще является белым пятном исследовательской программы базовой теории.

Базовая теория придает важную роль институциональным предпринимателям (инициаторам, визионерам и лоббистам трансплантаций), но позиционирует их как своего рода героев-одиночек. В расширенной теории *институциональные предприниматели — это новаторская часть институтогенного сообщества*, за которой следуют раннее и позднее большинство. Обычно роль таких предпринимателей наиболее явно проявляется в радикальных изменениях регулирования каких-либо рынков или видов деятельности. Но *глубокие институциональные изменения могут породиться и дисперсным сообществом*. Так, все более многочисленны примеры международных изменений законов, практик и убеждений вследствие хештег-активизма: достаточно упомянуть движение #MeToo, фактически отменившее презумпцию невиновности в западных странах путем быстрой трансплантации новых норм. Большинство трансплантаций институтов в современном мире происходит без участия явных институциональных предпринимателей. Обычно, в духе базовой теории, это объясняется тем, что изменившаяся среда способствует привнесению новых норм и практик, их распространению и массовому использованию. На наш взгляд, здесь проявляется селекционистская ошибка, связанная с недооценкой активной роли различных групп институтогенного сообщества, поступательно трансформирующие действующие институты «снизу».

Приведем показательный пример. Законодательное закрепление обязательного для крупного бизнеса соответствия стандартам корпоративной социальной ответственности, осуществленное во Франции в 2017 г., справедливо считается беспрецедентным, эпохальным решением (см. подробнее: (Evans, 2020)). Но еще невероятнее тот факт, что за несколько лет этот новый институт не просто был трансплантирован в целый ряд европейских стран, но соответствующий правовой акт решено ввести в масштабе всего Евросоюза. Ключевую роль в столь быстром и радикальном институциональном сдвиге сыграло дисперсное сообщество активистов — ученых, юристов, политиков, профсоюзных деятелей, журналистов, экологов, антиглобалистов и др. Это сообщество действовало в формате *распределенного институционального предпринимательства*. Значение институционального сообщества еще сильнее возрастет в ходе широкого применения данного институционального решения, когда транснациональные компании будут отрабатывать способы ухода от резко возросшей ответственности.

6.3. Конструирование институциональной ниши

Базовая теория основывается на традиционной адапционистской парадигме и рассматривает изменения, происходящие с трансплантируемым институтом, односторонне — в аспекте его приспособления к новой институциональной среде. Точка зрения расширенной теории состоит в следующем. Адаптацию скопированного института не следует понимать лишь как пассивный процесс подстраивания к специфике реципирующей среды, в результате которого среда чаще всего отторгает или деформирует чужеродные институциональные структуры. Адаптация — это еще и активный процесс перенастраивания / перестраивания среды, *конструирования институциональной ниши*. Под нишей имеется в виду относительно подконтрольная актерам трансплантируемого института часть принимающей институциональной среды, в которой они создают благоприятные условия для

его успешного внедрения. Акторы, образующие институтогенное сообщество, используют новый институт на практике и осуществляют в его отношении пользовательские инновации. Они вырабатывают связанные с институтом практики и модели поведения, тестируют социальные роли и формы организации взаимодействий, коммуницируют по поводу института, создавая общие ментальные модели, и достраивают его нормативную структуру неформальными нормами. Как следствие, вокруг трансплантированного института возникает своего рода защитная зона (ниша), в которой происходят стихийные институциональные эксперименты, постепенно меняющие институциональную среду.

Концептуальной основой расширенной теории в плане понимания преобразующей роли институтогенных сообществ в трансплантациях является *теория институционального бриколажа*. Бриколаж — это процесс стохастического формирования институтов «снизу» неоднородной массой акторов из самых разнообразных элементов — идей, норм, практик, ролей, представлений, организационных моделей и т.д. (Cleaver, de Koning, 2015). В процессе трансплантации институтов бриколаж выражается в мультисубъектном наполнении заимствованной «символической» формы местным институциональным содержанием, берущимся из повседневной практики или из прошлого опыта. В результате многие зарубежные институциональные инновации на деле оказываются реактивированными локальными институтами в новой упаковке. Бриколажный подход дистанцируется от наивной идеи рационального дизайна трансплантаций, оперируя логикой экологической рациональности, когда главным критерием эффективности институциональных изменений является выживание института в конкретной среде. Тем самым преодолеваются узкие технократические взгляды на институциональные трансплантации⁶⁶.

66. Даже трансплантации институтов под эгидой государства, часто начинаясь как внутренние логичные проекты, постепенно превращаются в спонтанные, а подчас хаотичные процессы согласования интересов множества акторов и внесения разноплановых, часто слабо согла-

Теория обитаемых институтов (inhabited institutionalism) также близкородственна расширенной теории. С ее точки зрения институты представляют собой не просто ограничительные рамки поведения, а в первую очередь «материал» для трансформирующей деятельности акторов (Hallett, Hawbaker, 2019). Метафора обитания, как и метафора колонизации искусственных коралловых рифов, сдвигает фокус анализа трансплантаций на развивающееся множество сосуществующих и взаимодействующих акторов, осмысливающих и обживающих свои институциональные рамки. Трансплантация любого института запускает процессы активной институциональной работы (institutional work) использующих этот институт людей, включенных в организации и сообщества. *Теория институциональной работы* изначально развивалась в организационных науках и только недавно начала применяться к изучению трансплантаций (см. пионерную статью: (Pemer, Skj lsvik, 2018)). Под институциональной работой понимаются как индивидуальные, так и коллективные действия, направленные на создание, изменение или сохранение институтов, но при этом осуществляемые в рамках рутинных практик. Акцент при этом смещен на «обыденные, обычные способы воплощения институтов на микроуровне и то, как акторы взаимодействуют с ними в своей повседневной деятельности» (Lawrence et al., 2013. P. 1029). Работая с заимствованным институтом, люди становятся со-производителями новых элементов связанной с ним институциональной комбинации — конвенций, норм, социальных практик, представлений, идентичностей, обязательств и др., — внося инкрементные корректировки в действующий порядок в ходе каждодневной деятельности. Иначе говоря, институциональные рабочие внедряют новые институты и при этом прекрасно обходятся без институциональных предпринимателей. Но ни теория обитаемых институтов, ни теории институциональ-

сованных изменений. Как следствие, цели, сценарии и критерии эффективности меняются прямо в ходе трансплантации, особенно если она принимает долгосрочный характер.

ной работы и бриколажа пока еще широко не применяются для изучения трансплантаций институтов.

Конечно, ниши для трансплантированных институтов конструируют и крупные игроки — мощные группы влияния: результатом может становиться захват институтов, их подчинение и использование в качестве источника ренты. Именно на это обращено основное внимание в базовой теории. Напротив, в расширенной теории внимание в большей степени привлечено к *массовым процессам конструирования ниш*⁶⁷, когда разнообразные акторы заселяют и обживают трансплантированные институты, внося в них множественные инкрементные изменения в ходе их использования — и постепенно трансформируя тем самым институциональную среду, делая ее все более «пригодной для жизни» новых институтов. Таким образом, стрела эволюции разворачивается от институтов к среде. Конструирование ниши («заселение») скопированных институтов сочетает стихийные и относительно планомерные процессы. В любом случае результатом становятся постоянные «ремонтные», «перепланировки», «достройки» и другие модифицирующие изменения. В этой связи принципиальное значение имеет отказ от статичного понимания трансплантируемых институтов. В ходе трансплантации они непрерывно меняются и по своей сути являются не завершенными, сложившимися, фиксированными объектами, а объектами текучими, метаморфирующимися, находящимися в состоянии постоянной пересборки своими акторами. В этой связи важно преодолеть свойственный базовой теории излишний акцент на зависимости от «колеи» предшествующего развития институтов (*path dependence*). Расширенная теория смещает центр внимания на *path creation*, т. е. на формирование различными группами акторов новых траекторий будущего развития трансплантированных институтов. Ведь в сконструированной

67. В исследованиях трансфера и мобильности регулятивных политик также намечается *сдвиг от элитных акторов* (им сейчас уделяется практически все внимание) к неэлитным, обычным, и даже маломощным, знания о роли которых крайне ограничены.

нише акторы могут не просто играть по уже имеющимся «правилам игры», а вводить и распространять новые правила, статусы, практики действий, убеждения, формы организации и др.⁶⁸

Успешная транспланта — 1990-х годах — случай, явно выходящий за рамки базовой теории. Размещение в Северной Америке автомобильных заводов, принадлежавших японским корпорациям, сопровождалось переносом широкого набора микроэкономических институтов — норм, стандартов, ценностей, организационных моделей и др. Кардинальные различия институциональных матриц, и в частности бизнес-культур, этих стран, казалось бы, должны были заблокировать внедрение новых институтов. И все же трансплантация прошла удачно: хотя идеального копирования не случилось, но по факту японские институты заработали в американской среде и получили очень широкое распространение. Более того, на их основе позднее возникли agile-институты координации бизнес-процессов, которые в сущности являются новым поколением ранее укоренившихся японских институтов.

С точки зрения базовой теории этот пример достаточно сложно объяснить. Да, трансплантация японских институтов потребовала некоторых модификаций, однако в целом их американские версии сохранили функциональное подобие своим эталонам. Причем речь идет не просто о переносе отдельных организационных форм и управленческих практик несколькими крупными производителями. Нет, в результате этой трансплантации произошло глубокое изменение предпринимательской культуры, и в целом реципирующей институциональной среды. Японские институты содержательно трансформировали американский бизнес. Как показали исследования, акторы этих трансплантированных институтов смогли преобразовать новую среду в соответствии со своими интересами и создать условия для

68. Регулятивные песочницы (regulatory sandbox) являются свежим примером искусственно конструируемых ниш для апробации новых, в том числе трансплантируемых, институтов.

успешного внедрения новых принципов, правил, порядков и моделей организации производства. Можно даже сказать, что крупные японские корпорации добились содержательной «перепрошивки» институциональной матрицы бизнес-среды США (*Florida, Kenney*, 1991. Р. 395) за счет трансплантации новой производственной парадигмы. Таким образом, трансплантация институтов в этом случае связана как с определенной адаптацией к новой среде, так и — что гораздо важнее — с ее целенаправленным изменением «снизу» (*Florida, Kenney*, 2001. Рр. 301–302). Фактически это пример успешного конструирования ниши в чужой институциональной среде: японские компании в США «нашли способы уменьшить влияние их новой среды на внутренние операции» (*Pil, MacDuffie*, 1999. Р. 68) и на трансплантированные из Страны восходящего солнца институты. Масштаб ниши при этом явно вышел за пределы отрасли.

Подведем итоги проведенного исследования. Проводя межтеоретическую аналогию, отметим, что невозможно построить реалистичную теорию инноваций, если рассматривать только их отторжение или узурпацию преимуществ от них крупными игроками, если игнорировать инновации со стороны пользователей или изучать только радикальные инновации. И, оставаясь в рамках базовой теории трансплантации институтов, становится все затруднительнее воспринимать этот процесс во всей его реальной сложности. Слишком большое внимание в базовой теории сосредоточено на проводимых государством крупномасштабных институциональных реформах. Как следствие этого, за скобки выносятся не менее важные и массово распространенные формы трансплантаций, такие как диффузия институтов, мобильность регулятивных политик, институциональное обучение, внедрение лучших мировых практик и т.д. Слишком мало места в исследовательской программе базовой теории отводится роли акторов и коммуникаций в трансплантационных процессах. Слишком переоценивается значение институциональной среды страны-реципиента как фактора

отбора институтов. Слишком сильный акцент делается на идеальном копировании и предотвращении отклонений трансплантированных институтов от их зарубежных прототипов. Безусловно, не может быть и речи о полном отказе от достижений базовой теории трансплантации институтов. Но приведенные выше теоретические позиции позволяют значительно расширить ее исследовательскую программу, сделав ее более целостной, но при этом плюралистичной и междисциплинарной. Нельзя сказать, что обсуждаемые нами вопросы полностью игнорировались в базовой теории. Однако если они и поднимались, то лишь в единичных работах, да и то, как правило, «на полях». В расширенной же теории эти вопросы находятся под особым вниманием.

Расширенная теория призывает исследователей институциональных трансплантаций сосредоточить свой анализ на моментах, выходящих за рамки программы и методологии базовой теории в область междисциплинарного сложностно-ориентированного синтеза. Во-первых, следовало бы отталкиваться от метафоры искусственного кораллового рифа с задаваемыми ей акцентировками на заселении и обживании трансплантируемых институтов, на их рекомбинациях и рефункционализациях, на развитии неоднородного институтогенного сообщества. Во-вторых, нужно исходить из понимания институтов как сложных комбинаций институциональных факторов разного типа (в том числе нормативных, поведенческих, когнитивных, статусно-функциональных и структурных), значительная часть которых формируется непосредственно в процессе внедрения и затем находится в процессе постоянной содержательной пересборки. В-третьих, необходимо уделять приоритетное внимание анализу различных групп институтогенного сообщества, их ролей и функций на разных этапах трансплантации. При этом важно аналитически распаковывать силы поддержки и сопротивления, детализировать состав образующих их социальных групп, особое внимание обращая на группы внешних акторов и на дисперсные сообщества /

движения / сети. В-четвертых, целесообразно исследовать процессы массового конструирования ниш трансплантируемых институтов их акторами, исходя из теорий бриколажа, обитаемых институтов и институциональной работы. В-пятых, настала пора активнее изучать коммуникационные поля переносимых извне институтов, структуру и динамику связанных с ними инструментов, каналов, языковых средств, риторики, дискурсов, стратегий и моделей коммуникаций, опираясь на разработки в области нарративной экономики, дискурсивного, риторического и коммуникативного институционализма. В-шестых, важно использовать ассамбляжное мышление, анализируя взаимодействие заимствуемых и местных институтов как сложную гетероцентричную систему с несводимыми институциональными логиками. В-седьмых, было бы правильно рассматривать возникающие у трансплантируемых институтов отклонения от их прототипов (эталонов) в первую очередь как следствия адаптивных рефункционализаций, а не как трансплантационные дисфункции. В целом, оценивать результаты трансплантаций институтов следовало бы с нормоцентричной (выраженно релятивистской) точки зрения.

В любом случае расставание с простотой базовой теории и, шире, нового институционализма неизбежно: при всей элегантности теоретических построений, заложенный в них редукционизм не позволяет полноценно изучать современные институциональные изменения. Предложенный нами вариант расширенной теории трансплантации институтов является в большей степени эскизом ее перспективной междисциплинарной исследовательской программы. В основу этой программы положены новые теоретические подходы (теории бриколажа и ассамбляжей, конструирования ниши и институтогенных сообществ, комбинаторная концепция институтов и нормоцентричная парадигма), которые относятся к методологии *постинституционализма*, позиционирующегося в качестве альтернативы мейнстримной (новой) институциональной теории. Но это не означает, что про-

двинутые подходы новой или традиционной (оригинальной) институциональной экономики не могут быть интегрированы в программу расширенной теории. Расширенная теория, на наш взгляд, должна быть антиредукционистской и достаточно эклектичной методологической рамкой, поскольку фокус ее внимания обращен на трансплантацию сложных институтов в условиях роста нередуцируемой институциональной сложности экономических и социальных систем.

Глава 7

НОВЕЙШИЕ ПРИМЕРЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА В ЭКОНОМИКЕ⁶⁹

«Осмысленные действия можно описать на элементарном или возвышенном уровне в зависимости от того, что именно нас интересует в данный момент».

Мэтью Либерман

Введение

Науки, предлагая объяснения своего объекта, все чаще осознают, что замыкаются на исследовании слишком узкого круга проблем и недостаточно учитывают значимые характеристики объекта, изучаемые другими дисциплинами или отдельными направлениями внутри самой дисциплины. Одной из попыток наладить связи между науками и предложить новые способы объяснения, адекватные наблюдаемым фактам, является теоретический синтез разного рода. При этом можно выделить синтез между теориями (порой ранее конкурировавшими друг с другом) в одной науке — внутридисциплинарный синтез; синтез между разными науками относительно одного объекта — междисциплинарный синтез; и синтез между разными науками, работающими с разными объектами исследования, — мультидисциплинарный синтез⁷⁰. Вне зависимости от формы синтеза одна из главных его целей заключается в предложении качественно нового и более полного объяснения исследуемого явления, процесса или феномена.

69. Глава подготовлена на основании материала: (Проболович, 2021).

70. Данная классификация возможных способов и форм синтеза не является исчерпывающей, также выделяются ультрадисциплинарный, кроссдисциплинарный, трансдисциплинарный, интердисциплинарный и др. формы синтеза (Орехов, 2018. С. 91–97; Федорова, 2014. С. 19–34). См. также классификации, приведенные в главе 1 настоящей монографии.

Актуальность междисциплинарных исследований в экономике связана с необходимостью преодоления оторванности экономической теории от реальности. Эта оторванность проявляется в том числе и в концентрации преимущественно на методах исследования (формальное моделирование, статистика, подсчет и т. д.)⁷¹ при второстепенности учета специфики собственно объекта⁷² (Вархотов, 2018. С. 4). Экономическая теория сосредоточилась на догоняющем способе объяснения, когда решение проблемы предлагается уже в результате наступивших неблагоприятных последствий, но предлагаемые объяснения, в свою очередь, сталкиваются с проблемой прогнозирования.

Цель нашей работы заключается в выявлении факторов, которые оказывают влияние на способы и результаты новейших примеров междисциплинарного и мультидисциплинарного синтеза в экономике⁷³. Мы сосредотачиваем свое внимание на данных формах синтеза, поскольку нас интересует, каким образом формируется общая платформа исследований для ученых из разных сфер науки, на основе чего становятся возможными их диалог, построение общих теорий, подходов и получение результатов. В данном случае нас интересует взаимодействие экономистов с представителями как естественных, так и социально-гуманитарных наук.

71. Э.Р. Вайнтрауб показал, как математика изменила представления об экономике (Weintraub, 2002).

72. Несмотря на наличие некоторого количества работ по проблеме экономической онтологии (Болдырев, 2008. С. 100–111; Кошовец, Фролов, Чусов, 2015. С. 156–176; Кошовец, Фролов, 2013. С. 27–111; Кошовец, 2019. С. 108–110), вопрос о том, что на самом деле изучает экономика, остается открытым. С проблемой онтологической неоднородности экономики связана проблема разобщенности экономической методологии и онтологии (Lucas, 1981; Sugden, 2002. P. 107–136).

73. Мы не рассматриваем здесь внутридисциплинарного синтеза в экономике, исследованию которого посвящены многие иные работы. Примерами внутридисциплинарного синтеза в экономике могут служить «классико–кейнсианская политическая экономия; кейнсианско-институциональный синтез; неоклассико-институциональный синтез (неоинституционализм); посткейнсианско-институциональный синтез» (Кравченко, Сильченко, 2018. С. 72); неоклассический синтез и новый неоклассический синтез (Кирдина-Чэндлер, 2021) и др., представленные в главе 1 монографии.

Для достижения поставленной цели используется методологический и онтологический анализы. Задача методологического анализа состоит в выявлении тех способов познания экономической реальности, на которые опираются исследователи, в определении их методологических установок. Задача онтологического анализа состоит в определении границ изучаемого объекта как части реальности, в описании тех его свойств, признаков и проявлений, которые определяют то, в каких формах может существовать объект, и к какому уровню реальности (например, физическому, химическому, биологическому или социальному) он относится (Болдырев, 2011. С. 47–70). Также онтологический анализ направлен на выявление типа связей, например каузальных или корреляционных, между объектами из разных наук в ходе теоретического синтеза.

Предметом нашего рассмотрения стали следующие направления синтеза в экономике (в их названиях мы обозначаем те науки, которые участвуют в синтезе)⁷⁴:

- нейрoэкономика как попытка междисциплинарного синтеза между нейронауками и экономикой;
- мультидисциплинарный экономический социально-когнитивно-нейробиологический синтез Питера Уайброу (Peter C. Whybrow) и Мэтью Либермана (Matthew D. Lieberman));
- мультидисциплинарный психолого-экономико-социологический синтез Ю.И. Александрова и С.Г. Кирдиной-Чэндлер.

Критерием выбора именно этих направлений стал их инновационный характер.

74. Некоторые авторы к синтетическим направлениям в экономике относят также теорию общественного выбора (Buchanan, 2003. P. 1–13), поведенческую экономику (Канеман, Словик, Тверски, 2005; Талер, 2020), неинституционализм и др. На наш взгляд, в данных направлениях речь идет не столько о синтезе, сколько о поглощении смежных наук неоклассической теорией, т. е. об «экономическом империализме» (Davis, 2016. P. 77–94), или о «непаритетном взаимодействии» в ходе синтеза.

7.1. Нейроэкономика как попытка междисциплинарного синтеза

Мы определяем нейроэкономику как новейший междисциплинарный синтез, поскольку здесь разные науки взаимодействуют по поводу изучения одного объекта, в данном случае экономического поведения. В основе синтеза между нейронауками и экономикой, приведшего к становлению нейроэкономики, лежит общность методологических установок. Их характерная черта — ориентация на методологию естественных наук и эмпирический (а затем и экспериментальный) идеал.

Уже в процессе своего становления экономика искала пути перенесения эмпирической методологии естественных наук в экономические исследования⁷⁵. Начиная с XVIII в. происходил процесс механизации и математизации экономической теории для поиска «естественного порядка/закона» — установленного самой природой устройства общества» (*Кошовец, Вархотов, 2020. С. 23*). Но по мере становления social sciences «начинает меняться представление о том, что является научным законом: теперь это не механические законы (природы), а статистические закономерности» (Там же. С. 27)⁷⁶.

Некоторые исследователи полагают, что такой экономический объект, как «социальные взаимодействия между людьми по поводу производства, распределения и обмена» под влиянием доминирующей эмпирической методологии стал трансформироваться в «непосредственную форму цен, представляющую собой пропорции в обмене производства» (*Фоули, 2012. С. 82–95*). Таким образом, в процессе поиска наиболее совершенного (естественнонаучного) способа познания социальных взаимодействий в экономике происходил переход от исследования всего многообразия реальных актов взаимодей-

75. Например, маржиналисты полагали, что через решение проблемы измерения экономика могла бы окончательно стать естественной наукой (*Дюу, 2006. С. 55*).

76. Математизацию экономики отражает количество математиков среди нобелевских лауреатов по экономике. В 1969–2002 гг. их доля составляла 45–60% (*Орехов, 2009. С. 253*), а в 2003–2020 гг. — примерно 40%.

ствия к исследованию легко наблюдаемых цен. Тем самым разнообразные взаимодействия были свернуты в доступную для эмпирического анализа форму (форму цен и пропорций): подразумевается, что эта форма наиболее полно отражает реальные акты взаимодействия в экономике. Хотя справедливо замечено, что экономические отношения проистекают не из цен и пропорций, а из человеческой жизни (Фулли, 2012. С. 82–95). Однако объяснение экономических взаимодействий на основе цен позволяло опираться на конкретные эмпирические методы (наблюдение, подсчет, статистический анализ) и использовать статистические данные, а они, в свою очередь, являются «упрощенными фактами основных черт экономического процесса» (Фулли, 2012. С. 82–95).

Дальнейшее развитие эмпирического идеала в экономике связано со становлением так называемого экспериментального идеала. Современные экспериментальные методы подразумевают не столько наблюдение и статистические выкладки, сколько прямое воздействие на объект, погружение объекта в различные условия, наблюдение за его поведением и предсказания того, как он будет себя вести при разном стечении обстоятельств.

Классические эмпирические экономические методы основываются на сборе и анализе статистических данных. В результате реальный мир и связи в нем переводятся на язык формул, с помощью которых описываются закономерности в экономической практике. В отличие от них те исследователи, которые предлагают ориентироваться на экспериментальные методы (экспериментальный идеал естественных наук), полагают, что с помощью эксперимента, т. е. через «манипулирование» реальностью в экспериментальных условиях⁷⁷, эта реальность предстает перед исследователем не в виде данных и закономерностей, а непосредственно

77. Д. Родрик предполагает, что экономическая модель также манипулирует с определенным рода факторами, как ученый в эксперименте (Родрик, 2015. С. 44–46). Но, как мы полагаем, манипуляции условиями физической среды не так влияют на результаты эксперимента, как манипуляции с предпосылками поведения в экономических моделях.

такой, какой она есть «на самом деле». Эта методологическая установка экономистов на характерный для нейронаук экспериментальный идеал создала возможности для междисциплинарного синтеза экономики и нейронаук и привела к становлению нейроэкономики.

Однако формирование нейроэкономики обусловлено не только ориентацией экономики на экспериментальный идеал естественных наук. В значительной мере оно спровоцировано экспансией нейронаук с их технологиями анализа и работы с информацией в сферы других наук, особенно социогуманитарных, что позволяет говорить о своего рода «биологическом империализме» (по аналогии с «экономическим империализмом»). В результате появилось немало новых дисциплин с приставкой «нейро».

Нейронаучную экспансию, или интервенцию⁷⁸, в современной науке связывают с тремя основными факторами. Во-первых, это предлагаемые новые технологии исследования и визуализации мозга (ЭЭГ, функциональная МРТ, ПЭТ и др.), которые революционным образом изменяют представления о человеке (Филатова, 2020. С. 20) и дают возможность заглянуть внутрь его умственной деятельности. Во-вторых, важным фактором служит активное гигантское по объему финансирование (по несколько млрд долларов) исследовательских проектов по изучению мозга, таких как «BRAIN Initiative», «Human Brain Project», «Connectom», «Blue Brain», «Big Brain», «Brainnetome» и др. В-третьих, говорят о появлении «идеологического монстра» нейроцентризма (Габриэль, 2020), который пытается агрессивно диктовать другим наукам способ познания мира. Экономистами выдвигаются предположения о том, что, разгадав тайны мозга и «прочитав мысли», т. е. имея на руках лишь карту электрической и биохимической активности мозга, станет возможным объяснить то, как экономический агент принимает решения (Деан, 2018).

78. В литературе эти понятия используются как синонимы (Вахштайн, 2014; Филатова, 2018. С. 26–29).

Однако появление нейроэкономики в конце XX века и ее становление сопровождались активной дискуссией, начатой Гулем и Песендорфером (*Gul, Pesendorfer, 2008*). В ней обсуждается важный и до сих пор открытый методологический вопрос, могут ли новые технологии и методология естественных наук изменить облик экономической теории. (*Пескова, Ковалевская, 2016. С. 18*). В поисках ответа обратимся к истории развития нейроэкономических исследований.

Появление нейроэкономики исторически связано с поведенческой экономикой (*Талер, 2020*) и критикой принципа рациональности. Поведенческая экономика акцентирует свое внимание на том, как иррациональные факторы (*Ариэль, 2010*) влияют на поведение экономических агентов (*Никифоров, 2014; Данилкина, 2019. С. 192*). Современные нейробиологические теории в отличие от предшествующих основываются на недоступных ранее способах изучения бессознательных (иррациональных) поведенческих реакций. Новые технологии исследования и визуализации мозга позволяют наблюдать за бессознательными процессами в отличие от классических способов наблюдения за поведением⁷⁹ и его результатами, но не процессами, вызывающими это поведение. Таким образом, если предшествующие теории и концепции затрагивали внешние формы и факторы экономического взаимодействия агентов, то современные подходы пытаются исследовать мозговую деятельность для вскрытия мотивов, побуждающих экономические действия. Поэтому появляются такие теории, которые предлагают перейти от объяснения экономических связей, институтов и способов взаимодействия между экономическими агентами к объяснению внутренних состояний экономического агента (как сознательных, так и бессознательных).

79. У. Джевонс предлагал опираться только на метод наблюдения за поведением, поскольку еще не существовало способов измерения субъективных ощущений, в отличие от современной науки, которая имеет способы измерения ощущений. Поэтому в зависимости от тех методов, которыми оперирует наука, может происходить выбор предмета (*Трофимов, 2006. С. 3–16*).

Онтологический анализ показывает, что в результате в нейроэкономике произошла подмена (каузальная редукция) объекта исследования, поскольку классический экономический объект (экономическое взаимодействие) предлагается объяснять через неэкономический (мотивы поведения, ментальные состояния и т. д.). Данная подмена (см., например: (Glimcher, 2011)) произошла вследствие, с одной стороны, некритического перенесения данных из одной науки (нейробиологии) в другую (экономику), а с другой стороны, неразличения онтологической специфики объектов, относящихся к разным уровням реальности (нейробиологическому и социально-экономическому). Поскольку в нейроэкономике произошла подмена объекта, постольку можно полагать, что нейроэкономика является формой каузального редукционизма: экономическое поведение предлагается объяснять исключительно исходя из ментальных состояний⁸⁰, которые являются продуктом биохимических реакций мозга, не учитывая множества других факторов, которые влияют на экономическое поведение. Такая форма редукционизма не объясняет человеческого поведения (Данилкина, 2019. С. 195), поскольку происходит отождествление физических и социальных процессов, а также перенесение теоретических моделей и эмпирических (наблюдаемых) объектов из биологии в экономику (Koshovets, Varkhotov, 2019. P. 13).

В нейроэкономике имеет место не только подмена одного объекта другим (онтологическая проблема), но проявляются также методологические трудности, на которые указывал Вернон Смит⁸¹ (Смит, 2008) в своем методологическом анализе экспериментальной экономики (эти труд-

80. Мы не настаиваем на том, что ментальность является продуктом работы мозга. В современной англо-американской аналитической философии и науке уже несколько десятилетий ведутся споры о том, что именно фиксируют сканирующие устройства – биохимические реакции мозга или ментальные переживания (Баарс, 2014).

81. Несмотря на то, что подход В. Смита к экспериментальной экономике отличается от подхода Д. Канемана, одного из основоположников поведенческой экономики, его методологический анализ носит универсальный характер, поскольку не сосредотачивается на отдельных теориях, а затрагивает общие черты экспериментальных методов.

ности характерны и для нейроэкономики). Эксперимент сам по себе не отражает подлинной реальности. Он является условной ситуацией, предполагающей наблюдение за отдельными проявлениями, или некоторой узкой совокупностью проявлений экономического агента, в отрыве от всего многообразия функций и взаимосвязей, в которые включен агент в повседневной жизни⁸². Эксперимент требует тщательной подготовки, а при интерпретации результатов эксперимента требуется высокая степень осторожности, чтобы результаты и выводы из него соответствовали полученным данным⁸³.

К предельной осторожности и критическому использованию данных психологических и нейробиологических экспериментов призывают не только экономисты и философы, но и биологи, поскольку данные экспериментов, которые направлены не на изучение экономических или социальных процессов, а на изучение биохимических реакций, не могут без дополнительной проверки экстраполироваться в другие науки (*Sarapultsev, Sarapultsev, 2014. P. 53–69*). Обзоры ряда современных нейроисследований показывают неоднозначность корреляции между отделами мозга и поведенческими реакциями. В этой связи отмечаются важность и влияние социальных и культурных особенностей на процесс закрепления на нейронном уровне способов взаимодействия (*Бажанов, 2019. С. 28–29, 65–78*).

Также в нейроэкономических исследованиях возникает проблема неразличения уровней анализа. Мы полагаем, что ее отражением служит некритическое сопоставление общих закономерных связей, относящихся к обществу в целом, и индивидуальных, субъективных отличий экономических агентов, которые являются элементами этого общества. Необходимость разграничения свойств системы и свойств элементов, входящих в систему, связана со спецификой объектов социогуманитарных наук: в социальных, в том числе

82. Р. Хогарт показал, как отличаются «абстрактная» среда и «абстрактная» реальность от «эмпирической реальности» (*Hogarth, 2005. Pp. 253–263*).

83. Подобную критику экспериментальных практик мы встречаем в (*Forsythe, Lundholm, 1990. Pp. 309–347*).

в экономических системах, эмерджентные свойства, которые фиксируются на социальном уровне, не сводятся к суммированию проявлений отдельных индивидов. Также как свойства отдельного индивида (в данном случае рассматриваемого как система, элементами которой являются нейроны, отделы мозга, биохимические реакции и т. д.) не могут быть сведены к нейрофизиологическому уровню обезличенных биохимических реакций мозга (Gul, 2008. P. 3–41; Vromen, 2010. P. 17–36; Antonietti, Iannello, 2011. P. 310).

Наша гипотеза заключается в том, что в нейроэкономике в момент перехода от нейроуровня (уровня биохимических реакций) к психическому уровню (ощущений, состояний, эмоций) возникает трудность соотнесения общих, закономерных биохимических процессов с уникальными психическими проявлениями субъекта⁸⁴. Классификация субъектов на группы также не отражает индивидуальный ментальный уровень (Раквианивили, 2015. С. 124–137) и подразумевает наличие определенного процента исключений при прогнозировании экономических и социальных процессов. Но главное методологическое замечание, которое отчасти роднит экспериментальную экономику с нейронауками, заключается в «безумном инструментализме» (Блауг, 2004. С. 363), поскольку «экономисты делают слишком много эмпирических исследований некритически и обманывают себя совершенствованием своих методов» (Swedberg, 1990. P. 273). Это замечание в полной мере относится и к нейроэкономике.

На основе проведенного онтологического и методологического анализа мы полагаем, что нейроэкономика представляет собой пример редукционистского синтеза на основе «непаритетного междисциплинарного взаимодействия»⁸⁵.

84. Например, нейроэкономические исследования так же, как и многие другие нейробиологические эксперименты, пренебрегают интроспективными вербальными отчетами, в то время как современные способы доступа к сознательным состояниям ограничены, и это требует вербального подкрепления (Pop, Iorga, 2012. Pp. 638–639).

85. Термин «непаритетное междисциплинарное взаимодействие» предложен в (Орехов, 2018. С. 92) и подробнее рассмотрен в главе 1.

При таком междисциплинарном синтезе имеет место экспансия методологической программы нейронаук в сферу экономики, вплоть до поглощения характерной для нее методологии. С этим также связана подмена (каузальная редукция) объекта экономического исследования. Таким объектом становятся не экономические отношения, а биологические микроосновы экономического поведения (отделы мозга, нейроны, нейрохимические процессы), которые влияют, как это предполагают экономисты, на принятие рациональных экономических решений (*Koshevets, Varkhotov, 2019. P. 7*).

7.2. Социально-когнитивно-нейробиологический синтез Питера Уайброу и Мэтью Либермана

Рассмотрим мультидисциплинарный синтез, когда взаимодействуют разные науки, работающие с разными объектами исследования. Мы остановимся на другом (по сравнению с нейроэкономикой) новейшем способе синтеза экономики с естественными науками, предложенным П. Уайброу и основанном на привлечении идей М. Либермана и социальной когнитивной нейробиологии.

Данный способ синтеза предлагает не перенесение данных из одной науки в другую (как это произошло в нейроэкономике), а в усмотрении аналогий в устройстве и функционировании мозга и экономики (а также социальной и культурной организации в целом). Уайброу предполагает, что способы отбора и перераспределение информации в мозге схожи со способами рыночного обмена (*Уайброу, 2016. С. 101*). Сходство «невидимой руки» рынка и разума обеспечивается за счет открытости этих динамических систем — первая обеспечивает взаимодействие большого количества людей, а вторая — большого количества нейронов. При этом и в том, и другом случае «система как целое стремится к равновесию путем выбора между альтернативными вариантами действий на основе личных предпочтений — здесь экономист и нейрофизиолог находят взаимопонимание» (Там же. С. 134).

Но поиск аналогий — не единственный и не главный в данном способе синтеза. Ссылаясь на А. Смита и Д. Юма, Уайброу полагает, что изучение экономического поведения (как и деятельности мозга индивида) должно быть связано с изучением культурной и социальной среды (Там же. С. 87). В данном случае упоминание социокультурного фактора как значимого для изучения и экономики, и мозга (включая ментальность), представляется важным, хотя и не новым. Далее с помощью анализа мультидисциплинарного психолого-экономико-социологического синтеза мы обозначим те черты синтеза, которые позволяют его считать более успешным по сравнению с мультидисциплинарным экономическим социально-когнитивно-нейробиологическим синтезом.

Для синтеза экономики и социальной когнитивной нейробиологии Уайброу обращается к исследованиям американского психолога М. Либермана, поскольку в своих работах тот аргументированно демонстрирует возможные способы синтеза между разными науками⁸⁶. Мы уже упоминали, что появление поведенческой экономики, в частности, связано с пересмотром классического принципа рациональности и обнаружением влияния иррациональных факторов на способы экономического взаимодействия между людьми. Занимаясь изучением интуитивного (иррационального) мышления, Либерман показал, что оно — не случайный рудиментарный феномен, а результат научения. И хотя большая часть действий совершается людьми бессознательно, эта бессознательность является следствием опыта взаимодействия, поскольку «социальная интуиция действует путем неявного обучения» (*Lieberman, 2000. P. 128*).

В ходе рассматриваемого мультидисциплинарного экономического социально-когнитивно-нейробиологического синтеза не происходит подмены объектов (как в нейроэко-

86. В своей работе (*Lieberman, 2012. P. 432–436*) он показал, как с начала 1990-х годов происходило развитие социальной когнитивной нейробиологии (*social cognitive neuroscience – SCN*). Здесь мы не будем детально останавливаться на всех ее постулатах, которые подробно изложены в (*Lieberman, 2007. P. 259–289; Либерман, 2020*).

номике). Здесь различается бессознательное (рефлекторное) и сознательное (рефлексивное) поведение (*Lieberman, Jarcho, Satpute, 2004. P. 421–435*), что позволяет более точно определять не только мотивы экономического поведения, но и факторы, определяющие это поведение. Уайброу пишет: «...Мы действительно можем сознательно размышлять о мотивах продавца и способах достижения желанной цели. Но чаще мы принимаем решения рефлекторно и интуитивно, под воздействием настройки на поведение окружающих и закрепленных в памяти шаблонов, сформировавшихся за долгие годы рыночного опыта» (*Уайброу, 2016. С. 95*).

Рассматриваемый способ синтеза показывает, что для построения теории экономического поведения сочетание данных и представлений о человеке из разных областей науки является весьма плодотворным. Во-первых, здесь мы обнаруживаем, что мозг (мозговая сознательная деятельность) индивидуума не является единственным, первоочередным фактором, который определяет распространенное экономическое поведение. Таких факторов может быть несколько, и они могут быть взаимодополняющими (например, социальные, нейробиологические, экономические, культурные); с их помощью формируется как личность человека, так и социальная организация (*Уайброу, 2016. С. 75*). Во-вторых, с помощью изучения и определения степени влияния бессознательных и сознательных факторов на поведение человека можно более точно описывать и предсказывать экономическое поведение и экономическое взаимодействие. Например, уже описан процесс влияния эмоциональных реакций на выстраивание и поддержание экономических и социальных отношений (*Ledux, 1996, 2012. P. 653–676*).

Таким образом, мультидисциплинарный экономический социально-когнитивно-нейробиологический синтез позволяет получить комплексное описание как самого субъекта, так и социальной реальности, в которой он находится, а также способов экономического взаимодействия. Поэтому мы полагаем его весьма перспективным, хотя пока данный

синтез находится на начальном этапе, так как большая часть утверждений носит гипотетический характер и требует дополнительной экспериментальной проверки.

Сравнивая нейроэкономику как междисциплинарный синтез и мультидисциплинарный экономический социально-когнитивно-нейробиологический синтез, фиксируем те черты, которые их объединяют, а также те особенности, за счет которых второй способ синтеза оказывается перспективнее первого.

Оба способа синтеза характеризуются направленностью на экспериментальный идеал естественных наук и следуют их образцу за счет использования экспериментальных методов (Балахонский, 2020. С. 62). Они также ориентированы на «реалистичность создаваемых экономических моделей путем предоставления новых данных и изменения традиционных представлений о структуре моделей, входящих в нее переменных, критериев проверки моделей» (Ковалевская, 2020. С. 53). Однако второй способ синтеза дополнительно учитывает сложность объектов познания (человека и социально-экономической реальности), их системный характер и опирается на связанность объектов из разных областей знания (а не подмену одного объекта другим). Здесь человек неразрывно (корреляционно, а не каузально) связан со средой своего существования.

7.3. Психолого-экономико-социологический синтез Ю.И. Александрова и С.Г. Кирдиной-Чэндлер

Хотя мультидисциплинарный экономический социально-когнитивно-нейробиологический синтез представляется более продуктивным, чем нейроэкономика как форма междисциплинарного синтеза (оба разработаны группами зарубежных ученых), для российского научного сообщества такая постановка не нова. В отечественной науке предпринимались аналогичные и более успешные, на наш взгляд, попытки синтеза экономики с социальными и естествен-

ными науками. Одним из таких примеров является мультидисциплинарный психолого-экономико-социологический синтез. Он построен на интеграции теории ментальных типов (Ю. И. Александров) и теории институциональных матриц (С. Г. Кирдина, позже Кирдина-Чэндлер). Мультидисциплинарный психолого-экономико-социологический синтез Ю.И. Александрова и С.Г. Кирдиной-Чэндлер (Александров, Кирдина, 2012⁸⁷; Alexandrov, Kirdina, 2013) имеет ряд методологических преимуществ по сравнению как с нейроэкономикой, так и с экономическим социально-когнитивно-нейробиологическим синтезом П. Уайброу и М. Либермана. Его онтологическим преимуществом, особенно по сравнению с нейроэкономикой, является то, что здесь имеет место обращение к социально-экономической (в данном случае институциональной) реальности, в которой существуют экономические агенты, а также исследуются факторы, определяющие их взаимодействия.

Проведенная Александровым и Кирдиной-Чэндлер основательная онтологическая, методологическая и терминологическая работа позволяет охарактеризовать данный мультидисциплинарный синтез как эталонный для осуществления подобного рода синтеза. В нем возможные противоречия способов описания и изучения объектов разными науками снимаются посредством апелляции к общей метаметодологии, или парадигмальной методологии (Орехов, 2018), через выявление единой картины мира, объединяющей подходы разных наук без их претензий на онтологический или методологический империализм, универсализм или редукционизм. Именно это объясняет успех данного синтеза. Поэтому такое направление научного дискурса, при котором онтологические и методологические рамки не

87. Высокий уровень цитируемости данной работы не только социологами, экономистами и психологами, но также правоведами, культурологами, страноведами, управленцами, лингвистами и др. (https://elibrary.ru/cit_items.asp?gritemid=17912667) показывает популярный и креативный характер данного мультидисциплинарного психолого-экономико-социологического синтеза.

строятся, ориентируясь исключительно на экспериментальный идеал естественных наук, в целом представляется нам наиболее перспективным.

Российские ученые показали, что в результате сложного устройства мира и запроса науки на познание его фундаментальных характеристик синтез не может осуществляться через «суммирование данных» (Александров, Кирдина, 2012. С. 4). Для того чтобы избежать подобного «суммирования», мультидисциплинарный психолого-экономико-социологический синтез опирается на системный подход при изучении реальности, характерный для обеих синтезируемых теоретических концепций. Одной из важнейших характеристик системного подхода, представленной в данном мультидисциплинарном синтезе, является аккуратное выделение уровней, анализируемых Александровым и Кирдиной-Чэндлер эволюционных систем, и, соответственно, четкое определение того, какие объекты относятся к каждому из уровней. Они обращают внимание на соотнесение эмерджентных признаков и свойств высокоуровневых объектов (социальный уровень) с аналогичными, но отличающимися признаками и свойствами низкоуровневых объектов (уровень индивидов) и характеристиками устройства головного мозга (уровень нейробиологических и психологических реакций). Тем самым они реализуют возможность системного подхода при работе с онтологически специфичными объектами на разных уровнях, что соответствует реальной сложности социальной реальности, когда, например, объяснение функционирования общества как эмерджентной системы не может строиться исключительно на основе психологии или нейропсихологии, но может в существенной мере опираться на них (Bazhanov, 2019. P. 599–606).

В данном мультидисциплинарном психолого-экономико-социологическом синтезе, опирающемся на результаты межстранового анализа, была выявлена устойчивая корреляция психологических типов ментальности индивидов («незападных» и «западных») с типами доминирующих в обществе

институциональных матриц (X- или Y)⁸⁸. Одновременно было показано, что внутри себя выявленные психологические и экономико-социологические (институциональные) модусы не следует понимать дизъюнктивно как однозначную дихотомию «либо — либо». Речь идет об их континуумах, и именно разница весов разных типов институтов и ментальности и определяет специфику реальных сообществ людей и государств. В результате и типы ментальности, и институциональные матрицы как теоретические конструкции не являются жесткими методологическими рамками, в которые предстоит вписывать реальных людей и общества, а дают основания для построения классификаций, учитывающих социальное и культурное своеобразие. Это связано с тем, что в основе данного мультидисциплинарного синтеза лежат скорее корреляционные, нежели строго каузальные связи. Так, казуальные связи предполагали бы, что, если человек живет в обществе с доминированием определенной институциональной матрицы, у него может быть только определенный тип ментальности. Опираясь на результаты, полученные на основе различных методов — от исторических сопоставлений до нейрофизиологических и психологических экспериментов, — авторы мультидисциплинарного синтеза показывают сложную взаимозависимость структур субъективного опыта (типов ментальности) и институциональных общественных структур (институциональных матриц), где комплементарные формы играют необходимую дополнительную роль, а выявленные зависимости имеют корреляционный характер.

Подведем итоги проведенного исследования. Итак, мы рассмотрели, какие факторы могут оказывать влияние на результаты междисциплинарного и мультидисциплинарного синтеза в экономике. На примере нейроэкономики было показано, что попытка осуществления междисциплинарного синтеза за счет выстраивания общей методологиче-

88. Наиболее полное описание двух типов институциональных матриц представлено в работе С.Г. Кирдиной-Чэндлер (Кирдина, 2014).

ской рамки и поиска естественных (физических, химических и биологических) первооснов экономического поведения не может быть признана успешной, поскольку привела к подмене экономических объектов исследования неэкономическими. Подмена произошла за счет выстраивания неверной причинно-следственной связи между объектами социально-экономических и естественных наук.

В отличие от нейроэкономики мультидисциплинарный экономический социально-когнитивно-нейробиологический синтез П. Уайброу и М. Либермана служит, на наш взгляд, более удачным примером синтеза нейробиологических данных и представлений о человеке, с одной стороны, с социальными и культурными данными, с другой стороны, и такая форма синтеза не приобретает инструменталистской формы. Другими словами, указанный синтез не предполагает с помощью ограниченного круга естественнонаучных методов предложить универсалистское объяснение экономического поведения социальных субъектов на основе исключительно нейробиологических данных, как это имеет место в нейроэкономике. Наоборот, он предлагает такой способ синтеза данных из экономики и социально-когнитивной нейробиологии, который объяснял бы наличие корреляционных связей между объектами, исследуемыми этими науками. Речь идет о корреляционных связях между социальными условиями среды и закрепляемыми в мозге индивида паттернами, которые влияют на поведение экономических агентов.

Однако наиболее проработанным и перспективным для дальнейшего развития экономических исследований нам представляется мультидисциплинарный психолого-экономико-социологический синтез Ю.И. Александрова и С.Г. Кирдиной-Чэндлер, который построен на интеграции теории ментальных типов и теории институциональных матриц, а также полученных на их основе эмпирических результатов. Этот синтез опирается на системный подход, который определяет правила соотнесения объектов реальности разных уровней (социального, индивидуального, уровня психологиче-

ских реакций), преодолевая ограничения прямой экстраполяции данных для таких разноуровневых объектов. В данном мультидисциплинарном синтезе системный подход лежит в основе общей для разных вовлеченных в синтез наук картины мира, что позволяет использовать на равных полученные в их рамках данные, методологические схемы и инструменты для получения нового синтетического знания, более адекватно и емко описывающего наблюдаемую представителями разных наук реальность. Данный пример синтеза предлагает современной науке новый мультидисциплинарный вектор, уникальность которого заключается не только в системном, многоаспектном способе описания типов связей между объектами из разных областей науки, но и демонстрации эффективного взаимодействия ученых из разных наук.

Глава 8

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭНТРОПИЙНОГО ПОДХОДА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

«Конечно, такое понятие, как энтропия, очень мало значит для большинства экономистов, и еще меньше для обывателя — их языком общения являются деньги».

Джон Брайант

Введение

Считается, что толчком для использования энтропийного подхода в экономических исследованиях стала работа Georgescu-Roegen «The entropy law and the economic process» (Georgescu-Roegen, 1971). В этой пионерной работе он сформулировал несколько очень важных тезисов:

- экономический процесс является энтропийным процессом;
- человек борется за низкую энтропию, а экономический дефицит является отражением закона об энтропии, который является наиболее экономичным по своей природе из всех естественных законов;
- экономическая деятельность фактически является продолжением и дополнением биологической эволюции человека.

Суть энтропийного подхода в экономических исследованиях состоит в рассмотрении уровня и динамики энтропии экономических систем как открытых диссипативных систем с обратной связью и управляющей подсистемой. Данный подход опирается на представление о том, что экономические системы подвержены тем же процессам и явлениям, что все другие системы в окружающей среде, в том числе таким осно-

вополагающим процессам, как второй закон термодинамики о необратимом рассеянии энергии, и связанному с этим ростом энтропии систем.

Истоки применения энтропийного подхода следует искать в желании ученых, занимающихся экономическими исследованиями, подвести под экономическую науку серьезную естественно-научную базу и хотя бы частично избавиться от субъективизма терминологии и методологии экономики.

В данной главе сделана попытка рассмотреть синтетические возможности энтропийного подхода при его применении в экономических исследованиях. Для этого предложена матрица разновидностей энтропии в экономических системах, показаны синтетические возможности энтропийного подхода на конкретных примерах и предложен методологический подход, позволяющий осуществлять синтез разнородных направлений и течений экономической науки на базе энтропийного подхода.

8.1. Попытки синтеза на базе энтропийного подхода в экономических исследованиях

Одним из примеров попытки синтеза достижений экономики и макроэкономики на основе энтропийного подхода является работа В.М. Сергеева (*Сергеев, 1999*). В данной работе автор попытался разработать термодинамическую модель макроэкономического равновесия. Также он попытался осуществить синтез эволюционных идей с неоклассическими. Однако увлечение слишком прямыми аналогиями и то, что автор взял за основу второй закон термодинамики о возрастании энтропии в замкнутых системах, привело его в тупик. Он не учел того, что социально-экономические системы не могут описываться теми же уравнениями, что и закрытые системы, стремящиеся к термодинамическому равновесию. Такой узкий подход в понимании динамики энтропии привел его к весьма странному выводу о том, что доходы в экономике с течением времени должны выравниваться.

На наш взгляд, для понимания энтропийной сущности социально-экономических систем как нельзя лучше подходят слова В.И. Маевского: «..Эволюция живых систем связана с уменьшением энтропии, с увеличением энергетического потенциала данных систем. Она проявляется в совершенствовании организации живых систем, усложнении их функций и структуры... Существуют два типа эволюции, один из которых определяет движение живой материи, другой, имея прямо противоположную стрелу времени — движение неживой материи» (Маевский, 1997. С. 6).

Таким образом, прямое использование второго закона термодинамики для описания динамики энтропии экономических систем является не совсем удачным. Однако термодинамический подход В.М. Сергеева, несмотря на все недостатки, все-таки имеет право на существование, так как позволяет рассматривать термодинамическое равновесие на рынке как крайний случай, как некий идеал, вряд ли достижимый на практике. Социально-экономическая система может прийти к равновесному состоянию максимума энтропии только в одном случае, когда ее обмен с окружающей средой (а значит, и снижение энтропии) полностью заблокирован. Только в этом крайне маловероятном случае средний доход индивидов в соответствии с тенденцией падения нормы прибыли может стать нулевым и, соответственно, выравняться.

Другой, также, к сожалению, не самой удачной попыткой синтеза на основе энтропийного подхода следует считать монографию И.В. Прангишвили (Прангишвили, 2003), в которой он попытался осуществить синтез синергетики и теории управления, в том числе системного менеджмента. Однако дальше общих положений о том, что при управлении социально-экономическими системами нужно учитывать энтропийные закономерности, в том числе хаотические процессы, он не пошел. Также к недостаткам его работы следует отнести то, что применяется опять же однобокий подход к пониманию энтропии как чего-то негативного, что рост энтропии в экономической системе — это всегда плохо.

Из более удачных попыток синтеза на основе энтропийного подхода следует упомянуть книгу Джона Брайанта «Энтропийный человек» (*Bryant, 2015*). В ней автор проанализировал процессы генерации энтропии в социально-экономических системах и попытался осуществить синтез эволюционной экономики и неоклассической экономики. Производство энтропии в экономике формулируется им наподобие больцмановской энтропии. Разработанные Брайантом формулы расчета энтропии в экономике можно использовать для измерения денежной энтропии через изменения ставки процента. Так, например, согласно его пониманию, изменение денежной энтропии есть разница между темпами роста стоимости выпуска и преобладающей процентной ставкой. Также в его работе учтено влияние изменения уровня занятости на уровень энтропии в экономике.

Еще одним примером попытки синтеза эволюционной экономики и неоклассической теории можно считать уже упомянутую работу В.И. Маевского, в которой сделано важное замечание: «инфляция, распространяющаяся на ограниченные ресурсные товары, играет в экономике ту же роль, что и энтропия в неживой природе. Если энтропия запрещает в термодинамике перетекание тепла от холодного предмета к теплomu и тем самым придает необратимость термодинамическим процессам в неживой природе, то рассматриваемая нами (эволюционная) инфляция не позволяет старым макрогенерациям побеждать молодую, а потому порождает необратимое движение экономики в сторону разнообразия, усложнения структуры, появления все более совершенных технологий. Энтропия есть принцип отбора в неживой природе, инфляция — в экономике» (*Маевский, 1997. С. 55*). Однако в дальнейшем В.И. Маевский не стал развивать эту весьма интересную мысль, хотя сама по себе аналогия между инфляцией в экономике и энтропией в термодинамике выглядит весьма перспективной. В частности, можно было бы попытаться предложить варианты расчета уровня и динамики энтропии в экономике на базе показателей инфляции.

Пожалуй, наиболее удачной попыткой синтеза эволюционной экономики с неоклассической можно считать работу В.-Б. Занга (Занг, 1999), который использовал принципы синергетики для поиска ответа на старые проблемы макроэкономики. В частности, он использовал понятие энтропии открытых диссипативных систем для объяснения деловых циклов в экономике на основе теории хаоса и катастроф. В своей работе ему удалось объяснить проявления деловых циклов Калдора, Кейнса, монетарные циклы Тобина и пр. Однако, к сожалению, В.-Б. Занг в своей работе не ставил задачи по расчету уровня и динамики энтропии социально-экономических систем, ограничившись лишь использованием энтропийной терминологии для объяснения катастрофических процессов в экономике.

Из отечественных работ можно отметить обзорную монографию под редакцией А.В. Сигала (Королев, Куссвий, Сигал, 2013), в которой авторами достаточно подробно рассмотрено множество разновидностей энтропии и их применимость для моделирования процессов в социально-экономических системах. Среди них авторы выделяют моделирование процессов на финансовых рынках, анализ временных рядов, игровое моделирование распределения ресурсов. Конечно, данную монографию нельзя считать полноценной попыткой синтеза на основе эволюционного подхода, но она показывает возможные направления для такого синтеза.

8.2. Проблемы применения энтропийного подхода в экономике

Базовая проблема использования терминологии и методологии энтропии в экономических исследованиях связана со сложностью и неоднозначностью подходов к определению самой энтропии и ее пониманием в экономике и управлении. Для прояснения ситуации следует обратиться к первоисточникам, согласно которым выделяются два основных типа: термодинамическая (Boltzmann, 2013) и информационная (Shannon, Weaver, 1964). Первая используется в термодина-

мике и определяет меру необратимого рассеивания энергии, что иногда отождествляют с мерой хаоса в системе. Вторая используется в теории информации, теории систем и статистической физике; она определяет меру неопределенности системы, т. е. характеризует вероятность осуществления какого-либо макроскопического состояния системы. При этом оба типа энтропии связаны между собой, так как имеют общий математический смысл — логарифм числа доступных микросостояний системы, и оба связаны со временем (рис. 8.1).

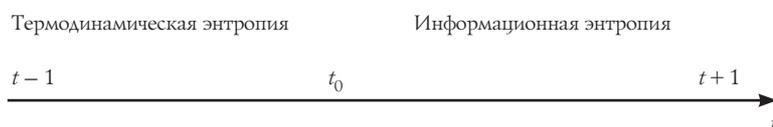

Рис. 8.1. Стрела времени и типы энтропии

Термодинамическая энтропия отражает необратимость времени и характеризует изменение состояния системы в настоящий момент по отношению к прошлому. Информационная энтропия отражает неопределенность будущего и характеризует вероятность изменений системы в будущем по отношению к настоящему.

При этом необходимо помнить, что социально-экономические системы относятся к классу открытых диссипативных систем, которые способны снижать собственную энтропию за счет разнообразных механизмов, в том числе за счет передачи ее в другие системы, например за счет отвода во внешнюю среду (*Prigogine, 2005*). Величина, противоположная энтропии, именуется негэнтропией (*Но, 1994*), и в экономике возможно ее накопление в форме ресурсов и их универсального эквивалента — денег.

Можно предложить использовать термодинамическую энтропию как меру хаоса и рассеяния энергии для оценки текущего состояния индивида (экономического актора) и любой социально-экономической системы, а информационную энтропию — как меру неопределенности для оценки

их будущего состояния (Исламутдинов, 2020). Тогда экономические отношения можно выразить как отношения по поводу контроля за уровнем двух типов энтропии: **энтропией текущего состояния** (экономический аналог термодинамической энтропии) и **энтропией будущего** (экономический аналог информационной энтропии) индивида. Каждый индивид в меру своей рациональности как экономический актор следит за поддержанием приемлемого уровня собственной текущей энтропии (иначе смерть или распад) и оценивает энтропию своего будущего, включая будущее своих детей. Собственно, вся хозяйственная деятельность человека (еда, поддержание здоровья, сон, обустройство жилища и проч.) направлена либо на снижение энтропии (недопущение резкого скачка), либо на передачу во внешнюю среду накопленной текущей энтропии (рис. 8.2).

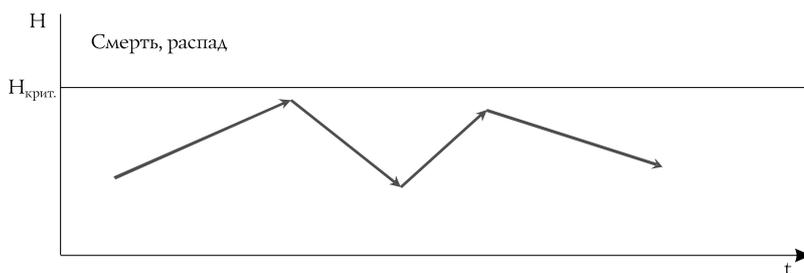

Рис. 8.2. Динамика энтропии текущего состояния для экономического актора

Что же касается энтропии будущего, то ее уровень контролируется экономическим актором одновременно и сверху и снизу. При этом чрезмерно высокий уровень энтропии будущего блокирует принятие решений (т. е. возникает энтропия выбора), а слишком низкий означает, что выбор отсутствует. При этом превышение пороговых значений энтропии будущего не так критично, как превышение порога текущей энтропии. Кроме этого диапазон допустимой энтропии будущего весьма индивидуален и постоянно меняется (рис. 8.3).

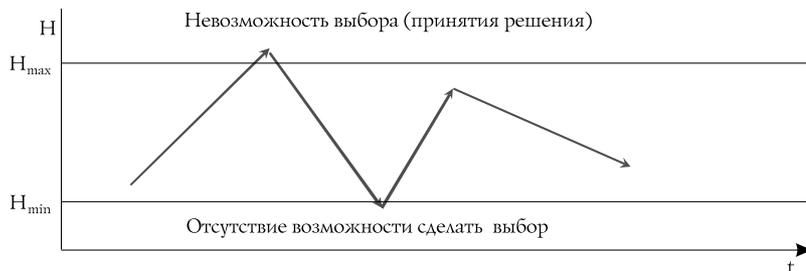

Рис. 8.3. Динамика энтропии будущего для экономического актора

Вынужденная дихотомия здесь состоит в том, что экономическому актору постоянно приходится переключать локус контроля между текущей и будущей энтропиями. Когда уровень текущей энтропии близок к критическому, то индивид стремится в первую очередь снизить или отвести именно ее, так как последствия намного серьезнее. Когда же уровень текущей энтропии далек от критического, то экономический актор стремится регулировать уровень энтропии своего будущего. Причем в отличие от текущей энтропии он не только не пытается снижать уровень энтропии будущего, а, наоборот, пытается несколько увеличить ее, т.к. это, с одной стороны, позволяет удовлетворить нематериальные потребности (например, тягу к новому, неизведанному), а также открывает новые варианты действий по удовлетворению материальных потребностей, т. е. новые способы отвода, снижения или передачи текущей энтропии.

Помимо типов, зависящих от времени, энтропия различается по уровню и масштабу социально-экономической системы, то есть может быть **личной** (индивидуальной) и **общественной**. Личная энтропия — это энтропия отдельного индивида, экономического актора, а общественная энтропия — это энтропия группы индивидов, акторов. В зависимости от размера группы в рамках общественной энтропии можно выделить целый диапазон промежуточных значений: семейная, групповая, региональная, отраслевая и т.д. Дихотомия здесь проявляется в том, что эко-

номический актер довольно часто вынужден переключать локус контроля между личной и общественной энтропией, например, когда он является руководителем фирмы, владельцем бизнеса. В этой связи понятия индивидуализма и оппортунизма (Уильямсон, 1993) могут быть рассмотрены в свете того, за уровнем какой энтропии, личной или общественной, индивид стремится следить в первую очередь. Также по-новому можно взглянуть на проблему выведения макроэкономического уровня экономики из микроэкономического, т.к. исследования энтропии сложных составных систем показывают, что такая связь есть (Vozna, 2016; Scharfenaker, Foley, 2017).

Еще одной проблемой использования энтропии в экономике и управлении является то, что экономический актер не способен воспринимать энтропию непосредственно, т.к. у него нет для этого специального органа чувств. То есть энтропия человеком может быть воспринята только опосредованно через имеющиеся чувства и ощущения. Поэтому энтропию необходимо различать еще и по степени объективности: **объективную**, т. е. не зависящую от ощущений, а отражающую реальную степень рассеяния энергии (утраты ресурсов, нарастания хаоса) или реальную неопределенность будущего, и **субъективную** (Chen, 2002), ощущаемую индивидом с помощью органов чувств, через мысли и образы. Частично признаки этой дихотомии были выявлены представителями поведенческой экономики, в чьих работах (Kahneman, Tversky, 1979; Канеман, Тверски, Слобик, 2005) показано, что большинство людей неспособны правильно определить риски и неопределенность, даже обладая навыками математической статистики, и их отношение к риску и выигрышу зависят от контекста, т. е. от ощущений.

Таким образом, с учетом тройной дихотомии энтропии в экономике все разнообразие разновидностей энтропии экономических систем можно представить в виде матрицы (табл. 8.1).

Таблица 8.1. Матрица разновидностей энтропии экономических систем

По уровню экономической системы	По степени объективности	По месту на стреле времени	
		текущая энтропия	энтропия будущего
Личная	Объективная	<i>Личная объективная текущая энтропия</i>	<i>Личная объективная энтропия будущего</i>
	Субъективная	<i>Личная субъективная текущая энтропия</i>	<i>Личная субъективная энтропия будущего</i>
Общественная	Объективная	<i>Общественная объективная текущая энтропия</i>	<i>Общественная объективная энтропия будущего</i>
	Субъективная	<i>Общественная субъективная текущая энтропия</i>	<i>Общественная субъективная энтропия будущего</i>

Источник: составлено на основе (Исламутдинов, 2020).

Как видно из табл. 8.1, объективная сложность экономических явлений и отношений, основанных на разумной человеческой деятельности, приводит к сложной структуре проявления энтропии в экономических системах. Это, собственно, и объясняет те сложности, с которыми сталкиваются ученые, пытающиеся применить энтропийный подход в экономических исследованиях. Поэтому в дальнейших исследованиях и попытках синтеза можно рекомендовать авторам в первую очередь определиться, о какой из вышеуказанных разновидностей энтропии экономических систем идет речь в их работе. Также весьма интересными представляются взаимосвязи между разновидностями энтропии, так как изменение уровня одного типа энтропии влияет на другие.

8.3. Возможные варианты синтеза на основе энтропийного подхода

В данном разделе мы представим собственные варианты возможного синтеза некоторых направлений экономики, которые опираются на особенности изложенного выше энтропийного подхода.

1) *Синтез институциональной и эволюционной экономики*

На основе энтропийного подхода можно дать такое определение института, которое, по нашему мнению, устроит представителей большинства современных направлений и течений в экономической науке: институт — это механизм для регулирования личной и общественной энтропии экономических акторов в процессе принятия ими решений (в развитие подхода, представленного в *Исламутдинов, 2010*). Таким образом, согласно энтропийному подходу, основное, для чего предназначены институты, — это снижение *личной субъективной энтропии будущего* экономических акторов в процессе их взаимодействия между собой. При этом институты содействуют также снижению общественной энтропии будущего, причем как субъективной, так и объективной.

Если обратиться к модели «институционального человека» (*Лебедева, 2005*), то с помощью энтропийного подхода можно обобщено выразить его главную цель — это снижение энтропии, причем снижение именно *субъективной энтропии*, т.е. ощущаемой индивидом степени несовпадения текущего состояния и того идеала, который сформировался в его мозгу в результате социализации и усвоения институтов. Ведь, как известно, именно ограниченная рациональность экономических акторов приводит к необходимости появления институтов (*Зотова, 2011*). В силу ограниченной рациональности большинство индивидов не могут собирать и обрабатывать большие объемы информации, необходимой для принятия решений. Соответственно состояние неопределенности будущего в ситуации недостатка информации приводит к появлению энтропии у экономических акторов, а благодаря институтам эта неопределенность частично снимается. Такова логика влияния институтов на уровень *субъективной энтропии* экономических акторов.

Другой вопрос заключается в том, влияют ли институты на уровень *объективной энтропии* экономического актора. Для понимания этой связи рассмотрим произвольный при-

мер воздействия института на уровень объективной энтропии, первоначально представленный в (Исламутдинов, 2014). Допустим, имеется два экономических актора, каждый из которых в процессе транзакции может принять одно из трех решений с равной вероятностью ($p = 0,33$):

- соблюсти все условия договора;
- соблюсти часть условий договора, а остальные нарушить;
- не соблюдать условий договора.

В этом случае энтропия каждой из сторон транзакции составит

$$H(N) = -\sum_{i=1}^N 1/N \log_2 1/N = \log_2 N = \log_2 3 = 1,584963.$$

Для изменения расклада добавим институт третейского судьи, под влиянием которого вероятность выбора сторонами договора того или иного варианта действий должна измениться следующим образом:

- соблюдать все условия договора ($p = 0,7$);
- соблюдать часть условий договора, а остальные нарушить ($p = 0,2$);
- не соблюдать условий договора ($p = 0,1$).

Пересчитаем энтропию каждой из сторон транзакции $H = -(0,7 * \log_2 0,7 + 0,2 * \log_2 0,2 + 0,1 * \log_2 0,1) = 1,15678$. Сравнив это значение с полученным ранее, мы видим, что энтропийный выигрыш, т. е. уменьшение энтропии, связанное с неопределенностью результата транзакции, составит 0,42818. В результате введения института третейского судьи выбор варианта действий экономического актора становится более определенным, что снижает неопределенность будущего для всех сторон взаимодействия и позволяет более точно прогнозировать эволюцию социально-экономических систем.

Эти простейшие примеры показывают, что институты можно представить как инструменты регулирования уровня как субъективной, так и объективной энтропии будущего

состояния индивидов. Таким образом, становится возможным прогнозировать поведение экономических акторов в результате объединения достижения институциональной и эволюционной экономики на базе энтропийного подхода.

2) Синтез неоклассической и эволюционной экономики

Для того чтобы синтез неоклассической и эволюционной экономик стал возможен, следует представить их как две стороны единого процесса производства и отвода энтропии, так как это описано нами ранее (Исламутдинов, 2010). Известно, что неоклассическая экономика изучает системы, находящиеся в состоянии равновесия. Такое состояние возможно, если система находится в статическом равновесии, она никак не меняется и поэтому не производит энтропии. Также возможен вариант динамического равновесия, когда объемы производства и снижения (отвода) энтропии одинаковы и уравнивают друг друга. В свою очередь, эволюционная экономика больше подходит для описания систем, уже выведенных из равновесия под влиянием каких-либо внешних воздействий либо только движущихся в направлении равновесия. То есть в таких системах процессы производства и отвода энтропии находятся в динамике и нестабильны.

При таком предположении неоклассическая экономика может оказаться частным случаем более общей теории, основанной на энтропийном подходе. Для этого можно предположить, что рациональные экономические агенты минимизируют *объективную текущую личную энтропию* одним из двух способов: либо максимизируя прибыль (по сути максимизируя запас негэнтропии), либо максимизируя полезность (снижая текущую энтропию за счет потребления товаров и услуг). В этом случае кривые спроса и предложения могут быть заменены на кривые энтропии продавца и покупателя (рис. 8.4).

На данном графике энтропия продавца (H_S) является аналогом кривой предложения, а энтропия покупателя (H_D) — аналогом кривой спроса. Однако по сравнению с неоклассическим графиком спроса и предложения график

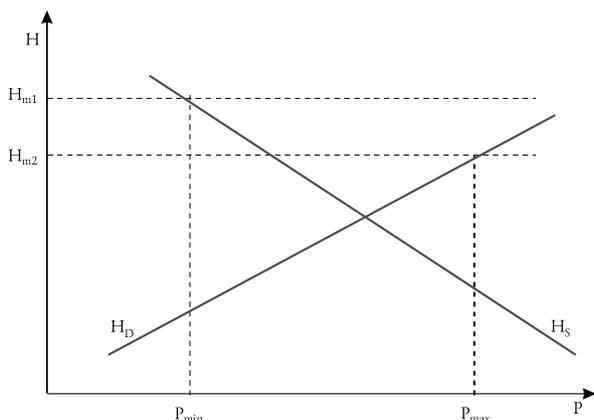

Рис. 8.4. График энтропии продавца и покупателя (на основе (Исламтудинов, 2010, 2014))

энтропии продавца и покупателя будет выглядеть зеркально. То есть с увеличением цены энтропия для продавца будет снижаться, а энтропия для покупателя — расти. Снижение энтропии продавца объясняется тем, что с ростом цены он получает большее количество денег за свой товар, а значит, и больший объем негэнтропии, которая является величиной, противоположенной энтропии. Рост энтропии покупателя связан с тем, что его энтропийный выигрыш от удовлетворения потребностей с помощью товара остается прежним, а вот количество негэнтропии (т. е. денег), остающейся в его распоряжении после уплаты за товар, снижается.

Условием совершения транзакции является то, что энтропия у обеих сторон сделки не превысит некоего критического уровня, и хотя бы одна из сторон имеет при текущем уровне цен некий энтропийный выигрыш. При этом тот субъект, у которого критический уровень энтропии ниже (в нашем случае это H_{m2}), будет определять максимальную цену, если это покупатель. Если же он продавец, то он будет определять минимальную цену. Соответственно, критический уровень второго субъекта будет определять другую границу цены. Такое определение цен больше соответствует реальности, когда в торговой практике у каждой из сторон имеется

некоторый предел или лимит цены, выше (или ниже) которого они не купят (не продадут). Этим энтропийный подход выгодно отличается от неоклассического, который позволяет определить только единственную равновесную цену, в то время как на основе энтропийного подхода получается определить диапазон цен, который скорее всего совпадет со статистическим разбросом реальных цен на рынке.

В то же время если вместо энтропии на оси ординат использовать негэнтропию (N), то график будет похож на неоклассический (рис. 8.5).

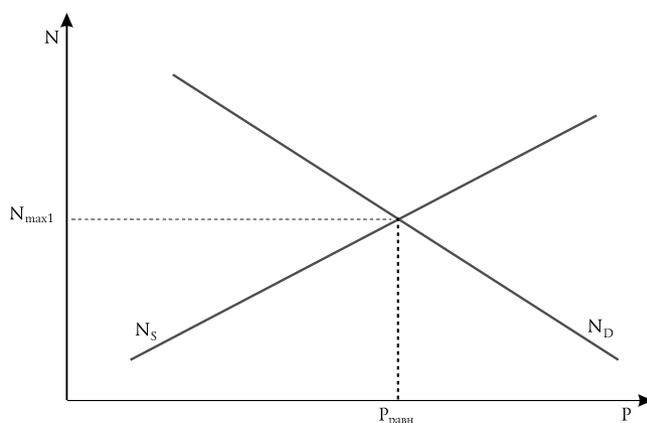

Рис. 8.5. График негэнтропии продавца и покупателя

На этом графике негэнтропия продавца (N_S) полностью аналогична кривой предложения, а негэнтропия покупателя (N_D) полностью аналогична кривой спроса. Если оба, продавец и покупатель, будут стремиться максимизировать свой негэнтропийный выигрыш и не будут ограничены для этого во времени, то равновесие установится полностью в соответствии с неоклассической теорией.

Еще одно преимущество энтропийного подхода в том, что с его помощью легко объясняется феномен убывания предельной полезности (Гильманова, 2010). Рассмотрим ставший уже классическим пример со стаканами воды. Самый первый стакан дает максимальную полезность, потому что обеспе-

чивает максимальное снижение *текущей личной энтропии*, т.к., с одной стороны, он пригасит чувство жажды (субъективная энтропия), с другой стороны — даст необходимую для жизнедеятельности организма воду (объективная энтропия). Второй стакан приведет к дальнейшему уменьшению чувства жажды, но его полезность меньше, т.к. объективно он может быть уже ненужен, а вот субъективную энтропию еще снижает. Третий стакан может дать дальнейшее уменьшение чувства жажды, однако его потребление усилит отрицательные последствия в виде тяжести, чувства переполнения, т. е. объективная и субъективная энтропия уже не снижаются. Все эти негативные моменты могут уравновесить позитивные моменты, и тем самым на третьем стакане ощущаемый энтропийный выигрыш (и предельная полезность) окажется равным нулю. В результате можно заключить, что предельная полезность — это и есть ощущаемый энтропийный выигрыш от приобретения и потребления товара.

Таким образом, энтропийный подход позволяет осуществить синтез неоклассического понимания формирования равновесия на микроуровне как частный случай эволюции энтропии на рынке и приблизить его к реальным процессам ценообразования на рынках.

3) Синтез неоклассической и поведенческой экономики

В поведенческой экономике основной энтропией выступает *личная субъективная энтропия*, в то время как в основе неоклассики лежит *объективная энтропия*, причем как личная (энтропия индивида), так и общественная (фирмы, государства). Поэтому синтез может быть осуществлен на основе того, как объективная энтропия текущего состояния или будущего преобразуется в субъективную, ощущаемую индивидом энтропию.

Например, с использованием энтропии можно объяснить фрейминг-эффект. Субъективное восприятие индивидом уровня своей энтропии очень сильно меняется в зависимости от смысловых рамок и контекста ситуации. Этим и объясняются многочисленные ошибки репрезентативно-

сти, выявленные Д. Канеманом (Канеман, 2021). Если расчитать вероятность получения выигрыша в лотерею, то тем самым можно определить объективную энтропию будущего для индивида, на основе которой собственно и должен осуществляться рациональный выбор. Также, на основе соотношения будущего выигрыша с текущим уровнем дохода или богатства индивида, можно соотнести возможное изменение энтропии в будущем с текущим уровнем энтропии и опять же сделать рациональный выбор в соответствии с предпосылкой неоклассики о рациональности индивидов.

Однако в реальной экономике индивид принимает решение на основе своих представлений о собственном текущем состоянии и о собственном будущем, что и является тем самым фреймом, т. е. смысловой рамкой, контекстом. Меняя эти смысловые рамки, можно менять восприятие индивидом уровня субъективной энтропии, и, соответственно, будет меняться его выбор того или иного варианта решения. Например, если ситуацию изложить в терминах выгод, то индивид воспринимает ее как позволяющую снизить уровень текущей энтропии (увеличить негэнтропию). И наоборот, при изложении ситуации в терминах потерь индивид воспринимает ее как приводящую к росту энтропии.

Таким образом, неоклассическая теория опять же выступает как частный случай по отношению к поведенческой экономике, так как она предполагает полную рациональность индивидов, что в терминах энтропийного подхода означает полное совпадение *объективной* и *субъективной* энтропий экономических акторов. Такой случай (полной рациональности) может иметь место, но нечасто и при наличии множества условий, таких, например как простота ситуации, наличие у индивида необходимых знаний, наличие у него опыта нахождения решений в подобной ситуации и т.д. В большинстве же случаев имеют место те самые ошибки репрезентативности, которые можно трактовать как отклонения *субъективной* энтропии экономических акторов от ее *объективного* уровня.

4) Синтез институциональной и поведенческой экономики

Несмотря на то что поведенческая и институциональная экономика во многом имеют общие исторические корни, в процессе формирования предметной области их терминология и методология несколько разошлись. Применение энтропийного подхода, на наш взгляд, позволит вновь сблизить эти два направления. Как уже отмечалось выше, институты можно рассматривать как механизмы снижения *личной* энтропии экономических акторов в процессе принятия ими решений. При этом предметная область институциональной экономики с точки зрения энтропийного подхода шире, чем поведенческой. Если поведенческая экономика изучает уровень и динамику только *личной субъективной энтропии* индивидов, то институциональная экономика охватывает не только личную, но и общественную энтропию, и не только субъективную, но и объективную тоже. В этой связи поведенческая экономика пересекается с институциональной экономикой только в тех областях исследования, где рассматриваются ситуации, влияющие на личную энтропию индивидов, причем только на субъективную ее составляющую (означающую, как эти ситуации ощущаются индивидом). Институты же в данном случае являются одним из важнейших инструментов, которые помогают увязать личную энтропию с общественной, т.к. нормы и правила как раз и нужны для того, чтобы ограничить выбор индивидов социальными рамками. Кроме того, институты оказывают значительное влияние на восприятие индивидом той или иной ситуации, т. е. они создают фрейм-эффект, который меняет восприятие индивидом уровня и динамики энтропии, а значит, обуславливают возникновение различий между объективной и субъективной энтропией индивида.

Подведем итоги проведенного исследования. Основанием для синтеза достижений различных направлений экономической науки на основе энтропийного подхода могут быть различные сочетания типов и видов энтропии, которые

выше были обобщены в матрице разновидностей энтропии, представленной в табл. 8.1. Соответственно, каждое из экономических направлений изучает экономику со своей стороны, т. е. изучает динамику какой-то конкретной разновидности энтропии в этой матрице. В табл. 8.2 представлены те разновидности энтропии, которые являются наиболее типичным объектом исследования для того или иного направления экономической науки, а также некоторых социальных наук.

Таблица 8.2. Предметное распределение разновидности изучаемой энтропии по направлениям экономической науки и другим социальным наукам

Разновидность энтропии	Направление экономической науки
Личная объективная текущая энтропия	Микроэкономика, Нанoeкономика
Личная объективная энтропия будущего	Институциональная экономика, Футурология
Личная субъективная текущая энтропия	Поведенческая экономика, Экспериментальная экономика, Экономическая психология
Личная субъективная энтропия будущего	Поведенческая экономика, Психология, Футурология
Общественная объективная текущая энтропия	Макроэкономика, Эконометрика, Мировая экономика, Эволюционная экономика, Экофизика, Биоэкономика, Зеленая экономика
Общественная объективная энтропия будущего	Институциональная экономика, Эконометрика, Синергетическая экономика
Общественная субъективная текущая энтропия	Макроэкономика, Мировая экономика, Социология, Социальная психология
Общественная субъективная энтропия будущего	Институциональная экономика, Политология, Футурология

Источник: составлено автором.

Таким образом, энтропийный подход с характерной для него понятной терминологией может предоставить основу для синтеза различных направлений внутри экономической науки, причем как для направлений в рамках мейнстрима, так и за его пределами. Использование энтропийного подхода позволит также объединить усилия экономистов с предста-

вителями смежных социальных наук, таких как социология, психология, футурология и т.д.

Однако на пути синтеза экономических исследований на базе энтропийного подхода имеется множество сложностей и препятствий. Одним из первых препятствий является отсутствие общего понимания энтропии среди исследователей, как экономистов, так и представителей других смежных социальных наук. Вторым препятствием может стать предубеждение со стороны представителей экономической науки, особенно неоклассического мейнстрима, которые привыкли к своей собственной терминологии и методологии и вряд ли откажутся от них. Третьим препятствием является объективная сложность проявлений и динамики энтропии в социально-экономических системах, особенно это касается взаимодействия разных типов и разновидностей энтропии между собой. Наконец, еще одним препятствием являются трудности нахождения взаимосвязи между энтропийными характеристиками социально-экономических систем и уже накопленным человечеством багажом знаний, показателей и индикаторов, которые их характеризуют.

Часть 2

СИНТЕЗ И НОВЫЕ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКЕ

Глава 9

ОТ СИНТЕЗА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ – К СИНТЕЗУ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

«Если чего и не хватает в экономической науке, так это эффективных средств сообщения между абстрактной теорией и конкретными приложениями».

Барбара Уоттон

Введение

Если в экономической теории проблемы синтеза и междисциплинарности обсуждались не одно десятилетие, а в настоящее время эти дискуссии активизировались и вновь находятся на повестке дня, то для экономической политики постановка проблемы синтеза является, на наш взгляд, новой. Почему мы хотим привлечь к ней внимание?

С одной стороны, экономическая политика всегда представляет собой комплекс разнообразных инструментов, набор мер и действий, которые формируются и внедряются лицами, принимающими решения – от правительства до экономических субъектов разного уровня. С этой точки зрения она, очевидно, может рассматриваться как своего рода синтез различных предложений, сочетание которых призвано обеспечить достижение поставленной цели. С другой стороны, организация эффективного сочетания зачастую противоречивых предложений и инструментов экономической политики, т. е. обеспечение их реального синтеза – это скорее искусство, когда результат зависит от множества

привнесенных факторов, которые не были приняты во внимание на стадии разработки политических решений. О «направленном синтезе» тех или иных мероприятий и инструментов экономической политики, который позволяет достигать наилучших результатов, обычно не говорится. Конечно, непрекращающиеся дискуссии о необходимости системности в экономической политике, обеспечении ее комплексного характера и т.п. являются шагами в нужном направлении. Однако это еще не синтез.

Под синтезом в экономической политике мы понимаем достижение такой взаимодополнительности предлагаемых и реализуемых мер, которые, несмотря на определенную противоположность и разнонаправленность, на, казалось бы, почти несовместимость, используются вместе и совокупно позволяют достичь поставленных экономических целей. Причем достичь их более эффективным способом, чем если применять эти разнонаправленные меры, инструменты и способы порознь. Потребность в синтезе неоднозначных и противоречивых мер обусловлена сложностью самой экономики. Одной из известных задач синтеза в экономической политике служит, например, потребность сочетания рыночных и централизованных инструментов для регулирования экономических процессов.

В данной главе мы сначала рассмотрим роль экономической теории в разработке мероприятий экономической политики, исследуем проблемы их взаимосвязи и теоретические основы синтеза в экономической политике (параграф 9.1). После мы обобщим некоторые результаты и направления синтеза в экономической политике (параграф 9.2), которые подробнее будут представлены в последующих главах второго раздела монографии. Таким образом, если первая глава монографии была своего рода путеводителем по работам, представленным в первом разделе, то данная глава 9 служит выполнению аналогичной функции для второго раздела книги.

9.1. Теоретические основы синтеза в экономической политике, или О взаимосвязи экономической теории и экономической политики

Классическим исследованием, в котором была обозначена связь экономической теории и экономической политики, является работа первого лауреата премии имени А. Нобеля по экономике Яна Тинбергена «Экономическая политика: теория и дизайн»⁸⁹, опубликованная им еще в 1956 г. (Tinbergen, 1956)⁹⁰. В ней он обобщил представления современных ему экономистов-теоретиков о последствиях их работ для экономической политики. Рассматривая экономику с формальной точки зрения как систему линейных уравнений, Тинберген сформулировал классическое *золотое правило*, согласно которому политик может достичь своих (фиксированных) целей: количество его независимых инструментов должно быть равно количеству его независимых целей. Это правило отражало взгляд на политику как на непосредственное и «механистичное» применение теоретических положений на практике.

Как позже отметил Трауинн Эггертссон, изложенные в книге Тинбергена представления отражали эпоху «чрезмерных ожиданий» экономистов послевоенного времени от практического внедрения результатов своей деятельности и носили «инженерный привкус» (Eggertsson, 1996. P. 1). Целью Тинбергена было показать, как экономическое знание может быть организовано, чтобы напрямую регулировать и направлять развитие экономических систем. При этом конкретные экономические теории, упоминаемые им как иллюстрации, служили основаниями для разработки тех или иных

89. Конечно, его труд, наиболее популярный в современной мировой литературе по затронутой теме, не был первым. Историю взглядов на взаимосвязь между экономической теорией и экономической политике в России и Германии в XIX–XX вв. см., например (Кирилловская, 2013).

90. Своими корнями его теория экономической политики упирается в эконометрические модели голландской и американской экономики и в свое время была разработана самим Тинбергеном в качестве первого директора Голландского центрального планового бюро еще в 1945 г. (Hughes Hallett, 1989).

правил для оптимального дизайна политики. Действительно, если понимать экономическую теорию как совокупность моделей (описаний) наиболее существенных черт и свойств экономической жизни, то резонно ожидать использования этого знания в сфере реальной политики.

Аналогичные представления были характерны и для отечественного советского экономического сообщества тех лет. Хотя в нашей стране в тот период развивалась совершенно другая экономическая теория, а именно политическая экономия социализма, она рассматривала свою роль при принятии решений в сфере экономической политики с аналогичных позиций.

Соответствующие контуры отечественной политэкономии начали формироваться еще в 1920-е годы в связи с подготовкой и обсуждением первого пятилетнего плана. Они показали, что становление политэкономии социализма в форме «конструктивистского инженерно-экономического проекта» (Ананьин, 2021. С. 38) было адекватно национальным целям и способам преобразований советского государства как целенаправленного строительства нового социалистического общества⁹¹. Поэтому в известной борьбе сторонников телеологического подхода к планированию, т.е. «плана-задания» (Г. М. Кржижановский, В. В. Куйбышев, С.Г. Струмилин и др.) и генетического подхода, т.е. «плана-прогноза» (Н.Д. Кондратьев, В. А. Базаров, В. Г. Громан и др.), победили первые⁹². Это на долгие годы определило «нормативное лицо» политической экономии социализма в стране.

Вместо стихийного закона рыночного равновесия, лежащего в основании экономических отношений капиталистической экономики, основу социалистических отношений ученые видели в законе планомерного сознательно управляемого экономического развития. Поэтому усилия экономистов-

91. Подробнее обоснование такого взгляда на политическую экономию социализма см.: (Кирдина-Чэндлер, 2022).

92. Характерным является высказывание Струмилина о том, что план есть совокупность императивных заданий «архитектора» (Струмилин, 1927. С. 116).

теоретиков были направлены на обоснование и разработку народнохозяйственных планов, необходимость которых вытекала из основного экономического закона социализма. Таким образом, и в СССР имели место «инженерный привкус» и «чрезмерные ожидания» от внедрения в политическую практику результатов экономического теоретизирования.

Отметим также, что данный подход и в нашей стране, и за рубежом неявно базировался на идее «доброжелательного социального планировщика» (*benevolent social planner*), радеющего об общественном благе и принимающего политические решения в интересах подъема (максимизации) общего благосостояния. Эти представления также свидетельствовали об определенной идеализации благотворного влияния экономической теории на экономическую политику. В соответствии с таким подходом, представленным в мировой и отечественной экономике послевоенных лет и сохранившимся вплоть до 1990-х годов, можно констатировать, что экономическая теория стремилась выполнять контролирующую функцию по отношению к экономической политике, т.е. теория экономической политики была «теорией контроля» (*Acocella at al., 2011*).

Не отрицая данного вывода, отметим, однако, что основная функция теории связана с задачами, решаемыми в экономической политике, в том числе с задачами синтетического характера. Эта функция проявляется, как отмечал еще Э. Хансен, в признании центральной роли экономических моделей в формулировании экономической политики (*Hansen, 1963*). Другими словами, функция теоретического синтеза при реализации политики как направленного влияния на экономические результаты или процессы предполагает модель, т.е. формализованное описание экономической системы, позволяющее отрабатывать и предвидеть последствия принимаемых политических решений.

Сами же модели опирались и опираются на основные достижения экономической теории своего времени. В западных странах речь идет о различных моделях рыночного равно-

весия. В 1940–1960-е годы они были дополнены идеями Дж.М. Кейнса в результате неоклассического синтеза, а позже, в 1990-е годы – идеями неокейнсианцев, положениями теории реального делового цикла и др., что привело к созданию и экспансии моделей DSGE в ходе нового неоклассического синтеза (подробнее об этом написано в главе 2). В СССР экономическая политика в значительной степени опиралась на модели межотраслевого баланса⁹³. В 1959 г. Центральное статистическое управление СССР разработало первый в мире отчетный межотраслевой баланс в натуральном выражении (по 157 продуктам) и отчетный межотраслевой баланс в стоимостном выражении (по 83 отраслям), балансы были построены по всем союзным республикам и экономическим районам РСФСР. Советскими учеными разрабатывались различные типы межотраслевых балансовых моделей, в т.ч. динамические, оптимизационные, натурально-стоимостные, межрегиональные и др.⁹⁴

Однако к концу XX в. развитие новых технологий, усиливающиеся конфликты интересов между участниками экономической деятельности, прежде всего между частным сектором и правительством⁹⁵, усложнение институциональной структуры экономики, осознание структурной сложности экономических систем и недостатка информации об их функционировании поставили под вопрос как классическую теорию экономической политики с ее инженерным привку-

93. За лежащий в основе модели метод «затраты–выпуск» Василий Леонтьев, как известно, удостоился в 1973 г. г. премии имени А. Нобеля.

94. Отметим, межотраслевые балансы строятся в России и по сей день. И не только в России, но и во многих странах мира в рамках известного *Inforum project* (<https://ecfor.ru/inforum-presentations/>), где активно разрабатывается класс межотраслевых моделей *input-output analysis*.

95. На эту проблему одним из первых обратил внимание Роберт Лукас (*Lucas*, 1976). Если классическая теория экономической политики Яна Тинбергена, Анри Тейла и др. предполагала поведение частного сектора инвариантным (оптимальному) вектору политических решений, то при наличии рациональных ожиданий у экономических агентов и активной реакции частного сектора на действия политиков уже невозможно говорить о наличии системы устойчивых параметров, которыми может управлять политик (правительство), как это предполагается классической теорией экономической политики.

сом, так и традиционное понимание значения экономической теории для экономической политики, в том числе — для синтеза в экономической политике. Последняя стала рассматриваться как слабо предвидимый экономической теорией результат взаимодействия разнонаправленных интересов различных игроков, итоги которого лучше прогнозирует теория игр или теория конфликтов (принятия решений). Это привело к появлению новых версий теорий экономической политики. Один из вариантов, названный *новой теорией экономической политики*, представлен, например, в (Acocella at al., 2011).

Явно или неявно, но во взглядах на экономическую политику стала оспариваться основополагающая роль экономической теории и разрабатываемых ею теоретических моделей как основного источника знаний для ее разработки⁹⁶. Соответственно, основанный на математическом моделировании теоретический синтез как одно из условий при решении задач синтеза в экономической политике стал отходить на второй план. Все больше внимания уделяется роли социологических, политологических, институциональных факторов, влияющих на экономическую политику (Eggertsson, 1996; Корхонен, 2021). Функция традиционного теоретического синтеза в деле формирования экономической политики претерпела изменения в сторону дескриптивного неформального описания или же описания, основанного на стохастическом характере описываемых процессов.

Ответ на вопрос о том, почему экономическая политика расходится с экономической теорией, а последняя перестает выполнять роль организатора прикладного синтеза, состоял в том, что внеэкономические факторы обретают все более существенное значение и приводят к отклонению от лучшего выбора (first-best) в политике. Наиболее обсуждаемые из этих факторов — возможности для рентоориентирован-

96. Г.Б. Клейнер назвал это явление «разобщенностью» экономической теории и экономической политики (Клейнер, 2017. С. 462).

ного поведения и институциональная инерция⁹⁷ (Корхонен, 2021). Первый фактор означает, что интересы отдельных политических групп, выигрывающих от текущей политики, т.е. получающих экономическую ренту, через лоббизм будут сопротивляться новым политическим решениям, если их рента будет под угрозой. Второй фактор означает, что экономическая политика, предлагающая новые эффективные решения, завязнет в действующих правилах и институтах и не позволит этим решениям реализоваться так, как они замыслились⁹⁸.

XXI век добавил во взаимоотношения экономической теории и экономической политики новые проблемы, связанные с нестабильностью, охватившей экономику всего мира. «Столкнувшись с сочетанием финансового, медицинского и экологического кризисов, экономическая мысль пришла в замешательство... с ее преобладающей идеей, которая лежит в основе эконометрических моделей ... что существует долгосрочное равновесие, к которому экономика будет автоматически приближаться» (Gaffard, 2021). К тому же масштабные структурные изменения в экономике, неоднородность которых усиливается в условиях геополитической нестабильности, стали дополнительным вызовом для экономической теории и резко снизили ее возможности обеспечить экономическую политику релевантными моделями: те из них, которые работали в условиях стабильности и затишья, теряют свое значение. Если сами экономисты-теоретики «потеряли свою систему отсчета» (Gaffard, 2021), то какие идеи по части синтеза они могут предложить практике?

Но, помимо новых вызовов, во взаимоотношениях экономической теории и экономической политики сохраняются «вечные» постоянно сопровождающие эту дискуссию вопросы.

97. В институционально-эволюционной экономической литературе также используется термин *path dependence*.

98. «Хотели как лучше, а получилось как всегда», — так В.С. Черномырдин фактически определил «институциональную инерцию».

Во-первых, неизменен вопрос о том, что первично, а что вторично. Так, широко распространено мнение о том, что, например, теория Дж. М. Кейнса и его положения о необходимости централизованного стимулирования спроса послужили основанием последующей разработки экономической политики, предусматривающей активную роль государства. В качестве иллюстрации часто приводится Новый курс Рузвельта в США – эффективной экономической программы американского правительства, которая опиралась на кейнсианские идеи и позволила преодолеть последствия Великой депрессии. Однако специалисты знают, что еще в 1920-е годы Кейнс уже находил в экономической политике признаки государственного вмешательства с целью корректировки «продукта деятельности игорного дома», каким он называл современное ему капиталистическое хозяйство, в памфлете с говорящим названием «The End of Laissez-Faire» (Keynes, 1926). Стали ли замеченные им меры основанием построения в дальнейшем его теории? Или его теория обозначила необходимость таких мер? Вопрос о взаимосвязи экономической теории и экономической политики, а значит, о взаимовлиянии теоретического синтеза и прикладного синтеза, напоминает вопрос о курице и яйце, когда первопричина ускользает от понимания.

В этой же плоскости идут дискуссии о том, что экономическая теория, которая по определению имеет рефлексивный характер, т. е. направлена на осмысление существующей реальности, всегда отстает от экономической практики⁹⁹. По мнению В. М. Полтеровича, проблема отставания теории в том, что «экономическая действительность настолько многовариантна и подвижна, что скорость ее изменения опережает темп ее изучения» (Полтерович, 1998. С. 61). В связи с этим им был сделан вывод (в чем-то сходный с золотым правилом Тинбергена): «По-видимому, многообразие

99. Один из известных афоризмов Марти Аллена, отражающий эту проблему, звучит следующим образом: «Экономические исследования неизменно показывают, что лучшим годом для покупки чего бы то ни было был предыдущий год» (<https://citaty.su/aforizmy-i-citaty-ob-ekonomike>).

экономических явлений не может быть объяснено на основе небольшого числа фундаментальных закономерностей» (Там же. С. 61–62).

Тенденция отставания теории от «подвижной экономической действительности» сохраняется по сей день, и это обстоятельство ограничивает возможности теоретического синтеза при решении задач экономической политики. Так, в сентябре 2021 г. на заседании Клуба экономической политики НИУ ВШЭ был проведен опрос с целью определить причины, по которым в экономической политике возникают существенные отклонения от теории. То, что теория не поспевает за реальными изменениями, было названо второй (после лоббизма) причиной таких отклонений¹⁰⁰.

Второй «вечный» вопрос касается взаимодействия теоретиков и практиков, которые зачастую не очень хорошо понимают друг друга. Казалось бы, чего проще: «Для проведения обоснованной экономической политики необходимо определиться с экономической теорией, которая ляжет в основу политики. А выбор экономической теории зависит от цели, которую преследует экономическая политика... <но возникает> проблема языка» (Кирилловская, 2015. С. 99–100). Существуют системные различия между тем, как представляют себе экономику (и экономическую науку) профессиональные экономисты и люди, осуществляющие реальную политику (Клейнер, 2017). Также перед ними стоят разные задачи. А это значит, что теоретический синтез далеко не всегда может выступать в роли базиса при решении синтетических задач экономической политики.

Возникающие здесь коллизии подробно анализируются в экономической литературе. Сошлемся на один из недавних обзоров на эту тему, представленный в (Кошовец, 2021), где рассмотрены различия в целях производства (теорети-

100. Основные три причины, по мнению респондентов, были следующие: влияние различных групп интересов, лоббизм – 26%; теория не успевает за реальными изменениями в экономике – 14%; влияние населения, популизм – 13% (<https://econs.online/articles/ekonomika/pochemu-ekonomicheskaya-politika-raskhoditsya-s-teoriey> (дата обращения 04.10.2022)).

ками-экономистами) и использования (практиками и политиками) экономического знания. Сложности взаимодействия теоретиков и практиков обусловлены и особенностями современной системы экономического образования. Так, по данным одного из опросов молодых ученых по поводу оценки программы докторантуры PhD в американских вузах после окончания, более половины молодых докторов двух выпусков отметили, что в ходе учебы «слишком мало внимания уделялось применению теории в реальном мире» (*Stock, Hansen. 2004. P. 267. Table 1. Цит. по: (Акерлоф, 2021. С. 113–114).*

Наконец, третий «вечный» вопрос связан с идеологизацией (подробнее см.: (*Кирдина-Чэндлер, 2022*)) и политизацией (*Маевский, 2022*) экономической теории. Другими словами, сами экономические теории не всегда могут рассматриваться как вполне объективные дескриптивные модели экономических систем и процессов, поскольку отражают взгляды и политические интересы как самих теоретиков, так и поддерживающих распространение и использование этих теорий социальных групп. В таких условиях сохраняет свое значение известная дилемма экономистов-теоретиков, которую израильский экономист Ариэль Рубинштейн назвал дилеммой актуальности: «Имеют ли право экономисты консультировать кого-то или утверждать что-то с намерением повлиять на реальный мир?» (*Рубинштейн, 2008. С. 62*).

Проведенный анализ не исчерпывает всех проблем взаимодействия экономической теории и экономической политики. Тем не менее, он не отменяет самого факта этого взаимодействия и их влияния друг на друга, не отменяет также и проблем синтеза в экономической политике, инспирированных в определенной мере тем, что происходит в современной экономической теории. Актуальность этого вопроса связана также с тем, что экономическая политика, направленная на управление таким все более сложным объектом, каким является современная экономика, требует новых релевантных этой сложности, нелинейности и нестабильности мер и подходов синтетического характера.

Как мы показали в первой части книги, теоретический синтез охватывает все больше сфер экономического теоретизирования и имеет благоприятные перспективы. Поэтому мы полагаем, что необходимый на современном этапе синтез в экономической политике вполне может быть отражением теоретического синтеза, который обуславливает «необходимость синтеза дисциплинарного знания для принятия управленческих решений» (Григорьева, Чубарова, 2020. С. 172). Так, синтез в экономической политике может опираться на совокупность новых разработанных экономистами логических и математических моделей экономических процессов. Он также может базироваться на включении в политический процесс новых предлагаемых экономической наукой методов и инструментов. При этом действенность экономической политики, опирающейся на теоретический синтез, определяется тем, насколько успешно он рефлексивирует ту быстро меняющуюся и усложняющуюся практику, на регулирование которой направлена экономическая политика¹⁰¹.

Рост внимания к синтезу в экономической политике подтверждают результаты англоязычного сегмента научных публикаций по этой теме (рис. 9). С 1990-х по 2013 г. их число выросло более чем в 10 раз и опережало количество работ по синтезу в экономической теории. Затем оно оставалось стабильным вплоть до начала пандемийного периода (в период пандемии произошел их спад). После выхода мировой экономики из пандемии количество публикаций, посвященных синтезу в экономической политике, вновь стало расти.

В последующих главах данной части книги мы подробно разберем некоторые примеры синтеза в экономической политике и обозначим направления его развития. Путеводителем по этим главам для читателя может послужить следующий параграф.

101. Если синтез в экономической теории имеет концептуальный характер, то синтез в экономической политике — инструментальный характер (здесь мы следуем логике определения теоретической и практической междисциплинарности в работе: (Григорьева, Чубарова, 2020. С. 172)).

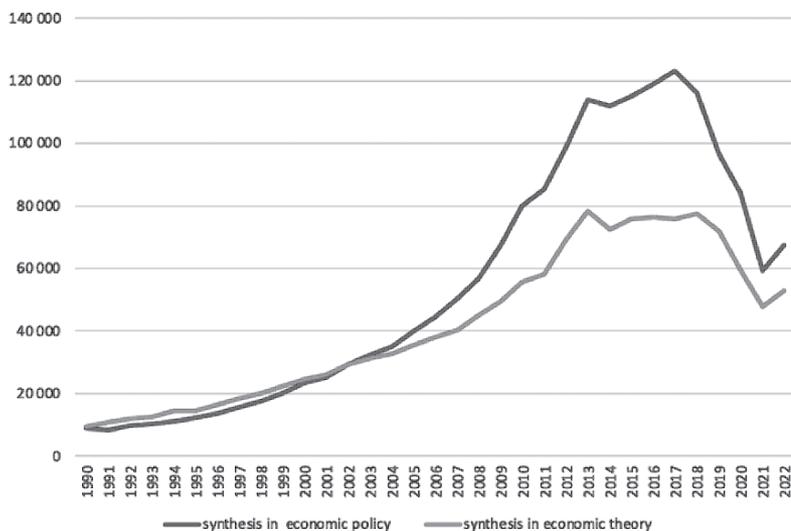

Рис. 9. Количество работ по запросам «synthesis in economic policy» и «synthesis in economic theory», 1990–2022 г.

Источник: Google Scholar.

9.2. Синтез в экономической политике: обобщение некоторых результатов и перспективы

Возвращаясь к приведенному во введении к данной главе определению синтеза в экономической политике как обеспечению взаимодополнительности альтернативных мер для более эффективного достижения целей, вновь обратим внимание на его инструментальный характер. Это означает, что мы рассматриваем его как технологию конструирования по объединению методов и инструментов экономической политики для решения определенных практических задач.

В главах 10, 11 и 12 речь пойдет о некоторых особенностях синтеза мероприятий экономической политики в сфере управления денежной эмиссией и денежным обращением. Как мы уже отмечали, порой синтез в экономической теории обеспечивает и обосновывает возможности синтеза в экономической политике, выступает его теоретическим обоснованием. Так было, например, с адаптацией

неоклассической экономической теорией кейнсианских идей. Это привело и к неоклассическому синтезу в самой экономической теории, и одновременно послужило обоснованием новой экономической политики после Великой депрессии в США, например к упомянутому выше Новому курсу Рузвельта 1930-х годов.

Мы полагаем, что аналогичные перспективы может иметь синтез теории переключающегося режима воспроизводства (ПРВ) и теории институциональных X-Y-матриц (ТИМ), рассмотренный в главе 10.

С одной стороны, в этой главе показаны направления синтеза этих двух теорий с целью конкретизировать условия денежной эмиссии. Речь идет о двух каналах поступления «новых» денег в экономику, которые названы «инвестиционным» (он характерен для стран с доминированием институтов X-матрицы) и «потребительским» (распространен в странах с преобладанием институтов Y-матрицы) каналами. Эти каналы в определенной степени альтернативны друг другу, поскольку их использование вызывает различные последствия. «Потребительский» канал запускает инициативу экономических субъектов «снизу» и обостряет конкурентную борьбу между фирмами и предприятиями за вовлечение в воспроизводственный процесс денег и сбережений населения. Однако он провоцирует цикличность, сопровождаемую спадами и депрессиями. В свою очередь, «инвестиционный» канал позволяет централизованно аккумулировать средства для инвестиций и направлять их на решение важнейших воспроизводственных задач. Однако при этом возникают риски коррупционности и связанные с этим искажения воспроизводственных пропорций.

С другой стороны, в главе представлены результаты сценарных расчетов различных вариантов эмиссионной политики, в разной мере комбинирующей оба этих канала. Расчеты проведены на модели ПРВ в соответствии с положениями ТИМ. Они показывают, что на основе синтеза «инвестиционного» и «потребительского» каналов можно

управлять параметрами инфляции и экономического роста, которые часто являются целями экономической политики.

В следующей 11 главе рассматриваются перспективы синтеза двух способов монетизации российской экономики. Речь идет о валютном способе, когда объем денежной эмиссии определяется валютным обеспечением национальной экономики, и долговом, когда прирост денежной базы формируется под залог долговых внутренних инструментов (государственных и корпоративных ценных бумаг). Принято считать, что долговой способ дестабилизирует экономику, валютный же содействует финансовой стабилизации, но снижает возможности активной политики экономического роста. Использование преимущественного первого способа в России авторы связывают не только с негативным опытом, известном как «кризис ГКО 1998 г.», но и с недостаточным теоретическим обоснованием долгового способа денежной эмиссии в России. Однако опора на уже упомянутую теорию ПРВ и проведение сценарных расчетов, представленные в данной главе, позволяют утверждать следующее. В долгосрочном периоде синтез двух способов монетизации российской экономики, предполагающий увеличение долгового способа по сравнению с валютным позволит стабилизировать финансовую ситуацию и обеспечить необходимые темпы экономического роста российской экономики.

Если в главах 10 и 11 обсуждаются *перспективы* синтеза в экономической политике, опирающегося на теоретические обоснования и проведенные сценарные расчеты, то глава 12 обобщает *результаты* политики в области денежного обращения, содержанием которой стал синтез институтов, характерных для X- и Y-матрицы. Здесь показано, что опора на один тип институтов, как это было в СССР (речь идет об институтах X-матрицы), привела к краху экономической политики по денежному обеспечению экономики, нарушению воспроизводственных пропорций и в немалой степени содействовала распаду страны. Анализ современной системы денежного обращения показывает, что она пред-

ставляет собой продуктивный синтез двух типов институтов. Это делает систему одновременно и более гибкой, и более устойчивой. Об этом свидетельствует успешное прохождение ею своего рода стресс-теста, которым стали события после начала военной операции на Украине в феврале 2022 г. В этом смысле российская система денежного обращения продемонстрировала высокий уровень резильентности, проблемы которого подробно обсуждаются далее, в главе 13.

В этой главе речь идет уже не только о России, но о вызовах для экономической политики всех стран, поскольку они связаны с изменениями, носящими глобальный характер. Речь идет не просто об отмеченной ранее нестабильности, ставшей характерной чертой экономических процессов, что само по себе ограничивает использование достижений «постоянно запаздывающей экономической теории» в экономической политике. Речь идет о появлении внезапных шоков, с которыми сталкиваются современные экономики. Способность экономики быть в постоянной готовности к таким шокам и их преодолению получила название *резильентности*¹⁰². В главе 13 рассматривается современная теория резильентности и ее применение в экономической политике. Необходимость иметь резильентную экономику, устойчивую к волновым эффектам и шокам, способную восстанавливаться после них и быстро адаптироваться к новой среде, ставит перед экономической политикой сложные задачи. Речь идет о необходимости синтеза мероприятий, поддерживающих способность системы к поглощению шоков и устойчивости, с одной стороны, и сохранению тенденций роста, с другой. Также речь идет о сложном динамическом сочетании свойств «избыточности» экономики (связанной с накоплением резервов) и «бережливости» (предполагающей избавляться от

102. Термин Resilient Economy необходимо отличать от термина Resistance (Resistive) Economy (Экономика сопротивления), который появился в Иране в 2007 г. Он подчеркивал, что основная цель «экономики сопротивления» состоит в максимально возможном использовании внутренних возможностей страны и противостоянии санкциям, с тем чтобы не допустить кризисной ситуации (<http://www.hawzah.net/fa/Article/View/93717>).

лишних запасов), учитывающих особенности нашей страны (Толстогузов, Белых, 2021. С. 1).

Следующие главы 14 и 15 отражают отмеченный в 9.1. поворот от использования достижений преимущественно экономической теории для экономической политики в сторону социологических, политологических и междисциплинарных подходов.

Один из таких подходов связан с развитием нарративной экономики, представляющей собой синтез экономического и социологического анализа. Это относительно новая и пока редко используемая в экономическом анализе методология. Мы решили привлечь к ней внимание, поскольку она является весьма перспективной для теоретического обоснования и приложения в экономической политике. Это связано с тем, что нарративы являются важной составляющей для мотивации экономических субъектов, принимающих политические решения. «В традиционной экономической теории мотивация выводится из априорных предположений о ценностях, которыми люди руководствуются. Существует, однако, гораздо менее ограничительная и более общая характеристика спектра возможных мотивов; согласно такому подходу люди мотивированы историями (stories), которые предшествуют принятию решений. Если можно сказать, что человек мыслит в формате историй, значит, истории влияют на его мотивацию» (Акерлоф, 2021. С. 115–116). Глава 14 знакомит читателя с основами нарративной экономики (насколько это возможно в рамках одной главы), но не только. В ней рассматриваются приложения анализа нарративов для использования в инновационной политике. Особое внимание авторы уделяют сочетанию нарративного анализа как качественной методологии и известного метода количественного анализа — экономического моделирования, в инновационной политике. Обоснованы перспективы синтеза этих двух подходов, который позволит обогатить содержание этой политики и планировать мероприятия с более высокой ожидаемой эффективностью.

Одна из функций нарративов, отмеченная авторами, состоит в их способности служить «упрощенными экономическими протомоделями». Для политиков, принимающих экономические решения, как и для большинства субъектов, которых эти решения касаются, экономические теории доступны, как правило, форме распространенных господствующих в общественной среде и в их окружении нарративов, так как они сами экономическую теорию зачастую не изучают.

Результаты успешной опоры на эти свойства нарративов в экономической политике показаны на примере Китая в главе 15. Здесь обсуждается «риторический синтез», в ходе которого происходит создание дискурсивных практик, примиряющих полярные точки зрения разных экономических нарративов. Такой синтез воплотился в создании идеологии «социализм с китайской спецификой». Она стала основанием проводимых в КНР с 1970-х годов экономических реформ и рамочной конструкцией соответствующей экономической политики. В ходе такого «риторического синтеза» удалось примирить альтернативные позиции сторонников плана и рынка, что привело к прекращению борьбы между их сторонниками и выстраиванию единого понятийного поля для идентификации новых экономических явлений и феноменов. Авторы обосновывают важную роль этого синтеза в успехе синтетических реформ КНР, соединивших преимущества плана и рынка в идеологии «социализм с китайской спецификой».

В заключительной 16 главе монографии мы обращаем внимание на новейшие формы экономической организации, а именно цифровые экосистемы, действующие на основании цифровых платформ. Результат деятельности цифровой экосистемы не является суммой результатов ее участников, а имеет синтетический характер, т. е. является результатом системы как целого, управляемой, тем не менее, центральной компанией, которая представляет платформу взаимодействия ее участникам. Алгоритмическое управление, весьма распро-

страненное в цифровых экосистемах, позволяет увязать их структурные и процессные свойства. В главе разбирается опыт функционирования частных экосистем и управления ими. Однако он является весьма полезным для использования в государственной экономической политике.

Как известно, в сфере государственного управления ряд функций все более передается онлайн-платформам, которые контролируют деятельность экономических агентов до и после осуществления тех или иных мероприятий экономической политики. Таким образом, мы наблюдаем синтез цифровых (без участия человека) и традиционных (на основе решений конкретных лиц и организаций) управленческих функций, что становится определяющей характеристикой экономической политики в современной цифровой экономике. Цифровая платформа становится идеальным партнером для субъектов экономической политики независимо от того, компания или государственные органы являются центром экосистемы. Обсуждением проблем и перспектив такого синтеза, остро актуального в настоящее время, заканчивается вторая часть монографии¹⁰³.

103. Помимо двух частей, в монографии имеется приложение. В нем обсуждается использование методов Монте-Карло для селекции моделей регрессионного анализа. Поскольку эти универсальные модели часто служат в экономике одним из методов осуществления внутри- и междисциплинарного синтеза, мы решили включить в нашу монографию материал, помогающий обосновать корректность применения регрессионных моделей к анализу различных массивов данных и предлагающий альтернативные варианты обоснования и верификации их использования.

Глава 10

ДЕНЕЖНАЯ ЭМИССИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В КОНТЕКСТЕ СИНТЕЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА¹⁰⁴

«В основе успеха науки лежит главным образом наша способность к синтезу».

Ричард Фейнман

Введение

Определение взаимосвязи между денежной эмиссией и экономическим ростом является важной теоретической проблемой, известной в экономической теории как проблема нейтральности/не-нейтральности денег. Однако не менее важными являются практические следствия решения данной проблемы. Современная экономическая политика нуждается в постоянном усовершенствовании знания о механизмах «запуска и обеспечения» экономического роста. Актуальность такого знания поддерживается следующими экономическими факторами. Во-первых, наблюдается многолетний тренд снижения темпов экономического роста в большинстве стран мира. Это в том числе связывается с падающей эффективностью денежных систем и их способностью обслуживать потребности экономики, что выражается в росте ее финансиализации. Суть этого явления — в превращении денежного (финансового) капитала в фиктивный и виртуальный капитал, что означает усиливающийся отрыв от

104. При подготовке данной главы, помимо процитированных материалов, использован также текст: (Рубинштейн А.А. (2022). Не-нейтральность денег в контексте синтеза институциональной теории и теории воспроизводства // Вестник ИЭ РАН. №5. С. 7–22).

сферы реального производства. В связи с этим банковские и финансовые кризисы приводят к полномасштабным экономическим кризисам и затрагивают большинство стран мира, включая Россию. Во-вторых, имеет место усложнение структуры каналов денежного обращения и всей совокупности денежных инструментов, что также является вызовом для проведения проактивной экономической политики современных государств.

В данной главе предлагается рассмотреть перспективы синергетического использования преимуществ институционального и воспроизводственного подходов для получения более адекватного представления о денежных (эмиссионных) механизмах экономического роста. В данном исследовании институциональный подход представлен теорией институциональных X-Y-матриц¹⁰⁵ (далее – ТИМ), а воспроизводственный – теорией переключающегося режима воспроизводства (далее – теория ПРВ)¹⁰⁶. Смысл синтеза двух теорий – в создании более адекватной научно-теоретической базы для эффективных рекомендаций по экономической политике.

Естественный объект изучения, где совмещение данных подходов оказывается наиболее плодотворным, это рассмотрение организации денежной эмиссии и денежного обращения с точки зрения его роли в обеспечении воспроизводства экономики и экономического роста в разных типах обществ. Так, в теории ПРВ основным предметом исследования являются мезоэкономические денежные кругообороты, обеспечивающие необходимые пропорции распределения денежных средств на потребление и накопление в экономической системе, такие пропорции, при которых обеспечивается устойчивое воспроизводство экономической системы в расширенном масштабе и достигается экономический

105. Изложение основ теории институциональных X-Y-матриц см.: (Кирдина, 2014; Kirdina-Chandler, 2017).

106. Теория переключающегося режима воспроизводства представлена в: (Маевский, 2012; Маевский, Малков, Рубинштейн, 2016).

рост. При этом теория ПРВ фактически не рассматривает, каким образом, посредством каких институциональных структур осуществляется необходимое денежное обращение в рамках этих кругооборотов. Основное внимание уделяется изучению монетарных пропорций, но не анализу механизмов, обеспечивающих формирование этих пропорций.

В свою очередь, в ТИМ исследуются институциональные структуры, исторически и устойчиво доминирующие в разных типах обществ. Показано, что хотя на поверхности социально-экономической жизни многие процессы в экономике, политике и идеологии выглядят похожими и представляются универсальными, в реальности они регулируются качественно различными базовыми институтами. Эти различия интегрированы в двух типах институциональных матриц, названных X- и Y-матрицами. Базовые институты задают характер проявления действующих на мезоуровне правил и являются факторами селекции (отбора и закрепления) конкретных институциональных форм и механизмов. Важнейшей для экономики сфер деятельности этих форм и механизмов является сфера денежного обращения, однако инструментарий ТИМ лишь эпизодически применялся для ее исследования (Верников, Курдина, 2010; Курдина, 2013; Курдина, 2014; Курдина, 2016; Kirdina, Vernikov, 2013). В то же время важная в практическом плане задача комплексного исследования систем институтов и исследования роли различных эмиссионных каналов в обеспечении экономического роста в странах с доминированием либо X-, либо Y- институциональной матрицы еще не ставилась.

Таким образом, при согласованном исследовании эмиссионных механизмов экономического роста с позиций теории ПРВ и ТИМ каждая из теорий может внести свой оригинальный вклад в понимание особенностей их работы, а синтез результатов будет способствовать получению более обоснованных рекомендаций для экономической политики.

10.1. Особенности синтеза теории институциональных X-Y-матриц и теории переключающегося режима воспроизводства

В данном параграфе мы обратимся к некоторым общим соображениям по поводу проблемы синтеза в экономической науке, с тем чтобы обозначить философско-методологические основания синтеза теорий переключающегося режима воспроизводства (ПРВ) и теории институциональных матриц (ТИМ).

Одной из необходимых причин синтеза в экономике является весьма распространенная в последние годы тенденция разобщения исследовательских направлений и программ в этой сфере деятельности (Капелюшников, 2018. С. 87). В результате все большей поляризации и дифференциации научных исследований снижается эпистемологический потенциал научных теорий. Тем самым утрачивается доверие к научному способу объяснения и предсказания процессов социально-экономической реальности. Решение обозначенной проблемы и формирование необходимых синтетических программ включает ряд концептуальных, методологических, фундаментальных и прикладных составляющих (Клейнер, 2017. С. 462), сочетание которых определяет их успешность. Поэтому в ходе структурного анализа ПРВ и ТИМ рассмотрим некоторые из них, чтобы определить перспективы и успешность синтеза между ними.

Анализ философско-методологических оснований обеих теорий показывает, что между ними есть концептуальная, методологическая и фундаментальная общность. Речь идет об общности онтологического и мета-методологического оснований. *Онтологическим* основанием синтеза указанных теорий служит общий для них объект исследования, а именно закономерности воспроизводства (социально)-экономических систем. В ТИМ, опирающейся преимущественно на социологический подход, таким объектом выступает процесс «воспроизводства общества». В теории ПРВ основной объ-

ект — «воспроизводство капитала», рассматриваемый преимущественно в дисциплинарных экономических границах. В свою очередь, *мета-методологическое* основание синтеза двух теорий состоит в том, что обе они реализуют общее методологическое правило по разграничению «реального мира» и мира теории (Сагден, 2012. С. 476; *Философия науки*, 2020. С. 474). Так, теория ПРВ исследует «фундаментальные особенности переключающегося режима воспроизводства» (Маевский, Малков, Рубинштейн, 2019. С. 47), который имеет абстрактный характер, но в то же время отражает физические процессы создания и использования капитала в «реальном мире» (Там же. С. 48). Эти процессы могут быть как более, так и менее эффективными. Аналогичный метаметодологический подход использован в ТИМ. С одной стороны, институциональные матрицы представляют собой «идеальные», или «чистые типы», в веберовском смысле (Кирдина, 2014. С. 72). Однако одновременно они являются концептуализацией «первичных, исходных социальных форм, складывающихся при возникновении государств» (Кирдина, 2014. С. 17), т. е. существующих в реальных обществах. Исследование этих наблюдаемых в общественной жизни форм также предполагает определение «системы критериев эффективности или неэффективности экономических, политических и идеологических институтов» (Кирдина, 2014. С. 358), образующих институциональные матрицы.

Перейдем к рассмотрению прикладных составляющих, которые обосновывают актуальность синтеза теории ПРВ и ТИМ. Они связаны с необходимостью углубленного понимания и более точного описания функционирования современной денежной экономики, при котором обе теории могут удачно дополнить друг друга. Как уже отмечено выше, теория ПРВ при изучении денежных кругооборотов и их роли в воспроизводстве капитала не учитывает их институциональной структуры. Соответственно, вне рассмотрения остаются существенные особенности этой структуры, обусловленные принадлежностью экономики и общества к определенному

типу, связанному с типом доминирующей институциональной X- или Y-матрицы. В свою очередь, ТИМ не рассматривала (до 2021 г.) специфику важнейшей для экономики денежной сферы и закономерности движения денежных потоков. Однако без этого знания ее объяснительные и прогностические возможности оказываются ограниченными.

Таким образом, обобщая концептуальные, методологические, фундаментальные и прикладные составляющие синтетической программы, опирающейся на положения обеих теорий, можно констатировать: их синтез возможен благодаря признанию наличия фундаментальной связи между системой базовых правил, определяющих переключающийся режим воспроизводства в экономике, и реализацией потенциального множества систем институциональных правил, «оформляющих» переключающийся режим. Такой подход порождает ряд возможных исследовательских пересечений при реализации синтеза теории ПРВ и ТИМ:

- во-первых, несмотря на то что ТИМ является преимущественно структурно-системной теорией, а ПРВ — процессуальной теорией, оба теоретических подхода могут быть задействованы при исследовании различных каналов поступления денег в экономику, характерных для стран с доминированием X- или Y-матрицы, с целью сравнения их эффективности. Критерием эффективности может выступать влияние используемых каналов на показатели экономического роста в экономике;
- во-вторых, объектом синтеза могут быть связи между воспроизводством институциональной среды и воспроизводством капитала, т.е. исследование возможности изменения «режима переключения» в зависимости от типа доминирующей в обществе X- или Y-матрицы;
- в-третьих, феномен капитализации денег в модели ПРВ относится прежде всего к эмиссии Центрального банка (Маевский, 2021. С. 14). Гораздо меньше внима-

ния уделяется процессу перераспределения денег за счет кредитной эмиссии банковского сектора: в этом случае «денежная сила», собранная со всей экономической системы, перераспределяется банками в пользу отдельных ее подсистем. Таким образом, здесь также имеет место «феномен капитализации денег», т. е. направление их на обновление основного капитала. Причем этот эффект может иметь даже более выраженный характер, чем в отношении обычной эмиссии со стороны Центрального банка. Поэтому институциональные формы, обеспечивающие «феномен капитализации денег» в ходе централизованной и кредитной эмиссии в разных типах экономик, также могут являться предметом изучения и моделирования в ходе предполагаемого синтеза.

В 2022 г. было реализовано первое из трех указанных направлений синтеза ТИМ и теории ПРВ. В ходе такого синтеза решалась исследовательская задача сравнения эффективности различных каналов поступления денег в сферу воспроизводства, используемых в экономиках с доминированием либо X , либо Y -институциональной матрицы. В ходе проведенных расчетов предполагалось проверить следующую гипотезу:

- если эмитируемые деньги приходят в экономику по «инвестиционному» каналу, характерному для экономики с доминированием X -матрицы, то в долгосрочном периоде (при одном и том же темпе эмиссии) темпы прироста ВВП окажутся выше, чем в случае когда действует «потребительский» эмиссионный канал, характерный для экономики с доминированием Y -матрицы.

В основе данной гипотезы лежат следующие соображения: если количество эмитированных центральным банком денег, приходящих в экономику по «инвестиционному» каналу, равно аналогичному количеству денег, движущихся по «потребительскому» каналу, то, на первый взгляд, в конеч-

ном счете прирост совокупного потребительского спроса будет одинаков по обоим каналам, поскольку инвестиционные деньги также в конечном счете приходят в домохозяйства подсистемы, осуществляющей свое обновление. Соответственно, одинаковым при двух каналах окажется приращение собственных средств в подсистемах реального сектора, а значит, и приращение основного капитала в этих подсистемах. Однако тонкость состоит в том, что эмитированные деньги, проходя по «инвестиционному» каналу, обеспечивают не только прирост потребительского спроса, но одновременно расходуются на создание дополнительного основного капитала, в дальнейшем приводящего к приросту выпуска продукции. Очевидно, что этот прирост, помимо собственно увеличения выпуска, снижает инфляцию, а это дополнительно усиливает положительный эффект непосредственного направления эмиссии на инвестиционные цели. Этот эффект, связанный с вышеупомянутым «феноменом капитализации денег» и напрямую обуславливающий их не-нейтральность в долгосрочном периоде, должен продемонстрировать преимущества «инвестиционного» канала движения эмитируемых денег над «потребительским».

Но, прежде чем перейти к проверке данной гипотезы с помощью модельных расчетов, охарактеризуем роль денежной эмиссии в воспроизводственном процессе. Является ли предложение денег нейтральным фактором, не влияющим на долгосрочный экономический рост?

10.2. Роль денежной эмиссии в воспроизводственном процессе

На наш взгляд, тезис нейтральности денег в долгосрочном периоде, поддерживаемый многими известными авторами (*Ball, Romer, 1990; Бланиар, 2010*), является дискуссионным. Указанные авторы ссылаются на то, что после появления дополнительных денег (денежной эмиссии) экономика через некоторый промежуток времени вернется на свой «естественный уровень». Однако очевидно, что указан-

ный «естественный уровень» с течением времени меняется: постоянно происходит рост производственных мощностей, сопровождающийся оптимизацией производства и обслуживания производимых товаров, возникают новые технологические улучшения, а иногда даже фундаментальные научные открытия — эти и другие изменения приводят к увеличению эффективности производства, к снижению затрат и росту капиталоотдачи. Вероятно, нейтральность денег выполнялась бы, если бы промежуток времени между их появлением и релаксацией к действительно первоначальному уровню был очень мал. Однако столь короткий промежуток времени невозможен хотя бы в силу принципа номинальной жесткости и др.

В свое время с помощью модели ПРВ удалось продемонстрировать существенную роль денежной эмиссии в обеспечении роста реального ВВП в долгосрочном периоде. Было показано, что широко распространенное положение о нейтральности денег в долгосрочной перспективе представляет собой лишь частный случай реакции экономики на денежную эмиссию¹⁰⁷. В зависимости от q — коэффициента модели ПРВ, регулирующего распределение эмиссионных денег на цели роста инвестиций и/или потребительского спроса¹⁰⁸, экономика ведет себя по-разному. При постоянном темпе эмиссии можно наблюдать как в одних случаях (при $q \leq 1$) темпы ВВП в долгосрочном периоде превышают темпы инфляции, как в других случаях (при $q > 1$) темпы инфляции оказываются выше темпов ВВП или же инфляция имеет место при абсолютном спаде объемов ВВП (стагфляция, $q \gg 1$). Модельные

107. Гипотезу нейтральности денег в долгосрочном периоде разделяют как старые, так и новые монетаристы, неоклассики и неокейнсианцы. Позицию таких экономистов достаточно точно сформулировал Марк Блауг — известный специалист по теории экономических учений: «В условиях долгосрочного равновесия деньги нейтральны в том смысле, что номинальные изменения денежного предложения не влияют на реальные экономические переменные, такие как производство, занятость, размещение ресурсов. Однако в течение коротких периодов движения к долгосрочному равновесию изменения денежного предложения могут оказывать влияние на реальную экономическую активность» (Блауг, 1994. С. 587).

108. Описание модели ПРВ и коэффициента q см. в главе 5.

расчеты, таким образом, очевидно продемонстрировали не-нейтральность денег в долгосрочном периоде. Выявленные закономерности имеют важное значение для экономической политики, направленной на обеспечение условий экономического роста.

Что касается нейтральности денег, то, как показывают расчеты, этот феномен наблюдается очень редко, при определенных значениях $q \gg 1$. Все эти ситуации были продемонстрированы в 2019 г. в расчетах по модели ПРВ (Маевский и др., 2019а), проведенных при 10%-ной постоянной эмиссии (рис. 10.1).

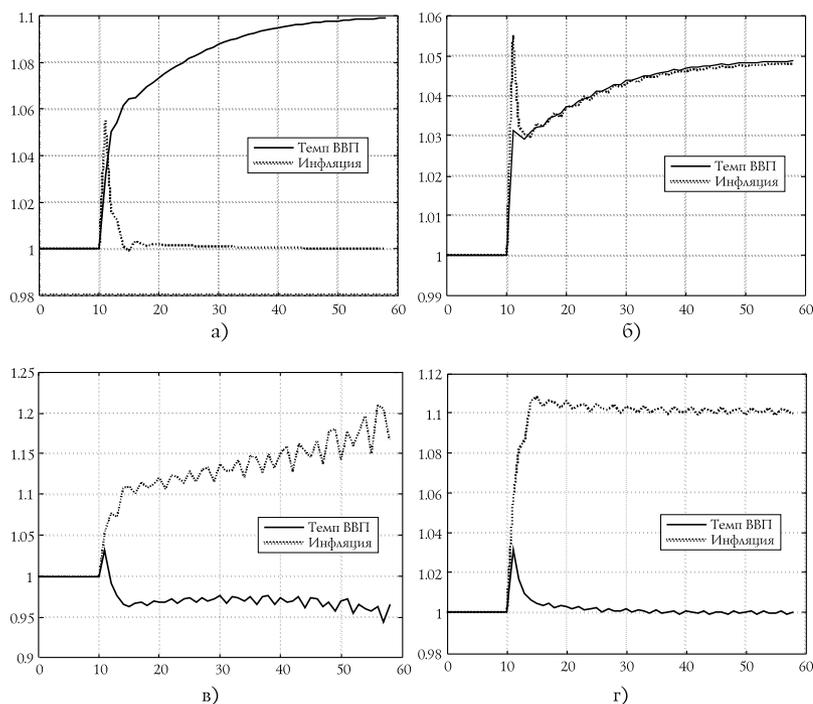

Рис. 10.1. Реакция экономики при разных долях эмиссии, направляемой на инвестиции и потребление

Как видим, нейтральности денег соответствует только случай г), когда в процессе расчетов по модели ПРВ был использован $q = 1,09$. В остальных случаях (а, б, в) деньги

не-нейтральны в долгосрочном периоде. При этом в случае а) был задействован коэффициент $q = 0,92$; в случае б) коэффициент $q = 1,00$; в случае в) коэффициент $q = 1,12$.

Данный теоретический результат имеет экономическое объяснение. Действительно, новые (эмитированные центральным банком) деньги, попадая в экономику, не только увеличивают совокупный спрос, но в той мере, в какой эти деньги становятся источником финансирования инвестиций в основной капитал, они участвуют в создании этого капитала, а значит, с течением времени увеличивают также и совокупное предложение, а потому безусловно оказываются не-нейтральными деньгами. Другими словами, деньги оказываются не-нейтральными, когда они *капитализируются*, когда по меткому выражению К. Маркса, они из «просто денег» превращаются в денежный капитал (Маркс, 2011, т. 1, гл. 4). Представители ортодоксальной экономической науки, отрицающие не-нейтральность денег в долгосрочном периоде, на процесс систематического превращения денег в капитал, по-видимому, не обращают внимания, но этот процесс реально существует и составляет одно из важных условий экономического развития. К сожалению, он недостаточно учитывается в экономической политике, о чем свидетельствует следующий пример из российской практики.

В настоящее время одним из индикаторов активизации политики монетарного стимулирования экономического роста считается уровень загрузки производственных мощностей (Могилат и др., 2016). Считается, что уровень загрузки в России достаточно высокий, поэтому политика монетарного стимулирования экономического роста нецелесообразна. Мы полагаем, что это условие, хотя и существенно, но не является ключевым. Более важным представляется условие распределения эмитируемых денег на цели роста инвестиций и/или потребительского спроса, т. е. фактически сложившееся в стране значение коэффициента q , о котором говорилось выше. Остановимся кратко на этом вопросе.

В статье «Макроэкономическая политика компромисса между инфляцией и ростом» нами было показано, что чем больше q относительно единицы, тем выше инфляция и ниже темпы роста реального ВВП, следовательно, тем менее развиты институты мобилизации денежной выручки подсистем реального сектора на цели накопления ради инвестиций в основной капитал (Маевский, Рубинштейн, 2021). Напротив, чем меньше q относительно 1, тем в большей мере ежемесячная денежная выручка подсистем реального сектора распределяется на цели инвестиционного накопления и все меньше распределяется на цели формирования дохода домашних хозяйств. Такая ситуация обеспечивает экономическую эффективность денежной эмиссии, но она опасна, так как грозит социальными взрывами.

Именно поэтому в большинстве развитых стран (стран с высокой доходностью) коэффициент распределения денежной выручки подсистем (q) находится в пределах $0,99 < q < 1,01$, что предполагает примерное равенство темпов инфляции и ВВП. Таким способом регуляторы сознательно или стихийно (не имеет значения) приходят к компромиссу между экономической и социальной эффективностью эмиссии (Маевский, Рубинштейн, 2021. С. 491). Это есть реальная практика, и она подтверждается расчетом среднегодового q за так называемый «допандемийный» период 2011–2019 гг. по странам с высокой доходностью. Расчеты показали, что в этих странах q колеблется в узком диапазоне: между 0,99851 и 1,0103 (табл. 10.1)¹⁰⁹.

За этот же период в развивающихся странах (с доходностью выше среднего) диапазон средних значений, в котором колеблется q , значительно шире: между 0,954 и 1,345 (табл. 10.2)¹¹⁰.

109. Рассчитано на основе данных Мирового банка. <https://data.worldbank.org/> (дата обращения 09.06.2022).

110. Рассчитано на основе данных Мирового банка. https://data.worldbank.org (дата обращения 09.06.2022).

Таблица 10.1. Макроэкономические показатели и коэффициент q для стран с высоким уровнем доходов¹¹¹

Страна	Средняя инфляция	Средний годовой рост реального ВВП	Эмиссия (номинальный ВВП)	Значение коэффициента q
Франция	1,0088	1,0136	1,0225	0,99851
Канада	1,0152	1,0216	1,0372	0,9986
США	1,0174	1,0227	1,0405	0,99993
Великобритания	1,0175	1,0202	1,0380	1,0017
Германия	1,0168	1,0173	1,0343	1,0023
Италия	1,0111	1,0011	1,0122	1,0103

Таблица 10.2. Макроэкономические показатели и коэффициент q для стран с уровнем доходов выше среднего

Страна	Средняя инфляция	Средний годовой рост реального ВВП	Эмиссия (номинальный ВВП)	Значение коэффициента q
Ирак	0,991	1,052	1,039	0,954
Китай	1,020	1,071	1,093	0,965
Малайзия	1,014	1,051	1,065	0,975
Таиланд	1,016	1,035	1,052	0,989
Перу	1,022	1,038	1,061	0,993
Болгария	1,024	1,025	1,050	1,004
Румыния	1,040	1,042	1,083	1,007
Сербия	1,031	1,020	1,052	1,015
Мексика	1,041	1,023	1,065	1,024
ЮАР	1,053	1,013	1,067	1,043
Казахстан	1,078	1,037	1,119	1,048
Турция	1,098	1,049	1,151	1,058
Бразилия	1,063	1,003	1,066	1,060
Россия	1,083	1,017	1,103	1,068
Беларусь	1,208	1,006	1,216	1,202
Аргентина	1,341	0,997	1,335	1,345

111. Классификация стран по уровню доходов в табл. 6 и 7 определена по методике Всемирного банка. <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519>.

Согласно табл. 10.2, коэффициент q в России за период 2011–2019 гг. составлял 1,068. При таком q примерно 0,9 от каждого процента эмиссии обращается в рост инфляции, и лишь 0,1 эмиссии обращается в рост ВВП. Получается, в «допандемийный» период Россия не была готова к активизации политики монетарного стимулирования экономического роста. При этом, повторим, данная неготовность не имела отношения к вышеупомянутой проблеме загрузки производственных мощностей, а была связана с факторами, влияющими на высокое значение коэффициента q (1,068). К числу таких факторов в период 2011–2019 гг. мы относим имевшуюся тогда возможность свободного вывоза капитала, недооцененность рубля, крайне высокий уровень международных резервов. Сейчас ситуация изменилась, под действием санкций и резкого роста рисков экспорта капитала, вероятно, произойдет и снижение q , капитал будет вынужден работать в России и на Россию. А это крайне важно для структурной перестройки российской экономики на основе активизации политики монетарного стимулирования экономического роста.

Итак, проведенные в 2019 г. расчеты показали, что в долгосрочном периоде один и тот же темп эмиссии, осуществляемой центральным банком страны, может приводить к самым разным сочетаниям темпов роста ВВП и инфляции, причем данные сочетания зависят от институционально-экономических условий функционирования национальной экономики (Маевский и др. 2019а; Маевский и др. 2019б). Данный результат поддерживает многочисленные эконометрические расчеты (Puañ et al. 2015, Tang. 2016 и др.) и по сути дела опровергает известную и широко распространенную в экономической науке гипотезу о нейтральности денег в долгосрочном периоде и отсутствии влияния денежной эмиссии на экономический рост. Однако в расчетах 2019 г. описанный результат был получен при условии, что деньги центрального банка поступают в экономику страны только по одному каналу, представленному следующей цепочкой:

«центральный банк → бюджет → бюджетное финансирование инвестиций в основной капитал». Другие каналы не рассматривались.

10.3. «Инвестиционный» и «потребительский» каналы денежной эмиссии и их влияние на экономический рост: необходимость синтеза

В 2022 г. были проведены очередные расчеты по модели ПРВ, которые продолжили анализ феномена не-нейтральности денежной эмиссии и вытекающих их последствий для экономической политики. Их особенности состоят в следующем.

Во-первых, рассмотрен не один, а два канала поступления денег в экономику, т.е. было сформулировано следующее положение. Если новые деньги приходят в экономику по каналу «центральный банк → бюджет → бюджетное финансирование инвестиций в основной капитал», то в долгосрочном периоде (при одном и том же темпе эмиссии) темпы прироста ВВП окажутся выше, чем в случае, когда новые деньги центрального банка попадают на цели инвестиций основного капитала окольным путем, в частности по каналу «центральный банк → бюджет → социальные/оборонные программы → доходы бюджетников → рост потребления». Первый канал будем называть «инвестиционным», второй «потребительским». Тестирование данного положения осуществлено с помощью модели ПРВ. Предполагалось, что если положение корректно, то активность (эффективность) феномена не-нейтральности денег в долгосрочном периоде при движении эмитируемых денег по второму («потребительскому») каналу можно оценить как более низкую относительно первого («инвестиционного») канала.

Во-вторых, мы обратили внимание на то, что два названных канала поступления в экономику денег, эмитируемых центральным банком страны, представляют собой не только различные технические инструменты монетарного обеспечения экономического роста. Эти каналы отражают специфику

институциональной организации общества. Первый канал («центральный банк → бюджет → бюджетное финансирование инвестиций в основной капитал»), или «инвестиционный» канал, характерен, как правило, для экономик с доминированием институциональной X-матрицы, второй канал («центральный банк → бюджет → социальные/оборонные программы → доходы бюджетников → рост потребления»), или «потребительский» канал, типичен для экономик с доминированием институциональной Y-матрицы¹¹². Если выдвинутая выше гипотеза корректна и первый канал обеспечивает более высокую активность феномена не-нейтральности денег (относительно второго канала), то возможен вывод, что экономика, опирающаяся на институты X-матрицы, обладает потенциальным преимуществом в деле обеспечения экономического роста по сравнению с экономикой, опирающейся на институты Y-матрицы.

Итак, в рамках настоящей работы мы будем ориентироваться на решение следующей задачи: учитывая феномен не-нейтральности денег в долгосрочном периоде, проверим, во-первых, корректность гипотезы о зависимости данного феномена от каналов поступления денег в экономику и, во-вторых, согласуем данную зависимость с двумя типами институциональной организации общества.

Проведенные модельные расчеты подтвердили положение о преимуществе «инвестиционного» канала эмиссии над «потребительским» при разных значениях коэффициента q и одинаковом темпе эмиссии, равном 10% в год (табл. 10.3).

Данные таблицы 8 показывают, что направление эмиссии по «потребительскому» каналу приводит к большей инфляции, чем при направлении эмиссии по «инвестиционному» каналу. Так, при $q = 1$ и темпе эмиссии 10% инфляция по «инвестиционному» каналу составит 4,3%, а по «потребительскому» — 6,2%. «Инвестиционный» канал также оказывается предпочтительнее «потребительского» с точки зрения

112. Данная гипотеза опирается на результаты исследования, изложенные в: (Курдина, 2013).

Таблица 10.3. Сравнение по модели ПРВ «инвестиционного» и «потребительского» каналов инвестирования

q	«Инвестиционный» канал		«Потребительский» канал	
	темп роста реального ВВП, %	инфляция, %	темп роста реального ВВП, %	инфляция, %
1	5,5	4,3	3,6	6,2
1,05	2,7	7,1	1,0	8,9
1,09	0,5	9,4	-1,1	11,2
1,12	-1,0	11,1	-2,6	12,9

обеспечения более высоких темпов реального ВВП. Так, при $q = 1,09$ в случае «инвестиционного» канала ВВП имеет место минимальный рост, равный 0,5%, в то время как «потребительский» канал направления эмиссии при таком же коэффициенте q обуславливает не рост, а падение реального ВВП до уровня $-1,1\%$.

Более полные данные, полученные с помощью модели ПРВ, представлены на нижеследующих графиках (рис. 10.2).

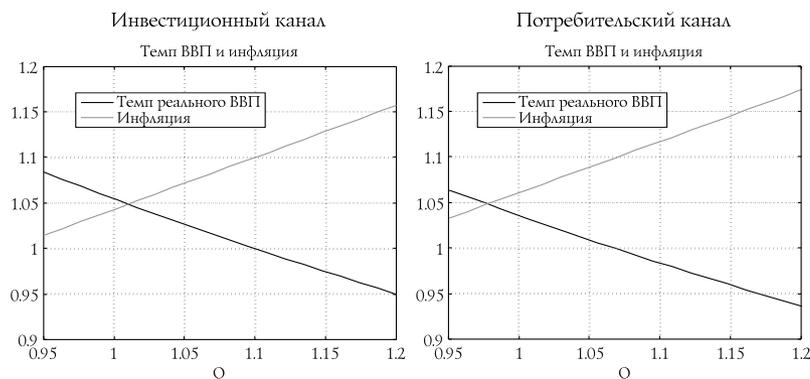

Рис. 10.2. Темп реального ВВП и инфляции в зависимости от каналов эмиссии

Рис. 10.2 показывает, что деньги оказываются нейтральными только в частном случае: например, при их движении по «инвестиционному» каналу феномен нейтральности наступает при $q = 1,1$ (в этом случае темп реального ВВП равен еди-

нице), при движении по «потребительскому» каналу – при $q = 1,07$. В остальных случаях деньги не-нейтральны.

Дополнительным объяснением большей эффективности «инвестиционного» канала может служить специфика выявленных ранее моделей финансирования реального сектора экономики, характерных для стран с доминированием X- или Y-институциональных матриц (Кирдина, 2013). Было выявлено, что для стран X-матрицы характерна модель, названная «государство–инвестор». Одной из ее особенностей является высокая роль бюджетного финансирования инвестиций в основной капитал. При другой модели, условно названной «государство–регулятор» (она характерна для стран Y-матрицы), роль бюджета существенно меньше. На основе эмпирико-статистического исследования было показано, что первая институциональная модель преобладает в России и Китае, где доминируют институты X-матрицы, вторая – в США, где преобладают институты Y-матрицы.

Поскольку для экономики, действующей по правилам X-матрицы, роль бюджета в финансировании инвестиций в основной капитал велика, то эмитируемые центральным банком деньги наиболее активно влияют на рост инвестиций в основной капитал через первый, «инвестиционный» канал: «центральный банк → бюджет → бюджетное финансирование инвестиций в основной капитал» (модель «государства–инвестора»). Получается, что в этом случае макроэкономический регулятор через эмиссию Центробанка и бюджетный механизм может напрямую влиять на инвестиционный процесс, ускоряя или замедляя его. Тем самым становится возможным избегать как глубокой рецессии, так и опасности перегрева экономики. Напротив, в случае экономики с Y-матрицей «инвестиционный» канал действует не столь значимо. Хотя здесь также работает связка «эмиссия ЦБ + бюджетный механизм», эмитируемые деньги практически (за малыми исключениями) не попадают прямо на цели инвестирования в основной капитал реального сектора (модель «государства–регулятора»). Преимущественно действует вто-

рой, «потребительский» канал: *«центральный банк → бюджет → социальные/оборонные программы → доходы бюджетников → рост потребления»*.

Как мы уже установили, потенциально, т.е. в модельных расчетах, «инвестиционный» канал эффективнее «потребительского» с точки зрения темпов ВВП и инфляции (см. табл. 8 и рис. 16). Но значит ли это, что институциональная модель экономики, действующей по правилам X-матрицы, эффективнее модели экономики, действующей по правилам Y-матрицы? Анализ показывает, что не все так просто. Во-первых, ни одна экономика X-типа не направляет всю эмиссию центрального банка на цели финансирования инвестиций в основной капитал. Часть эмитируемых денег уходит на развитие социальных программ, на нужды обороны. В этом случае в рассматриваемом типе экономик два канала движения эмитируемых денег начинают действовать совместно, что ведет к снижению эффекта с точки зрения темпов ВВП и инфляции.

Во-вторых, в экономиках Y-типа доходы бюджетников идут как на цели потребления, так и на цели сбережения. Следовательно, «потребительский» канал на самом деле сложнее: *«центральный банк → бюджет → социальные/оборонные программы → доходы бюджетников → рост потребления + сбережения → покупка акций/облигаций → внебюджетное финансирование инвестиций в основной капитал»*. По сути дела, в рассматриваемых экономиках внебюджетное финансирование инвестиций в основной капитал может служить равноценной заменой бюджетному финансированию. Это обстоятельство ведет к повышению эффективности экономик Y-типа с точки зрения темпов ВВП и инфляции.

Кроме того, в реальных экономиках эти механизмы и каналы («инвестиционный» и «потребительский») действуют не изолировано, как предполагается в модели, а постоянно взаимодействуют и реализуются с учетом многочисленных и весьма существенных нюансов как в институциональном и законодательном аспектах, так и особенностей текущей

экономической ситуации. Например, в экономике США, где доминируют Y -институты, важное внимание уделяется процедурам составления и исполнения бюджета (Рассыльников, 2019), использование которого в кризисные моменты предполагает направление существенной бюджетной помощи в реальный сектор. Тем не менее, несмотря на возникающие порой существенные противоречия между законодательной и исполнительной ветвями власти, сохраняется и даже усиливается приоритет частного сектора в инвестиционном процессе (Там же). С другой стороны, в российской экономике с присущими ей X -институтами, где государство является наиболее значимым инвестором, представлен богатый набор альтернативных возможностей, разных по эффективности. Согласно оценкам экспертов ЦБ РФ (Власов, Синяков, 2020. С. 32–34) в России в сложившемся положении наибольшую эффективность можно ожидать от частных инвестиций, а задействование средств государственного Фонда национального благосостояния сдерживается инфляционными эффектами.

Принимая во внимание отмеченные обстоятельства, мы можем подвести итоги проведенного исследования. Во-первых, синтез теоретических подходов ТИМ и теории ПРВ, реализованный в модельных расчетах, позволяет уточнить механизмы не-нейтральности денег в экономиках с доминированием X - или Y -матрицы и выявить их существенные отличия, связанные с использованием различных каналов («инвестиционного» и «потребительского») денежной эмиссии. Во-вторых, использование данных результатов в экономической политике показывает, что она должна быть направлена на поиск инструментария, который позволяет учесть риски и преимущества двух исследованных каналов поступления денег в реальный сектор, характерных для стран с доминированием X - и Y -экономических институтов. Другими словами, в экономической политике также необходим синтез, обеспечивающий сочетание обоих каналов для достижения сбалансированного социально-экономического развития и экономического роста.

Глава 11

СОЧЕТАНИЕ ДОЛГОВОГО И ВАЛЮТНОГО СПОСОБОВ МОНЕТИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ¹¹³

«ЦБ как кредиторы последней инстанции во многих странах фактически становятся покупателями последней инстанции».
United Nations Publication, 2021, Januar 25

Введение

Уровень монетизации экономики, определяемый как отношение денежной массы к объему валового внутреннего продукта, является совокупным результатом многих накопленных решений в сфере экономической политики. В данной главе мы остановимся на наиболее важных, на наш взгляд, политических решениях в этой сфере, а именно на выборе и сочетании внешнего (валютного) и внутреннего (долгового) способов монетизации российской экономики. Итак, мы рассматриваем монетизацию экономики прежде всего как результат использования внутренних и внешних источников роста денежной базы — исходного пункта процесса монетизации.

На протяжении более чем двух десятилетий динамика денежной базы РФ, а равно осуществляемая Банком России

113. Глава подготовлена на основе доклада «К проблеме монетизации российской экономики», представленного 6 июля 2021 года на Ученом совете Института экономики РАН с участием членов Секции экономики РАН. Авторы выражают благодарность академикам А.Г. Аганбегяну и В.Л. Макарову, члену-корреспонденту М.Ю. Головнину, профессорам М.В. Ершову и А.Я. Рубинштейну за ценные замечания и рекомендации, высказанные в ходе дискуссии по докладу.

эмиссия «первичных денег»¹¹⁴ (или «сильных денег», что одно и то же) происходили преимущественно на основе внешних источников: посредством роста чистых международных резервов. Лишь в крайне незначительной степени они обеспечивались ростом государственных и корпоративных ценных бумаг. Одним из импульсов к активизации подобного способа эмиссии стал дефолт 1998 г., связанный с крахом государственных краткосрочных облигаций (ГКО). Кризис ГКО, с одной стороны, породил недоверие к монетизации под государственные ценные бумаги, а с другой — создал представление о том, будто монетизация через внешние источники — это гарантия от новых дефолтов в будущем¹¹⁵.

Как следствие, в 1998 г. произошло резкое (в 3,5 раза) ослабление курса рубля, возросла доходность экспортно-ориентированных предприятий, повысилась конкурентоспособность предприятий, работающих на внутренний рынок. Уже с 1999 г. начался экономический рост, но этот рост опирался уже на внешний источник монетизации, т. е. осуществлялся в основном под валютное покрытие, а не под долговые обязательства.

По мнению ряда экспертов, данный способ эмиссии хотя и повышает устойчивость экономики, страдает серьезными недостатками. Главный недостаток — это опасность нарушения экономического суверенитета страны. События 2022 г. подтвердили худшие ожидания: в связи с проведением специальной военной операции на Украине российские золотовалютные резервы на сумму около 300 млрд долл. оказались замороженными. Более того, сохраняется угроза их экспроприации.

114. Понятие «первичные деньги» имеет двоякий смысл. С одной стороны, это протоденьги, древние деньги. Они не имеют отношения к нашей теме. С другой — это деньги, эмиссию которых осуществляют госучреждения, руководящие денежно-кредитной сферой (URL: https://economic_a_ya.academic.ru/436/ДЕНЬГИ_ПЕРВИЧНЫЕ).

115. Так, еще в 1996 г., за год до дефолта ситуация была иной. Об этом говорит тот факт, что в 1996 г. «дефицит федерального бюджета на 63% был профинансирован за счет внутренних источников, главным образом ГКО-ОФЗ (49%), и на 37% — за счет внешних источников. Выступая как агент Правительства Российской Федерации, Банк России проводил активную работу по развитию рынка его долговых обязательств в виде ценных бумаг, тем самым способствуя рыночному финансированию дефицита бюджета, с одной стороны, и регулированию предложения денег через операции на открытом рынке — с другой». (См.: (<https://base.garant.ru/570156>)).

Сейчас стало очевидным, что роль внешнего источника монетизации следует ослабить за счет активизации эмиссии под залог государственных (а также – корпоративных¹¹⁶) облигаций, но не ГКО, а долгосрочных обязательств государства и крупных компаний. Мы поддерживаем данную позицию, однако полагаем отметить следующее.

Во-первых, вряд ли стоит бросаться из одной крайности в другую, в частности, настаивать на полном замещении монетизации экономики под валютное покрытие (называемое для краткости *валютным* способом) альтернативным источником монетизации под российские государственные и корпоративные ценные бумаги (называемым для краткости *долговым*). Необходим синтез этих двух способов или, что то же самое, необходима компромиссная денежно-кредитная политика при формировании денежной базы РФ, учитывающая сочетание обоих источников. Во-вторых, такого рода политику следует строить на основе формализованных сценарных расчетов, позволяющих выявить возможные изменения ключевых макроэкономических параметров российской экономики при разных сценариях достижения указанного компромисса.

Именно этим двум вопросам – обоснованию целесообразности компромиссной, или «синтетической» денежно-кредитной политики и сценарным расчетам, посвящена настоящая глава.

11.1. О долговом способе монетизации экономики и целесообразности компромисса

Начнем с того, что исследования экономистов, посвященные долговому способу монетизации в экономиках развитых стран, заметно отличаются от исследований на ту же тему, но проводимых российскими экономистами. Основное различие проистекает из того факта, что в развитых экономи-

116. В настоящей работе особенности кредитной эмиссии Банка России под корпоративные облигации не рассматриваются. В целях упрощения анализа в дальнейших модельных расчетах данный тип эмиссии приравнен к эмиссии под государственные ценные бумаги.

ках данный способ активно используется и является важным инструментом политики QE — количественного смягчения, поэтому эксперты обсуждают в основном проблемы, возникающие при реализации такой политики. В то же время в России на протяжении последних более чем 20 лет этот способ не используется, что приводит к рассмотрению других проблем монетизации экономики.

Так, в статье (*Fratzcher, Lo Duca, and Straub, 2018. P. 3*) показано, что «меры ФРС в ходе ранней стадии кризиса (QE1)¹¹⁷ были чрезвычайно эффективны в снижении доходности суверенных облигаций и восстановлении фондовых рынков. Эффект особенно заметен при сравнении США с другими странами. Меры ФРС, принятые с 2010 г. (QE2), привели к восстановлению фондовых рынков по всему миру, а их влияние на доходность в разных странах оказалось не таким существенным. При этом политика ФРС действовала проциклически с точки зрения притока капитала на развивающиеся рынки и контрциклически для США. В ходе QE1 это привело к перебалансированию портфеля с оттоком из развивающихся рынков в акции и облигации США, в ходе QE2 потоки шли в обратном направлении». Аналогичные эффекты понижения доходности среднесрочных и долгосрочных государственных облигаций зафиксированы при проведении политики QE банками Англии (*Joyce, Lasaosa, Stevens, and Tong, 2011*) и Японии (*Matousek, Papadamou, Šević, and Tzeremes, 2019*).

В России ситуация иная: денежные власти в течение более чем 20 лет ориентируются на валютный способ монетизации экономики, который опирается не на эмиссию среднесрочных и долгосрочных государственных облигаций, а на накопление международных (золотовалютных) резервов¹¹⁸.

117. Согласно нашей позиции ранняя стадия — это период после коллапса Леман Бразерс в сентябре 2008 до второй половины 2010 г. (*Fratzcher, Lo Duca, and Straub, 2018. P. 4*).

118. Отметим, до августа 2015 г. накопление международных резервов происходило в основном за счет валютных интервенций Банка России, затем Банк отказался от интервенций. Теперь международные резервы растут за счет выручки экспортеров и операций с федеральным

Поэтому в России актуальны другие проблемы, не связанные с QE. В частности, есть проблема «цены отсечения», от которой зависит величина валютной выручки экспортеров, замораживаемая в международных резервах. Дискуссии по этой проблеме ведутся непрерывно.

В противоположность денежным властям и их экспертам долговой способ монетизации экономики поддерживается значительной частью академического сообщества, в частности А. Г. Аганбегяном (*Аганбегян и др., 2020*), С.Ю. Глазьевым (*Глазьев, 2019*), М.В. Ершовым, В.В. Ивантером, Д.С. Львовым, В.И. Маевским и Б.Н. Кузыком (*Маевский и др., 2003*), В.Е. Маневичем и И.С. Букиной (*Маневич и др., 2013*), А.Д. Некипеловым (*Некипелов и др., 2014*) и др. Так, акад. Д.С. Львов еще в докладе Президиуму РАН 24 декабря 2002 г. отмечал, что «денежные власти США, Японии и других развитых стран, контролируя формирование денежной базы экономики, опираются на внутренние, эмиссионно-бюджетные рычаги. Это позволяет им проводить автономную экономическую политику в соответствии с их национальными интересами. Целевые установки в реализации бюджетной политики этих стран служат исходной базой формирования первичной структуры финансовых потоков. Об этом свидетельствуют балансы центральных банков США и Японии. Как показывают исследования д.э.н. М. Ершова, денежная база этих стран на 80% формируется под бюджетные приоритеты <и под государственные ценные бумаги, определяющие долговой способ эмиссии>, а не под золото-валютные резервы, как это делается у нас» (*Львов, 2003*). Переход к более активному использованию долгового способа эмиссии Д.С. Львов предлагал совмещать с использованием соответствующих антиинфляционных механизмов.

Экономическая ситуация, зафиксированная Д.С. Львовым 20 лет назад, в настоящее время выглядит еще более

бюджетом. В этом отношении отказ от валютных интервенций 2014/2015 гг. ничего не изменил: международные резервы как росли, так и растут, под их рост Банк России как проводил, так и проводит эмиссию «сильных» денег.

удручающе. Если в конце 2000 г. в России покрытие денежной базы золотовалютными резервами составляло свыше 160%, то к концу 2020 г. оно возросло до 230%. Для сравнения: в США, где используется долговой способ монетизации, аналогичное соотношение в 2000 г. составило около 22%, а в 2020 г. уменьшилось до 12,8% (Ершов, 2020. С. 21). Неслучайно накопленные международные резервы России значительно превышают показатель достаточности международных резервов, рассчитываемый из необходимости финансирования совокупных платежей по трехмесячному импорту и по внешнему долгу (назовем резервы, превышающие показатель достаточности, *избыточными*).

Например, согласно Global-Finances фактическое значение международных резервов Центрального банка РФ (Банка России) по состоянию на 01.01.2020 г. было в 2,65 раза выше нормативного значения, а в абсолютном выражении объем превышения показателя достаточности составлял 345,459 млрд долл. Общая картина таких превышений за период 2009–2020 гг. дана на рис. 11.1.

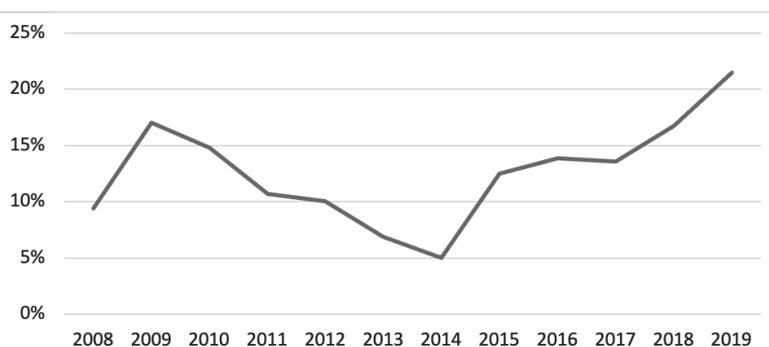

Рис. 11.1. Траектория «избыточных» резервов, % к ВВП
 Источник: <http://global-finances.ru/zolotovalyutnyie-rezervyi-rossii>.

Рис. 11.1 показывает, что размеры «избыточных» резервов относительно ВВП колеблются от 5% в 2014 г. (год усиления санкций) до 21,45% к началу 2020 г. Получается, к началу 2020 г. мы *перенакопили* с помощью валютного способа

монетизации избыточные резервы, заметно превышающие годовой федеральный бюджет России¹¹⁹. Величина огромная, свидетельствующая о чрезмерном замораживании значительных экономических ресурсов, которые, как показывают события 2022 г., могут быть изъяты (украдены) денежными властями США и Евросоюза.

Независимо от этих беспрецедентных акций по изъятию международных резервов России необходимо признать, что валютный способ монетизации экономики на уровне Банка России оказывается крайне расточительным (затратоемким) вариантом достижения финансовой стабильности.

Негативные последствия подобного рода политики можно проследить и на примере стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ): «В ряде стран ЦВЕ действуют режимы, предполагающие фактический отказ от национальной денежно-кредитной политики: односторонняя евроизация в Черногории, режим валютного управления (currency board) в Болгарии, Боснии и Герцеговине, Эстонии (до 2011 г.), Литве (до 2015 г.). В настоящее время пять стран ЦВЕ входят в Экономический и валютный союз – ЭВС (Латвия, Литва, Словакия, Словения и Эстония), фактически не имея возможности оказывать влияние на проводимую в нем общую денежно-кредитную политику. С одной стороны, в этих странах значительная нагрузка по макроэкономической стабилизации ложится на бюджетно-налоговую политику, с другой – возможности этой политики ограничены, поскольку центральный банк, как правило, не может оказывать косвенную поддержку в финансировании дефицита бюджета (например, через операции на открытом рынке) или поддерживать банковскую систему в кризисной ситуации» (Головнин, 2017. С. 4).

119. Так, на 27 декабря 2019 г. международные резервы Российской Федерации составляли 549,8 млрд долл. или 33,96 трлн руб. при курсе 61,7676. Федеральным законом от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ утвержден общий объем расходов федерального бюджета в сумме 19503,3 млрд руб., а исполнение расходов федерального бюджета в 2020 г. составило 22821,5 млрд руб.

Кроме того, уместно напомнить, что Россия до событий февраля 2022 г. являлась одним из «чемпионов» по уровню недооцененности своей валюты. Действительно, по данным Всемирного банка, паритетный курс в 2019 г. составлял 24,82¹²⁰ рубля за доллар, в то время как номинальный валютный курс в среднем был 64,74¹²¹ за тот же год. В мае 2021 г., согласно данным журнала *Economist*, по коэффициенту недооцененности рубля Россия вышла в мировые лидеры – сильнее российского рубля (68%) занижен только ливанский фунт – 68,7%¹²². В настоящее время ситуация несколько изменилась, рубль укрепился. Однако Россия, несмотря на изъятые 300 млрд долл., по-прежнему обладает крупными избыточными резервами.

Если разморозить хотя бы малую часть этих резервов (заменить ее в активах Банка России среднесрочными и долгосрочными государственными и корпоративными ценными бумагами) и пустить эту часть на валютный рынок, то вполне возможен рост цены активов частных компаний, снижение доходности гособлигаций, но, главное, ускорится экономический рост: импортеры инвестиционных товаров смогут увеличить свои закупки, поскольку рублевая цена зарубежной техники понизится. В.М. Полтерович и В.В. Попов отмечают, что такие действия целесообразны «на этапе начальной индустриализации в стране, не имеющей собственного машиностроения... Однако по мере развития необходимо переходить к занижению курса, стимулируя экспорт» (Полтерович, Попов, 2016. С. 193). Нельзя сказать, что Россия находится на начальном этапе индустриализации, ибо она обладает собственным машиностроением. Но эта отрасль до сих пор не оправилась в полной мере от удара, нанесенного шоко-

120. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=PA.NUS.PPP&country=rus> (дата обращения: 24.05.2021).

121. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=PA.NUS.FCRF&country=rus> (дата обращения: 15.07.2022).

122. <https://www.rbc.ru/finances/13/01/2021/5ffe9a4f9a7947b9c10bc68f> (дата обращения: 15.07.2022).

вой терапией 1992–1994 гг. Поэтому расширение возможностей импорта техники и технологий за счет частичной замены валютного способа монетизации на долговой может стать важным фактором экономического роста в ближайшие 10–15 лет¹²³.

Однако денежные власти пока что не собираются идти по этому пути. Напротив, несмотря на пандемию и многочисленные санкции, связанные со специальной военной операцией на Украине, Банк России не торопится покупать гособлигации, эту функцию он перекладывает на коммерческие банки. Вот что пишет М. В. Ершов: «Масштабные размещения гособлигаций на внутреннем рынке (их ежегодные объемы будут в разы больше, чем до пандемии) оттянут на себя ликвидность. В частности, вложения в гособлигации со стороны банковского сектора, основного покупателя госдолга, сократят ресурсы банков, которые могли бы быть направлены на кредитование реального сектора. Также затруднится и размещение корпоративных облигаций, что сузит для частного сектора источники фондирования. Поэтому очень важно, насколько в финансировании госдолга примет участие Банк России, а он, в свою очередь, заявил, что не планирует покупки ОФЗ. В то же время во многих странах именно центральные банки являются основными покупателями гособлигаций своих минфинов, что обеспечивает поступление целевой ликвидности в экономику»¹²⁴.

На наш взгляд, индифферентное отношение Банка России к закупкам облигаций федерального займа (ОФЗ) и в целом — к долговому способу монетизации экономики, отчасти объясняется тем, что Банк России юридически не несет ответственности за низкие показатели роста и занятости. В отличие от закона о ФРС США, где, помимо стан-

123. Мы надеемся, что в течение ближайших 10–15 лет наше машиностроение сможет решить проблему импортозамещения.

124. Михаил Ершов (2020): «ЦБ должен пойти навстречу Минфину ради финансирования экономического роста» // Ведомости, от 18 ноября 2020 г. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/18/847499-tsb-dolzhen> (дата обращения: 15.07.2021).

дартных банковских функций, данной организации вменяется в обязанность обеспечение максимальной занятости¹²⁵, в законе о Центральном банке РФ требования, связанные с решением задач экономического роста, отсутствуют¹²⁶, т.е. наш закон оказывается односторонним.

В связи с этим становится понятно, почему проблему роста денежного предложения, столь необходимого для ускорения экономического роста, российские денежные власти активно не рассматривают и концентрируют свои усилия прежде всего на задачах финансовой стабилизации экономики. Приоритет определен односторонним законом о Центральном Банке РФ. В соответствии с односторонним законом теории Банка России строят свои теоретические конструкции: они исходят из того, что российская экономика есть *развивающаяся малая открытая экономика*, экспортирующая в основном сырье (Синяков, Юдаева, 2016)¹²⁷. То, что наша экономика в союзе со странами-членами ОПЕК влияет на мировую конъюнктуру нефтяного рынка (а это признак *большой открытой* экономики) и активно участвует в формировании условий газового рынка, теории игнорируют. Для них важно обосновать существование фискального правила или стабилизационного фонда (Фонда национального благосостояния) как основной меры защиты от неэффективной волатильности, вызванной шоками цен на нефть¹²⁸. Вопрос о долговом способе монетизации отодвигается на второй план.

125. Закон о ФРС. Раздел 2А: «Совет управляющих Федеральной резервной системы и Федеральный комитет по открытым рынкам должны поддерживать долгосрочный рост денежно-кредитных агрегатов, соизмеримый с долгосрочным потенциалом экономики для увеличения производства, с тем чтобы эффективно содействовать достижению целей максимальной занятости, стабильных цен и умеренных долгосрочных процентных ставок». <https://www.federalreserve.gov/aboutthefed/section2a.htm> (дата обращения: 15.07.2022).

126. См. Федеральный закон от 10.07.2002. № 86-ФЗ. Статья 3.

127. Теория и DSGE модели малой открытой экономики создавались относительно недавно (Vegh, 2013); при этом в *Advanced macroeconomics* Дэвида Ромера термин «малая открытая экономика» появляется только в 5 издании (Romer, 2019).

128. См.: (Козловцева и др., 2019. С. 5, 26).

У нас нет возражений по поводу необходимости Фонда национального благосостояния, а равно – против присутствия в активах Банка России международных резервов. Все дело в *мере* этого присутствия. Мы полагаем, что Правительство и Государственная Дума должны устранить односторонность Закона о Центральном банке РФ, они должны содействовать корректировке денежно-кредитной политики Банка России в сторону *компромисса* между задачами финансовой стабилизации и задачами экономического роста. Соответственно, Банку России следовало бы пересмотреть свое отношение к долговому способу монетизации нашей развивающейся экономики. Этому пересмотру может способствовать следующее обстоятельство, отмеченное экспертами Международного валютного фонда: они фиксируют, что центральные банки ряда развивающихся стран стали активно заниматься скупкой гособлигаций (рис. 11.2).

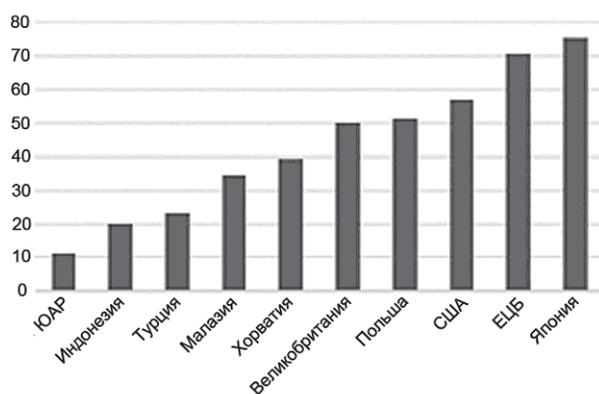

Рис. 11.2. Доля центральных банков в национальных гособлигациях и долгах, выпущенных с февраля 2020 года, %

Источник: IMF. Fiscal Monitor: Policies for the Recovery. October 2020, Page 2. Figure 1.3.

Как видим, ситуация в мире принципиально меняется. Возникла новая тенденция, когда развивающиеся страны, такие как ЮАР, Индонезия, Турция, Малайзия, Хорватия, Польша (их можно отнести к числу малых открытых эконо-

мик со значительно большим основанием, нежели Россию) идут вслед за США и ЕС в деле использования долгового способа монетизации своих национальных экономик. Некоторые результаты действия этой новой тенденции оценены в работе A. Rebucci, J.S. Hartley и D. Jimenez «Исследование событий, связанных с количественным смягчением центральных банков в условиях COVID-19 в странах с развитой и развивающейся экономикой», где проведен высокочастотный событийный анализ 21 центрального банка по всему миру¹²⁹ в марте и апреле 2020 г. на доходность 10-летних суверенных облигаций и обменные курсы доллара США.

Приведем резюме из указанной статьи: «В целом, наши результаты и анализ показывают, что ФРС сыграла решающую роль в стабилизации мировых рынков облигаций и решении глобальной нехватки долларов, вызванной вспышкой COVID-19. Наши результаты, однако, также предоставляют множество доказательств того, что интервенции количественного смягчения в отдельных странах внесли значительный и эффективный вклад в стабилизацию местных рынков облигаций и обменных курсов...» (Rebucci, Hartley, Jimenez, 2020. P. 32–33)¹³⁰.

Экстраполируя новую тенденцию в поведении развивающихся стран на Россию, можно сказать, что отнесение нашей экономики к разряду развивающихся малых открытых экономик (как это делают теоретики Банка России) не является теперь убедительным мотивом для отказа от политики количественного смягчения на основе долгового способа монетизации. Отмеченная тенденция — это дополнительный аргумент в пользу формирования Банком России синтетической компромиссной денежно-кредитной политики, сочетающей

129. Из развивающихся стран в анализе учтены программы QE центральных банков Колумбии, ЮАР, Румынии, Польши, Хорватии, Филиппин, Мексики, Турции, Индии, Индонезии, Кореи. Эти страны можно отнести к малым открытым экономикам.

130. Следует также обратить внимание, что в условиях пандемии проблема использования количественного смягчения в странах с развивающимися рынками привлекает особое внимание таких международных институтов, как Bank for International Settlements (Hofmann et al., 2020), МВФ (Sever et al., 2020) и Всемирный банк (Ha et al., 2020).

как интересы финансовой стабилизации, так и интересы экономического роста.

Итак, можно заключить, что данный синтез необходим и что одним из путей его достижения является разработка сценариев частичного замещения валютного способа монетизации долговым способом, в рамках которых можно бы учесть последствия замещения. С этой целью проведены модельные расчеты, демонстрирующие поведение ключевых макроэкономических параметров при различных сценариях такого частичного замещения. Расчеты выполнены на базе имитационной модели переключающегося режима воспроизводства (модели ПРВ), которая учитывает особенности так называемой поколенческой динамики экономических подсистем¹³¹, а также с помощью эконометрического анализа, связывающего процесс монетизации российской экономики с динамикой валютного курса рубля.

11.2. Варианты перехода к преимущественно долговому способу монетизации российской экономики

События 2022 г. в феврале–марте буквально взорвали валютный курс рубля и, соответственно, размеры международных валютных резервов. Однако уже в июне–июле 2022 г. стало ясно, что, несмотря на жесточайшие санкции, эти показатели нормализуются, т. е. приближаются к тем значениям, которые имели место до начала военной операции на Украине. Однако до ее начала российская экономика пережила еще одно чрезвычайное событие – пандемию COVID-19. Однако в своих расчетах мы абстрагировались от параметров экономики пандемийного периода и «воен-

131. Подобно тому как демографы рассматривают человеческое общество в виде совокупности одновременно живущих поколений людей и строят модели динамики возрастной структуры населения, в модели ПРВ реальный сектор представлен в виде набора одновременно функционирующих макроэкономических подсистем, каждая из которых отличается от других подсистем *возрастом* принадлежащего ей основного капитала. Описание модели ПРВ представлено в главе 5 монографии. Также мы адресуем читателей к работам: (Маевский и др., 2020; Рубинштейн, 2020).

ного» времени. В сценарных расчетах рассмотрены варианты перехода к преимущественно долговому способу монетизации российской экономики не в экстремальных условиях, а в более или менее спокойные годы.

Итак, была поставлена задача: используя реальные статистические данные по России за 2011–2019 гг., показать, как могло бы измениться в этот период поведение ключевых макроэкономических параметров, прежде всего темпа ВВП и инфляции, если бы денежные власти, начиная с 2011 г., активизировали долговой способ монетизации экономики и использовали синтез валютного и денежного способов по одному из трех сценариев:

Сценарий 20%	Сценарий 50%	Сценарий 70%
Прирост денежного агрегата М0 на 20% осуществляется под долговые обязательства правительства и на 80% под прирост ЗВР	Прирост денежного агрегата М0 на 50% осуществляется под долговые обязательства правительства и на 50% под прирост ЗВР	Прирост денежного агрегата М0 на 70% осуществляется под долговые обязательства правительства и на 30% под прирост ЗВР

Поставленная задача относится к числу задач долгосрочного характера, охватывая десятилетний период 2011–2019 гг., и имеет прямое отношение к ранее полученному нами фундаментальному теоретическому результату о не-нейтральности денег в долгосрочном периоде. Ее решение разобьем на три этапа.

Первый этап: эконометрическая оценка влияния сценариев на валютный курс. Все три сценария опираются на гипотезу, что Банк России в течение 2011–2019 гг. снижает объем международных резервов посредством их продажи на валютном рынке, что, в свою очередь, могло бы привести к некоторому укреплению рубля. Под эту гипотезу мы построили линейную регрессионную модель (на квартальных данных периода 2011–2019 гг., всего 36 наблюдений), где Cur – курс доллара (к рублю) зависит от двух регрессоров: денежного агрегата М0 (млрд руб.) и $Brent$ – стоимости барреля нефти в долл. (уравнение (11-1).

$$Cur = 54,913 + 0,00409 \times M0 - 0,4305 \times Brent \quad (11.1)$$

Полученная связь статистически значима (p-value: $< 2.2 \cdot 10^{-16}$ и коэффициент детерминации $R^2 = 0,957$), и, по нашему мнению, хорошо описывает общий тренд курса доллара (Cur)¹³². При этом она показывает, в какой мере приращение денежного агрегата $M0$ в условиях господствующего в 2011–2019 гг. валютного способа монетизации экономики способствовало росту валютного курса. А именно каждый миллиард рублей $M0$, согласно регрессионному уравнению, повышал в эти годы курс доллара на 0,00409 руб.¹³³

Если же теперь обратиться к трем сценариям и предположить, что денежные власти решили задействовать один из них, начиная с 2011 г., то всякое приращение $M0$ в 2011–2019 годы за счет роста долгового способа ослабит на определенную величину свое повышательное действие на курс доллара. Результаты расчета валютного курса по трем сценариям приведены в табл. 11.1.

-
132. В данном исследовании важен прежде всего годовой тренд, поскольку в последующих расчетах используются не квартальные, а годовые значения курса рубля без учета более тонких эффектов, таких как сезонные колебания и т. д. Поэтому не столь важно, что ряды данных коротки для применения тестов (*Дики-Фуллера*, *Дарбина-Уотсона* и т. п.) проверки стационарности или автокорреляции регрессионных остатков, для проверки посредством теории коинтеграции. В работах (*Kennedy, P. E. et al. 1996; Giacalone M. et al. 2015; Кирилук и др. 2020*) использована методология оценки статистической значимости гипотезы, проверяемой регрессионной моделью методами Монте-Карло, в основе которой лежит проверка того, с какой вероятностью значения коэффициента детерминации не меньше эмпирического могут возникнуть при комбинации на самом деле независимых между собой временных рядов с заданными свойствами (подробнее данная методология представлена в Приложении «Методы Монте-Карло для селекции экономических моделей регрессионного анализа»). Здесь же отметим, что согласно этой методологии, было вычислено 5000 независимых значений R^2 множественной регрессии для троек симуляций случайными блужданиями (длина этих временных рядов равнялись длине эмпирических данных), которые являются математической моделью для множества экономических показателей. Самое крупное из получившихся 5000 значений $R^2=0,947$ меньше эмпирического $R^2=0,957$, что свидетельствует о статистической значимой эмпирической закономерности даже с учетом нестационарности рядов Cur , $M0$, $Brent$, способной породить эффекты ложной регрессии.
133. Отметим, что аналогичный расчет для курса евро по отношению к доллару в зависимости от цены на нефть марки *Brent* и $M1$ показал очень слабую зависимость курса от величины денежного агрегата $M1$. Это вполне естественно, так как эмиссия евро в отличие от эмиссии рубля осуществляется долговым способом.

Таблица 11.1. Курс доллара к рублю по трем сценариям

Год	Фактический	Сценарий 20%	Сценарий 50%	Сценарий 70%
2011	29,38	28,11	27,82	27,63
2012	30,84	29,65	28,51	27,75
2013	31,84	32,85	31,12	29,96
2014	38,38	38,31	36,02	34,49
2015	60,94	57,48	55,31	53,87
2016	67,06	63,21	60,33	58,40
2017	58,34	61,05	57,47	55,08
2018	62,67	56,35	51,66	48,53
2019	64,74	61,46	56,20	52,70

Табл. 11.1 показывает, что при всех сценариях во все годы рассматриваемого ретроспективного периода, кроме 2013 и 2017 (для сценария 20%), имеет место тенденция к укреплению валютного курса рубля. Как известно, такая тенденция приводит к разнонаправленным последствиям: с одной стороны, к снижению рублевой выручки экспортеров и соответственно налоговых поступлений в бюджет, снижению на первоначальном этапе конкурентоспособности российских товаров на внутреннем рынке и прочее. С другой — к расширению возможностей производственного высокотехнологичного, а также потребительского импорта, к росту реальных доходов населения и др. По нашему мнению, при такой разнонаправленности решающее значение обретает вопрос о долгосрочных макроэкономических последствиях перехода к сценариям, активизирующим долговой способ монетизации. Если укрепление курса рубля повышает темпы роста и понижает инфляцию, то рассматриваемые сценарии заслуживают внимания. Если темпы роста начинают падать, а инфляция не снижается, то от таких сценариев следует отказаться. Ответ на этот вопрос позволяет дать использование модели ПРВ.

Второй этап: эконометрическая оценка влияния трех сценариев на показатель недооцененности рубля и на коэф-

коэффициент q ¹³⁴ — ключевой параметр модели ПРВ. Начнем с того, что зафиксированное при всех трех сценариях укрепление валютного курса способствует понижению недооцененности рубля (приближению курса рубля к паритету покупательной способности). Это понижение весьма актуально: выше отмечалось, что в настоящее время рубль, несмотря на некоторое его укрепление, остается заметно недооцененным.

Используя данные табл. 11.1 и оценки ППС, сделанные Всемирным банком, можно рассчитать коэффициенты недооцененности рубля за 2011–2019 годы:

$$Unestim.curr = 1 - PPP/Exch,$$

где $Unestim.curr$ — коэффициент недооцененности; PPP — текущий паритет покупательной способности; $Exch$ — текущий обменный курс доллара.

Результаты представлены в табл. 11.2.

Таблица 11.2. Коэффициенты недооцененности рубля

Год	Факт	Сценарий 20%	Сценарий 50%	Сценарий 70%
2011	0,372	0,344	0,337	0,333
2012	0,365	0,340	0,314	0,295
2013	0,387	0,406	0,373	0,349
2014	0,453	0,452	0,417	0,391
2015	0,613	0,590	0,574	0,563
2016	0,639	0,617	0,599	0,586
2017	0,588	0,606	0,581	0,563
2018	0,612	0,569	0,530	0,499
2019	0,617	0,596	0,558	0,529

Обратимся теперь к одному из ключевых параметров модели ПРВ — коэффициенту q , участвующему в распределении возникающего в ходе эмиссии денежного потока на

134. Объяснение коэффициента q представлено в главе 5 при описании модели ПРВ.

инвестиционные и потребительские (непроизводственные) нужды¹³⁵.

В опубликованных ранее исследованиях (см. также предыдущую главу 10 настоящей монографии) была установлена следующая закономерность: в случае когда $q \leq 1$, происходит увеличение денежного потока на инвестиционные нужды (в ущерб потребительским) и темп прироста ВВП оказывается выше или равен темпу инфляции. В данном случае, несмотря на сокращение потребительского спроса, фактор накопления ресурсов в счет будущих инвестиций превалирует над инфляцией. В случае когда $q \leq 1$, происходит увеличение денежного потока на потребительские нужды (в ущерб инвестиционным) и темп прироста ВВП оказывается ниже темпа инфляции. Несмотря на увеличение потребительского спроса, влияние инфляции превалирует над ростом ВВП. При существенном превышении q над 1 экономика может попасть в состояние стагнации (Маевский и др., 2019).

Согласно нашим расчетам, фактическое среднегодовое за период 2011–2019 гг. значение q составило в России 1,054. При таком коэффициенте каждый процент эмиссии разгоняет в основном инфляцию. В связи с этим нами был произведен эконометрический анализ¹³⁶ для группы стран с душевым доходом на уровне выше среднего (в нее входит и Россия), цель которого — выявить влияние на q наиболее существенных макроэкономических показателей, с тем чтобы снизить q и приблизить его к 1.

С этой целью были построены регрессионные модели, включающие следующий набор макроэкономических и институциональных показателей:

Institut — индикатор качества институтов, отражающий свободу прессы, качество корпоративного управления, защиту прав собственности, прозрачность бюджета и т. д. (ед.

135. Коэффициент q рассчитывается как среднегодовая величина за определенный период. В данном случае период равен 2011–2019 гг.

136. Данный анализ был проведен научным сотрудником ЦЭМИ РАН Е.В. Красильниковой, соавтором коллективной монографии (Маевский и др., 2020).

измерения – ранжирование от 0 до 1, где 1 – наилучшее качество институтов). К примеру, в США этот индикатор оценен как 0,8, для России он составляет 0,6. То есть улучшение качества институтов в первую очередь необходимо для стран с доходом выше среднего;

R&D – расходы на НИОКР к ВВП (%);

Fix.Ass. – вложения в государственные активы: основной капитал к ВВП (%);

Country_prem – премия за страновой риск (%), дополнительные доходы, которые инвесторы хотят получить, инвестируя в страны с повышенным риском. Наиболее высокий коэффициент для стран со средним и низким доходом по сравнению со странами с высоким доходом иллюстрирует более высокие риски на уровне страны и более высокое значение q . Для России премия за вложения в собственный капитал составляет свыше 8%, общая страновая премия – 3%. В США премия за вложения в собственный капитал – 5%, страновая – близка к 0%;

Monet – денежная масса к ВВП (%). Полученные в моделях разные знаки для стран с высоким доходом и с доходом выше среднего так же подчеркивают целесообразность роста денежной массы для таких групп стран, куда входит Россия, для понижения q ;

R – реальная ставка процента (%). Для России реальная ставка процента – доход, получаемый с учетом инфляционных ожиданий, был до недавнего времени отрицательным. Борьба Центрального банка России направлена на таргетирование инфляции. Снижение инфляционных ожиданий является одним из основных факторов сдерживания инфляции. На основе расчетов доказано, что снижение q происходит при росте реальной ставки процента;

Lending – среднесрочная ставка по кредитам (%). Полученные разные знаки при коэффициентах для стран с высоким доходом и вышесреднего определяют приоритетность снижения ставки для последних для уменьшения q ;

Unestim.curr – недооцененность национальной валюты по отношению к доллару США (%). Как правило, в развива-

ющихся странах наблюдается значительная разница между паритетом покупательской способности и официальным курсом в сторону последнего, что обозначает недооцененность национальной валюты. Выявлено, что недооцененность национальной валюты наблюдается для стран вышесреднего и низкодоходных групп стран (в отличие от высокодоходных) и ее рост способствует росту q ;

T — доля налогов в корпоративных доходах (%). Понижение налоговой нагрузки может способствовать снижению q ;

Ex — доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме экспорта (%). Рост качественного экспорта понижает коэффициент q .

Регрессионная модель для стран с уровнем дохода выше среднего имеет вид:

$$q_{\text{средн.}} = 0,89 - 0,32 \times Institut_i - 0,02 \times R\&D_i - \\ - 0,0077 \times Fix.Ass_i + 0,0187 \times Country_prem_i - \\ - 0,0012 \times Monet_i - 0,0054 \times R_i + \\ + 0,00427 \times Lending_i + 0,0062 \times Unestim.curr_i + \\ + 0,0016 \times T_i - 0,002 \times Ex_i + \varepsilon.$$

Регрессионная модель для стран с высоким уровнем дохода имеет вид:

$$q_{\text{высокодоход.}} = 0,98 - 0,17 \times Institut_i - 0,0027 \times R\&D_i - \\ - 0,00046 \times Fix.Ass_i + 0,0065 \times Country_prem_i - \\ - 0,0000015 \times Monet_i - 0,0014 \times R_i + \\ + 0,00021 \times Lending_i + 0,000066 \times Unestim.curr_i + \\ + 0,000294 \times T_i - 0,00057 \times Ex_i + \varepsilon.$$

Оказалось, что сила влияния перечисленных показателей на высокодоходные страны и страны с уровнем дохода выше среднего (куда относится Россия) существенно различается: у первой группы стран все коэффициенты значительно меньше по модулю. Анализ набора макроэкономиче-

ских показателей, влияющих на поведение q , свидетельствует также, что для группы стран, к которым относится Россия, одним из наиболее активных факторов снижения коэффициента q является уменьшение недооцененности национальной валюты. Если допустить, что остальные факторы (показатели) не меняются, то вместо регрессионного уравнения, связывающего q с десятью вышеперечисленными макроэкономическими показателями, можно записать простое регрессионное уравнение, связывающее q и коэффициент недооцененности национальной валюты ($Unestim.curr$) для указанной группы стран (уравнение 11-2):

$$\Delta q = 0,0062 \Delta Unestim.curr^{137}. \quad (11-2)$$

Используя уравнение (11-2) применительно к России, получаем значения q по трем сценариям за 2011–2019 гг. (табл. 11. 3).

Таблица 11.3. Расчет коэффициента q

Факт	Сценарий 20%	Сценарий 50%	Сценарий 70%
1,054	1,0471	1,0312	1,0194

Табл. 11.3 показывает, что среднегодовые значения q за период 2011–2019 гг. ниже фактического 1,054 по всем трем сценариям. Это обстоятельство позволяет рассчитывать на то, что интересующие нас макроэкономические показатели (темпы ВВП и инфляция) будут по крайней мере не хуже фактических.

Третий этап: расчет темпов прироста ВВП и инфляции по трем сценариям. Проведенные на основе модели ПРВ расчеты подтвердили ожидания: по всем трем сценариям среднегодовые (за период 2011–2019 гг.) темпы прироста ВВП оказались выше фактического среднегодового темпа,

137. Данное уравнение построено по данным 18 стран (Россия, Бразилия, Таиланд, Сербия и др.), входящих в группу стран с уровнем дохода выше среднего, согласно классификации Всемирного банка. Впервые опубликовано в статье (Маевский и др., 2019. С. 32).

а индексы инфляции ниже фактического индекса инфляции (табл. 11.4).

Таблица 11.4. Расчетные и фактические среднегодовые темпы прироста ВВП и инфляции за 2011–2019 гг. (%) при разном уровне замещения валютной эмиссии

	Факт	Сценарий 20%	Сценарий 50%	Сценарий 70%
Темп ВВП	1,01	1,14	1,88	2,44
Инфляция	6,46	5,70	4,76	4,07

Проведенные расчеты, таким образом, позволяют сделать следующий вывод: в рамках долгосрочного периода переход от валютного способа монетизации к долговому способу действительно ведет к укреплению рубля, а через это укрепление — к росту ВВП и снижению инфляции. Стало быть, такой переход вполне актуален. Данный вывод не является новым в экономической литературе. Важные его особенности состоят в том, что, во-первых, он получен на основе имитационной математической модели ПРВ и с применением эконометрического анализа. Во-вторых, впервые определены количественные соотношения двух способов монетизации российской экономики, предполагающие синтез валютного и долгового способов.

Если обсуждать практическую сторону по выбору различных количественных сочетаний способа монетизации экономики, то возникает новая задача, какой сценарий выбрать. Сценарий «70% в пользу долгового способа» сулит наиболее высокий темп ВВП при относительно низкой инфляции, но с ним связано весьма заметное ухудшение экономического положения экспортоориентированных сырьевых отраслей (рублевая выручка сократится)¹³⁸. Напротив, сценарий «20% в пользу долгового способа» не приведет к серьезным пробле-

138. Впрочем, ухудшений может и не быть при переходе экспортеров к расчетам в рублях. Скорее наоборот, «для самих экспортеров уменьшатся экстерриториальные риски, связанные с возможностью применения санкций к их финансовым ресурсам (замораживание средств, мораторий по платежам и т. д.), как это может быть в случае хранения средств в иностранных

мам с экспортоориентированными отраслями, но его макроэкономическая эффективность будет незначительна.

По-видимому, такого рода вопросы нужно решать в комплексе с задачами в области бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, ибо вполне очевидно, что нельзя переходить исключительно к долговому способу монетизации и отрицать целесообразность бюджетно-дефицитной политики или перекладывать вопрос о размещении ОФЗ на коммерческие банки и т.д. и т.п. По нашему мнению, речь должна идти о нормализации макроэкономической структуры, что предполагает и рост государственного долга, и сокращение темпов роста золотовалютных резервов, и ряд других изменений.

Наконец, стоит обратить внимание, что в ходе расчетов по трем сценариям рост расчетного госдолга за период 2011–2019 гг. опередил рост фактического. Это вполне естественно в рамках решаемой задачи, но главное – свидетельствует о возможности нормализации одного из ключевых параметров макроэкономической структуры: в настоящее время отношение «Госдолг/ВВП» находится на крайне низком уровне (рис. 11.3).

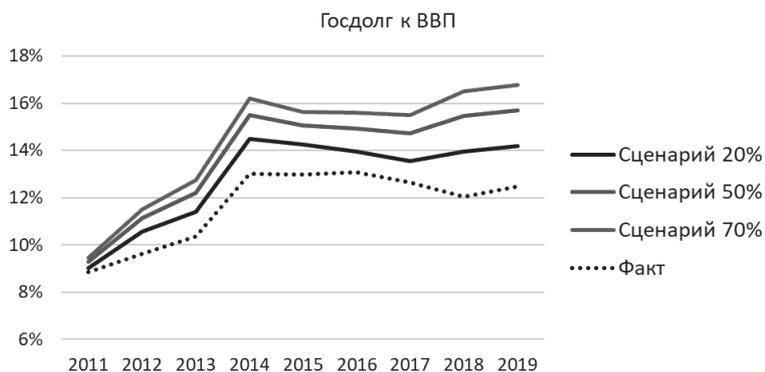

Рис. 11.3. Государственный долг РФ/ВВП при трех сценариях замещения валютной эмиссии долговым способом

банках... Экспортеры будут в большей степени заинтересованы в укреплении рубля, поскольку им выгоднее получать платежи в дорожающей валюте» (Ершов, 2015. С. 221–222.)

Подведем итоги и обсудим результаты проведенного исследования. Если учесть, что степень недооцененности рубля по-прежнему остается достаточно высокой и что (несмотря на грабительское поведение денежных властей США и Евросоюза) продолжается рост «избыточных» международных резервов, а Банк России продолжает устраниваться от покупки ОФЗ, то надежда на быстрый переход к компромиссной синтетической денежно-кредитной политике, учитывающей как интересы финансовой стабилизации, так и экономического роста, пока нет. Мы связываем это прежде всего с тем, что слишком серьезны сложившиеся стереотипы в экономической теории и в экономическом мышлении денежных властей, слишком глубоко проникли в их сознание базовые положения ортодоксальной экономической науки, наконец, слишком велика сила группировок, лоббирующих интересы профицитного бюджета и сырьевых экспортеров при принятии государственных решений. Остается надеяться, что активность академического сообщества, с одной стороны, и весьма вероятное при дальнейшем использовании валютного способа монетизации сохранение низких темпов экономического роста на фоне достаточно высокой инфляции, с другой, заставят денежные власти изменить сложившееся положение вещей в пользу синтетической денежно-кредитной политики, предполагающей синтез долгового и валютного способов монетизации экономики России.

Глава 12

СИНТЕЗ «СТАРЫХ» И «НОВЫХ» ИНСТИТУТОВ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹³⁹

«Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми».
Никколо Макиавелли

Введение

В продолжение анализа денежной экономической политики, начатого в главах 10 и 11, в настоящей главе основное внимание будет уделено рассмотрению денежных институтов и их реформированию. Если в главе 10 речь шла о различных каналах денежной эмиссии, характерных для стран с доминированием X- или Y-матрицы, то здесь речь пойдет об институтах денежного обращения. Будут рассмотрены способы их существования в современной России.

Роспуск Советского Союза в 1991 г. с одновременной трансформацией экономической системы и денежного обращения стали для российских экономистов своего рода исследовательским кейсом. Появилась возможность воочию наблюдать, как на обломках прежней структуры возникают новые денежные институты, необходимые для становления и развития рыночной экономики, провозглашенной целью предпринятых преобразований. Как правило, антропологам, историкам, а вслед за ними и экономистам приходится вглядываться в глубь веков, чтобы разглядеть, КАК в том или ином обществе происходила институционализация денеж-

139. Глава представляет собой адаптированную версию статьи (Кирдина-Чэндлер, 2021а).

ного обращения. Нам же выпала возможность увидеть этот процесс своими глазами.

Используя терминологию уже упомянутой выше теории институциональных X-Y-матриц (Кирдина, 2014 [2001, 2000]), можно сказать, что мы стали свидетелями социального эксперимента, когда экономические, политические и идеологические институты характерной для России X-матрицы стали активно заменяться альтернативными институтами Y-матрицы¹⁴⁰. Среди них были и институты денежного обращения, обеспечивающие «непрерывное повторение денежного оборота» (Челноков, 2008. С. 75–76) для воспроизводства национальной социально-экономической системы.

Удалась ли эта попытка? Насколько кардинальными были последующие изменения? В настоящей главе, исследуя данный историей кейс, мы попробуем увидеть *общее и особенное* в денежном обращении современной постсоветской России по сравнению с советским периодом. Нас прежде всего будут интересовать обслуживающие денежное обращение институциональные структуры и результаты их деятельности с точки зрения публичного (общественного) интереса¹⁴¹.

В данном исследовании развивается теоретический подход, изложенный ранее в работе «Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа» (Кирдина-Чэндлер, 2019). Суть его состоит в рассмотрении институтов

140. Напомним, что, в соответствии с теорией институциональных матриц (ТИМ) базовыми институтами X-матрицы являются комплекс экономических институтов редистрибуции, унитарных институтов политического устройства и коммуитарной идеологии. Соответственно, базовые институты Y-матрицы – институты рыночной экономики, федеративного политического устройства и индивидуалистской идеологии. Институциональная структура любого государства формируется на основе базовых институтов обеих матриц, при этом одна из них занимает доминирующее положение (например, в России, Китае и многих других странах – это X-матрица, а в США и других западных странах – Y-матрица), а другая является необходимым комплементарным дополнением. Доминирование той или матрицы является исторически устойчивым (Кирдина, 2014 [2000]) и обусловлено внешними условиями существования государств, в том числе климатическими особенностями (Кирдина-Чэндлер, Кузнецова, Сенько, 2015).

141. Предметом исследования не являются технологические изменения (внедрение электронных денег, создание цифровой и криптовалюты и проч.) в сфере денежного обращения.

как своего рода инфраструктуры (или мезоэкономической структуры), необходимой для воспроизводства социально-экономических систем. С этой точки зрения денежное обращение представляет собой взаимосвязанный комплекс организаций и каналов для производства (создания) и движения (распределения) денег в экономике и обществе, которые действуют на основе правил, принятых на уровне системы в целом, т.е. государства. Другими словами, нас интересует институциональная инфраструктура денежных оборотов. Аналогичный подход к анализу денег и денежного обращения разделяется рядом российских и зарубежных авторов, которые отмечают, что «деньги главным образом обеспечивают инфраструктуру для координации» (Говтвань, 2020. С. 60; см. также: (Ricks, 2018)) участников экономической деятельности в развивающейся экономике и создают «инфраструктуру власти» (Mann, 1986).

12.1. Теоретические основания исследования и определение терминов

Несмотря на становление «институционального синтеза» в экономической теории, представленного в главе 4, однозначного понимания того, что такое «институты» и «институционализация» у российских экономистов пока не сложилось. Широкий поток институциональных исследований приводит к росту различных «институционализмов», обусловленных возрастанием «институциональной сложности» социально-экономических процессов (Фролов, 2020). Отсюда обилие интерпретаций используемых институционалистами понятий. В связи с этим в российском научном сообществе постепенно формируется консенсус по поводу отсутствия единой однозначно понимаемой институциональной терминологии (Верников, 2020) и недостаточной «чистоте терминологического поля институционального анализа» (Балацкий, 2020. С. 24). Это ставит под сомнение создание единой институциональной экономической теории (Вольчик, 2012. С. 5; Тамбовцев, 2021. С. 33), по крайней мере в ближайшей

перспективе. Поэтому использование даже таких основополагающих для институционалистов терминов, как «институционализация» и «институты», ввиду многозначности их трактовок каждый раз требует пояснения.

Сначала отметим то, что, видимо, объединяет практически всех экономистов, изучающих институты. Во-первых, они признают их значение для экономического развития (*institutions matter*) и важнейшую координирующую роль для снижения неопределенности экономических взаимодействий. Во-вторых, принимается во внимание дуальная природа институтов и отмечается их субъективно-объективное единство. Это означает, что институты одновременно и субъективны, поскольку создаются людьми в ходе их деятельности, и объективны, так как, будучи созданными, образуют рамки, объективные условия и ограничения для осуществления этой деятельности.

Что касается различий, то, на наш взгляд, в концентрированном виде их можно обобщить в рамках ортодоксального (неоклассического) и гетеродоксального подходов.

В ортодоксальной экономической теории фокус исследований направлен в основном на субъективную сторону институтов, а их изучение опирается, как правило, на *микросождения*. Основная задача состоит в том, чтобы определить, «какие правила, регулирующие взаимодействия людей, одновременно помогут облегчить им процесс достижения их личных целей и заставят каждого отдавать себе отчет в том, как их действия влияют на других людей» (Боулз, 2011. С. 23). *Ното есопотісис* и характерные для него модели поведения (универсальные с точки зрения принятых в неоклассике аксиом, т. е. опирающиеся на экономическую рациональность и стремление к максимизации полезности), таким образом, становятся отправной точкой при институциональном анализе. Основные функции и причины создания институтов исследуются прежде всего с точки зрения их роли для взаимодействия экономических акторов в рыночной равновесной экономике. Равновесие, как известно, составляет еще одну

аксиому неоклассической экономической теории. Поэтому институты можно определить как «коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия» (Коммонс, 2012. С. 70) в стремящейся к равновесию экономической системе.

В свою очередь, в гетеродоксальной экономической традиции исследователи сосредоточены на изучении институтов как объективно складывающихся структур экономической координации и зачастую — явно или неявно, опираются на *мезооснования*. При таком подходе главная цель состоит в определении того, в какой мере и какой именно институциональный дизайн, оформляющий множество экономических отношений (микроуровня), обеспечивает (на макроуровне) необходимое расширенное социально-экономическое воспроизводства при данных условиях — пространственных, временных, технологических, глобально-политических и др. Институциональная среда, таким образом, рассматривается не столько с точки зрения обеспечения гармонизации интересов *всех* участников экономической деятельности (что практически недостижимо), но прежде всего как инструмент, динамичная инфра(мезо)структура (в том числе инфраструктура власти) для обеспечения эволюции экономической системы в целом.

В данном исследовании при анализе денежного обращения мы будем следовать гетеродоксальной традиции, объединяющей институциональный и эволюционный подходы. Основные идеи, на которые мы опираемся, представлены в работах таких выдающихся неортодоксальных экономистов, как Торстейн Б. Веблен (1857–1929) и Йозеф А. Шумпетер (1883–1950). Отметим те идеи, которые представляются наиболее важными для нашего анализа.

Веблен одним из первых связал исследование институтов и экономическую эволюцию, когда определил, что «эволюционная экономика должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономиче-

ских институтов, сформулированной в терминах процесса» (Веблен, 2006[1898]. С. 28; *Veblen*, 1898. Р. 393). При этом он отмечал, что институты являются не только результатом процессов естественного отбора и адаптации, но, воплощая в себе способы существования общества, являются одновременно «эффективным фактором отбора» для закрепления практик социальной жизни (*Veblen*, 1899. Р. 188). Как отмечает Тони Лоусон, в свое время Веблен был одним из немногих экономистов, кто обращал внимание на причинно-следственные связи в экономике, обобщив их в термине *cumulative causation*, или кумулятивной причинности¹⁴² (*Lawson*, 2014. Р. 993). В этом смысле прошлые отношения всегда содержатся в настоящих, и мы не можем этим пренебрегать при анализе институтов и их эволюции.

Когда мы говорим о вкладе Веблена в анализ денежного обращения, то следует выделить отмеченную им роль «денежной инициативы» и кредита в неравномерности и цикличности экономического развития (*Veblen*, 1958). У Веблена кредит «имеет решающее значение для его описания бизнес-цикла и кризисной фазы, которая ведет к ликвидации» (*Wray*, 2007. Р. 621). Это дает основание современным исследователям интерпретировать взгляды Веблена таким образом, что банки являются важнейшей структурой в экономической эволюции, а «банковская политика является основным фактором в генерации кризисов» (*Davanzati, Pacella*, 2014. Р. 1043).

Шумпетер дополнил понимание эволюции как процесса не столько изменений, сколько обновлений. Согласно известному определению Шумпетера, «эволюция является нарушением существующих структур... и больше похожа на серию взрывов, чем на мягкий процесс, происходящий через непрекращающиеся преобразования» (*Schumpeter*, 1939, I. Р. 102). Таким образом, эволюция подразумевает постоянное создание новых структур, что формирует процесс развития.

142. Дальнейшее развитие этого принципа представлено в (*Myrdal*, 1944), а также в таких категориях, как *path dependence* (*David*, 1985; *North*, 1990; *Leibovitz, Margolis*, 1995) и *возрастающая отдача институтов* (*Arthur*, 1994).

Ядром шумпетерианской теории экономического развития и бизнес-циклов (*Schumpeter*, 1934, 1939) является представление о так называемом «аномальном кредите» (*abnormal credit*), когда банки перераспределяют «покупательную способность» денег в пользу тех, кто играет наиболее активную роль в экономических изменениях – Шумпетер называл их предпринимателями-новаторами. В отличие от неоклассиков-ортодоксов, Шумпетер, вслед за Вебленом, обосновывал ключевую роль иерархической банковской системы в управлении и регулировании экономической жизни и ее динамики, а деньги рассматривал как объемлющую «систему «социального учета» (“social accounting system”) в экономике (*Lakomski-Laguerre*, 2016. P. 489)¹⁴³.

Кроме того, Шумпетер близок нам потому, что считал важным включать в экономический анализ – наряду с историей, статистикой и (экономической) теорией, также экономическую социологию в качестве дополнительного, но необходимого элемента арсенала экономиста (*Шумпетер*, 2004, глава 2). Включение экономической социологии в экономический анализ означает для Шумпетера в первую очередь внимание к институтам, в которых «абсорбируются» результаты взаимодействий, происходящих на всех уровнях общественной жизни. Но также институты отражают доминирующее положение социальных групп (и лидеров) в обществе (*Schumpeter*, 1934. С. 107). Вслед за исследователями шумпетеровского наследия можно повторить, что «для Шумпетера экономическая социология или социальные институты являются не просто дополнением к экономическому анализу. Они скорее представляют собой логический приоритет для него» (*Festre, Nasica*, 2009. С. 332). В работах Шумпетера институциональные изменения становятся центром иссле-

143. В 2020 г. эта работа была переведена на русский язык и опубликована в России: *Лакомски-Лагерр О.* (2020). Кредитная сущность денег глазами Йозефа Шумпетера: вклад в «монетарный анализ» капитализма // *Journal of Institutional Studies*, 12(4). С. 54–76.

дований экономической динамики¹⁴⁴, и она понимается им как «такие изменения в экономической жизни, которые не навязаны ей извне, а возникают ... изнутри» (*Schumpeter* 1934 С. 63). Деньги Шумпетер также исследует как социальный институт¹⁴⁵, «дизайн» которого зависит от конкретных исторических условий (*Lakomski-Laguerre*, 2016).

Джон Коммонс — еще один известный институционалист, также подошел к анализу денежного обращения как социального института, как «коллективного инструмента для создания, переговоров и освобождения от долгов» (*Commons*, 1934. С. 278), подтвержденного законом и обычаями. Поэтому он рассматривал деньги и денежное обращение как «фундаментальное социологическое понятие» (*Commons*, 1934. С. 471). Исследователи отмечают, что для Коммонса «существенный» атрибут денег состоит не в их материальных, а институциональных характеристиках, потому что определяется правилами, включая как формальные, например законы, так и неформальные, например обычаи (*Sakaguchi*, 2020. С. 977). Поэтому Коммонс, признавая универсальность функций денег и денежного обращения, отмечал историческое разнообразие характерных для их организации инструментов и правил, которые развивались в различных обществах (*Commons*, 1934. С. 461).

Суммируя результаты данного обзора, представим основные особенности нашей программы анализа денежного обращения в постсоветской России:

- в основе исследования лежит институционально-эволюционный подход;
- во внимание принимаются эффекты кумулятивной причинности и *path dependence*, т.е. причинно-след-

144. Фундаментальная книга Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» служит подтверждением.

145. Важно подчеркнуть, что Шумпетер не отделял деньги и денежное обращение от их «экономических оснований», т.е. не рассматривал их как чисто политический институт, что характерно, например, для французских философов (*Gilles Deleuze, Pierre-Felix Guattari, Paul-Michel Foucault* и др.).

ственные связи, обуславливающие историю развития институтов;

- одновременно эволюция рассматривается как процесс институционального обновления, что сопровождается как «взрывным» созданием новых структур, так и дискретными нарушениями существующих структур изнутри;
- денежное обращение подлежит анализу не изолированно, а в контексте экономического развития и в единстве формализованных и неформализованных практик;
- фокус исследования – институциональные структуры, обеспечивающие денежное обращение (среди них банковская система прежде всего);
- принимается во внимание неоднородность денежных инструментов.

Итак, объект нашего исследования – *институционализация* денежного обращения в постсоветской России. Под институционализацией денежного обращения понимается процесс формирования и изменения институтов, обеспечивающих создание и движение денег во внутреннем и внешнем¹⁴⁶ экономическом обороте страны, инициируемых как «сверху», так и «снизу», т. е. со стороны государственных, региональных и муниципальных органов, с одной стороны, и со стороны групп экономических субъектов, с другой. Хотя за созданием институтов стоят целеполагание, воля и деятельность субъектов разного уровня, собственно процесс формирования и развития институтов представляет собой способ самоорганизации социальной экономической системы под влиянием различных внешних и внутренних факторов.

В свою очередь, при определении *институтов* денежного обращения мы опираемся на мезоэкономический подход, при котором институты отражают не локальные,

146. На начальном этапе исследования основное внимание будет уделено денежным оборотам внутри страны.

а системные необходимые связи, обеспечивающие воспроизводство и развитие экономической системы в целом. С этой точки зрения формирование, адаптация и изменения институтов денежного обращения рассматриваются прежде всего в контексте того, в какой мере они обеспечивают развитие национальной экономики в целом. Другими словами, нас интересует, насколько институты как мезоэкономические структуры обслуживают прежде всего публичный интерес. В этом смысле наша позиция близка к позиции ряда правоведов, исследующих денежное обращение в России с аналогичной точки зрения (Крылов, 2020, 2021; Самтарова, 2016).

Денежное обращение, как известно, включает движение денег (точнее, денежных знаков¹⁴⁷) между хозяйствующими субъектами, обеспечивая обмен товарами и услугами, депозитно-кредитные операции, распределение и использование бюджетных ресурсов (Белоглазова, Толоконцева, 2013). Структуры, поддерживающие эти процессы, включая сами денежные единицы (носители денег) и правила их создания и действия, рассматриваемые в контексте выполнения ими системных функций, составляют предмет нашего исследования. Задача — выделить институциональные контуры движения денег на различные нужды и правила их движения по этим контурам в советской и постсоветской России.

12.2. Денежное обращение в советской России¹⁴⁸

В СССР, в соответствии с теорией институциональных X-Y-матриц, доминировала X-матрица. Это определяло специфику действующих в стране экономических, политических и идеологических институтов. Соответственно, денежная финансово-кредитная система имела преимущественно централизованный характер со свойственной ей моделью формирования и функционирования банков, известной как

147. О различении денег и денежных знаков подробнее см. (Гуля, Кудревич, 2021. С. 120).

148. Рассматривается период до 1987 г., когда фактически уже начались реформы в сфере денежного обращения, окончательно завершившиеся в постсоветской России.

«top-down model» (подробнее см.: *Верников, Кирдина, 2010; Vernikov, Kirdina, 2013*).

В свою очередь, советская система организации денежного обращения в значительной степени наследовала особенности дореволюционной структуры, в которой доминировали государственные кредитные учреждения¹⁴⁹. История свидетельствует, что многочисленные попытки развития в царской России альтернативных частных институтов, например, в виде паевых и акционерных коммерческих банков с крупными собственными капиталами (этот процесс получил наибольшее развитие с середины XIX в.), не привели к кардинальному изменению институционального дизайна процессов денежного обращения. Здесь доминировали казенные (государственные) банковские учреждения. В результате «дореволюционная банковская система России представляла собой взаимодействующую структуру казенных банков разного уровня и сеть частных банкирских домов, в том числе иностранных» (*Верников, Кирдина, 2010. С. 256*), при этом иностранцам принадлежало 34% акционерного капитала банков (*Кара-Мурза, 2016*).

Централизация системы денежного обращения¹⁵⁰ еще более усилилась после Великой Октябрьской социалистической революции¹⁵¹, которая случилась в ночь с 25 на 26 октября (6–7 ноября по новому стилю) 1917 г. Уже 14 (27) декабря Центральный Исполнительный Комитет – высший орган новой Советской власти принял «Декрет о национализации банков». Декрет постановил считать банковское дело государственной монополией и объявил о слиянии частных банков с национализированным к тому времени Государственным

149. Важным элементом денежно-финансовой системы было также Казначейство, ведавшее государственными доходами и расходами.

150. Мы опускаем период Первой мировой войны, а также ситуацию до и после Февральской революции 1917 г., когда по сути начался процесс распада российской денежной системы. В этот период в стране не хватало денежных знаков, произошло обвальное обесценение денег на фоне неуправляемой инфляции, а на территории страны появились независимые региональные центры «денежной» эмиссии.

151. Название соответствует советской официальной историографии.

банком (*Декреты Советской власти*, 1957. С. 230). Этот декрет был принят «в интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковским капиталом» (Там же). Через год 8 декабря 1918 г. на всей территории России были полностью ликвидированы иностранные банки (*Кара-Мурза*, 2016). Также с 1918 г. было расформировано и сохранявшееся с дореволюционных времен Казначейство, а его функции в конечном счете были переданы Государственному банку СССР и его территориальным органам¹⁵².

Коррекция институтов денежного обращения произошла в период НЭПа («новой экономической политики»), которая в 1920-е годы сменила период «военного коммунизма». Была проведена денежная реформа, запустившая параллельное обращение двух видов денег – так называемых совзнаков («советских денежных знаков»), которые быстро обесценивались, и твердых «золотых червонцев», которые были обеспечены драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой. Эмиссия совзнаков использовалась для финансирования дефицита госбюджета. Когда дефицит снизился до разумных пределов, совзнаки были отменены (1924 г.) и в обращение вошла единая национальная валюта в виде казначейских билетов (известных нам «рублей»). «Золотые червонцы» стали использоваться для международных расчетов. В период НЭПа стала развиваться кредитная система. В систему денежного обращения вновь вернулись коммерческие банки, которые стали активно привлекать иностранный капитал. Появились (скорее возродились) местные коммунальные и кооперативные банки, развивалась система сельскохозяйственного кредита, возникли акционерные банки для долгосрочного кредитования промышленных инвестиций (подробнее см.: *Андрюшин*, 1998)).

152. <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/istoriya>.

Внедрение рыночных механизмов в сферу денежного обращения (или «товарно-денежных отношений», в советской терминологии) в этот период было вызвано внутренними потребностями развития экономики. Среди них – необходимость ее возврата от «натурального хозяйства» к нормальной денежной форме, устранение диспропорций между производством и потреблением, налаживание связей с внешним миром. Однако организация денежного обращения во время НЭПа не в полной мере способствовала решению долгосрочных задач экономического развития. С одной стороны, государство в это период занимало ключевые позиции в промышленности путем создания трестов (Самохин, 2001. С. 223). С другой стороны, в кредитно-банковской сфере его позиции были потеснены. Так, снизилась доля Государственного банка в общих кредитных вложениях всей банковской системы: если в 1923 г. она составляла две трети, то на 1 октября 1926 г. – 48%, т.е. менее половины. При этом доля коммерческого кредита при обслуживании сделок по продаже товаров составляла до 85% (подробнее об этом периоде см.: (Уразова, 2008)).

Проведенная в ходе НЭПа реформа институтов денежного обращения не позволила организовать такое движение денежных потоков, которое бы обеспечивало необходимые объемы инвестиций для промышленной модернизации и устойчивое социально-экономическое развитие страны. Экономические диспропорции выражались в росте безработицы среди городского населения и торговом дисбалансе между городом и деревней, а также в снижении суверенизации экономики в результате роста концессий, превалировании технологий из-за рубежа и т.д.

Как мы отмечали выше, банки, по Шумпетеру (и Веблену), являются структурами эволюции, изнутри толкающими экономику к развитию. Так и для советской России одним из способов решения экономических проблем стала реорганизация банковской системы в 1928–1929 гг., а затем кредитная реформа 1930–1932 гг. (после нее Госбанк СССР стал

единоличным эмитентом не только наличных денег, но и кредитной эмиссии). По содержанию каждая из реформ была «диаметрально противоположной подходам НЭПа и явилась, по существу, подготовительным этапом к внедрению административно-командных методов» (Уразова, 2008. С. 80; см. также: (Андрюшин, 1998. С. 295)). Однако они позволили перенаправить «покупательную способность» денег в экономике в пользу обновляющегося национального хозяйства, обеспечить необходимую индустриализацию промышленности за счет перераспределения денежных потоков, а также усилить роль денег как системы «социального учета».

В 1930-е годы был задан вектор институционализации системы денежного обращения в СССР, важнейшими чертами которой стали следующие:

- сворачивание коммерческого кредита и вексельных операций между банками и переход к *однозвенной, иерархической и централизованной банковской системе* с целевым характером банковского кредита и сосредоточением всего платежного оборота в Госбанке СССР;
- *функциональное разделение денежных оборотов в соответствии со сферой обращения* («трехконтурная система» денежных оборотов). Если до 1930-х годов институционально обособлялись два денежных оборота, обслуживаемые различными денежными единицами (внутренний оборот с рублями и внешний оборот с золотыми червонцами), то затем во внутреннем обороте были институционально обособлены наличный (потребительский) и безналичный (производственный) обороты со своими деньгами — «наличными рублями» и «безналичными рублями». «Наличные рубли», выдаваемые в виде заработной платы и социальных выплат на руки населению, обслуживали оборот потребительских товаров¹⁵³. «Безналичные

153. Вклады, аккредитивы и другие финансовые инструменты, используемые населением, формально имеющие безналичную форму, обслуживали, тем не менее, этот же оборот.

рубли» направлялись на счета социалистических предприятий (других в стране долгое время официально не существовало) и были предназначены для развития производства (приобретение и ремонт оборудования, строительные материалы, новое строительство и т.п.) в соответствии с планами-сметами. Затраты на оплату труда в сметах, например, на новое строительство, строго регулировалось (фактически, ограничивалось) нормативами не более 15% (подробнее см., например: (Гусаков, Дымшиц, 1951. С. 213)). «Инвалютные рубли» использовались для международных расчетов. Таким образом, в стране были институционально выделены три денежных кругооборота – на цели потребительского потребления внутри страны – «наличные рубли», на цели производственного накопления (инвестиции) внутри страны – «безналичные рубли», и на цели внешней торговли – «инвалютные рубли» (здесь также использовались иностранная валюта и иные инструменты для международных расчетов, например, золото). Будучи институционально обособленными, деньги в СССР образовывали единую «систему социального учета»;

- *организационное разделение денежных оборотов (система специализированных государственных банков)*. Эта система «спецбанков» окончательно оформилась в 1960-е годы. Она включала в себя¹⁵⁴ Стройбанк СССР (Всесоюзный банк финансирования капитальных вложений), который концентрировал и распределял безналичные деньги, направляемые на инвестиции (капитальное строительство производственных и социальных объектов, образование запасов материальных ценностей и производство строительно-монтажных работ), Гострудсберкассы

154. Информация о спецбанках СССР представлена в Большой Советской Энциклопедии, изданной в СССР в 1969–1986 гг. <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/130/index.htm>.

- (Государственные трудовые сберегательные кассы СССР), которые обслуживали наличный оборот и осуществляли расчетно-кассовое обслуживание населения и организаций, привлекали свободные средства населения и т.п., и Внешторгбанк (Банк для внешней торговли СССР), который осуществлял валютные операции, операции с драгоценными металлами, расчеты по экспорту-импорту и кредитование внешней торговли. Независимо от организационно-правовых форм (например, Стройбанк был создан в результате объединения трех специализированных государственных банков, Внешторгбанк был акционерным обществом, в числе акционеров которого, наряду с Госбанком СССР, были министерства, внешнеторговые организации и др., а Гострудсберкасссы, как следует из их Устава 1977 г., были «единым общесоюзным кредитным учреждением»), все спецбанки находились в ведении¹⁵⁵ Госбанка СССР. Общее руководство Госбанком СССР было необходимо потому, что денежные обороты были взаимосвязаны и потому требовали единого рассмотрения (и управления)¹⁵⁶;
- институты денежного обращения представляли собой внутренний элемент системы планового народного хозяйства СССР¹⁵⁷, они были органично встроены в нее. Основными задачами системы денежно-кредитных отношений в СССР (подробнее об этом см.: *Денежное обращение в СССР*, 2011)) было обеспечение соответствия «суммы денежных средств противостоящему ей материальному экви-

155. Строгого определения того, что значит «находиться в ведении», найти не удалось. По этому поводу не прекращаются дискуссии правоведов. По смыслу это означает «находиться под административным управлением», «быть в зоне ответственности», «подлежать контролю».

156. Например, Госбанк СССР устанавливал для спецбанков «лимиты предельного кредитования» (*Денежное обращение в СССР*, 2011. С. 20).

157. Этот факт объясняет, почему денежная система в начале 1990-х годов развалилась одновременно с плановой системой управления народным хозяйством. Подробнее об этих событиях см.: (Полищук, 2013).

валенту», координация «роста денежных средств и хозяйственного оборота» и обеспечение заданных пропорций использования национального дохода на накопление и потребление, а также между отраслями, например, между промышленностью группы А (производство средств производства) и группы Б (производство предметов потребления). Безналичная эмиссия Государственного банка (кредитный план страны) базировалась на показателях народнохозяйственного плана и бюджета государства, а наличная эмиссия — на планах по росту производительности труда и розничному товарообороту. Задача денежного обращения состояла «в повышении роли денег как инструмента планомерного обращения общественного продукта, распределение национального дохода, усиления стимулов производительности труда членов общества и трудовых коллективов, укрепление и развитие хозяйственного расчета (*Денежное обращение в СССР*, 2011. С. 19). Одновременно денежное обращение рассматривалось как «обязательное условие дальнейшего подъема благосостояния трудящихся» (*Денежное обращение в СССР*, 2011. С. 20), предусмотренное планами развития страны.

В рамках данной институциональной системы денежного обращения действовали запреты на совершение определенных действий с деньгами «на уровне диспозиции нормы права, возлагающей на субъект юридическую обязанность воздержаться от запрещенных действий» (*Крылов*, 2018. С. 28).

12.3. Денежное обращение в постсоветской России

Динамика процессов постсоветской институционализации денежного обращения носила противоречивый характер. На начальном этапе 1990-х она напоминала 1920-е годы, т.е. времена НЭПа. На параллели между тем периодом и этапом бурного роста количества банков в начале 1990-х годов указы-

вает, в частности (Уразова, 2008. С. 69). Однако, как мы покажем ниже, «доНЭПовские» феномены тоже имели место. Более того, постсоветская «обратная перемотка»¹⁵⁸ в сфере денежного обращения была куда более глубокой и аккумулялировала феномены, характерные также и для дореволюционного периода. Эффекты кумулятивной причинности, на которые обращал внимание Веблен, оказываются легко наблюдаемыми при анализе институционализации денежного обращения в нашей стране.

Начнем по порядку. Истоками постсоветской институционализации денежного обращения были события, которые стали происходить еще накануне роспуска СССР, а именно в 1988–1991 гг. Во-первых, после принятия закона «О кооперации в СССР» в мае 1988 г. стало возможно создание коммерческих банков – в 1988 г. на территории РСФСР было зарегистрировано уже 25 кооперативных и коммерческих банков (Кротов, 2008а). Создание кооперативов запустило также процесс превращения безналичных денег (которые кооперативы получали за выполнение заказов от государственных предприятий) в наличные, так как ограничений на выплату заработной платы в кооперативах не было. Тем самым начали размываться пропорции наличного и безналичного оборотов, ранее обособленные и подлежавшие строгому контролю Госбанка СССР. Во-вторых, были осуществлены денежно-кредитные реформы 1987 г. (Постановления № 821 ЦК КПССС и Совета Министров СССР «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики») и 1990–1991 гг., которые начались «еще в условиях перестройки под лозунгом создания двухуровневой банковской системы... был снят запрет на коммерческий кредит и вексельное обращение, существенно изменились условия и объем внешних заимствований» (Полищук, 2013. С. 31). Также «в 1990 г. денежным реформам предшествовал отказ от валютной монополии,

158. Автор этого выражения – Глеб Баранов (Баранов, 2017).

который привел к валютному замещению и неофициальной долларизации платежного оборота» (Там же. С. 29–30). Эти новшества способствовали дальнейшему перемешиванию денежных оборотов, ранее строго разделенных.

После объявления суверенитета все российские республиканские банки (отделения Госбанка СССР и специализированных советских банков) были объявлены собственностью РСФСР, а все учреждения этих государственных банков на местах Верховный Совет РСФСР постановил преобразовать в коммерческие банки. В результате количество коммерческих и кооперативных банков в России на 1 января 1992 г. составляло уже 1360¹⁵⁹. Наряду с процессами, запущенными еще в позднем СССР, эти и последующие действия кардинально изменили институциональную систему денежного обращения в постсоветской России.

Процесс новой институционализации денежного обращения сопровождался явлениями, которые и ранее наблюдались в переходные периоды. Во-первых, получили параллельное хождение различные денежные знаки¹⁶⁰. Наряду с казначейскими билетами сначала советского (до 26 июля 1993 г.), а потом российского образца, в расчетах активно использовались доллары и евро: так, в этих валютах повсеместно указывались цены, особенно на дорогостоящие товары. И хотя 6 марта 1993 г. вышло Постановление Правительства России «Об усилении валютного и экспортного контроля и о развитии валютного рынка», рекомендовавшее Центральному банку Российской Федерации запретить «расчеты между резидентами на территории России в иностранной валюте», его результатом стала лишь повсеместная смена ценников со словом «доллар» на «у. е.»¹⁶¹, а хождение долларов, «спря-

159. Согласно «Годовому отчету Центрального банка Российской Федерации за 1992 год».

160. В настоящий момент параллельное денежное обращение запрещено Конституцией Российской Федерации (Крылов, 2016. С. 536).

161. «Условные единицы», маскировавшие оборот долларов (и евро), были распространены вплоть до 2005 г. Общий запрет на осуществление валютных операций между резидентами начал действовать только с 15 июня 2004 г. согласно Федеральному закону «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10 декабря 2003 г. №173-ФЗ, ст. 9, п.1.

тантных» за у.е., продолжалось. . Во-вторых, как и в послереволюционный «доНЭПовский» период, из-за кризиса наличности некоторые регионы стали выпускать свои денежные суррогаты, например, в виде «потребительских казначейских билетов» (Полищук, 2013. С. 33). В-третьих, повсеместным стал бартерный характер экономики, когда вместо обращения денег между предприятиями имел место прямой товарообмен. Это явление известно как «экономика неплатежей» (подробнее об этом см.: (Делягин, 1997)). Таким образом система денежного обращения оторвалась от реальной экономики, которую она прежде обслуживала. В-четвертых, в этот переходный период не был налажен эффективный механизм контроля над обновлявшейся банковской системой (которая была представлена преимущественно частными коммерческими банками) со стороны государства. Также отсутствовали механизмы балансировки доходов и расходов государственного бюджета, поскольку была недостаточной координация между жесткой денежной политикой Центрального банка, отказавшегося к 1995 г. от эмиссионного финансирования госбюджета и целевых централизованных кредитов отраслям экономики, с одной стороны, и действиями законодательной власти в лице Государственной думы и исполнительной власти в лице президента, принимавшими эти бюджеты, с другой стороны. В результате принимаемые бюджеты не были финансово обеспеченными. Экономический кризис 1998 г., высшей фазой которого стали технический дефолт по основным видам государственных обязательств¹⁶² и катастрофическое обесценение рубля, подвели своеобразный итог неэффективности системы денежного обращения, которая создавалась по образцу экономических институтов Y-матрицы методом «проб и ошибок». Однако кризис запустил процесс ее дальнейшей коррекции и привел к обновлению институ-

162. Речь идет о дефолте по внутреннему долгу, номинированному в национальной валюте. Он был представлен в государственных краткосрочных обязательствах (ГКО).

ционального дизайна денежного обращения в постсоветской России. Вот его важнейшие черты:

- в стране действует *двухуровневая банковская система*, верхний уровень которой представлен Центральным банком (ЦБ) РФ, а нижний – кредитными организациями (банками и небанковскими кредитными организациями). «С 2013 г. ЦБ получил функции мегарегулятора, став органом регулирования и надзора за всеми участниками финансового сектора, включая банки, биржи, страховые компании, пенсионные и инвестиционные фонды»¹⁶³. Например, Центробанк устанавливает нормативы расходования средств по различным направлениям их деятельности с целью предупреждения рискованной политики, имеет право отзывать лицензию и удалять участников с рынка, контролируя тем самым эффективность всей финансовой системы страны¹⁶⁴. Эксперты постоянно отмечают «усиление роли регулятора в платежно-финансовом секторе» (Синельникова-Мурылева, 2021. С. 13).
- современная сфера денежного обращения России представлена организациями различных форм собственности, в которой *государственные формы собственности играют все более значимую роль*. Рассмотрим верхний уровень – Центральный банк РФ. Формально это независимая структура¹⁶⁵, он не является органом государственной власти, однако, как отмечают юристы, обладает полномочиями, которые

163. http://www.cbr.ru/about_br/history.

164. Например, Центробанк устанавливает нормативы расходования средств по различным направлениям их деятельности с целью избежать рискованной политики, имеет право отзывать лицензию и удалять участников с рынка.

165. Свои функции и полномочия Центробанк РФ осуществляет независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Независимость его статуса отражена в статье 75 Конституции Российской Федерации, а также в статьях 1 и 2 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» 2002 г. в редакции, действующей с 1 сентября 2021 г.

- по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения (Крылов, 2020). Одновременно уставный капитал и иное имущество Центробанка являются федеральной собственностью, а в своей деятельности он подотчетен Государственной думе Федерального Собрания РФ, которая по представлению президента также назначает на должность председателя ЦБ. При этом «контроль над деятельностью ЦБ РФ со стороны исполнительной власти постоянно усиливается» (Трунин, Князев, Самдаров, 2010. С. 66). Это является следствием того, что Центробанк, как полагают правоведы, в соответствии со ст. 34.1 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» выражает публичный интерес в сфере денежного обращения, который реализуется в формах поддержания ценовой стабильности и создания условий для сбалансированного и устойчивого экономического роста в стране (Крылов, 2021. С. 31). А что на нижнем уровне? Анализ показывает, что в структуре коммерческих банков постоянно растет доля банков с государственным участием. «По данным Ассоциации банков России, на 1 октября 2020 года доля госбанков в активах сектора составляла 74%... Доля госбанков в совокупном капитале на 1 октября оценивалась в 70%, за три года она выросла на 4 п.п., но за семь лет — на 20 п.п.» (Кошкина, Старостина, 2021);
- новым элементом системы денежного обращения стала биржа. Биржа как институт существовала в до-революционной России и в период НЭПа — последняя биржа была закрыта в СССР в 1930 г. Современная Московская биржа создана в 2011 г. Она появилась в результате слияния Московской межбанковской валютной биржи (основана в 1992 г.) и бир-

жи Российской торговой системы (была основана в 1995 г.). Московская биржа организует торги акциями, облигациями, производными инструментами, валютой¹⁶⁶, инструментами денежного рынка, драгоценными металлами, зерном и сахаром, и участвует в формировании валютного курса. Котируются Московской биржи по торгам «доллар США – рубль» ЦБ РФ использует для установления официального курса доллара в стране. «В 2021 г. доля биржи в общем объеме конверсионных операций на российском межбанковском валютном рынке по паре «доллар США – российский рубль» составляет 58%, по паре «евро–российский рубль» – 68%»¹⁶⁷. Более 30% уставного капитала Московской биржи принадлежит Центробанку, Сбербанку и Внешэкономбанку (все находятся под тем или иным контролем государства), а остальные акции распланы между миноритарными (менее 5% уставного капитала) акционерами, в том числе более половины – между нерезидентами. В этих условиях положение Федерального закона № 251 от 23 июля 2013 г., ст. 49, обязывающее ЦБ выйти из состава акционеров Московской биржи до 1 января 2016 г., было признано нецелесообразным. ЦБ мотивировал это «развитием геополитической ситуации и необходимостью сохранения на неопределенное время всестороннего контроля регулятора за функционированием и развитием национальной биржевой структуры»¹⁶⁸. Таким образом, роль государства (хоть и опосредованная) в деятельности биржи, как и в банковской сфере, также является существенной;

166. Валютные операции совершаются также на межбанковском рынке вне биржи путем купли-продажи свободных денежных ресурсов кредитных организаций в иностранной валюте, преимущественно в виде межбанковских депозитов, на основании спроса и предложения.

167. Пресс-релиз Московской биржи от 10.04.2021. <https://www.moex.com/n33653/?nt=106> (дата обращения: 3 сентября 2021).

168. Пресс-релиз ЦБ РФ от 2 апреля 2015 г. https://cbr.ru/press/pr/?file=02042015_102812if2015-04-02T10_23_50.htm (дата обращения: 3 сентября 2021 г.).

— важным элементом системы регулирования денежного обращения является *Федеральное Казначейство*. Оно было создано Указом Президента Российской Федерации от 8 декабря 1992 года № 1556 (в принципиальном плане) и постановлением Правительства России от 27 августа 1993 года № 864 (в организационном плане), сначала в составе Министерства финансов, а с 2005 г. — как самостоятельный федеральный орган исполнительной власти (федеральная служба)¹⁶⁹. Таким образом, в постсоветской России возродился орган, который существовал в дореволюционной России. Его основная задача состоит в кассовом обслуживании и контроле исполнения бюджетов всех уровней — от федерального до местных, и распределение (по законодательно установленным нормативам) всех доходов, поступивших в бюджетную систему, между бюджетами разных уровней. Важнейшей новацией в организации денежного обращения стало создание казначейских счетов с 1.01.2021¹⁷⁰. С их помощью Федеральное Казначейство ужесточило контроль за целевым расходованием бюджетных средств. Данные лицевые счета стали необходимым условием для получения средств из бюджета. Если деньги на банковских счетах хозяйствующие субъекты (как компании госсектора, так и коммерческие структуры) могут расходовать по своему усмотрению, то использование денег с казначейских лицевых счетов жестко контролируется и соотносится с их назначением¹⁷¹.

169. <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/istoriya>.

170. См. совместное письмо Минфина России N 09-01-10/66747, Банка России №04-45-7/5526, Казначейства России №07-04-05/05-14880 от 29.07.2020 г. «О закрытии банковских счетов в связи с переходом на казначейское обслуживание».

171. Открытие таких счетов стало также реакцией на поведение российских банков во время кризиса 2008–2009 гг., когда перечисленные им средства, предназначенные для поддержки предприятий путем их кредитования, банки использовали для проведения более выгодных валютных операций» (из доклада руководителя Федерального казначейства Р.Е. Артюхина «Новации бюджетного законодательства в системе обеспечения социально-экономического развития российского общества» на VIII Московском юридическом форуме, 8 апреля 2021, г. Москва).

При несовпадении целевого предназначения с фактическими статьями затрат оплата с казначейских счетов не проводится. Теперь средства, выделяемые по национальным проектам и другим государственным назначениям, не могут «перетекать» в другие сферы. Тем самым создан новый канал направления «покупательной способности» денег на социально-экономическое развитие в соответствии с государственными приоритетами и публичным (общественным) интересом¹⁷². Можно видеть, что обоснованная и проанализированная нами ранее модель финансирования реального сектора «государство как инвестор» (Кирдина, 2013) получает в России свое дальнейшее развитие.

Отмеченное усиление роли государственного управления в процессе денежного обращения связано с тем, что оно, как мы неоднократно уже отмечали, все более осознается как сфера публичного интереса, о чем российские правоведы активно пишут в последние годы (Саттарова, 2016; Крылов, 2016, 2018, 2020, 2021). На всех стадиях управленческого цикла: – инициирование политики – формулировка политики и принятие государственных решений (прежде всего на уровне законодательства) – реализация политики (включая административные меры) – оценка (корректировка) политики, – структуры государственного управления все активнее действуют в сфере денежного обращения. Одновременно, в отличие от советской модели институционализации денежного обращения, в постсоветской России представлены новые «старые» институты, которые действовали в России до революции и во времена НЭПа. Можно видеть, что в ходе современной институционализации денежного обращения идет поиск институционального баланса, т. е. эффективного сочетания доминантных X-институтов и комплементарных

172. Выразителем общественного интереса в сфере денежного обращения выступает государство и государственные органы (Тихомиров, 1995. С. 55–56), в чьем ведении в соответствии с Конституцией Российской Федерации находятся такие вопросы, как финансовое и валютное регулирование, а также денежная эмиссия.

У-институтов с целью содействия развитию всей социально-экономической системы страны.

Подведем итоги проведенного исследования. При изучении институционализации денежного обращения в постсоветской России мы использовали институционально-эволюционный подход, базирующийся на идеях известных гетеродоксальных экономистов Веблена и Шумпетера, а также Коммонса. Основное внимание было направлено на институциональные структуры, обеспечивающие денежное обращение, прежде всего на те из них, которые наиболее значимы с точки зрения публичного (общественного) интереса и развития всей социально-экономической системы. В свою очередь, реализация мезоэкономического подхода позволила рассмотреть институционализацию денежных оборотов с точки зрения их роли для экономической динамики, т. е. для обеспечения расширенного социально-экономического воспроизводства.

Сопоставление институционализации денежного обращения в СССР и в постсоветской России позволило обнаружить эффекты кумулятивной причинности и *path dependence*, обуславливающие развитие денежных институтов в исторической перспективе. Наряду с этим в эволюции институтов выявлены переходные периоды институционального обновления, которые сопровождаются как «взрывным» созданием новых структур, так и дискретными нарушениями существующих структур изнутри. В ходе переходных периодов происходит также своего рода фильтрация новых институциональных форм с точки зрения их способности отвечать целям социально-экономического развития на национальном уровне. Те из них, которые способствуют достижению этих целей, закрепляются в общественной практике. В свою очередь, возникающие «сверху» или «снизу» структуры денежного обращения, не обеспечивающие достижения таких целей, подлежат коррекции или сходят на нет.

Накануне создания институциональной системы денежного обращения советского типа таким переходным перио-

дом стали годы послереволюционного НЭПа, в ходе которого активно воссоздавались многие (не все) денежные структуры дореволюционной России. Однако предпринятая институционализация денежного обращения не позволила организовать перераспределение «покупательной способности» денег в пользу насущной модернизации народного хозяйства. Изменение трендов в институционализации денежного обращения, необходимых для решения данной задачи, выразилось в итоге в следующем дизайне советской модели: во-первых, действовала однозвенная, иерархическая централизованная банковская система с целевым характером банковского кредита и сосредоточением всего платежного оборота в Госбанке СССР; во-вторых, существовала «трехконтурная система» денежных оборотов с «наличными рублями» для обслуживания оборота потребительских товаров, «безналичными рублями» для производственного потребления (инвестиций), и «инвалютными рублями» для международных расчетов; в-третьих, оформилось организационное разделение денежных оборотов — оно регулировалось специально созданными для этих целей банковскими учреждениями. Это были Гострудсберкассы, Стройбанк и Внешторгбанк, соответственно; в-четвертых, институты денежного обращения представляли собой внутренний элемент системы планового народного хозяйства СССР и были органично встроены в нее.

Институционализации денежного обращения в постсоветской России также предшествовал переходный период, который пришелся на конец 1980-х — 1990-е годы. Попытка тотального замещения доминантных институтов X-матрицы в сфере денежного обращения институтами Y-матрицы привела к экономическому кризису 1998 г., сопровождавшемуся девальвацией национальной валюты и техническим дефолтом исполнения государственных обязательств. После кризиса сформировался обновленный контур институциональной системы денежного обращения со следующими чертами. Во-первых, в постсоветской России действует двухуровневая банковская система, верхний уровень которой

представлен Центробанком, а нижний — банками и небанковскими кредитными организациями; во-вторых, в сфере денежного обращения нашей страны действуют организации различных форм собственности, при этом государственные формы собственности играют все более значимую роль; в-третьих, активно действует биржа, на которой торгуются акции, облигации, валюта и иные инструменты денежного рынка. Биржевые котировки лежат в основании официального валютного курса, устанавливаемого Центробанком РФ; в-четвертых, важным институтом, регулирующим денежное обращение, стало также Федеральное Казначейство, опосредующее движение бюджетных средств. Дополнительным элементом контроля их использования стали «казначейские счета», на которые перечисляются и откуда используются бюджетные средства для выполнения государственных программ развития.

В целом можно видеть, что денежное обращение в постсоветской России проходит процесс институционального обновления, и поэтому, несомненно, речь идет о новой институционализации данной сферы. В то же время мы видим в ней черты, характерные для прошлых периодов. Так, повсеместно усиливается роль государства, что сближает институциональную структуру денежного обращения с периодом СССР. Одновременно в практику возвращаются формы времен дореволюционной России, хотя и в обновленном виде — речь идет о казначействе. Поэтому можно говорить о новой «старой» институционализации денежного обращения в постсоветской России. Одной из ее важнейших задач по-прежнему является достижение оптимальных мезоэкономических пропорций между распределением денежных потоков для обслуживания текущих и перспективных задач, т.е. для достижения целей расширенного социально-экономического воспроизводства.

Процесс институционализации сферы денежного обращения в стране продолжается. Однако уже сейчас можно видеть, что его содержанием является синтез институтов, соответствующих X- и Y-матрицам. При этом основной вектор

происходящих изменений связан, на наш взгляд, со все более осознаваемым характером общественной значимости данной сферы. «Денежное обращение, в той или иной степени, опосредует любую сферу общественной жизни. Указанное обстоятельство предопределяет потребность в денежном обращении у всего общества, возводящего его в ранг публичной потребности» (Крылов, 2021. С. 31). Поэтому государственное управление процессами денежного обращения будет скорее всего возрастать, что означает приоритет институтов X-матрицы в экономической политике по поводу регулирования денежного обращения в стране.

Глава 13

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА¹⁷³

«Мир уже слишком интегрирован, слишком связан друг с другом, чтобы какая-либо страна могла сама решать свою судьбу».

Людвиг Эрхард

Введение

Тридцать лет назад растущая сложность продуктов сформировала распределенную систему организации производства в формате *глобальных стоимостных цепочек* (ГСЦ). К 2020-м годам функционирование этой системы принципиально усилило взаимную производственную зависимость национальных экономик, что сделало мир гораздо более связным, но одновременно и более хрупким в случае внезапных шоков. В 2020 г. шок пандемии COVID-19 обрушил глобальную систему поставок через ГСЦ, но не подорвал основ распределенного производства и самого хода глобализации. Вместе с тем, пройдя через глубокий спад, мировая экономика и все ее национальные подсистемы вошли в эпоху неопределенности и системных рисков. Новый тип рисков побуждает теоретиков и практиков пересматривать традиционные представления об устойчивости экономических систем и осваивать новые подходы к механизмам их стабилизации, связанные с наращиванием резильентности. Мы анализируем

173. Глава подготовлена в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН на тему «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации». Глава представляет собой переработанные и дополненные материалы из нескольких журнальных статей автора, ссылки на которые приведены в тексте.

эти трансформации в мировой экономике и в национальной политике роста в контексте концепции экономической устойчивости (economic resilience), восходящей к синтезу теории систем, эволюционной теории и экономической теории сложности.

13.1. Уязвимость глобализированной экономики и ее национальных подсистем перед внезапными шоками

В глобализированной экономике, т.е. в условиях распределенного производства (distributed production), процесс создания новых, все более сложных конечных продуктов мирового уровня рассредоточен среди множества автономных фирм-поставщиков из десятков стран мира. Эти фирмы объединены той или иной ведущей МНК (многонациональной компанией) в совместную проектную сеть (в виде ГСЦ), выполняют в данном проекте свою узкую высокоспециализированную задачу (в качестве звена ГСЦ) и ведут многостороннюю экспортно-импортную торговлю промежуточной продукцией (через цепочки поставок как компонента ГСЦ), последовательно добавляя стоимость к конечному продукту на каждой стадии производственного цикла (Смординская и др., 2021).

Помимо самих ГСЦ (global value chains) как международных проектов, организуемых глобальными компаниями на сроки создания конкретного продукта, а также помимо цепочек поставок внутри ГСЦ (global supply chains), в систему распределенного производства входят более устойчивые образования – *глобальные производственные сети* (global production networks), часто именуемые глобальными сетями поставщиков. Они представляют собой мощные производственные экосистемы, которые образуются за годы функционирования ГСЦ вокруг каждой крупной МНК, охватывая тысячи взаимосвязанных фирм. Переплетение таких экосистем между собой формирует *сложную сетевую организацию глобальной экономики*, где страны связаны друг

с другом через многочисленные нити межфирменных коммуникаций (торговых, производственных, технологических, логистических и др.). Эти нити хорошо видны на примере сектора интегральной электроники, где экосистема американской Dell насчитывает около 5 тыс. фирм-поставщиков, а экосистема китайской Lenovo — около 4 тыс., причем еще свыше 2 тыс. поставщиков одновременно входят в обе экосистемы и участвуют в цепочках обеих компаний, что ведет к переплетению их экосистем (рис. 13.1). Аналогичная картина переплетения производственных экосистем характерна и для традиционных секторов типа пищевой промышленности.

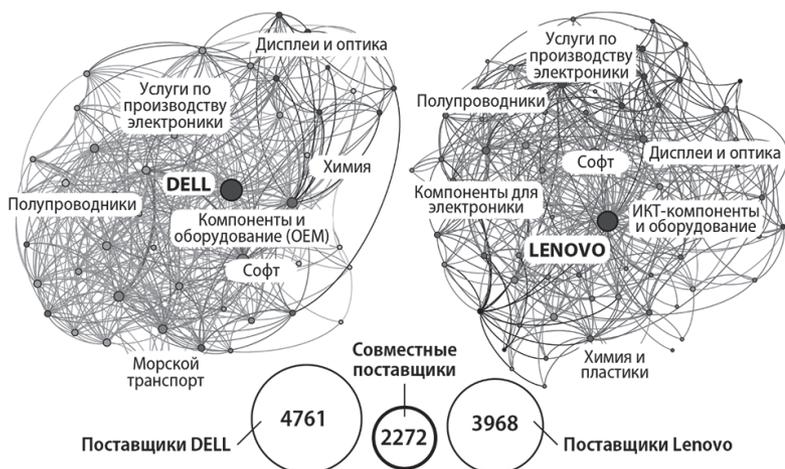

Рис. 13.1. Глобальные сети поставщиков ведущих МНК:
пример сектора интегральной электроники
Источник: (MGI, 2020).

К 2020-м годам в ГСЦ были в той или иной мере вовлечены практически все национальные экономики, особенно крупные, что привело к *резкому возрастанию их производственных взаимозависимостей* (Baldwin, Freeman, 2020). Матрица агрегированной зависимости стран от своих непосредственных зарубежных поставщиков и от остальных экономик мира как субпоставщиков разных уровней выявляет следующее (Смординская, Катюков, 2021а):

- большинство крупных экономик, включая развивающиеся, прямо и косвенно связаны друг с другом, причем их наиболее плотная взаимозависимость сложилась в Северной Америке, Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, что образовало здесь макрорегиональные «сетевые фабрики» вокруг трех мировых хабов пересечения ГСЦ – США, Германии и Китая соответственно;
- эти экономики находятся в повышенной зависимости от Китая как мировой промышленной мастерской. Импортируя компоненты из пяти стран (США, Германия, Япония, Южная Корея и Тайвань), Китай, в свою очередь, доминирует в структуре промежуточных закупок промышленного импорта у всех крупных экономик, в т.ч. – формирует до четверти добавленной стоимости в экспорте целого ряда отраслей в США, Японии, Южной Корее и Мексике (Javorcik, 2020);
- с учетом сложившихся межстрановых зависимостей локальные шоки, происходящие на уровне фирм-поставщиков в любом из трех мировых хабов пересечения ГСЦ (Китае, Германии и США), а также в Японии или Южной Корее, чреватые цепным подрывом производства во всех значимых экономиках мира.

Иными словами, эпоха сетей и распределенного производства приносит компаниям и странам не только особые взаимные выгоды, связанные с совместным созданием новых сложных продуктов (которые они не в состоянии произвести самостоятельно), но и угрозу взаимных потерь. Внезапный локальный шок, возникающий в том или ином звене ГСЦ, может породить веерные нарушения в работе всех взаимосвязанных участников производственного процесса, что ведет к волновому распространению кризисных явлений от фирмы к фирме и от страны к стране.

Действительно, ГСЦ по созданию сложных промышленных продуктов (например, авиакомпаний Airbus или Boeing) охватывают последовательные стадии взаимоотноше-

ний сотен поставщиков и субпоставщиков данной отрасли, а также — поставки со стороны многочисленных фирм из сопряженных промышленных отраслей и секторов услуг (логистические услуги, бизнес-услуги и т.п.). Поэтому любая недопоставка со стороны отдельной фирмы может вести к срыву поставок и остановке производства в других узлах ГСЦ, причем от этапа к этапу масштабы экономического ущерба будут нарастать за счет цепных задержек в отгрузках и цепной приостановки выпуска у фирм-партнеров. Чем выше сложность продукта, тем выше риски волновых сбоев в данной ГСЦ и риски побочных (спиловых¹⁷⁴) эффектов, вызывающих потери выпуска в соответствующих отраслях и экономиках. При этом источником преобразования локального шока в системный глобальный сбой служат взаимосвязи фирм не только внутри ГСЦ, но также внутри и между их глобальными сетями поставщиков, когда данный производитель одновременно является поставщиком или заказчиком для партнера из совершенно другой цепочки, включая ГСЦ других отраслей (Смординская, Катков, 2021а).

Фундаментальная уязвимость глобализированной экономики перед системными эффектами внезапных шоков стала особенно очевидной в кризисном 2020 г., когда шок пандемии COVID-19 нанес системе распределенного производства и ее участникам самый мощный удар за все 30 лет ее эволюции. Именно сетевая взаимосвязанность фирм и стран как участников распределенного производства (а не столько специфика пандемии как таковой) сделала внезапную приостановку поставок из Китая, вызванную его первыми локальными, фактором быстрой трансмиссии кризисных шоков и мгновенного развертывания глобальной рецессии, чего никогда не наблюдалось в мировой экономике при прежних пандемиях (Ivanov, Dolgui, 2021).

174. В данном случае спиловые эффекты означают «эффекты перелива», передачи сбоев в одном звене ГСЦ на другие страны и сферы экономики (примеч. ред.).

Во-первых, глобальное распространение самой пандемии, сопровождаемое повсеместным введением локдаунов, началось с контактов сотрудников компаний, расположенных в китайской провинции Хубэй (а здесь сосредоточены подразделения многих МНК и предприятия нескольких сот крупных фирм, входящих в ГСЦ автомобильной, электронной и фармацевтической промышленности), со своими партнерами в Германии и США как мировыми хабами пересечения ГСЦ и центрами деловых коммуникаций (Egger, Zhu, 2022). Во-вторых, ГСЦ способствовали распространению и взаимному усилению спадов в национальных экономиках по каналам глобальной системы поставок «точно в срок» (*just-in time*), подвергшейся в ходе локдаунов прямым и обратным волнам диффузии сбоя (прерываний отгрузок, ведущих к цепной остановке выпуска на предприятиях разных стран) (Смординская, Катухов, 2021а). В итоге, *вышеописанные межстрановые зависимости породили риски, во многом определившие уникальные черты глобальной рецессии 2020 г.* — нелинейное сочетание шоков предложения и спроса, исторически рекордная синхронность спада (когда 90% стран одновременно показали отрицательные темпы) и, как следствие, рекордная глубина рецессии (–3,2% по итогам 2020 г.) на фоне мировых кризисов мирного времени за последние 150 лет (World Bank, 2020).

Попадание почти всех стран мира под волну цепных спадов, вызванную временной остановкой предприятий в одной отдельной китайской провинции, спровоцировало «идеальный шторм» со стороны официальных и академических кругов (особенно в США и странах ЕС) в отношении судьбы распределенного производства (Gereffi, 2020). Публичные споры сопровождались как поиском экспертами новых конструктивных подходов к ситуации с каскадными сбоями (например, идея диверсификации рисков без потери выгод глобализации), так и появлением ряда сомнительных идей в духе усиления экономической закрытости, особенно в отношении поставок из Китая, включая призывы к свертыванию

странами своего участия в ГСЦ, возврату большей части их звеньев в национальные границы ради технологической безопасности, постановке деятельности МНК под контроль правительств (Antràs, 2020).

Реагируя на эту полемику весны 2020 г., мировые «мозговые центры» (Всемирный банк, ОЭСР, Банк Англии, Бостонская консалтинговая группа и др.) представили серию эконометрических исследований, убедительно доказывающих, что *выгоды стран от участия в ГСЦ перевешивают риски их попадания под ценные сбои в поставках*. В частности, было показано, что чрезмерная локализация производства никак не защищает национальные экономики от волатильности и внутренних шоков, а ведет лишь к торможению роста и масштабному удорожанию конечных продуктов (Смородинская, Катужков, 2021а). Более того, по расчетам экономистов из Кильского института мировой экономики (Eppinger et al., 2020), торговля промежуточной продукцией смягчила спад 2020 г.: если бы пандемия произошла в условиях традиционной торговли и отсутствия ГСЦ, то Германия и ряд других стран испытали бы еще большее сокращение ВВП.

На практике, вопреки опасениям, шок пандемии не прервал хода глобализации (в 2020 г., пройдя этап резкого сжатия, торговля через ГСЦ восстановилась до привычных уровней), а обозначил ряд определяющих тенденций предстоящих десятилетий.

13.2. Глобальные тенденции 2020-х годов и концепция экономической резильентности

Как уже упоминалось ранее, в главе 9, неопределенность стала важнейшей чертой современной экономики. Поэтому первая из глобальных тенденций, связанная в значительной степени с последствиями сложившегося уровня распространения ИКТ и сетевых взаимодействий — это окончательное вступление мировой экономики и ее национальных подсистем в эпоху *нелинейности и радикальной неопределенно-*

сти (Baker et al., 2020). Действительно, шок пандемии вызвал исторически беспрецедентный всплеск неопределенности на мировых рынках: в 2020 г. мировой индекс неопределенности, рассчитываемый МВФ, поднялся вдвое выше, чем в период Великой рецессии 2007–2009 гг. и принципиально выше по сравнению с 1990-ми годами (рис. 13.2).

Неопределенность трактуется в литературе как риски непредсказуемых событий, способных нанести системам различные виды ущерба, масштаб которого не подлежит прогнозированию и не может быть заведомо застрахован (Sreedevi, Saranga, 2017). Именно эти риски, а вовсе не глобализация производства как таковая, повышают хрупкость и уязвимость экономических систем.

Рис. 13.2. Динамика мирового индекса неопределенности, 1990–2020-е годы

Источник: данные World Uncertainty Index, 2021.

Вторая тенденция, органично вытекающая из первой, связана с *распространением кризисов нового, шокового типа*. Высока вероятность того, что предстоящие десятилетия будут

отличаться рекуррентными внезапными шоками разного происхождения (эпидемии, бедствия от изменений климата, военные конфликты, сбои от кибератак и появления новых подрывных технологий, финансовые крахи и др.), причем локальные шоки могут быстро распространяться глобально по каналам межфирменных связей (PIE, 2021). Так, уже весной 2022 г. шоковое выпадение Украины и России из глобальной системы поставок (вследствие внезапного военного конфликта на территории Украины и наложения на Россию западных экономических санкций) вызвало ее мгновенную дестабилизацию и резкую переналадку логистических цепочек. Вкупе с возросшей геополитической неопределенностью это обернулось очередным рекордным спадом в мировой торговле, взлетом мировой инфляции (особенно продовольственной и энергетической), прерыванием восстановительного роста в ведущих экономиках мира и угрозой новой глобальной рецессии (World Bank, 2022).

Третья тенденция обозначает себя в виде *выхода глобализации и самой системы распределенного производства на новый этап исторической эволюции*. Если первый этап, именуемый гиперглобализацией (1990–2000-е годы, до Великой рецессии 2007–2009 гг.), был связан с бурной географической экспансией ГСЦ в условиях либерализации рынков и интеграции в мировую экономику постсоветских стран, а второй этап (2010-е годы) – с естественным замедлением этой экспансии и динамики мировой торговли, то с 2020-х годов мир тяготеет к *реглобализации*, но в значительно более упорядоченных формах, чем в 1990-е годы (Сморodinская, Катуков, 2021b). Драйвером реглобализации выступают ведущие МНК. Столкнувшись с масштабной потерей выпуска при шоке пандемии, они начали внедрять новые бизнес-стратегии, нацеленные не на свертывание ГСЦ, а на наращивание их резильентности перед будущими шоками.

Понятие *резильентности* (resilience), выступающее антиподом понятия хрупкости (fragility), пришло в экономику и другие общественные дисциплины (менеджмент, политоло-

гию, сферу международных отношений и др.) из экологии — как отражение способности любой системы, которой удается выживать, к восстановлению после шоков и адаптации к изменившейся среде (Walker, Cooper, 2011). С 2010-х годов это понятие все шире внедряется в стратегические и программные документы международных организаций (ООН, ОЭСР, ЕС и др.) как новый подход к проблемам безопасности в условиях внезапных шоков, будь то стихийные бедствия, политические конфликты, международный терроризм или экономические потрясения (Korosteleva, Flockhart, 2020).

В частности, в 2015 г. ОЭСР выдвинула глобальную проектную инициативу «Новые подходы к экономическим вызовам» (NAEC initiative), имея в виду новые типы рисков, характерные для современного мира сложности, нелинейности и радикальной неопределенности (OECD, 2015). В рамках проекта ведущие мировые эксперты (NAEC group) развернули исследования в области обновления традиционного подхода к устойчивости национальных экономик, поставив в центр обсуждения концепцию *экономической резильентности* (economic resilience), вытекающую из теории систем (systems science), эволюционной теории и экономической теории сложности (complexity economics).

В отличие от неоклассического представления об экономике как о линейной системе редукционистского типа, теория сложности воспринимает экономику как сложную адаптивную систему (complex adaptive system) с холистической природой, т.е. как экосистему сетевых связей агентов и их групп (Смородинская, 2017). Если традиционные системы отличаются прогнозируемым поведением и достигают стационарного макроравновесия в определенной точке, то экосистемы ведут себя непредсказуемо (эмерджентное поведение) и стабилизируются в динамическом режиме — в ходе постоянных трансформаций своей организационной и ресурсной структуры (Wilson, 2016). *Резильентность является воплощением динамической устойчивости («подвижного равновесия») сложных систем, отражая их адаптивность к непре-*

рывно изменчивой нелинейной среде, в частности — к ситуации неопределенности, длительных стрессов и внезапных шоков и (Mitchell, 2013).

Следуя эволюционной парадигме, теория сложности рассматривает феномен внезапных шоков и экономической адаптации к ним как атрибут открытой и целостной информационно-коммуникационной среды, где вместо традиционных микро- и макроэкономических уровней присутствуют различные уровни агрегации межагентских связей — глобальный, макрорегиональный, национальный, локальный и уровень индивидуальных фирм (Hidalgo, 2015). С этих позиций глобальная экономика предстает как многомерная экосистема связей, а *резильентностью могут и должны обладать ее подсистемы любого уровня* — от фирм и их сетевых сообществ (локальные кластеры, глобальные цепочки и др.) до рыночных экономик любого масштаба и их секторов (производственных и институциональных) (OECD, 2015).

Как вытекает из документов вышеупомянутого проекта ОЭСР (OECD, SIDA, 2017), под резильентностью следует понимать *способность системы к мобильной перегруппировке своих элементов и ключевых ресурсов для достижения динамической устойчивости либо на прежнем, либо на новом уровне развития в ответ на внезапные внутренние или внешние возмущения*. Последующие доклады экспертов из NAEC гоцр, включая их реакцию на шок пандемии COVID-19, углубили и расширили эту трактовку. Они подчеркнули, что *концепция резильентности выступает философским и методологическим подходом для описания мира неопределенности* и может быть использована как для анализа поведения современных экономических систем, так и для анализа системных рисков, возникающих при их растущей взаимозависимости (OECD, 2020).

К *системному риску* (systemic risk) относят ситуации, когда внезапное локальное событие, произошедшее в определенном звене системы или за ее пределами, порождает волну нарастающих каскадных сбоях во всей системе в целом,

причем масштабы распространения этих сбоев, степень наносимого ими ущерба и их необратимые структурные последствия столь же непредсказуемы, как и вызвавшее их локальное событие (*Linkov et al., 2019; Ivanov et al., 2019*). Каскадные сбои описаны в литературе с помощью нескольких взаимозаменяемых терминов — таких, как «эффект заражения», «эффект домино» или волновой эффект (*Ivanov et al., 2019*).

В цепочках поставок *волновой эффект* (ripple effect) возникает тогда, когда внезапный сбой в межфирменной торговле не может быть локализован на месте и распространяется по звеньям цепочки в нисходящем направлении, оказывая негативное воздействие на ее совокупные экономические результаты (*Dolgui et al., 2018*). Применительно к экономике речь идет о том, что шоки спроса и предложения могут передаваться от фирмы к фирме и от отрасли к отрасли *подобно информационным волнам или биологическим эпидемиям*, порождая обратные и петлевые воздействия, что в конечном счете подрывает совокупную производительность и архитектуру системы (*Minas et al., 2019*). Причем чем дольше длится и шире распространяется волновой эффект, тем выше степень дестабилизации системы, будь она национальной, макрорегиональной или глобальной экономикой.

Система считается резильентной, если она способна поглощать непредсказуемые шоки и быстро после них восстанавливаться. Это резильентное состояние выступает результатом поддержания ею оптимального динамического баланса (рис. 13.3). между двумя структурными свойствами — робастностью и гибкостью (*Ivanov et al., 2019*). *Робастность* (robustness) отражает способность системы сохранять структурную стабильность в ситуации внезапного шока, т.е. абсорбировать шоки, минимизируя их негативное воздействие на свою структуру и производительность. *Гибкость* (flexibility) отражает способность системы быстро восстанавливать эффективный рост после шока за счет адаптации своей структуры и ресурсного потенциала к постшоковым изменениям в окружающей среде. Иначе говоря, современная экономика

должна быть достаточно робастной для поглощения шоков и одновременно — достаточно гибкой для перегруппировки своих элементов и ключевых ресурсов ради продолжения роста в новых условиях (OECD, SIDA, 2017).

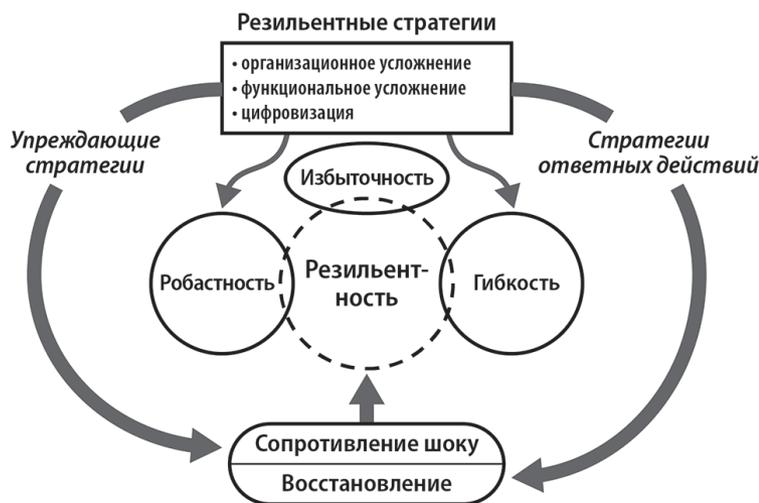

Рис. 13.3. Модель резильентной системы
 Источник: адаптировано на базе (Смординская и др., 2021).

Для поддержания баланса между робастностью и гибкостью системе необходимы *два плана развития* — проактивный (упреждающие стратегии) и реактивный (стратегия ответных действий). Проактивный план (условно план А) формируется на предшоковой стадии с учетом вероятных потрясений: он призван повысить сопротивляемость экономики, сделав ее достаточно робастной для поглощения шока и одновременно достаточно гибкой для возможной реструктуризации. Реактивный план (условно план Б) принимается лишь в том случае, если системе все же не удалось избежать волновых разрушений, и служит для мобилизации ранее созданных резервов робастности и гибкости в целях быстрого восстановления после шока.

Задача повышения робастности и гибкости требует присутствия в системе определенной *избыточности*

(redundancy) – резервных агентов и источников снабжения, свободных производственных мощностей или дополнительных функциональных возможностей, которые могут быть активированы в случае шока для облегчения структурного маневра, т.е. для гибкой перестройки системой своей организационной и ресурсной структуры (Martin, Sunley, 2015). Это предполагает инвестиции в поддержание системой разнообразия – различных резервных и буферных активов совместного доступа, которые позволяют ее участникам гибко рекомбинировать свои возможности в целях амортизации шоков или адаптации к постшоковым изменениям среды (Ivanov et al., 2019).

Синтез нескольких областей недавней литературы (деловой, литературы по цепочкам, по управлению рисками и др.) позволил нам систематизировать намечаемые резильентные стратегии глобального бизнеса и выделить здесь три дополняющих друг друга направления – реструктуризация архитектуры ГСЦ и диверсификация их сетей поставщиков, оптимизация производственного процесса в ГСЦ, а также цифровая трансформация ГСЦ как генеральный способ адаптации к непредсказуемым рискам за счет использования новейших ИКТ и приложений Индустрии 4.0 (Смординская, Катукоев, 2021а).

Аналогичная задача укрепления резильентности экономики и оптимизации стратегий экономического роста остро стоит и перед всеми национальными правительствами. Ситуация неопределенности, когда внезапные шоки становятся типовым явлением, непрерывно тестирующим существующие системы на прочность, требует пересмотра странами прежних представлений о рисках и способах поддержания своей макроэкономической устойчивости. Поэтому с 2020-х годов усилия по наращиванию резильентности становятся не только стратегическим императивом, но и важнейшим источником конкурентных преимуществ для всех типов экономик, а также объектом экономической политики, прежде всего в экономической политике роста.

13.3. Резильентный подход в политике экономического роста

Резильентный подход в политике роста предлагает странам руководствоваться следующими установками.

1) *Способность к принятию системных рисков и продолжению роста*

В традиционной практике фирм и стран риски носят статичный характер и касаются конкретной прогнозируемой угрозы. Они заведомо просчитываются до начала реализации этой угрозы, а управление рисками сводится к уходу от них, в частности – к предотвращению шоков или минимизации их негативных последствий. Но в мире сетей и обратных связей, где риски непредсказуемы, а их волновое распространение неизбежно, традиционный риск-менеджмент не может защитить системы от потрясений (*Brunnermeier, 2021*). Поэтому концепция резильентности признает, что каскадные сбои могут и будут происходить в предстоящие десятилетия, а будущие угрозы невозможно адекватно спрогнозировать и измерить, тем более – просчитать их последствия. Идея резильентности состоит не в том, чтобы система могла уйти от шоков, в том, чтобы она научилась их поглощать, сдерживая волновые эффекты. Соответственно, при формировании будущих стратегий развития странам предстоит исходить из *динамической, постоянно изменчивой природы рисков, а также из способности экономики их принимать*, двигаясь от фазы сопротивления шокам к фазе постшокового восстановления и не прекращая при этом экономического роста (*Linkov, Trump, 2019*).

Как показано нами выше, чем дольше длится и шире распространяется разрушительный волновой эффект, тем ближе система к угрозе коллапса. К этому следует добавить, что ослабление силы связей между участниками системы (будь то разрывы в производственных, торговых, транспортных или информационных коммуникациях) наносит ей не меньший, если не больший ущерб, чем возможная кризисная дестабилизация самих участников (*Elliott et al., 2020*). Поэтому рези-

льентные стратегии стран должны предусматривать не только укрепление шокоустойчивости национальных предприятий, но и наращивание силы межфирменных (межагентских) связей в экономике, что поможет лучше застраховать ее от спада при кризисах шокового типа.

2) Поддержание баланса между текущей эффективностью и резильентностью

Создание избыточности в сложных системах противопоставляется «принципу бережливости» (*leanness*) в традиционных системах, которые обычно выигрывают от экономного поведения и практики минимизации затрат. Действительно, долгие годы фирмы и страны добивались максимальной экономической эффективности при минимальных материальных запасах, текущих затратах и резервных вложениях, стремясь сократить удельные расходы и максимально загрузить мощности. Но ориентация на текущую рентабельность и экономию затрат не подходит для мира сложности и неопределенности. Как следует из теории систем, попытки оптимизировать на принципах экономии ту или иную составляющую сложной системы чреваты дестабилизацией всей системы в целом (*OECD, 2020*). Наглядным тому примером служит вышеописанный спад 2020 г. в мировой экономике, когда шок пандемии подорвал один из ее ключевых компонентов — глобальные цепочки поставок, ранее оптимизированные на принципах «точно в срок».

Системные риски вынуждают страны пересматривать прежние приоритеты, ориентируясь на достижение динамического баланса между текущей эффективностью и длительной резильентностью (*Linkov et al., 2019*). Эффективность, основанная на резильентности, требует от системы не столько бережливого, сколько адаптивного поведения, в частности — вложений в вышеописанную избыточность (*Martin, Sunley, 2015*). Сложные системы могут генерировать и эффективно использовать избыточность благодаря тому, что опираются на интерактивные взаимодействия и силу обратных связей участников как сетевых партнеров (*Brunnermeier, 2021*).

3) *Наращивание организационной и функциональной сложности*

Резильентность системы во многом зависит от достигнутого ею уровня сложности — как организационной, связанной с развитостью сетевой и институциональной среды, так и функциональной, связанной с уровнем диверсификации национального производства и экспорта (*Сморodinская и др., 2020*).¹⁷⁵ Наиболее резильентны сложные и либерализованные системы, имеющие одновременно высокую робастность и гибкость, т.е. высокую абсорбционную и высокую восстановительную способности (например, США, Германия, Япония и др.). Наименее резильентны отстающие и структурно упрощенные экономики с низкими обеими способностями. Системы с низкой робастностью, но высокой гибкостью обладают умеренной резильентностью, а робастные системы с недостаточной гибкостью (умеющие успешно поглощать шоки, но плохо восстанавливать рост производительности) испытывают риски дестабилизации в случае очередного мощного потрясения (*Linkov, Trump, 2019*). Так, крупные иерархии с высокой централизацией управления типа Китая могут обладать значительной робастностью, но им не хватает гибкости, построенной на развитой сетевой координации и силе обратных связей. Поэтому в эпоху неопределенности такие экономики считаются изначально более хрупкими и уязвимыми по сравнению с малыми рыночными экономиками Европы, которые отличаются меньшей робастностью и менее высокими темпами роста, но растущей гибкостью и резильентностью (*Root, 2020*). А ресурсозависимые и высокоцентрализованные экономики как Россия считаются изначально хрупкими — они

175. Фактор сложности сообщает системе определенный структурный порядок и динамическую устойчивость. Нарастивание сложности экономики повышает ее инновационный потенциал и укрепляет резильентность. Напротив, перманентное падение сложности усиливает хрупкость системы и угрозу ее дестабилизации или потери управляемости (хаотизация) в случае очередного шока (*Linkov et al., 2019*).

подвержены снижению робастности из-за инерционного упрощения структуры производства¹⁷⁶.

4) *Последовательность трансформаций в ходе поддержания резильентности*

Новая задача политики роста заключается в том, чтобы *пробести систему через внезапные шоки без прерывания роста или при минимальном ущербе*. Это требует непрерывной поддержки динамической устойчивости системы, охватывая процесс ее функциональных и поведенческих изменений до начала, во время и после внезапного шока. Последовательность этих трансформаций была впервые описана в 2012 г. в докладе американской Национальной академии наук, что легло в основу *наиболее универсального определения резильентного подхода к системным рискам* (Linkov, Trump, 2019). Под ним понимаются четыре стадии поддержания резильентного состояния экономики (рис. 13.4).

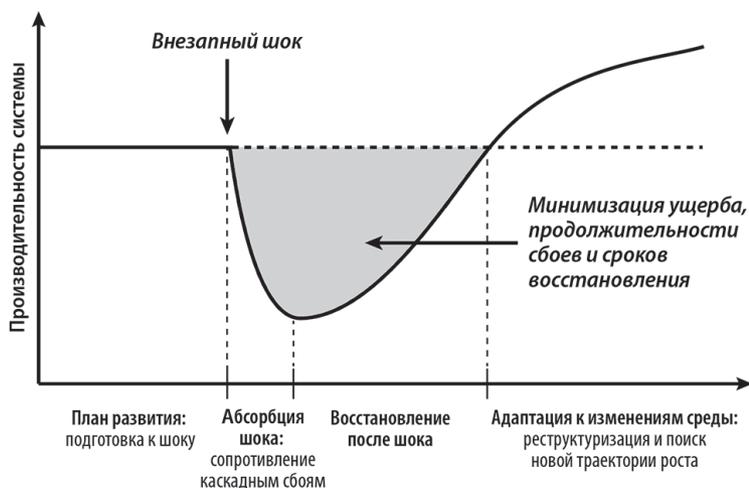

Рис. 13.4. Стадии поддержания резильентного состояния экономики в условиях системных рисков

Источник: адаптировано на базе: (Linkov, Trump, 2019).

176. Шоковая ситуация в мировой экономике, начавшаяся с военного конфликта на Украине 24 февраля 2022 г., не подтвердила, на наш взгляд, тезиса о большей резильентности (устойчивости к шокам) «малых рыночных экономик Европы» по сравнению с «иерархическим Китаем» и «высокоцентрализованной Россией» (примеч. редакторов).

Первая стадия — это подготовка системы к широкому разнообразию внезапных шоков с помощью проактивных мер, укрепляющих ее робастность и гибкость (включая инвестиции в избыточность). *Вторая* — это абсорбция негативных воздействий шока и сопротивление каскадным сбоям, т.е. мобилизация созданных механизмов робастности для предотвращения или сдерживание волны структурных нарушений. *Третья* — это восстановление после шока (если сбоев не удалось избежать) путем мобилизации резервных возможностей и механизмов дополнительной гибкости. *Четвертая* стадия предполагает целенаправленные меры по адаптации экономики к постшоковым изменениям среды и поиску новой траектории развития за счет рекомбинирования ресурсов и возможностей.

Последняя стадия лучше всего выражает *динамическую суть резильентного подхода*. Для выживания после мощного шока и падения выпуска системе важно совершить не только быстрый отскок на предкризисный уровень развития, но и рывок вперед для готовности к новым потрясениям, используя шоки как «окно возможностей» для реструктуризации и выхода на новую траекторию роста (OECD, 2020). Так, в 2020 г меры противодействия шоку пандемии открыли странам объективное «окно возможностей» для модернизации национальных систем здравоохранения и более интенсивного развития цифровых секторов, а также для выхода на новые экспортные рынки в ходе начавшейся перестройки глобальным бизнесом архитектуры и географии ГСЦ.

Следует при этом учитывать, что в условиях неопределенности спрогнозировать выбор системой будущей траектории развития крайне трудно. Однако это будущее можно сконструировать, направляя систему в более оптимальное русло через ее организационное и функциональное усложнения. Первое теперь осуществляют на базе мульти-агентного моделирования (Elsner et al., 2015), второе — путем поддержки более сложных видов экономической деятельности, выбранных на основе эволюционного принципа связности (relatedness) (Hidalgo, 2021). Во всяком случае, очевидно,

что задача наращивания экономической резильентности потребует перехода стран к *системной модели структурной политики*, когда в основе диверсификации и повышения инновативности экономики лежит развитие сетевых процессов и экосистемного производственного ландшафта (Сморodinская и др., 2020).

Подведем итоги проведенного исследования. Проблема резильентности систем, рассмотренная в данной главе, выходит за рамки традиционного мейнстрима, побуждая экономистов все шире обращаться к эволюционной парадигме и связанной с ней теории сложности. Согласно этой теории, резильентная система обладает *тремя особыми свойствами* — абсорбционной способностью (absorptive capacity), адаптивностью (adaptive capacity) и трансформативностью (transformative capacity), т.е. способностью к фундаментальному обновлению посредством дальнейшего усложнения (OECD, SIDA, 2017). Саму же резильентность следует рассматривать как *организационный принцип функционирования сложных систем, новый элемент политики роста и новый стандарт управления рисками в условиях неопределенности*.

Показательно, что задачу наращивания резильентности начинают официально признавать растущее число национальных правительств, особенно в Европе. Уже с прошлого года они стремятся в экономической политике шире следовать рекомендациям соответствующего проекта ОЭСР, а также примеру международного бизнеса, уже поставившего резильентные стратегии и новые стандарты управления рисками в практическую плоскость. В экономической политике России также необходимо направить усилия всех взаимодействующих акторов к разработке резильентных стратегий¹⁷⁷.

177. В российских условиях, как показывают исследования, стратегии резильентности должны «системно подойти к действующей институциональной матрице, представляющей собой систему стратегических регуляторов субъекта Российской Федерации (стратегия, схема территориального планирования, госпрограммы и т.д.) в едином портфеле «стратегия → госпрограммы → бюджет» (Толстогузов, Белых, 2021. С. 1), т.е. учитывать особенности нашей страны (примеч. редакторов).

Глава 14

ТЕОРИЯ НАРРАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ^{178, 179}

«Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром».
Джон Мейнард Кейнс

Введение

Инновационные системы объективно являются весьма сложными объектами для изучения. Соответственно, разработка рекомендаций по их развитию для экономической политики также не является простым делом. В данной главе мы представим возможности относительно новой синтетической методологии для анализа российской инновационной системы и ее применении в инновационной политике. Речь пойдет о таком междисциплинарном направлении, как нарративная экономика. Она представляет собой разновидность качественной методологии и может служить хорошим дополнением к уже известным количественным методам исследования инновационных систем.

Актуальность данной методологии связана с доказанными фактами все увеличивающегося влияния нарративов на процесс принятия решений экономическими акторами

178. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562, <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики».

179. Глава представляет собой адаптированную версию статьи: *Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2021). Возможности нарративной экономики в исследованиях российской инновационной системы // Terra Economicus. 19(4). С. 36–50.*

и тем самым на ход экономических процессов (Вольчик, 2017). Не только в экономике, но и в ряде смежных социальных наук широко обсуждаются проблемы так называемого «нарративного поворота». Исследования в этом направлении позволяют лучше понять правила, нормы и социальные институты, а также причины, по которым экономические акторы разного уровня, в том числе и в сфере экономической политики, следуют им.

14.1. Нарративный анализ как междисциплинарная методология

Многие новые направления в современной экономической науке возникают как результат междисциплинарных взаимодействий. Также происходит заимствование мейнстримом теорий и исследовательских подходов, которые долгое время развивались в рамках гетеродоксальных научных течений. Возникновение нарративной экономики представляет собой пример как междисциплинарного синтеза, так и заимствования (пусть и не всегда явного) и развития наследия оригинальной институциональной экономической теории.

В современной социологии нарративный анализ довольно широко распространен. Однако до последнего времени существовали почти непроницаемые барьеры между экономистами и социологами в плане обоюдного использования результатов внутридисциплинарных исследований. Имеющие же место междисциплинарные исследования, как было показано в главах 1 и 7, часто страдают или от «экономического империализма», или от невосприимчивости представителей различных дисциплин к чуждым концептам смежных социальных наук.

Научное направление, которое получило название «нарративная экономика», имеет большой потенциал для использования достижений социологической науки в плане анализа нарративов для более комплексного объяснения тех или иных экономических проблем и, соответственно, мероприятий для

их решения. В рамках данной главы предлагается концептуальная схема применения методологии нарративной экономики к анализу российской инновационной системы с тем, чтобы в дальнейшем применить полученные результаты для экономической политики в области инноваций.

Настоящее исследование российской инновационной системы учитывает опыт и опирается, с одной стороны, на значительную базу исследований как количественного и концептуального моделирования инновационных систем (Балацкий и др., 2017; Симачев, Кузык, 2021; Голиченко, 2014), так и на методологию и подходы качественных исследований (Симачев, Кузык, 2017; Ключарев, Чурсина, 2021; Dezhina, 2018). Также значительное влияние на формирование концепции нарративного анализа оказали работы, в которых социологи применяют количественный и качественный анализ СМИ (Барсукова, Коробкова, 2014; Латов, Латова, 2018). Развитие социологических и экономических инструментов анализа российской инновационной системы в рамках подхода нарративной экономики также связано с использованием богатого эвристического потенциала институциональной экономики, особенно в традиции оригинального (исходного) институционализма.

В рамках экономической науки внимание к нарративам в плане их использования для экономических исследований начало усиливаться последние пять лет. В 2017 году нобелевским лауреатом Робертом Шиллером был предложен термин для названия научного направления – «нарративная экономика», или Narrative Economics (Shiller, 2017), в рамках которого нарративы используются как важные данные для исследований широкого круга экономических феноменов. За время, прошедшее с начала использования этого термина, многие ученые начали применять концепты нарративной экономики в своих научных проектах и опубликованных статьях.

Для иллюстрации распространения исследований, посвященных нарративной экономике, был осуществлен ана-

лиз научных статей с использованием метода совпадений (co-occurrence). Отбор статей осуществлялся из баз данных Scopus и Web of Science (WoS) за июль 2017 – октябрь 2021 гг. по поисковому запросу «Narrative Economics». Всего было отобрано 19 статей из базы данных Scopus и 31 статья из базы данных WoS. Процедура построения ментальных карт, осуществленная с помощью программы VOSviewer, включала в себя два этапа: во-первых, извлечение терминов из аннотаций и ключевых слов статей и объединение их в единый текстовый корпус; во-вторых, выделение кластеров терминов на основе их совместной встречаемости в используемых текстах. При визуализации выделенные кластеры окрашиваются в разные цвета. Размер узла в сети зависит от количества появлений термина, к которому относится узел, в текстовом корпусе. На основе полученной ментальной карты можно сделать выводы о существующих внутри научной области тематических направлениях и их концентрации. Также данная ментальная карта позволяет выявлять междисциплинарные направления, которые на карте оказываются на пересечении кластеров.

На рис. 14.1 и 14.2 представлены результаты анализа ключевых слов в WoS и Scopus, основанные на количестве совпадений, по крайней мере, двух ключевых слов – речь идет о публикациях, в которых оба термина встречаются вместе. Таким образом, мы можем видеть, что в интересующей нас предметной области выделилось три основных тематических области по базе данных WoS и две тематических области по базе данных Scopus. Проанализировав ключевые слова в получившихся кластерах, мы пришли к выводу, что существуют отдельные исследовательские направления, связанные с нарративной экономикой, изучающие финансовые рынки, институциональную структуру экономики, а также сферу образования и науки.

Поскольку нарративная экономика как научное направление является новым и развивающимся, ее сферы исследований и методология находятся в стадии формирования. Можно

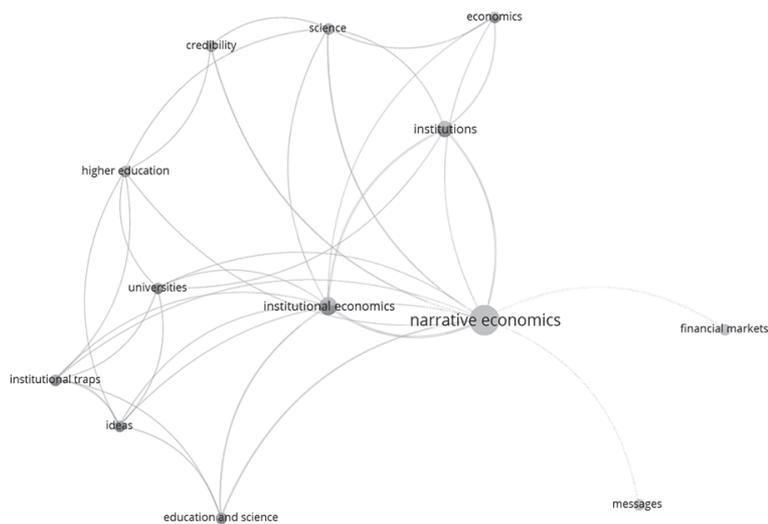

Рис. 14.1. Кластеризация ключевых слов (WoS)

Источник: составлено авторами.

Рис. 14.2. Кластеризация ключевых слов (Scopus)

Источник: составлено авторами.

констатировать, что имеет место значительное влияние на развитие нарративной экономики работ ее основоположника Роберта Шиллера. Например, развитие исследований, связанных с финансовыми рынками и в целом с финансовой сферой экономики, является прямым продолжением традиции, заложенной в его работах (Shiller, 2017; Shiller, 2019; Shiller, 2020).

Развивая нарративную экономическую теорию как новую междисциплинарную методологию, необходимо учитывать, что в социологии и других социальных науках нарративный анализ распространен и используется довольно широко. Трактовки нарративов у социологов отличаются разнообразием. Например, можно найти самое общее определение: «нарратив — это дискретная единица, с четкими началом и окончанием, выделяющаяся из остального текста» (Ярская-Смирнова, 1997. С. 38). В современной социологии распространенной является точка зрения, что нарративный анализ наряду также с биографический методом и конверсационным анализом основан на методологических принципах интерпретативной парадигмы и конструктивистском видении реальности (Троцук, 2014. С. 122). Для экономических исследований в нарративном анализе наибольшие перспективы имеют интерпретативный и конструктивистский аспекты, тесно связанные с институционализмом. В социальных науках параллельно существуют множество институционализмов, и наиболее близкими к оригинальной институциональной экономической теории являются исторический институционализм и конструктивистский институционализм, развивающиеся в рамках политической науки (Hay, 2009; Sanders, 2008). Большой вклад в развитие дискурсивного, интерпретативного или конструктивистского институционализма внес российско-французский исследователь В.М. Ефимов. Опираясь на традицию Дж. Коммонса, он развивает теорию и методологию качественных исследований дискурсов акторов как «свидетелей и судей», которые своими действиями и интерпретациями институтов создают социальную реальность (Ефимов, 2016).

Нарратив в экономической теории может рассматриваться с двух позиций: как источник качественных данных о поведенческих паттернах в тех или иных социальных контекстах, а также как упрощенная модель, в сжатой форме представляющая собой позицию той или иной научной традиции (научный нарратив). Экономисты могут использовать

нарративы в процессе специфического *сторителлинга* (рассказывания историй) для продвижения тех или иных экономических идей среди широкой общественности и особенно среди лиц, принимающих политические и экономические решения. Именно поэтому мы решили уделить нарративной экономике особое внимание в данном разделе монографии, посвященному экономической политике. «Сторителлинг через нарративы – это надежный способ организации и передачи нашего понимания экономики. Нарративы предлагают ценный способ развития, представления и распространения наших теорий – нарративы не являются фактами без теории» (Whalen, 2021. P. 261).

Если рассматривать нарратив как разновидность истории, то здесь необходимо заметить, что в лингвистике довольно хорошо разработаны критерии отнесения текста к истории и не к истории. Известный экономист Дейдра Макклоски приводит три характерные черты истории (*story*), выделенные Джеральдом Принсом (Prince, 1973. P. 31). История, по Принсу, должна содержать три соединенных между собой события, из которых «первое и третье являются состояниями [типа «Корея была бедной страной»], второе – активное действие [типа «затем корейцы многому научились»]. Третье событие, в свою очередь, представляет собой инверсию первого [«В результате Корея стала богатой»].. Все три события связаны конъюнктивными конструкциями таким образом, чтобы (а) первое событие предшествовало второму во времени, а второе – предшествовало третьему, и чтобы (б) второе событие служило причиной третьего» (Макклоски, 2015. С. 19).

Согласно современной нейронауке, у человека эволюционно формируется зависимость от нарративов, потому что они позволяют оценивать мнения и мотивы других людей для выбора успешной стратегии поведения в социальных группах (James, 2021. С. 93). Поэтому с помощью нарративов наподобие вирусов хорошо распространяются не только мнения, но верования и идеи, которые, в свою очередь, могут значительно влиять на поведение акторов. В случае возникновения условий

для возрастающей отдачи, нарративы (как безвредные, так и ложные) могут циркулировать длительное время вследствие зависимости от предшествующей траектории развития (*path dependence*).

В современных социальных науках сложились разные школы, которые используют нарративный анализ. В экономической теории сложилось три подхода к анализу нарративов. Первые два рассматривают нарративы как релевантные феномены (*Juille, Jullien, 2017. Pp. 285–288*) с присущими им следующими характеристиками. При первом подходе нарративы понимаются как социальные контексты, идеи или правила, влияющие на структурирование экономических взаимодействий, политику и, следовательно, на общественное благосостояние (*Akerlof, Snower, 2016; Shiller, 2017; Mukand, Rodrik, 2018*). Второй подход рассматривает нарративы преимущественно как дополнительные моральные ограничения, опосредующие экономический выбор и, следовательно, оказывающие положительное или отрицательное воздействие на эффективность экономического поведения (*Bénabou, Falk, Tirole, 2018*). Третий подход акцентирует внимание на трансляции нарративов как упрощенных экономических теорий: нарративы в этом случае понимаются как протомодели, используемые для более доступного понимания широкой аудитории содержания экономических и социальных теорий и концептов (*Shiller, 2019; Whalen, 2021; Тамбовцев, 2017*). На наш взгляд, именно первый и третий подходы наиболее релевантны исследовательской программе нарративной экономики. На их основе нарративы можно разделить на два типа: а) как источник качественных данных о социальном контексте и институтах, б) как упрощенные экономические протомодели.

В работе Дж. Акерлофа и Д. Сноуера в наиболее явном виде дается подробный анализ нарративов через призму социального контекста, который они отражают и транслируют во времени, через репликацию и распространение историй в том или ином обществе (*Akerlof, Snower, 2016*).

Методологи экономической мысли выделяют в этом случае следующие причины, согласно которым нарративы полезны для объяснения того, как акторы, в том числе политические, принимают решения: «Нарративы помогают людям 1) понимать окружающую социальную среду, 2) концентрировать внимание, 3) предсказывать события и 4) мотивировать действия. Кроме того, они помогают установить и поддерживать 5) социальную идентичность, 6) властные отношения и 7) социальные нормы» (*Juille, Jullien, 2017. P. 285*).

Связь нарративов с социальными нормами или правилами является наиболее важной для исследований, которые используют нарративы как источник качественных данных о правилах. Именно благодаря явным и неявным правилам формируются и стабильно развиваются социальные порядки. Фридрих фон Хайек выделял три вида таких правил: «1) Правила, которые просто соблюдаются, но никогда словесно не излагаются; если мы говорим о «чувстве справедливости» или о «чувстве языка», мы имеем в виду правила, которые мы способны применять, но в точности не знаем. 2) Правила, хотя и изложенные словесно, но лишь приблизительно выражающие то, что задолго до этого всеми соблюдалось на деле. 3) Правила, которые были введены намеренно и поэтому непременно существуют в словесной форме, построенной в виде предложений» (*Хайек, 2020. С. 453*).

Использование нарративов, отражающих экономические теории, позволяет улучшить восприятие студентами моделей и теоретических концептов при изучении вводных курсов микро и макроэкономики (*Frank, 2012*). Через истории или нарративы студенты не только лучше усваивают материал, но и получают более глубокое понимание действия экономических механизмов в их связи с социальными, культурными и политическими контекстами.

Однако следует отметить и ограниченность подхода, рассматривающего нарративы или истории как модели. В этом случае возникают следующие трудности, связанные с: «1) выводением результатов анализа за пределы научного знания;

2) невозможностью осуществлять познавательные действия на модельном уровне, перенося полученные знания на изучаемый объект; 3) ограниченной убедительностью метафорически изложенных утверждений» (Тамбовцев, 2017. С. 17). В случае если теория воспроизводится в нарративах и становится вирусной, их широкое распространение более значимо, чем изначальное соответствие теории и описываемым социальным феноменам. Более того, если нарратив мультиплицирует ложное знание, он становится не менее, а может, и более влиятельным в плане воздействия на институциональные и экономические изменения. Примером может служить нарратив «о первоначальном накоплении капитала», основанный на идеях марксистской политической экономии, который использовался для объяснения политических и экономических процессов в 90-х годах XX в. в России при переходе к рыночной экономике.

Исследовательское поле нарративной экономики шире, чем подход оригинального институционализма, в рамках которого широко распространен анализ дискурсов и нарративов в ходе полевых и исторических исследований институциональной структуры экономики (Ефимов, 2016; Maslov, Volchik, 2014). Более того, родоначальники нарративной экономики Р. Шиллер, Дж. Акерлоф, Д. Сноуер в своих работах не обращаются и не цитируют представителей оригинального институционализма. Однако фактически родоначальники нарративной экономики, формулируя ее теоретические рамки, продолжают традицию оригинального институционализма в плане исследования дискурсов акторов, в частности, содержащихся в нарративах. Р. Шиллер, Дж. Акерлоф, Д. Сноуер, являясь представителями мейнстрима в экономической теории, удачно интегрируют качественные и количественные исследования нарративов с традиционным экономическим моделированием. Поэтому исследования нарративов не заменяют моделирования, а дополняют его, вводя в анализ новые данные и дополняя модели, что способствует более полному пониманию тех или иных процессов в экономике и принятию необходимых политических решений.

14.2. Проблемы российской инновационной системы и инновационной политики через призму нарративов

Развитие российской инновационной системы и управление ею — это сложный процесс, связанный со множеством экономических переменных и показателей, и, в то же время, зависящий от эволюции формальных и неформальных правил, влияющих на поведение ее основных акторов.

В рамках нашего исследования мы анализируем нарративы о российской инновационной системе, которые циркулируют в средствах массовой информации и интернет-ресурсах. Внимание к этой среде связано с тем, что в эпоху «цифровой экономики» здесь формируются и массово распространяются мнения относительно путей развития и способах управления инновациями в России. Однако в политической деятельности циркулирующие здесь мнения, определяющие отношение и поведение акторов инновационной системы, практически не учитываются. Выявление характерных нарративов в этой среде позволит соотносить принимаемые решения в сфере экономической политики с распространенными в обществе установками, что, возможно, позволит скорректировать принимаемые решения в сфере инновационной политики и сделать их более эффективными.

В данном исследовании методология нарративного анализа в экономике была нами усовершенствована, она включает в себя ряд последовательно осуществляемых процедур.

На первом этапе определяется круг значимых и влияющих на социальные процессы источников, которые содержат нарративы. Здесь главной проблемой является ограничение всех доступных источников, потенциально содержащих нарративы, кругом наиболее влиятельных. Отбор таковых осуществляется на основе общедоступных рейтингов СМИ и интернет-ресурсов. В нашем случае эмпирической базой для изучения нарративов о российской инновационной системе послужили 43 рейтинговых источника средств мас-

совой информации, журналов, Интернет-ресурсов, содержащихся в электронной базе данных периодических источников информации «Интегрум». Отбор круга значимых, влияющих на социальные процессы источников, которые содержат нарративы, осуществлялся с помощью системы мониторинга и анализа СМИ «Медиалогия»: «Федеральные СМИ: 2020 год»¹⁸⁰. Временной период для поиска нарративов был выбран с 1 января 2010 г. о 1 июля 2021 г.

На втором этапе разрабатываются процедуры для выявления релевантных нарративов, определяются соответствующие ключевые слова и концепты, а затем выделяются релевантные нарративы, подлежащие качественному и количественному анализу. С целью выявления нарративов из базы источников проводился поиск по 30 ключевым словам, представленным в табл. 14.1.

На третьем этапе определяется степень вирусности¹⁸¹ и влияния нарративов, а также их связь со значимыми правилами и институтами. Этот этап является одним из самых важных, так как позволяет косвенно подтвердить или опровергнуть влияние того или иного нарратива на поведение акторов в изучаемой нами инновационной сфере. На этом этапе в результате поиска по ключевым словам выявляются наиболее часто встречающиеся нарративы, которые циркулируют во влиятельных средствах массовой информации и интернет-ресурсах. Одним из показателей вирусности нарративов является индекс заметности (рис. 14.3).

Данные индекса заметности, полученные в СКАН-ИНТЕРФАКС¹⁸², показывают, что динамика найденных нами публикаций в системе ИНТЕГРУМ за десятилетний период хорошо соотносится с результатами индекса заметности. Это следует из того, что (как видно на рисунке) индекс заметно-

180. Медиалогия (<https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/8058> (дата обращения: 09.09.2022)).

181. «Вирусность» (термин принят в интернет-среде) нарратива означает его свойство широко распространяться без усилий со стороны его автора – за счет того, что пользователи сами охотно делятся им с другими (примеч. редакторов).

182. <https://web.scan-interfax.ru> (дата обращения: 09.09.2022).

Таблица 14.1. Ключевые слова для поиска нарративов о российской инновационной системе и инновационной политике

№ п/п	Ключевое слово	Количество публикаций по топ СМИ (газеты и журналы) и топ интернет-ресурсам с 01.01.2010 г. по 01.07.202 г. с перепечатками	Количество публикаций по топ СМИ (газеты и журналы) и топ интернет-ресурсам с 01.01.2010 г. по 01.07.2021 г. без перепечаток
1	«инновационные технологии»	6620	5911
2	«развитие технологий»	6108	5327
3	«наука и технологии»	5142	4561
4	«научные разработки»	2689	2269
5	«внедрение технологий»	1892	1670
6	«научные школы»	1759	1552
7	«инновационная деятельность»	1554	1381
8	«новые технологии» and «наука» and «бизнес»	1536	1251
9	«инновационная экономика»	1290	1157
10	«внедрение инноваций»	1116	966
11	«инновационная система»	1025	900
12	«инновационные предприятия»	958	862
13	«технологии будущего»	952	820
14	«наука и инновации»	820	696
15	«развитие инноваций»	800	687
16	«национальные проекты» and «инновации»	750	638
17	«инновационный кластер»	670	594
18	«наукоемкие производства»	427	362
19	«инновационная политика»	404	358
20	«наука и бизнес»	382	331
21	«инновации и технологии»	280	233
22	«инновационное предпринимательство»	223	189
23	«спрос на инновации»	216	181
24	«управление инновациями»	173	152
25	«использование патентов»	127	111
26	«наука и предпринимательство»	86	73
27	«внедрение научных разработок»	68	65
28	«коммерциализация научных разработок»	64	60
29	«внедрение изобретений»	50	44
30	«коммерциализация инноваций»	46	40

Источник: составлено авторами в результате исследования на основе результатов поиска в электронной базе данных периодических источников информации «Интегрум».

сти по трем наиболее популярным запросам (ключевым словам) по количеству публикаций с 2005 г. значительно выше индекса по трем наименее популярным запросам (ключевым словам), которые использовались для поиска публикаций в системе ИНТЕГРУМ и представлены выше, в табл. 14.1.

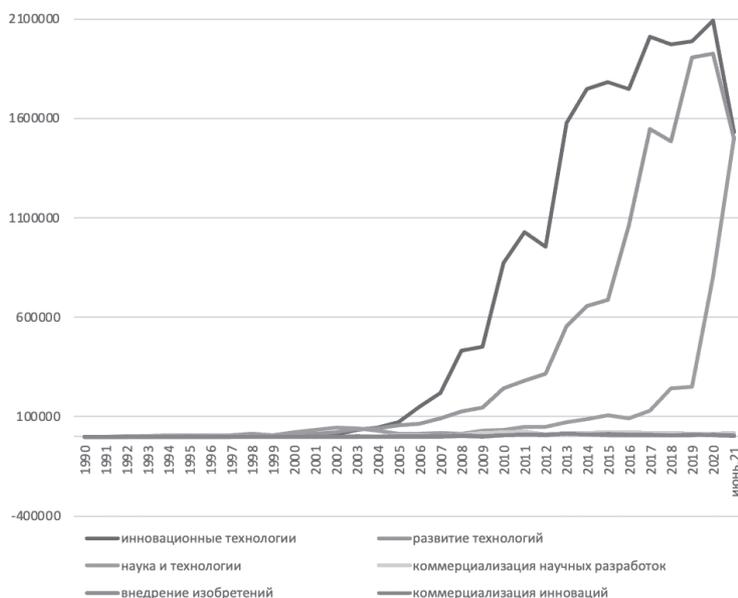

Рис. 14.3. Динамика индекса заметности по трем наиболее популярным («инновационные технологии», «развитие технологий», «наука и технологии») и трем наименее популярным («коммерциализация научных разработок», «внедрение изобретений», «коммерциализация инноваций») запросам, или ключевым словам

Источник: составлено в результате исследования на основе индекса заметности СКАН-ИНТЕРФАКС (<https://web.scan-interfax.ru> (дата обращения: 09.09.2022)).

На четвертом этапе выделяются и систематизируются проблемные ситуации, связанные с изучаемой научной темой и распространением релевантных нарративов. В ходе анализа проблемные ситуации делятся на две группы: центральные проблемы и составляющие центральных проблем. Данный

этап является, пожалуй, наиболее трудоемким, так как приходится «физически» читать и анализировать большое количество текстов, отобранных ранее. В ходе анализа отобранных на втором этапе текстов мы отобрали 1149 нарративов, которые были классифицированы по шести центральным проблемам (табл. 14.2).

Таблица 14.2. Центральные проблемы российской инновационной системы (РИС)

№ п./п.	Центральные проблемы РИС, выявленные через анализ нарративов	Количество
1	Государственное управление инновационной деятельностью	295
2	Выбор тематики и направлений исследований	292
3	Спрос на инновации	229
4	Институциональная структура и конкурентная среда для инноваций	202
5	Проблема кадров для исследовательской и инновационной деятельности	80
6	Проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью	51

Источник: составлено авторами в ходе исследования.

Данные табл. 14.2. показывают, что, согласно циркулирующим в обществе нарративам, государственное управление инновационной деятельностью, отражением которого служит инновационная политика, является наиболее проблемной областью развития инноваций в России.

На пятом этапе оценивается влияние нарративов, идей, правил и институтов на выявленные проблемные ситуации в выбранной сфере экономической инновационной деятельности. В ходе анализа анализируются сюжеты и идеи, связанные с релевантными для данной сферы правилами и институтами. Далее проводится анализ того, как происходящие процессы и поведение акторов связаны с выявленными правилами и институтами. На этом этапе также происходит проверка релевантности, истинности и ложности нарративов относительно экономических и социальных процессов. Оценивается влияние

распространения нарративов на экономические и социальные показатели развития в выбранной сфере деятельности.

Последний, пятый этап является наиболее важным с точки зрения экономической политики в сфере инноваций. С одной стороны, он является заключительным для теоретического экономического исследования. С другой стороны, он является начальным для выработки политических рекомендаций. В этом случае здесь целесообразна совместная работа теоретиков и управленцев с целью перевода полученного знания в практическую плоскость и выработки необходимых рекомендаций для инновационной политики.

Так что, с одной стороны, анализ нарративов позволяет решать исследовательские задачи, например, выявить, как различаются мнения о процессах в инновационной системе с реальным положением дел, или проверить гипотезу о том, что, например, недоверие экономических агентов к правительству и проводимой им политике может являться одной из причин технологической отсталости страны (Балацкий, 2012а).

С другой стороны, целесообразно использование результатов анализа нарративов о проблемах и источниках роста в инновационной сфере в инновационной политике. Здесь важным является синтез качественного нарративного анализа с количественными формальными моделями. Нарративы как источники качественных данных дают возможность идентифицировать как особенности поведения, так и наиболее распространенные поведенческие паттерны у акторов в инновационной сфере РФ. Использование этих данных в формальных моделях является перспективным направлением развития последних.

14.3. Нарративы, экономическое моделирование инновационных систем и инновационная политика

Наша позиция заключается в том, что использование концептов, исследовательских инструментов и результатов исследований нарративной экономики не заменяет результаты традиционного экономического моделирования тех или

иных экономических процессов. Мы полагаем, что нарративный анализ, в данном случае российской инновационной системы, должен соотноситься, дополнять и расширять объяснительные возможности моделирования, которое довольно хорошо развито.

В российской научной среде накоплен и постоянно пополняется большой массив количественных и качественных данных об инновационной системе и проводимой в стране инновационной политике. Так, ведущие социологические центры проводят социологические исследования, собирают и анализируют данные о различных аспектах развития инновационной сферы, в то время как, например, экономические институты формируют региональные инновационные рейтинги, разрабатывают системы индикаторов и исследуют особенности инновационной экономической политики (табл. 14.3).

Понятие «национальная инновационная система» требует выявления как качественных, так и количественных различий между странами и явно предполагает, что каждая национальная система является результатом большого количества взаимосвязанных институтов с различным географическим расположением, каждый из которых характеризуется неодинаковыми возможностями. Гетерогенность указанных аспектов делает невозможным отразить специфику национальных инновационных систем через единственный показатель, который включал бы в себя исчерпывающую информацию о них (*Archibugi, Coco, 2005*). К тому же сложности построения агрегированных показателей порой препятствуют и проведению эффективной инновационной политики. Так, известная трудность связана со сложностью определения «технологического фронта — критической отметки, после преодоления которой целесообразно переходить от заимствования чужих технологий к собственным разработкам» (*Balatsky, 2021*). Другой проблемой является «идентификация болевых точек национальных научно-технологических систем, которые не позволяют им продвигаться по пути дальнейшего прогресса» (*Балацкий и др., 2017*).

Таблица 14.3. **Центры изучения российской инновационной системы и тематика их исследований**

Научно-исследовательские центры, изучающие российскую инновационную систему	Характеристика исследований
Федеральная служба государственной статистики	Аналитические обзоры, ежегодные обследования инноваций. Официальная статистическая информация/Наука, инновации и информационное общество/ Наука и инновации), базы данных: ЦБСД (Центральная база статистических данных Росстата); ЕМИСС (Единая межведомственная информационно-статистическая система).
Институт социологии РАН	Группировка показателей инновационного процесса: прямые (данные об инновационной деятельности) и косвенные (данные о научной и образовательной деятельности) (<i>Ключарев, 2021</i>).
НИУ ВШЭ	Рейтинг инновационного развития регионов (РРИИ) Российской Федерации
ВЦИОМ	Аналитические обзоры, опросы населения по теме инноваций
ЦЭМИ РАН	Методика определения результативности инновационной деятельности регионов и их влияния на развитие страны (<i>Голиченко, 2012; Голиченко, Бальчева, 2012</i>) ³
Институт экономики РАН	Стратегическое управление научно-технологическим развитием, инновационные рейтинги регионов (<i>Перспективы инновационного развития российских регионов, 2012; Политика регионального развития...</i> , 2018; <i>Ленчук, 2021</i>).
Сколтех: Аналитический департамент научно-технологического развития	Разработка синтетических индикаторов технологического развития (<i>Дежина, Киселева, 2008</i>)
Финансовый университет при Правительстве РФ	Методика расчета степени концентрации финансовых ресурсов НИОКР (<i>Юревич, 2019</i>); метод оценки технологического фронта; интерпретация технологических сдвигов в терминах теории технологических ловушек (<i>Балацкий, 2012b</i>)
Ассоциация инновационных регионов России	Рейтинг инновационных регионов России (АИРР)

Источник: составлено авторами.

Однако, несмотря на эти ограничения, использование агрегированных показателей является распространенной практикой при моделировании национальных инновационных систем (среди них ВВП, инновационные индексы, индекс человеческого развития и др.). Кроме того, применение «точных цифр» при условии, что значения отдельных статистических индикаторов как достоверных показателей развития

инновационной системы удовлетворяют требованию репрезентативности и согласованности, несомненно, повышает убедительность аргументации при моделировании, помогает понять реальность определенных ситуаций и может быть использовано в разработке стратегических решений, а также для проверки различных и даже конкурирующих гипотез.

Содержательный анализ научных публикаций, посвященных исследованию инновационных систем на основании традиционного экономического моделирования, позволил выявить четыре типа моделей на основе общности выводов: макроэкономическое моделирование инновационных систем, моделирование роста за счет развития инновационных систем, моделирование инновационной активности фирм, моделирование институциональных факторов развития инновационных систем (Вольчик и др., 2021b). Одновременно удалось выявить и обобщить типичные и специфические ограничения моделирования национальных инновационных систем (НИС), которые проявляются независимо от типа используемых формальных моделей (рис. 14.4).

Рис. 14.4. Ограничения моделирования НИС

Источник: Вольчик и др., 2021а.

Возможность синтеза результатов, полученных с помощью качественного нарративного анализа и на основе математического моделирования, осложняется, однако, рядом факторов. Во-первых, имеет место расхождение между теми индикаторами, которые часто встречаются в нарративах при исследовании инновационной сферы, и теми индикаторами развития НИС, которые используются при формальном моделировании. Это выражается в невозможности применения при формальном моделировании ряда индикаторов, полученных из нарративов.

Вторым фактором является критика результирующих индикаторов в экономико-математических моделях. Несмотря на, казалось бы, формальный и в этом смысле объективный характер моделей, выбор результирующих индикаторов сильно зависит от оценочных суждений ученых, а также от доступности данных, а не от строгих теоретических предположений. В то же время имеющиеся подходы к моделированию НИС, несмотря на методологические различия и потенциальную субъективность, добавляют различные компоненты, причем относительная важность каждого выделенного компонента по-разному учитывается различными исследовательскими группами. Анализ экономико-математических моделей, несмотря на то, что они построены разными авторами и коллективами, показывает, что различные подходы имеют существенное сходство, многие индикаторы идентичны, а это свидетельствует о достижении определенного консенсуса среди ученых относительно наиболее важных компонентов НИС, которые должны учитываться при их моделировании.

Еще одна трудность сопоставления результатов нарративного анализа и формального моделирования связана с тем, что моделирование НИС опирается на статистические источники, надежность которых неодинакова для разных стран. Фактически, выбор факторов для включения их в модель напрямую связан с количеством принимаемых во внимание стран: чем больше стран учитывается, тем более проблематичным становится поиск единообразных удовлетворитель-

ных показателей. Для ограниченной группы развитых стран (например, стран ОЭСР) доступно большое количество индикаторов, их характеризует также высокая надежность данных. Однако модели, применяемые для стран ОЭСР, не могут быть использованы для развивающихся стран по той простой причине, что соответствующие данные недоступны (*Archibugi, Cocco, 2005*). С этой точки зрения нарративный анализ не подвержен подобным рискам.

Различные подходы и отдельные исследовательские группы заинтересованы в исследовании разных аспектов НИС, и это проявляется как в выборе соответствующих методов анализа, так и в результатах. У моделирования и анализа нарративов есть точки соприкосновения, где оба метода дают сопоставимые выводы: относительно финансирования НИОКР, наличия лагов в инновационных циклах, результативности РИС (*Вольчик и др., 2021а*). Методологическое разнообразие помогает лучше понять структуру НИС, поэтому очевидно, что необходимо использовать преимущества качественных и количественных подходов для лучшего понимания сложных взаимосвязей при анализе НИС.

Использование моделей при анализе НИС полезно с точки зрения формального представления ее составляющих, но качественные данные, полученные в том числе из нарративов, могут дополнять количественный подход и формальное моделирование, поскольку они: дают априорные предположения о значимых элементах, которые следует включать в модели, и о том, каких результатов от них ожидать; дают понимание, какие показатели использовать (например, при анализе нарративов выявлена проблема, что из России множество ученых уезжают еще на этапе обучения и, следовательно, сделан вывод, что показатель количества учащихся в связи с этим использовать некорректно, лучше использовать численность научных кадров); проверить адекватность модели реальности (например, многие модели дают результат, в котором институты незначимы, но в то же время существенная часть нарративов посвящена проблемам законода-

тельства, регулирования, бюрократии, уровню свободы и т.д.); могут отвечать на вопросы, которые количественно измерить трудно (например, фактически отсутствует моделирование спроса на инновации, тогда с помощью нарративов мы выясняем, что спрос со стороны бизнеса, населения очень мал; или проблема утечки умов, данные по которой отсутствуют или противоречивы, зато есть множество экспертных суждений о том, как это влияет на НИС); дают возможность пересмотра гипотез в процессе исследования, анализа скрытых процессов, мифов и стереотипов, а также оценки эффектов экономической политики.

В случаях, когда модели и нарративы сходятся в выводах, количественный подход имеет практическую значимость. Например, обоими методами получен вывод о том, что есть различие между государственным и частным финансированием, тогда с практической точки зрения можно ставить конкретные вопросы (насколько один вид финансирования эффективнее другого; какой объем государственных средств эквивалентен одной единице частных средств с точки зрения влияния на производство инновационной продукции).

Обратим также внимание еще на два подхода использования нарративов наряду с формальным моделированием: *ex ante* и *ex post*.

В рамках подхода *ex ante* формулируются априорные предположения на основе анализа нарративов и выделения значимых проблемных ситуаций, затем проводится моделирование. Его выводы проверяются на адекватность через сравнение с выводами нарративов. Если модель полна и адекватна, ее выводы имеют большую вероятность быть использованными на практике.

В рамках подхода *ex post* нарративный анализ проводится в части проблемной области и выводов той или иной модели. С помощью нарративов мы дополняем объяснительные гипотезы в плане интерпретации моделируемой ситуации с учетом правил, норм и ценностей, которые акторы считают значимыми. Нарративы позволяют выявить

релевантные мотивы поведения акторов НИС и сформулировать возможности его коррекции, учесть интересы и мнения о проблемах разных акторов.

Моделирование инновационных систем строится на анализе механизмов, количественных результатов и показателей, относящихся к различным аспектам создания, внедрения и коммерциализации инноваций. Нарративный анализ позволяет дать значимую интерпретацию динамики показателей и результатов моделирования. Например, рост патентных заявок и выданных патентов очень специфически согласуется с ростом их использования. Анализ нарративов и дискурсов акторов российской инновационной системы показывает, что на практике патенты часто используются в качестве «инструмента отчетности», и рост их количества связан с «гонкой за показателями». Подобная политика работы на показатель наряду с высокими бюрократическими и административными барьерами дестимулирует реальную патентную активность изобретателей и препятствует использованию результатов интеллектуальной собственности в бизнесе (Вольчик, 2021. С. 67).

Подведем итоги проведенного исследования. Развитие и распространение подходов нарративной экономики зависит от продуктивности ее методологии в объяснении традиционных для экономистов проблем, а также расширения круга вопросов, связанных с экономическими и институциональными изменениями.

Для экономической науки развитие нарративной экономики формирует обнадеживающие перспективы в плане более широкого использования качественных методов в исследованиях. Экономическая теория — это наука о выборе при использовании ограниченных ресурсов, и такой выбор также зависит от правил, идей и институтов, которые релевантны для акторов. Через изучение и интерпретацию нарративов или историй мы можем лучше понимать, какие поведенческие модели актуальны в тех или иных ситуациях выбора, обусловленного влиянием социальной среды. В соответствии

с этим можно выстроить более адекватную политику управления развитием инновационной системы России. Таким образом, нарративная экономика является полезной и для экономической политики.

Широкое распространение электронных средств коммуникации создает условия для очень быстрой передачи нарративов, которые могут принимать в современных условиях форму коротких сообщений, и даже мемов. Использование потенциала контент-анализа, а также дискурсивного и интерпретативного методов может в будущем значительно обогатить моделирование экономических процессов и управление ими.

Глава 15

«СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ» КАК РЕЗУЛЬТАТ РИТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

«Институты представляют собой не столько инструмент, призванный служить нашим интересам, сколько символ нашей идентичности, показывающий окружающим, кто мы и каковы наши ценности».

Рональд Коуз, Нин Ван

Введение

Данная глава посвящена рассмотрению «социализма с китайской спецификой» (有中国特色的社会主义, ю чжунго тэсэдэ шэхуэйчжун) — одной из наиболее часто употребляемых в официальных государственных и партийных документах Китайской Народной Республики (КНР) идеологией. Появление этой идеологии сопровождало инициирование Коммунистической партией Китая (КПК) после 1978 г. полномасштабной реализации стратегии реформ и открытости и позволило при этом избежать фундаментальных рисков и угроз идеологическим основам легитимации власти КПК. Формирование данной идеологии мы рассматриваем как пример успешного *риторического синтеза* в экономической политике, позволившего достичь поставленных стратегических целей и при этом минимизировать риски возможного отторжения проводимых мероприятий.

Вводя понятие риторического синтеза, мы отталкиваемся от представлений об экономической науке (и экономической политике!) как о наборе устоявшихся речевых практик и риторических приемов. Как показала Дейдра Макклоски (Макклоски, 2015), выживаемость экономических теорий и политических проектов зависит не только от

их научной доказуемости, но и от риторической убедительности и способности к выстраиванию дискурсов. Таким образом, мы предполагаем, что синтез в экономической теории и экономической политике возможен не только на уровне методологий, но и на уровне создания соответствующих дискурсивных практик, примиряющих полярные точки зрения.

15.1. Нормативная экономическая наука и экономическая политика

Прежде всего полагаем необходимым сделать некоторые уточнения относительно целесообразности рассмотрения идеологии социализма с китайской спецификой как явления в контексте вопроса о синтезе в экономической теории и экономической политике. Они отсылают нас к дискуссиям об устойчивости внутридисциплинарных барьеров, делающих экономическую науку высоко сегментированной отраслью знания. Говоря же о барьерах внутри экономической науки, необходимо различать нормативную и позитивную экономические теории, т.к. природа возникновения барьеров внутри каждой из них различна. Рискнем утверждать, что любая экономическая теория, беря на себя роль базисной модели для той или иной стратегии реализации экономической политики, и тем более экономических реформ, вынуждена переходить обозначенную Джоном Невиллом Кейнсом и осмысленную Милтоном Фридманом в его знаменитом программном тексте «Методология позитивной экономической науки» (Фридмен, 1994) границу (единственную легко преодолимую) между позитивной экономической наукой и нормативной, от суждений о том, «что есть» к тому, «что должно быть». Экономическая политика как акт, реализуемый в политическом пространстве, нуждается в оправдании, некоей идейной легитимации целей, на достижение которых направлено то или иное действие. Так, известны исследования, доказывающие связь между провалами реализации той или иной макроэкономической политики и сложностями ее восприятия со стороны общества. Например, среди причин про-

вала политики количественного смягчения в Японии порой называют поведенческие привычки японских инвесторов (*Greenwood*, 2017. Р. 18). Многие вещи, кажущиеся консенсусным мнением для экономистов, представляющих экономический мейнстрим, отнюдь не всегда находят аналогичную поддержку в обществе. При этом прослеживается определенная корреляция между наличием экономического образования и поддержкой рыночных институтов (*Vranceanu, Bartheélemy*, 2012). Таким образом, нормативная экономическая наука оказывается необходимым звеном между позитивной экономической наукой и экономической политикой, т.к. последняя нуждается в источнике доступных для понимания неэкономистами объяснительных моделей — тех самых понятных нарративов как «протомоделей экономики», о которых шла речь в предыдущей главе.

Будучи частью аргументации «за» и «против» той или иной стратегии, нормативная экономическая теория оказывается разделенной внутри себя барьерами между сторонниками разных аргументов. Политизация дискурса¹⁸³, а порой и радикальная поляризация политического поля, превращает эти барьеры в «берлинские стены», — фундаментальные, но, безусловно, не обязательно нерушимые.

Не стоит полагать, что позитивная экономическая наука не состоит также из разобщенных исследовательских направлений и исследований, сложно сопрягаемых друг с другом. Исследуя «что есть», она уповает на силу эконометрики (о феномене «эконометриковерия» в современной экономической науке см.: (*Капелюшников*, 2018а)), а отдельные достоверные с точки зрения эконометрики результаты не

183. Известным примером участия профессиональных экономистов в политическом процессе, легитимирующих свои высказывания через академические регалии, служит авторская колонка нобелевского лауреата по экономике Пола Кругмана в *The New York Times*, где он критиковал политику Дональда Трампа на посту Президента США и даже предсказывал, что американские фондовые рынки никогда не восстановятся после победы Трампа на президентских выборах 2016 года (*Krugman*, 2016). Также можно вспомнить коллективное письмо 1 тыс. профессиональных экономистов США с призывом к избирателям не поддерживать кандидатуры Дональда Трампа на президентских выборах (*Duffy*, 2020).

обязательно складываются в единую картину мира. Цитируя Р.И. Капелюшникову, «типичный» современный экономист живет в мире расколотой, «балканизированной» реальности, где каждый фрагмент существует по большей части отдельно от других» (Капелюшников, 2018а. С. 16). Джордж Акерлоф вместо «балканизации» говорит о «чрезмерной специализации» как экономических исследований, так и самих исследователей и научных структур, прослеживая это на увеличении числа узкоспециализированных журналов. Говоря о причинах явления, он выстраивает следующую логическую цепочку: экономисты видят свою науку среди прочих социальных наук наиболее приближенной к тому, что, вслед за Огюстом Контом, мы называем точными, или жесткими (*hard*), науками, обладающей мощными аналитическими инструментами, которые гарантируют достоверность полученных результатов. В стремлении сохранить высокий статус экономической науки экономисты избирают консервативные пути, опираясь на уже имеющиеся методологические и теоретические основы своей науки. «Смещение в сторону жесткости способствует и чрезмерной специализации. Специалисты широкого профиля вынуждены следовать стандартам точности в нескольких областях, тогда как специалистам узкого профиля достаточно учитывать стандарты только одной. По этой причине придерживаться принципов жесткости легче узким специалистам, чем «универсалам». Чем выше предвзятость в пользу жесткости, тем больше должна усиливаться специализация в экономике» (Акерлоф, 2021. С. 109).

Таким образом, фрагментирована не только и не столько сама экономическая наука, сколько поле производства и использования экономического знания¹⁸⁴. Фрагментацию

184. Разделяя понятия науки и поля производства науки, мы основываемся на теории П. Бурдье, который описывал науку как процесс функционирования поля символического производства (Бурдье, 2005. С. 475). Для него поле социальных наук – это пространство соперничества за право выносить авторитетные суждения не только между учеными, но и между учеными и другими «*opinion makers*»: журналистами, писателями, политиками и т.д., всеми, кто стремится «с помощью различных символических средств и с разными шансами на успех навязать свое видение социального мира» (Бурдье, 2005. С. 520–521). Следуя логике моно-

можно считать следствием естественных причин, описываемых, как мы старались показать выше, языком социологии науки. Если в позитивной науке дробление идет по границам определения объектов исследования (макро- и микроэкономика, институциональная экономика, финансы и т.д.), то в нормативной — по принципу тех полюсов на политическом спектре, которых придерживается тот или иной экономист. Фрагментацию позитивной науки можно считать проблемой исключительно самих ученых, однако фрагментация нормативной науки (а результаты позитивной науки рано или поздно будут использованы как аргумент в дискуссиях нормативистов), при определенном стечении обстоятельств может становиться значительным вызовом для всего общества. Нормативная экономическая теория, используемая в рамках электоральной борьбы (см. упомянутый выше пример авторской колонки Пола Кругмана), обладает определенной мерой ответственности перед обществом за исход электорального процесса¹⁸⁵.

Если для демократических обществ влияние нормативной экономической теории, тем не менее, едва ли можно считать решающим, то относительно обществ с недемократическими режимами история знает примеры, когда экономическая теория, будучи превращенной в доминирующий идеологический норматив, становилась единственным осно-

графии, предложенное разделение теории как уже сложившегося комплекса знания и как процесса, или поля формирования знаний, представляется важным. Фрагментированность экономической теории — это следствие фрагментированности поля формирования теории.

185. О влиянии экономистов на политические процессы в США см.: (*The Real Policy Wonks...*, 2019); об эволюции нелиберального поначалу академического консенсуса в целостную электоральную программу см.: (*Jones*, 2012). О влиянии нелиберализма на формирование идеологии, институтов и экономической политики см. также: (*Полтерович*, 2022). Говоря о связи между экономикой, экономической теорией, и результатами выборов, следует сказать, что на примере президентских выборов в США доказана связь между изменениями в предпочтениях избирателей и состоянием экономики на момент выборов (*Guntermann, E. et al.*, 2021). Однако дискуссия относительно того, является ли оценка экономической ситуации избирателем эндогенной или же на нее влияют партийные предпочтения избирателя, остается открытой (подробнее об этом см.: (*Lewis-Beck, Martini*, 2020)). Относительно связи между партийными идеологиями, экономической политикой и электоральными предпочтениями см. также: (*Swank*, 1998).

ванием для решений подчас фатальных. В случае с историей КНР таковым можно считать политику «большого скачка», против которого выступали многие авторитетные члены КПК, однако фразе Мао Цзедуня «Забегание вперед» — это марксизм, борьба против забегания вперед — это антимарксизм» (цит.по: (Усов, 2017. С. 122)) что-либо противопоставить было нельзя в силу ее отсылки к нормативной экономической теории — марксизму в маоистской трактовке, определявшей и цели, и средства экономической политики.

В то же время есть альтернативные примеры с положительным для общества исходом, иллюстрирующие взаимовлияние нормативной экономической теории, политических идеологий и режимов. Мы имеем в виду идеологическую составляющую программы экономических реформ в КНР, начатых КПК после 1978 г., выраженную в идеологеме «социализм с китайской спецификой» и являющейся объектом нашего анализа.

Опыт экономических реформ 1970-х годов в КНР часто исследуют в его сравнении с неудавшимися реформами в позднем СССР. В обоих случаях в фокусе исследования могут оказываться различные факторы, повлиявшие на исход событий. Не претендуя на исчерпывающий характер ответа, мы, тем не менее, рискнем предположить, что среди прочих свое значение имели процессы, сопровождавшие развитие национальной экономической науки.

Сравнивая опыт транзита экономики КНР от режима жесткого планового регулирования к частично рыночным институтам и неудавшиеся реформы в СССР, можно увидеть разницу между позицией академических экономистов относительно необходимости и сути экономических реформ. Как показывают Р.М. Нуреев и П.А. Ореховский, уже в 1970-е годы советская академическая политэкономия¹⁸⁶

186. Подчеркнем, что речь идет именно о политэкономическом направлении в экономической теории. Тогдашний академический экономический дискурс не был един, и, помимо политэкономистов (чьи дискуссии были близки к нормативизму), были и экономисты-математики с иным подходом к анализу экономики (Нуреев, Ореховский, 2021. С. 187).

находилась, используя терминологию авторов, в «когнитивном тупике» и склонялась к трактовкам основных положений марксизма-ленинизма даже более консервативным, чем официальная риторика партийных властей того времени. Отчасти с этим, например, авторы связывают академическую критику Я.А. Кронрода как сторонника «рыночного социализма» и последовавшие за ней политические санкции в отношении этого экономиста (Нуреев, Ореховский, 2021). Даже в годы перестройки (1985–1991-е гг.) советские политэкономы сохраняли приверженность формировавшейся десятилетиями культуре академической дискуссии, определявшей как круг дискутируемых проблем, так и метод дискуссии. Именно поэтому тяжесть нормативистской дискуссии о будущем экономики была перенесена из академических журналов (где в 1987 г. все еще шли дискуссии о совершенствовании методов расчетов цен) в публицистические журналы, такие как «Новый мир», «Нева» и др. (Макашева, 2006. С. 20). Интересно, что, даже получив политический карт-бланш от партийных органов на дискуссии о противоречиях социализма, академическая система продемонстрировала, что, цитируя Л.И. Абалкина, «игра в слова и определения» стала основным занятием советских экономистов» (цит. по: Цвайнерт, 2006. С. 46)).

Обратной стороной «когнитивного тупика» советской академической политэкономии стало то, что сторонникам рыночного социализма, среди которых был Л.И. Абалкин, не удалось защитить эту идею. Она стала жертвой радикальной поляризации политического спектра, когда подобные идеи воспринимались как попытки сохранить прежний порядок вещей. Черту под дискуссией о рыночном социализме подвел Е.И. Ясин, написавший в 1989 г. в статье «Социалистический рынок или ярмарка иллюзий?», когда отметил следующее: «мы подошли к тому порогу, когда нужны решительные, хотя и болезненные, непопулярные меры, когда их осуществление откладывать больше нельзя, ибо чем дальше, тем тяжелее будет операция» (цит. по: Цвайнерт, 2006. С. 58)).

Как будет показано ниже, китайской политэкономии в постмаоистский период удалось избежать как «когнитивных тупиков», когда господствующая догматизированная теория определяет список возможных вопросов для дискуссий, так и радикальной поляризации мнений, предполагавшей исключительный дуализм в отношении будущей экономической политики (либо план, либо рынок), и не последнюю роль в этой ситуации сыграло понятие «социализма с китайской спецификой».

15.2. «Социализм с китайской спецификой»: синтез несовместимого?

«Социализм с китайской спецификой» (СКС) – понятие, ставшее уже привычным для политической реальности КНР, которое можно встретить в ключевых документах страны – Конституции КНР и Уставе КПК. В Конституции КНР СКС упоминается уже в первой главе, устанавливающей основные принципы государственного устройства: «(С)оциалистический строй является основным строем Китайской Народной Республики. Руководство со стороны Коммунистической партии Китая является самой существенной особенностью социализма с китайской спецификой»¹⁸⁷. Конституция же определяет «коренную» задачу государства как «на основе теории социализма с китайской спецификой сконцентрировать силы на социалистической модернизации» (*Конституция*, 2018). СКС можно использовать и как некое обозначение теоретических воззрений китайских политэкономов и руководства КПК относительно экономической политики, и как своего рода идеологему – понятие, предполагающее широкий спектр трактовок, которые могут варьироваться в зависимости от изменений в политической

187. В Уставе КПК этот же принцип сформулирован так: «Коммунистическая партия Китая является авангардом китайского рабочего класса и одновременно авангардом китайского народа и китайской нации, руководящим ядром дела социализма с китайской спецификой и представляет требования развития передовых производительных сил Китая...» (*Устав...*, 2017).

конъюнктуре¹⁸⁸. Но, вне зависимости от обстоятельств, перформативный идеологический посыл будет оставаться неизменным. Именно в этом разрезе мы предлагаем рассматривать СКС как пример риторического синтеза: зонтичного понятия, позволяющего снимать противоречия между коммунистической идеологией и рыночными реформами. Подчеркнем также, что далее мы будем говорить о той версии СКС, которую хронологически принято связывать с идеологом программы политики реформ и открытости Дэн Сяопином. В современной идеологической системе СКС эволюционировала в модель «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи», а идеям Дэн Сяопина оставлена роль «теории Дэн Сяопина» (*Устав...*, 2017). Учитывая, что КПК делает упор на преемственности в идеологической составляющей, поиск отличий между СКС эпохи Дэн Сяопина и «СКС новой эпохи» — задача сложная и заслуживающая отдельного исследования, тем не менее, подчеркнем, что мы говорим именно о СКС в версии Дэн Сяопина.

Появление понятия СКС принято связывать со Вступительной речью Дэн Сяопина на открытии XII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая 1 сентября 1982 г., в которой он заявил: «при осуществлении модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая <..> Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой...» (*Дэн Сяопин*, 1988. С. 5–6). К 1982 г. экономические реформы шли уже несколько лет, и, несмотря на то, что в своей речи Дэн Сяопин не раскрыл особенности своего понимания СКС, слу-

188. Уточним, что термин «идеологема» используется в основном в русскоязычном научном пространстве и своим происхождением скорее всего обязан М.М. Бахтину. В постсоветские годы термин получил распространение среди исследователей советской идеологии и повседневной культуры тоталитарного общества как способ обозначения языковых единиц, выступающих в роли «кирпичиков» широкого идеологического комплекса (подробнее об этом см.: *Мальшева*, 2009)). Также термин «идеологема» используется и для анализа современного российского общества (*Гончаров*, 1999; *Курдина*, 2012; *Канунников*, 2016; и др.).

шателям были в общих чертах ясны составляющие СКС: цель в построении общества «среднего достатка» (сяокан)¹⁸⁹, сочетание плана и рынка в процессе социалистического развития общества и сохранение основных принципов государственного устройства КНР (Панцов, 2013. С. 423). Выдвинув модель СКС, Дэн Сяопин, тем самым предложил некий компромисс, позволивший, как минимум, на уровне партийной риторики синтезировать понятия планового и рыночного регулирования в экономике, что, собственно, и было, с одной стороны, одной из ключевых составляющих реформ, с другой — предметом дискуссий, создававших политические риски внутри КПК для самого Дэн Сяопина.

Спустя десятилетия интерес к идеологическим моделям, подобным СКС, может казаться преувеличением роли риторики и идеологии в экономической жизни¹⁹⁰, однако важно осознать реальность той эпохи. Так, например, на рубеже 1970–1980 годов, принимая решение о легализации малого предпринимательства в городах на правах «индивидуальных дворовых предприятий», КПК в качестве «научной» легитимации решения использовала ссылки на «Капитал» Карла Маркса с рассказом о капиталисте, который эксплуатировал восьмерых рабочих. Это позволило заключить, что предприятия общим числом сотрудников до семи человек не являются объектами капиталистической эксплуатации

189. Общество «среднего достатка», или «среднезажиточное общество» — одна из и ныне декларируемых целей социально-экономического развития КНР. Сяокан можно рассматривать как отдельную идеологему, также в новой истории КНР впервые озвученную Дэн Сяопином, однако заимствованную им из конфуцианства. Подробнее о генезисе понятия и его современных политических коннотациях см.: (Smith, 2019). Дэн Сяопин обосновывал необходимость сохранения приверженности социализму и марксизму в том числе и тем, что при капитализме «зажиточной стала бы жизнь нескольких процентов населения, остальные 90 с лишним процентов пребывали бы в нужде. Но при социалистическом принципе распределения жизненный уровень всего народа страны достигнет среднезажиточного уровня» (Дэн, 1988. С. 70). Разумеется, отсылки к классическому наследию китайской культуры давали еще и важный сигнал о примирении марксизма с собственно китайской культурой.

190. Классическое исследование взаимовлияния экономики, институтов и культуры, исследуемого через риторические конструкции см.: (McCloskey, 2006).

трудящихся (Панцов, 2013. С. 405)¹⁹¹. То, что сейчас нам кажется анекдотичным, в то время позволило провести важную инициативу, позволившую создать множество рабочих мест, зародить зерна частного предпринимательства в городах. Предпринимательства, силой отсылок к основному догматическому тексту выведенного из числа примеров капиталистической эксплуатации. Едва ли это отличалось от «игры в слова», облачаемой Л.И. Абалкиным, однако гибкость в поиске необходимых цитат позволяла идеологически обосновывать решения, казалось бы, с самой идеологией несовместимые.

Спустя два года, в октябре 1984 г. на 3-м пленуме Центрального комитета КПК 12-го созыва было принято историческое «Постановление ЦК КПК о реформе экономической системы». В нем было записано положение, «что социалистическая экономика — это товарная экономика (商品¹⁹²经济, шанпинь цзинцзи), «социалистическое товарное хозяйство, в основе которого лежит система планирования, основанная на сознательном использовании закона стоимости» (Чжунхуа жэньминь гунхэго го'уюань гунбао, 1984. С. 904; Виноградов, 2016. С. 347). Революционным в части теоретического осмысления реформ было положение о необходимости разделения прав хозяйствования и прав собственности, что в перспективе позволило государственным предприятиям, не меняя формы собственности, выйти из жесткого административного подчинения бюрократическим структурам, получив

191. Эндрю Бетсон указывает, что эта история упоминается в работах Панцова и ряде других исследований, но без ссылок на текст самого Маркса (Batson, 2015). Панцов ссылается на четвертый том «Капитала», однако ничего похожего на упоминаемый текст в четвертом томе нет, но в первом томе Бетсон обнаруживает, похоже, оригинальный текст о капиталисте, которому, чтобы жить только вдвое лучше обыкновенного рабочего, пришлось бы в 8 раз увеличить минимум авансируемого капитала (Маркс, 1983. С. 287). По всей видимости, нумерология с отсылками к наследию Маркса действительно имела место. Поскольку в документировании этого периода истории высока роль изустной истории, искажения неизбежны. Учитывая авторитет А.В. Панцова, полагаем возможным сослаться на его работу. Кроме того, эта история без ссылок на Панцова присутствует и в других изданиях со ссылками на «Капитал», но без конкретизации тома, см., например: (Vogel, 2011. P. 880).

192. Товар, подлежащий продаже.

необходимые хозяйственные свободы. Подчеркивалась также необходимость начала реформы системы ценообразования.

Можно сказать, что предложенная двухколейная система ценообразования, при которой в одной колее цены (в основном на факторы и средства производства) устанавливаются государством, другая же колея ценообразования предполагает рыночные механизмы ценообразования на товары конечного потребления, стала первым практическим образцом синтеза в экономической политике КНР. Переход к этой системе ценообразования был сопряжен с определенным рода деконструкцией понятия цены и стоимости китайскими политэкономистами того времени. «Хотя стоимость как таковая является отношением единства количества и качества, однако это лишь теоретическая абстракция. В действительности стоимость не может быть измерена, она может лишь проявляться через рыночную цену. Поэтому стремление заранее рассчитать стоимость означает, что в соотношении стоимости и цены второе становится первым, в результате чего исчезает сущность категории стоимости», — писал в то время экономист Ван Цзецю (цит. по: (Жигулева, 2004. С. 49)). Двухколейная система на деле реализовывалась в рамках одной национальной экономики синтез механизмов планового и рыночного ценообразования. На фоне продолжавшихся в 1980-е годы дискуссий в руководстве КПК о рыночной экономике, которая подобна птице: «она не вырастет, если не отпустить контроль, но вырвется и улетит, если открыть клетку» (Zhao, 2009. P.120), синтетическая модель ценообразования позволяла находить как минимум идеологический и политический балансы между мирами плановой и рыночной систем. Так, М.В. Карпов (Карпов, 2014) объясняет политический и идеологический смыслы двухколейной системы ценообразования через дилемму, с которой столкнулась КПК на пороге реформ: будучи партией ленинского типа, что предполагает контроль не только над политической и бюрократической сферами, но и контроль над процессами распределения ресурсов через механизмы планового планирования, руководство партии не

могло не начать рыночных реформ, так как реализованные в период правления Мао Цзэдуна механизмы централизованного управления себя и исчерпали, и дискредитировали. Вместе с тем, полноценный переход к рыночным механизмам привел бы не только к исчезновению части властных полномочий КПК, но и создал бы угрозы для модели идеологической легитимации власти КПК и однопартийной системы в КНР в целом. Двухколейная система как компромисс между властными и идеологическими устремлениями и экономической необходимостью позволила найти решение, удобное как для партии, так и для общества. Интересно, что фактически механизм двухколейной системы существует с некоторыми оговорками и поныне, будучи реализован через существование соответствующего каталога товаров и ресурсов, диапазон колебания цен на которые ограничивается директивными методами государственного регулирования (*China further...*, 2020), являя собой живой пример синтетической конструкции в экономической политике (и одновременно феномен для искушения для нормативной экономической теории).

Как исследователи мы должны избегать сослагательных наклонений, однако сложно смоделировать ситуацию, при которой было бы принято историческое решение о признании китайской экономики «социалистической товарной экономикой», что само по себе было синтетическим понятием, без появления идеологемы СКС, фактически открывавшей путь к авторским трактовкам основных понятий марксизма.

Разумеется, говорить о том, что синтетические по своей сути реформы явились результатом интеллектуальных усилий исключительно самого Дэн Сяопина, некорректно. Как следует из воспоминаний Чжао Цзюяна, занимавшего в те годы пост Премьера Госсовета КНР, Дэн Сяопин, публично озвучивая порой противоречащие друг другу идеи, в личных беседах определенно показывал себя сторонником рыночных отношений и рыночного ценообразования, искренне полагая, что социализм и рынок — это вовсе не взаимоисключающие

понятия (*Ziyang*, 2009. P. 119–120). Идеологема СКС была его способом облечь эти свои представления в публичное высказывание, которое, между тем, не должно было бы вызывать раздражения в постмаоистском Китае. Однако едва ли эта идеологема могла бы возыметь тот успех, который пришел к ней, если бы не готовность и способность академического сообщества ее не только воспринять, но и направить свои интеллектуальные усилия на поиск компромиссных теоретических конструкций. Знаменитый призыв Дэн Сяопина «раскрепостить сознание» и ставить факты выше теории не был обращен в пустоту недопонимания. Напротив, сообщество академических экономистов (несмотря на то, что университетская среда подверглась в свое время репрессиям в годы культурной революции со стороны политической власти), отреагировала на идеи китайского политического реформатора живо. Китайские экономисты довольно быстро смогли перейти от рефлексий о том, какой должна быть экономика социализма, к исследованиям текущей экономической ситуации. Авторитетом для них стал осужденный маоистами экономист Сунь Ефан. Методологическим кредо последнего было высказывание Карла Маркса о том, что «если вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действительные противоречия <..> только в этом случае политическую экономию можно превратить в положительную науку» (*Пивоварова*, 2011. С. 45). Рискнем утверждать, что выдвижением идеологемы СКС Дэн Сяопин дал возможность китайской экономической теории выйти из состояния нормативной и перейти к позитивной. Не затрагивая на риторическом уровне вопрос приверженности идеями социализма как нормативистской идее, он легитимировал поиски «китайской специфики».

Таким образом в постамоистский период, когда, с одной стороны, как минимум, во внутривластных структурах была высока инерция восприятия экономики в маоистском ключе, делившем мир на черное и белое, рынок и плановую экономику, капитализм и коммунизм, наконец, своих

и чужих¹⁹³, а с другой стороны, риторика холодной войны все еще предполагала дуальность восприятия мира, и на Западе характеристика плановой рыночной экономики исчерпывалась работами Фридриха Августа фон Хайека и Яноша Корнаи, китайская политэкономия и сам Дэн Сяопин сумели совершить качественный переход от «когнитивных тупиков» нормативной теории, превращенной в элемент официальной государственной идеологии со своими вневременными догматами к свободному восприятию, и даже интерпретации догм. Рискнем сказать, что осуществленный Дэн Сяопином переход был отчасти схож с тем, что Жан Деррида называл деконструкцией (Деррида, 2000). На уровне риторики прежние дуальные идеологемы (рынок=капитализм=зло, плановая экономика=добро) были разобраны на составные части и лишены своей догматической легитимности. Приведем следующую цитату, приписываемую Дэн Сяопину: «Неправильно утверждать, что... есть только капиталистическая рыночная экономика. Почему ее нельзя развивать при социализме? Рыночная экономика не является синонимом капитализма. Основу у нас составляет плановая экономика, которая существует в сочетании с рыночной, однако это — социалистическая рыночная экономика» (цит. по: (Паницов, 2013. С. 405)). В реалиях того времени эти слова казались абсурдом для западных рыночников и святотатством для тех, кто сохранял идеологическую преданность маоистским трактовкам марксизма, деконструируя догмы как одних, так и других. Однако они послужили ориентиром для тех теоретиков и практиков, кто осознавал необходимость переменам в экономической политике.

193. Характерна, например, реакция части партийных элит КПК на визит Милтона Фридмана в Китай в 1979 г. Он прибыл в страну по приглашению экономических властей КНР. Для них он был интересен как специалист по борьбе с инфляцией, поскольку накануне реформы системы ценообразования правительство КНР было обеспокоено проблемами таргетирования инфляции в условиях рыночного ценообразования. Сразу после отъезда Фридмана из Китая, на разных уровнях партийной дискуссии была озвучена мысль о том, что «иностранные капиталисты все еще капиталисты» и не заслуживают доверия (Gewirtz, 2017. P. 6).

Подведем итоги проведенного исследования. Было показано, что начало политики реформ и открытости в КНР сопровождалось риторическим синтезом¹⁹⁴ при формулировке идеологии «социализм с китайской спецификой», позволившей в одной фразе совместить до того враждовавшие друг с другом на уровне ценностей идеи — рыночной и плановой экономик. В 2018 г. КНР отмечала 40-летие политики реформ и открытости, и сегодня уже можно задать вопрос о том, оказался ли риторический синтез Дэн Сяопина реальностью или же остался в пространстве идеологием и политической риторики.

Вслед за Дугласом Нормом (*Норт, 2010*) мы можем утверждать, что природа рождения институтов носит интенциональный характер, т.е. институты (а реформы в КНР — это прежде всего институциональные реформы) несут на себе отпечаток человеческих идей и стремлений. Плановая экономика в том варианте, которую выстраивал Мао Цзэдун, как нельзя лучше иллюстрирует, как и какие именно институты могут вырасти и вырастают из идей и идеологий. Однако вариант Мао Цзэдуна представлял собой весьма радикальный вариант общественного развития и сопровождался глубокими, порой разрушительными, историческими потрясениями. Дэн Сяопин, деконструируя, с одной стороны, догмы маоизма (китайского марксизма), а с другой — идеи рыночных экономистов, создал синтез, свободный от идеологий; он создал своего рода «идеологию без идеологии». Но насколько в реальности удалось совместить несовместимое: план и рынок, рынок и социализм? Вопрос о том, не являлось ли совмещение социализма и рыночной реформы в идее СКС «идеологическим прикрытием» характера происходящих в китайской экономике процессов» (*Пивоварова, 2011. С. 319*) посещал и посещает многих исследователей. Иными словами: не явился ли СКС ширмой для перехода к несоциалистической экономике?

194. Как показала практика прошедших лет, «логика критики оказалась слабее риторики», представленной в риторическом синтезе «социализма с китайской спецификой» (примеч. редакторов).

Однозначного ответа на этот вопрос нет, в исследовательской литературе мы можем обнаружить свидетельства диаметрально противоположных точек зрения. Сложность в характеристиках современной китайской экономики как раз и иллюстрирует синтетичность ее институциональных параметров. С одной стороны, есть уже практически классическое исследование Рональда Коуза и Нин Вана (Коуз, Ван, 2013), одним своим названием («Как Китай стал капиталистическим») дающее однозначный ответ. С другой стороны, мы обнаружим бесчисленное количество эпитетов к слову «капитализм» при описании современного Китая: «Chinese State Capitalism» (*Chinese State...*, 2021), «Chinese Corporate Capitalism» (*Milhaupt*, 2015), «undemocratic capitalism» (*Kamusella*, 2021). В каждом из случаев автор нового термина будет исходить из понимания того, что современная экономическая система в КНР является, с одной стороны, рыночной, с другой – механизмы координации отличаются от классических рыночных, предполагая значительное влияние партийных и государственных структур на рыночные процессы в стране. На уровне международной торговли и политики восприятие экономики КНР как «специфически» рыночной выражается, например, в сохранении в силе 15-й статьи «Протокола о вступлении КНР в ВТО» (*Accession of The...*, 2001 P. 9), предполагавшей 15-летний срок с момента вступления КНР в ВТО, в течение которого страны – импортеры китайских товаров проводили антидемпинговые расследования, исходя из положения о нерыночном характере ценообразования в китайской экономике. Указанный срок истек в 2016 г., однако документ не утратил своей силы. В итоговом коммюнике саммита стран G7 2022 г. также содержится указание на нетранспарентную и искажающую функционирование рыночных механизмов политику КНР (*G7 Leaders' Communiqué*, 2022. P. 18). Таким образом, в соотношении дискурсов китайского, с одной стороны, и западного, с другой, можно увидеть своеобразную иронию: когда одни описывают себя как «социализм с китайской специфи-

кой», другие ищут пути описания «капитализма с китайской спецификой». В каждом из случаев, очевидно, идет речь о том, что сложившаяся экономическая модель в КНР носит синтетический характер и равноудалена от неких референтных образцов плановой или рыночной экономик.

Глава 16

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ПРОЦЕССНЫЙ
ПОДХОДЫ В УПРАВЛЕНИИ ЦИФРОВЫМИ
ЭКОНСИСТЕМАМИ¹⁹⁵

«Тут она увидела под столом маленькую
стеклянную коробочку. Алиса открыла ее — внутри
был пирожок, на котором коринками было
красиво написано: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»
— Что ж, — сказала Алиса, — я так и сделаю. Если
при этом я вырасту, я достану ключик, а если
уменьшусь — пролезу под дверь. Мне бы только
попасть в сад, а как — все равно!»
Льюис Кэрролл

Введение

Общественная и хозяйственная практика находятся под влиянием технологических, политических, природных и прочих факторов. Это означает, что экономическая наука тоже меняется, хотя аналитическое осмысление таких изменений, как мы уже не раз отмечали (см., например, главу 9), идет с гораздо меньшей скоростью, а встраивание новых элементов в систему научного инструментария — и вовсе дискретно. И если в периоды относительно линейного развития экономики и общества мы, как ученые, можем себе позволить продолжать описание явлений и проверку взаимосвязей между ними на основе традиционного инструментария, то на стыке укладов и во время радикальных изменений мы должны пытаться модернизировать научный аппарат и предложить новые подходы к экономическому анализу. Для этого необходимо выявить объекты и явления, которые не вписываются в предпосылки, лежащие в основе существующих научных взглядов и экономических моделей.

195. В данной главе развиваются идеи, впервые обозначенные в: (Ценжарик, 2020).

Мы наблюдаем, что каждый раз, когда большое количество таких предпосылок оказывались несостоятельными, экономическая наука вынуждена была синтезировать новые научные течения. Как подробно описано в главе 2, наиболее известными являются неоклассический синтез 1940–1960 гг. и новый неоклассический синтез 1990-х годов. В настоящее время хорошим потенциалом обладает институциональный синтез, представленный в главе 4, который имеет междисциплинарный характер (см. также: (Кирдина-Чэндлер, 2021)). Однако в современных условиях он также требует своего развития, и направления этого развития мы попробуем продемонстрировать.

В настоящей главе монографии рассматриваются цифровые платформы и экосистемы как синтетические структуры управления с особыми механизмами координации. С одной стороны, они являются структурами мезоэкономического уровня, на котором формируются ограничения и стимулы, которые влияют на поведение микроэкономических агентов (Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2017). С другой стороны, управление на основе и с помощью алгоритмов порождает взаимодействие агентов, которое не может быть объяснено в рамках универсальной теории контрактов. Таким образом, даже институциональный синтез не до конца способен решить проблему взаимодействия экономических субъектов внутри и вне цифровой экосистемы.

Однако междисциплинарный синтез необходим, и мы видим выход в добавлении еще одного уровня исследования экономических систем, а именно уровня процессов. Функционирование экономической системы не сводится к дискретным транзакциям, а является результатом непрерывных процессов различного рода, в которые вовлечены все элементы системы. Тогда можно трактовать управление — важнейший элемент экономической политики как выстраивание процессов, и использовать *основанный на проектировании (design-based)* подход к управлению, который уже применяется в политических и управленческих науках. Особенно

наглядно сущность и непрерывность процессов проявляется в алгоритмических экосистемах, являющихся структурными элементами цифровой экономики.

16.1. Цифровые экосистемы

Особенностью современной экономики является ее цифровой характер, то есть осуществление большинства традиционных процессов с помощью цифровых технологий, к которым относят мобильный Интернет, социальные сети, искусственный интеллект, BigData, облачные технологии, Интернет вещей, блокчейн и другие. Главным результатом распространения цифровых технологий является существование все большего количества информации в электронной (цифровой) форме, в то время как раньше такая информация обращалась преимущественно в сфере информационно-коммуникационных технологий (Tapscott, 2008).

Поэтому цифровые технологии не только переводят физические объекты в цифровую форму (оцифровка) и меняют отдельные процессы в компаниях (цифровизация), но и приводят к изменению бизнес-моделей (цифровая трансформация), т. е. к изменению всех компонент хозяйственной деятельности: комбинации ресурсов, процессов создания и предоставления ценности, поиска поставщиков и партнеров и взаимодействия с ними, привлечения и удержания клиентов (Ценжарик и др., 2020).

Как отмечают Бруссо и Пенар, вопреки прогнозам массового отказа от посредников при взаимодействии участников рынка в сети Интернет, остаются задачи, которые не могут быть решены без определенного рода координации. К таким задачам они относят согласование спроса и предложения и выполнение транзакций; объединение нескольких цифровых товаров и создание добавленной стоимости; предоставление пользователям информации и знаний, которые им необходимы. Все это привело к появлению платформенных бизнес-моделей, представляющих новый тип синтетических структур управления и координации процессов соз-

дания и маркетинга информационных товаров (*Brousseau & Pénard, 2007*).

Понятие платформы, или двустороннего рынка, сформулировали Роше и Тироль, которые показали, что компании-платформы предоставляют ценность двум и более группам пользователей, опосредуя транзакции между ними (*Rochet & Tirole, 2003*). Позже Эванс и Шмалензи уточнили, что двусторонние платформы — компании, в которых ценообразование и другие стратегии сильно подвержены косвенным сетевым эффектам между двумя сторонами платформы (*Evans & Schmalensee, 2007*).

В настоящее время исследователи выделяют три типа платформ: инновационные, транзакционные и гибридные (*Cusumano et al., 2019*). *Инновационные* платформы объединяют участников для создания дополняющих друг друга товаров и услуг, среди них *Microsoft Windows, Google Android, Apple iOS, Amazon Web Service* и др. *Транзакционные* платформы предоставляют людям возможность покупать или продавать товары и услуги либо обмениваться информацией, примерами таких платформ являются *Google Search, Яндекс, Amazon Marketplace, Wildberries, Facebook, Twitter, ВКонтакте*. *Гибридные* компании, такие, например, как *Apple, Google, Microsoft, Amazon, Facebook, Tencent, Alibaba*, создают (используют) два типа платформ

Организуя среду для взаимодействия участников, платформа формирует экосистему, понятие которой стало использоваться в экономике около 30 лет назад. В понимании Дж. Мура *бизнес-экосистема* — это активная структура, в которую входят люди и фирмы, взаимодействующие друг с другом для создания и обмена ценностями. В экосистемах существуют как рыночные, так и нерыночные (обмен информацией и знаниями, использование репутации, связей, компетенций и т.д.) отношения (*Moore, 1993*). Более поздние теоретические работы дают определение экосистемы как совокупности субъектов, обладающих неуниверсальными многосторонними взаимными дополнениями (*complementarities*),

которые не полностью подчинены иерархическому контролю; платформенная экосистема состоит из центральной компании-платформы и связанных с ней общими технологиями или техническим стандартами периферийных фирм (*Jacobides et al.*, 2018).

Понятие цифровой экосистемы несколько шире, чем понятие бизнес-экосистемы, и отражает совокупность распределенных, адаптивных и открытых социотехнических систем. Являясь частью таких экосистем, отдельные лица, общественные и частные организации становятся все более зависимыми друг от друга (*Gill*, 2021). Согласно словарю *Bynder*, цифровая экосистема – это сеть стейкхолдеров, партнеров, продуктов, поставщиков, приложений и сторонних информационных сервисов, которые взаимосвязаны в цифровом пространстве¹⁹⁶. Аналитический отчет *USAID* определяет цифровую экосистему как комплекс различных стейкхолдеров, систем и соответствующей среды, которые позволяют людям и сообществам использовать цифровые технологии для доступа к сервисам, для взаимодействия друг с другом и реализации экономических возможностей¹⁹⁷. Мы видим, что эти понятия включают уже не только людей и фирмы, но и различные технологии и системы, позволяющие осуществлять их взаимодействие. Это очень важное дополнение, и мы еще к нему вернемся.

Экосистемы могут возникать спонтанно, например, в результате развития отрасли, но мы ограничимся сейчас цифровыми экосистемами, формирующимися вокруг платформ. Роль платформы (центральной компании) заключается в принятии стратегических решений, которые усиливают положительные и снижают отрицательные косвенные сетевые эффекты для привлечения разных сторон (*Evans & Schmalensee*, 2007). Положительные сетевые эффекты могут возникать вследствие масштаба платформы, поскольку в сети

196. Bynder glossary, <https://www.bynder.com/en/glossary/digital-ecosystem>.

197. USAID report. https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/Digital_Strategy_Digital_Ecosystem_Final.pdf.

большого размера может быть достигнуто лучшее соответствие спроса и предложения, так как данные для поиска совпадений будут большего объема и лучшего качества. Таким образом, создается бóльшая ценность, привлекающая больше участников, которые, в свою очередь, создают еще большую ценность. Также увеличение размера сети и количества продукции ведет к сокращению удельных затрат (Gawer, 2014). Результатами сетевых эффектов являются снижение транзакционных издержек, в том числе за счет исключения посредников, как например, в *Ebay* и *LinkedIn*, или более эффективного использования активов, как на платформе *Uber*.

Отрицательные сетевые эффекты могут проявляться, когда участники низкого качества могут вытеснить участников высокого качества; жесткая конкуренция на массовых рынках может уничтожить стимулы для ряда производителей производить высококачественные продукты или услуги (Hagiu, 2014). Причиной отрицательных сетевых эффектов может также являться оппортунистическое поведение участников, которое усугубляется их анонимностью. Поэтому центральная компания платформы регулирует состав участников и процессы взаимодействия в экосистеме. Это касается доступа к экосистеме, обеспечения максимально точного соответствия между спросом и предложением на платформе; создания правил защиты от пользователей, снижающих положительные сетевые эффекты; создания комфортной и безопасной среды взаимодействия на платформе. Согласно исследованиям, на платформах, где пользователи защищены, происходит больше транзакций, а построение доверия достигается с помощью систем управления на платформе (Van Alstyne & Schrage, 2016).

Компании-платформы имеют существенно большее количество участников (пользователей) и бóльшие масштабы деятельности, чем обычные компании. Рассмотрим пример электронной торговли. Так, *Amazon* сам продает более 12 млн товаров, однако на торговой площадке зарегистрировано 9,1 млн сторонних продавцов, из которых 2,3 млн

считаются активными, то есть имеющими хотя бы один продукт для продажи. С их учетом, на *Amazon* продается около 353 млн товаров. *Amazon* отправляет примерно 1,6 млн посылок в день, что соответствует более 66 тыс. заказов в час и 18,5 заказам в секунду¹⁹⁸. Российский *Озон* в дни распродаж получал около 5 тыс. заказов в минуту, отправлял клиентам 2,8 млн посылок в день, имея на складах 74 млн посылок для отправки клиентам. Для организации процессов с помощью алгоритмов в компании задействовано более 3 тыс. сотрудников ИТ-служб, более 2,5 тыс. серверов и 3 центра обработки данных¹⁹⁹.

Если же учесть и потребителей, которые тоже являются участниками экосистемы, когда выбирают, заказывают, отслеживают и возвращают товары, то масштабы экосистем окажутся еще больше. Так, у *Озона* 25,6 млн активных клиентов, а количество заказов достигло 223,3 млн за 2021 г., увеличившись в три раза по сравнению с 2020 г. При этом масштабы онлайн-торговли только растут: в 2021 г. более 2,14 млрд человек в мире покупали товары и услуги в Интернете, в то время как в 2016 г. было всего 1,66 млрд таких покупателей²⁰⁰.

Таким образом, компания-платформа управляет цифровой экосистемой, состоящей из миллионов участников, применяя процедуры блокировки, анализа качества, систем репутации, контрактов и т.д., чтобы исключить или ограничить пользователей, которые нарушают правила экосистемы. При этом управление доступом к экосистеме централизовано, а регулирование взаимодействия участников децентрализовано и осуществляется самими пользователями через системы отзывов и рейтингов (*Katzenbach & Ulbricht, 2019*).

Очевидно, что те огромные скорости и масштабы деятельности рыночных субъектов, которые мы наблюдаем сегодня, являются результатом использования специальных

198. <https://landingcube.com/amazon-statistics>.

199. <https://habr.com/ru/company/ozontech/blog/664472/?ysclid=15m9fbhdwp68448986>.

200. <https://www.statista.com/statistics/251666/number-of-digital-buyers-worldwide>.

технологий, или алгоритмов. Причем цифровые технологии не просто улучшают, ускоряют или удешевляют отдельные процессы, но, как показано выше, являются основой новой бизнес-модели компании, позволяя по-другому взаимодействовать элементам ее внутренней и внешней среды: пользователям, поставщикам, продавцам, покупателем, производителям, потребителям и т.д. Другими словами, платформенные компании не могли бы существовать без цифровых технологий и основанных на них алгоритмах.

16.2 Понятие и роль алгоритмов

Рассмотрим подробнее понятие алгоритмов. Строго говоря, алгоритмы — это «формализованные процедуры для решения задач путем преобразования входных данных в желаемый результат» (Yeung, 2018). Также под алгоритмами (алгоритмическими технологиями) понимаются «программируемые компьютерные процедуры, преобразующие входные данные в желаемые выходы способами, обладающими большим охватом, скоростью обработки, интерактивностью и закрытостью, чем другие технологические системы» (Kellogg et al., 2020). Алгоритмы часто подразумеваются при упоминании *искусственного интеллекта*, который можно определить как совокупность технологий, объединяющих данные, алгоритмы и вычислительные мощности.

В то же время исследователи в области гуманитарных и социальных наук часто используют этот термин как сокращенное название для множества процессов нашего взаимодействия с различными вычислительными и кибернетическими системами (Seaver, 2017). Алгоритмы особенно широко распространены при взаимодействии в Интернете, где поведение субъектов по своей сути опосредовано программным кодом.

Мы все сталкиваемся с алгоритмами ежедневно, они обеспечивают возможность поиска необходимой информации (в поисковых системах, на сайтах и устройствах), отбора приоритетных альтернатив с помощью ряда фильтров (например,

отбор нужных статей для исследователей с помощью заданных ключевых слов), агрегации данных (например, электронная коммерция и маркетплейсы), формирования и выдачи рекомендаций (например, покупателю в онлайн-магазине), прогнозирования (например, объема и структуры спроса в определенное время в определенном сегменте), наблюдения и мониторинга процессов (например, доставки продуктов) и сотрудников, а также создания контента (например, новостной ленты); размещение информации в Интернете (контекстная реклама), скоринга и ранжирования (например, отраслевые рейтинги компаний или университетов) и т.д. (*Just & Latzer, 2016; Latzer & Festic, 2019*). То есть в совокупности алгоритмы управляют тем, что можно найти, чего ожидать, что потреблять и что видеть, а также считать ли это релевантным.

Так, в компании *Amazon* с помощью цифровых технологий отслеживают производительность рабочих, работников склада и службы доставки, роботов, дронов, продавцов и клиентов, что позволяет сделать процессы более эффективными. Также *Amazon* предоставляет клиентам возможность выбрать товары согласно выбранным критериям и почти всегда занимает первые места в рейтинге покупателей при сравнении цен: 9 из 10 покупателей анализируют рынок в поисках лучших предложений по цене, клиентскому сервису и скорости доставки²⁰¹. С помощью алгоритмов поиска совпадений здесь можно установить порядок представления результатов поиска товаров или продавцов, который влияет на решение потребителя и в итоге на количество проданных товаров и на потенциальный доход продавца. Платформы с помощью алгоритмов могут контролировать доступ к своим собственным услугам, отдавая им приоритет по сравнению с другими провайдерами. Голосовые помощники *Alexa (Google)* и *Assistant (Amazon)* направляют поведение людей в Интернете, задавая последовательность альтернатив и предлагая определенные ответы на сделанные запросы.

201. <https://www.repricerexpress.com/amazon-statistics>.

На основе алгоритмов сегодня организована не только экономическая, но и общественная, политическая деятельность и технологии государственного управления. Так, известны компьютерные системы управления потоками сирийских беженцев на территории Турции и Эстонии, которые на основе алгоритмов определяют направления релокации, производят оценку политических рисков, дают рекомендации по местам работы и жилья для беженцев, предоставляют направленную на них онлайн-рекламу. Автоматизированные решения регулируют действия беженцев и могут повлиять на их статус, на получение разрешения въезда в конкретную принимающую страну и к ряду возможностей на месте релокации (Kasapoglu et al., 2021).

При *алгоритмическом правоприменении* (*algorithmic law enforcement*) алгоритмы выступают не только как инструмент поддержки принятия решений, но и как новый субъект. Так, в июле 2022 г. Верховный суд КНР обязал судей при принятии решений консультироваться с искусственным интеллектом (ИИ): если судьи отклоняют рекомендации ИИ, то должны предоставить письменное объяснение своих действий. Нейросеть не только просматривает судебные дела на наличие ссылок, рекомендует законы и постановления, составляет проекты юридических документов и исправляет судебские ошибки в приговоре. Она дает судьям доступ к базам данных полиции, прокуратуры и правительства и интегрирована с китайской системой социального кредита. Фактически ИИ может самостоятельно наказывать граждан, которые не выполняют судебные решения, например, блокировать должнику возможность купить билет на самолет или поезд. Недавно народная прокуратура Шанхая протестировала ИИ, который может выдвигать собственные версии обвинения после изучения уголовного дела, идентифицируя восемь самых распространенных преступлений, среди которых мошенничество, азартные игры, опасное вождение, умышленное причинение физического вреда, воспрепятствование выполнению служебных обязанностей и завязывание

ссор. Сообщается, что ИИ может предъявить точное обвинение более чем в 97% случаев²⁰².

Поскольку каждый пользователь может делиться информацией в Интернете, стандартные меры (государственного) управления теряют свою силу в цифровой экосистеме. В результате правоохранительные органы все чаще переключаются на свои функции на различные онлайн-платформы (поставщики интернет-услуг, поисковые системы, социальные сети и различные точки хостинга), которые контролируют доступ к контенту, людям и коммуникационной инфраструктуре в цифровой экосистеме. Онлайн-платформы могут непрерывно отслеживать использование контента отдельными пользователями и регулярно участвовать в кибербезопасности, слежке, цензуре или других задачах правоохранительных органов. Они представляют естественную точку контроля для мониторинга, фильтрации, блокировки и отключения доступа к онлайн-контенту, что делает их идеальными партнерами для осуществления гражданского и уголовного правоприменения (*Elkin-Koren & Perel, 2019*).

16.3. Экосистема как структура управления: институциональный подход

Хотя влияние алгоритмов на экономику, управление и общество давно признано, анализ этого воздействия ведется фрагментарно и несогласованно в разных науках. Одной из теорий, которая способна интегрировать понимание отношений власти, механизмов координации и структур управления, является теория контрактов. Она формирует общий язык для таких дисциплин, как право, экономика, менеджмент, социология, антропология, политические науки и философия, исследуя различные классы решений проблем координации. Этот язык имеет три общие категории: рынки, иерархии и гибридные формы, которые опираются на экономическую

202. <https://legal.report/sudej-v-kitae-obyazali-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt>.

теорию и могут служить основой для взаимобмена результатами исследований в названных выше науках (*Brousseau & Glachant, 2002*).

Современные разработки позволяют выявить многообразие гибридных форм. Так, между рынками и иерархиями Клод Менар (*Ménard, 2022*) выделяет уже три типа гибридных структур: а) наиболее близкие к интегрированным фирмам сообщества юридически обособленных субъектов (стратегические альянсы); они предполагают тесную координацию своих решений и контроль над объединенными ресурсами посредством стратегических центров, наделенных полномочиями в отношении стратегических инвестиций; б) информационные сети и другие типы свободных альянсов (например, фирмы биотехнологического кластера в районе Бостона), в которых партнеры координируют свои действия посредством обмена информацией, совместной логистики и т. д., сохраняя при этом стратегический контроль над своими ключевыми активами; в) между ними находятся структуры управления, в которых партнеры сохраняют полный контроль над основной частью своих активов, хотя они одновременно развивают некоторые инвестиции, специфичные для отношений, которые требуют делегирования значительных прав принятия решений и полагаются на независимые третьи стороны для координации усилий (отраслевые организации по стандартам и регулированию).

Несмотря на признание многообразия форм, альтернативных рынку и иерархии, экономическая наука для понимания механизмов координации, в том числе по отношению к экосистемам, как правило, продолжает оперировать понятием институтов (норм, правил, явных и неявных контрактов). Экономистом, который одним из первых предложил рассматривать структуры управления не только с учетом их структурных, но и процессных характеристик, проявляющихся в текущей деятельности по материализации создаваемых ценностей в экосистеме, стал Рон Аднер, американский профессор

в сфере предпринимательства и стратегии. Он опирается на два подхода к пониманию экосистемы (Adner, 2017): а) как сообщества связанных субъектов, определенных их сетями и принадлежностью к платформе (экосистема как принадлежность); б) как конфигурации деятельности, определяемые ценностным предложением (экосистема как структура).

Первый, наиболее распространенный, подход делает акцент на вопросах доступа участников и открытости экосистемы, выделяя такие показатели, как количество партнеров, плотность сети и центральное положение некоторых участников в крупных сетях. Как отмечает Аднер (*Ibid.*), именно в данном контексте ведется анализ *экосистемы здравоохранения, экосистемы Microsoft, экосистемы Силиконовой долины или экосистемы предпринимательства*. Увеличивая число и активность членов своей экосистемы, центральная компания усиливает свою рыночную власть, повышает ценность системы за счет прямых и косвенных сетевых внешних эффектов, увеличивая вероятность случайных взаимодействий между партнерами, которые могут инициировать новые взаимодействия, которые, в свою очередь, увеличат совокупную ценность продуктов, создаваемую экосистемой.

Данный подход концентрируется на составе элементов экосистемы и конфигурации их связей. И поскольку в цифровой экономике участники взаимодействуют в виртуальном пространстве, в *цифровую экосистему* входят как субъекты (партнеры, поставщики, конкуренты, потребители компании, аналитики, комментаторы, журналисты, блогеры, клиенты, граждане), так и объекты (совокупность сайтов, связанных с определенной отраслью, вебсайтом, брендом, продуктом, человеком, тематикой).

Нам близок второй подход, который развивает Аднер, при котором он определяет экосистему как структуру для согласования действий множества участников, которые должны взаимодействовать, чтобы материализовать (воплотить) суммарное предложение ценности, производимой экосистемой. Этот означает синтетический подход к экосистеме,

когда ее результат представляет собой не сумму результатов участников, а результат деятельности самой системы как целого, имеющего характер синергии. Автор конкретизирует каждый элемент такого определения экосистемы. *Согласование (Alignment)* – взаимное согласие между членами относительно своего положения в экосистеме и выполняемых видов деятельности, которое касается не только совместных стимулов и мотивов, но и понимания своей роли в процессах экосистемы. *Многосторонность (Multilateral)* означает не только множественность партнеров, но и совокупность отношений, неразложимых на двусторонние взаимодействия. *Совокупность партнеров (Set of partners)*, от участия которых зависит ценностное предложение, независимо от того, имеют они прямые связи с центральной компанией или нет. *Воплощение ценностного предложения (Focal value proposition to materialize)* как основа экосистемы – именно создаваемое ценностное предложение определяет (эндогенную) границу экосистемы (Adner, 2017).

Таким образом, различие в этих подходах касается взгляда на две ключевых категории экосистемы – роли участников и связей между ними. При подходе *экосистема-как-принадлежность* (ориентированном на субъектов) роли вытекают из связей, что ведет к исследованию платформ, посредников и централизованной координации (hub-and-spoke). При подходе *экосистема-как-структура* (ориентированном на процессы) связи выводятся из требований выстраивания процессов, которые определяют роли участников в общей канве создания ценности (Adner, 2017).

Следовательно, важнейшим фактором успеха и задачей цифровых платформ является создание и развитие целостной экосистемы, позволяющей от транзакций перейти к взаимодействиям более сложного синергетического типа, например, при совместном создании новых продуктов. Внутри экосистемы участники платформы оказываются связанными сложной сетью взаимоотношений, в основе которых лежат не только их взаимные интересы, но и цифровые технологии

и алгоритмы, обеспечивающие функционирование единой площадки совместного создания ценности (Крылова и др., 2019).

Таким образом, мы приходим к пониманию не только установления норм и правил, но и организации процессов *внутри экосистемы*, подобно организации процессов *внутри фирмы* как структуры создания ценности. Очевидно, что такая организация должна использовать инструменты, позволяющие согласовать работу огромного количества формально самостоятельных участников (агентов).

В этом направлении начали работать не только экономисты, но исследователи в сфере политических наук. Так, идеальные типы иерархий, рынков и сетей (которым в той или иной степени соответствуют такие формы координации как иерархия, самоуправление и совместное управление (Kooyan, 2003), характерные для политических процессов), используются в ими при исследовании полномочий, эффективности, контроля и отношений власти в отношениях между государством и обществом.

Следует, однако, заметить, что в отличие от экономики, в политических науках изучение управления как процесса координации традиционно стремилось интегрировать как *функциональный* (основанный на правилах/структурах), так и *агентский* уровень. Это привело к идее «смешанного управления»: механизмы управления, такие как бюрократия, рынки и сети, всегда являются результатом сочетания различных логик и принципов работы. Именно поэтому для более ясного понимания механизма управления с помощью алгоритмов проводятся концептуальные связи между обозначенными формами управления и *управлением, основанным на проектировании (design-based governance)* в поведенческой экономике. Последнее связано с построением *архитектур выбора (choice architectures)*, улучшающих процесс принятия решений (Gritsenko & Wood, 2022). Это означает анализ механизмов управления не только на институциональном, но и на процессном уровне.

16.4. Алгоритмическое управление: процессный подход

В публикациях мы находим множество устоявшихся категорий управления, которые теперь ассоциируются с алгоритмами. Так, *алгоритмическое управление* (*algorithmic management*) относится к использованию различных компьютерных процедур в управлении организацией. Поскольку технологические разработки, такие как камеры, датчики, аудиоустройства, биометрия и текст, все больше расширяют возможности сбора и обработки входных данных, то увеличиваются и потенциальные экономические преимущества алгоритмического принятия решений (*Kellogg et al., 2020*). Келлогг с соавторами, ссылаясь на ряд эмпирических исследований, показывает, что в настоящее время алгоритмическое управление по большей части касается изменения формы организационного контроля посредством автоматизации управления (что необходимо сделать, в каком порядке, в какой период времени и с какой степенью точности); оценки (анализ деятельности работников для исправления ошибок, оценки работы и выявления тех, кто работает не на должном уровне); дисциплины (наказание и вознаграждение работников в процессе совместной работы и соблюдения правил).

В то же время, понятие *алгоритмического управления* как *algorithmic governance* используется скорее в институциональном контексте, где *governance* можно трактовать как *управление посредством институтов* (*institutional steering*), являющееся горизонтальным и вертикальным расширением традиционного аппарата управления (*Latzer & Festic, 2019*). Для этого авторы вводят понятие повседневной жизни, которое включает четыре ключевые области: а) социальная и политическая ориентация; б) отдых; в) коммерческие операции и г) общение. Тогда *algorithmic governance* отражает преднамеренные и непреднамеренные управляющие эффекты систем *алгоритмического выбора* (*algorithmic selection*) в повседневной жизни. Латцер

и Фестик рассматривают алгоритмы как нормы и правила, которые влияют на повседневное поведение людей, задавая рамки их деятельности, влияя на выбор и создавая новые возможности действий. Формируя то, как воспринимается мир и какие реальности конструируются, различные алгоритмы управляют повседневной жизнью и влияют на индивидуальное конструирование реальностей, на индивидуальное и коллективное сознание (*Latzer & Festic, 2017*).

Такое понимание алгоритмов может быть интегрировано с институциональной теорией. Организации и институты имеют коллективный характер: индивидум присоединяется к ним, не обсуждая каждое правило, регулирующее отношения между членами, а эволюция институтов не может контролироваться каким-либо отдельным индивидуумом. В то же время свойства коллективных договоренностей организаций и институтов вытекают не только из содержания двусторонних отношений, связывающих каждый из их элементов, но также и из коллективной артикуляции этих договоренностей, другими словами, из топологии *сети взаимодействия* (*Brousseau & Glachant, 2002*). И как раз такая сеть взаимодействия (процессы) в цифровых экосистемах формируется алгоритмами.

Современный механизм алгоритмического управления является результатом цифровизации процессов, аккумуляции данных и управления с помощью технологий. Цифровизация создает цифровые (информационные) активы, намного превышающие возможности человеческого интеллекта, и все процессы выполняются с помощью инструментов (программного обеспечения), основанных на наборе логических правил и команд (алгоритмов). В этих сложных компьютерных системах алгоритмы определяют способы, которыми программное обеспечение мобилизует информационные активы для достижения определенных целей (*Gritsenko & Wood, 2022*). Такими информационными активами являются демографические и социальные данные людей, история их покупок, предпочтения в соцсетях, макроэкономические, политические, кли-

матические и прочие данные, структурированные и неструктурированные. Таким образом, алгоритмическое управление является принятием решений на основе данных (*data-driven decision making*) и осуществляется путем накопления и анализа огромных объемов данных, которые используются для разработки стратегических решений и рекомендаций. Эти данные собираются с помощью цифровых устройств (смартфонов, планшетов, компьютеров), которые мы используем в повседневной деятельности, и позволяют делать более точные прогнозы и принимать более обоснованные решения (Basukie et al., 2020).

Предоставляя среду взаимодействия на платформе, центральная компания накапливает огромные объемы информации об участниках и транзакциях в экосистеме: так, на конец 2021 г. *Instagram* имел 1,21 млрд активных пользователей, *Youtube* – 2,6 млрд, *Facebook* – 2,936 млрд. *Amazon* имеет информацию о ценах огромного количества сделок (так, только в ежегодный Prime Day 12–13 июля 2022 г. было продано 300 млн товаров). Таким объемом детальных данных о транзакциях, их участниках и ценах не владеет ни одно правительство в мире, не говоря об обычных компаниях.

Более того, компания-платформа содержит данные не только о текущих процессах в экосистеме, она накапливает аналитику о возможностях и репутации участников, что влияет не только на тактические решения, но, попадая в общий доступ участникам экосистемы, влияет и на решения стратегического характера, касающиеся дальнейшего сотрудничества и заключения контрактов. Координация участников экосистемы и управление репутацией приводят к отбору более качественных и надежных участников, что в итоге влияет на устойчивость самой экосистемы (Choudary, 2018).

Важно отметить, что алгоритмы искусственного интеллекта по своей сути не являются нейтральными инструментами. Правила и ценности контекста, в котором они разрабатываются и развертываются, влияют на их применение и результаты. Более того, когда системы ИИ исполь-

зуют методы *машинного обучения* (*Machine learning*), они могут достичь определенного уровня (или полной) автономии от программы или инструкций, заданных их создателями (дизайнерами, разработчиками, аналитиками данных), что имеет последствия, выходящие за рамки написания компьютерной программы²⁰³.

И хотя при разработке алгоритмы представляют собой лишь описание последовательности действий, которому должны следовать компьютеры, при взаимодействии с внешней средой они дают результаты, которые их разработчики не могут предвидеть. Это может быть следствием случайности входных данных или настроек параметров, определяющих цели алгоритмов. Но самым важным является то, что входные данные отбираются, фильтруются, группируются, агрегируются и защищаются в соответствии с институциональными целями, культурой, политикой и ресурсами организации. Таким образом, взаимодействие с окружающей средой делает алгоритмы на практике **принципиально отличными от абстрактных алгоритмов** тем, что они включают человеческий и институциональный факторы в качестве важного компонента, без которого невозможно точно оценить его воздействие (*Pak, 2022*).

С одной стороны, накопленные данные служат для построения оптимизационных и прогностических моделей, лежащих в основе алгоритмов, с другой — эти алгоритмы направляют действия людей и объектов. Далее, новые данные о действиях, факторах и взаимосвязях уточняют и корректируют модели, «обучая компьютер» и изменяя алгоритмы (*Machine learning*). В итоге алгоритмическое управление можно представить как сложную взаимосвязанную систему *распределенного взаимодействия* (*distributed agency*) людей и программного обеспечения, когда они непрерывно и поочередно (*co-evolutionary*) определяют действия и состо-

203. Governance in the Digital Economy: the Challenge of governing algorithms https://www.ey.com/en_es/law/governance-in-the-digital-economy-the-challenge-of-governing-algorithms.

яние друг друга (Lutzer & Festic, 2019). По сути, алгоритмы являются не только инструментами, но и в некотором роде актерами, а алгоритмическое управление подразумевает не только управление с помощью алгоритмов (*with algorithms*), но и управление собственно алгоритмами (*by algorithms*).

Подведем итоги проведенного исследования. С институциональной точки зрения можно рассматривать алгоритмы как институты, нормы и правила, которые влияют на поведение участников со стороны спроса и предложения, а также как совокупность правил и рутин, ограничивающих действия субъектов и создающих новое пространство для их действий (Just & Lutzer, 2016). Но, в отличие от традиционных правовых норм, алгоритмические правила, формируя процессы, **заранее** определяют действия людей. Это устраняет необходимость во вмешательстве органов правопорядка и в наказании нарушителей закона. Таким образом, регулирование с помощью программы (*regulation by code*) вместо контроля *ex-post* обеспечивает их исполнение *ex-ante*, тем самым исключая нарушения в принципе. Кроме того, алгоритмические правила формализованы гораздо в большей степени, чем традиционные правовые нормы, требующие пояснения и стандартизации при применении (Fourcade & Healy, 2017).

По этой причине алгоритмическое управление нельзя отнести к рыночному механизму, хотя платформа и представляет собой «место встречи» участников, т. е. по сути сама является рынком. Алгоритмическое управление нельзя назвать и иерархическим, поскольку на платформе взаимодействуют самостоятельные субъекты с формальным правом принятия решений. Не является оно и сетевым, или гибридным, поскольку выбор партнеров для взаимодействия во многих случаях задается алгоритмами, которые разрабатывает платформа. Это отражается и в терминологии: для обозначения управления цифровой экосистемой с помощью алгоритмов вместо привычных терминов управления (*management, control, regulation, administration*) применяют

термин *orchestration*, который трудно точно перевести на русский язык в данном контексте.

Таким образом, алгоритмы не только определяют действия участников цифровых экосистем, но опосредуют практически все формы контроля в цифровой экономике, представляя собой новую форму координации. Встает вопрос о полноте субъектности агентов: формально выбор и принятие решений остается за агентами, но, как мы показали выше, множество альтернатив сформировано алгоритмами на основе данных, которые постоянно обновляются. Малейшее изменение хотя бы одного из параметров мгновенно приводит к другому набору альтернатив и возможному изменению решений о покупке, продаже и производстве. Более того, количество участников цифровых экосистем не ограничено и постоянно изменяется, постоянно приводя к новому множеству альтернатив.

Можно сделать вывод, что цифровые экосистемы представляют новую форму функционирования рынков, а их центральные компании зачастую оказываются более могущественными, чем государство, в силу анализа большого количества данных об участниках экосистемы, их взаимодействиях и возможностях точного предсказания их будущих действий, не говоря уже об отсутствии географических границ таких систем. Кроме того, координация происходит не только на уровне правил, но и на уровне действий, поскольку все большая часть деятельности агентов осуществляется в цифровых экосистемах.

Однако опыт функционирования цифровых экосистем, которые управляются центральной компанией (платформой), принимающей стратегические решения, является весьма ценным для экономической политики. Современный дизайн такой политики, представляющей собой синтез цифровых алгоритмических инструментов, описанных в данной главе, и традиционных методов управления, представляется чрезвычайно актуальным. Именно на создание и дальнейшее изучение цифровых экосистем в области экономической

политики, определение ролей участников в производстве продукции и услуг, сбор данных для принятия решений в условиях информационной асимметрии, а также формирование алгоритмических архитектур выбора и должны быть направлены, на наш взгляд, дальнейшие исследования. При этом инструментарий исследований может быть позаимствован у политических наук и наук об управлении, уже анализирующих не только нормы и правила, задающие контекст для принятия решений, но и непрерывные процессы и действия агентов. Такой подход позволит сформировать предложения для более эффективной государственной экономической политики в современной России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая нашу коллективную работу, мы отдаем себе отчет в том, что чтение этой книги, возможно, было нелегким даже для заинтересованных читателей. В рамках обсуждения синтеза в экономической теории и экономической политике «под одной обложкой» оказался представлен довольно широкий круг областей экономической науки. Здесь рассматриваются как теоретико-методологические проблемы, так и множество самых разнообразных примеров синтеза в экономике, обсуждаются их перспективы. Стремясь донести наши идеи и соображения до читательской аудитории, мы постарались облегчить их восприятие строгой структурой книги и логикой представления материала.

С этой целью монография разделена на две примерно равные части — первая посвящена синтезу в экономической теории, а вторая — синтезу в экономической политике. Каждая из частей начинается с вводной главы, которая выполняет ряд специальных функций. Прежде всего во вводных главах (1 и 9), мы обосновываем актуальность поднимаемых вопросов и предлагаем основные определения синтеза. Эти определения задают общую аксиоматику последующих глав каждой из частей. Также задача вводных глав состоит в том, чтобы, основываясь на принятых определениях, одну за другой представить все последующие главы. Тем самым вводные главы служат одновременно своего рода сводной визитной карточкой каждой из частей книги. Предложенная структура

монографии позволила избежать повторения основополагающих определений по ходу текста, представив их во вводных главах. Тем самым все остальные главы удалось сконцентрировать на обсуждении содержательных вопросов.

Основополагающим понятием для глав первой части книги служит понятие синтеза в экономической теории. Почему надо его специально определять? Дело в том, что смысл, вкладываемый в это понятие, серьезно различается у разных исследователей. Это показали, в частности, дискуссии на только что закончившейся IV Октябрьской международной научной конференции «Сегментация экономической науки и проблемы синтеза» (19–20 октября 2022 г., г. Москва). Несмотря на то, что тема синтеза была вынесена в заголовок конференции, единого понимания этой категории выявить не удалось. Участники этой весьма представительной конференции, собравшей ведущих отечественных специалистов по проблемам теоретической экономики²⁰⁴, вольно или невольно отождествляли синтез в экономической теории с поглощением, взаимовлиянием, дополнением, компромиссом и т.д. В результате, как констатировал по окончании конференции один из ее организаторов заслуженный деятель науки А.Я. Рубинштейн, мнения участников при определении синтеза разошлись.

И это неслучайно. То, что экономисты-теоретики понимают под термином «синтез», определяется сферой их научных интересов, охватом рассматриваемых проблем, особенностями разделяемой научной традиции и множеством других факторов. Также следует принять во внимание широко распространенное техническое понимание синтеза как одного из основных (наряду с анализом) методов научной работы. В результате в дискуссиях по этой теме понятие синтеза ускользает, размывается, теряет четкость.

Поэтому для того, чтобы явно обозначить свою позицию по поводу синтеза в экономической теории, которой мы при-

204. http://www.econorus.org/pdf/Program_Conference_20221019-20.pdf.

держиваемся на страницах книги, в главе 1 нами введено понятие *теоретического синтеза* и дано его определение. *Теоретический синтез — это форма успешной интеграции альтернативных/дополняющих теорий, основанная на достижении «методологического консенсуса» между интегрируемыми теориями²⁰⁵ и создающая новую концептуальную рамку для развития экономических направлений.* Методологический консенсус предполагает признание общих исходных предпосылок и разделяемых предположений о характере (механизмах) экономических явлений и процессов. В ходе синтеза формируется общее исследовательское поле, а реализация теоретического синтеза означает этап развития научного знания, когда оно способно лучше и полнее, чем раньше, описывать и понимать экономическую реальность. Это, собственно, и составляет его основную цель.

Наше определение не претендует на истину в конечной инстанции, и мы заинтересованы в дальнейших дискуссиях по этому поводу, в том числе и с нашими читателями. Тем не менее, для нас это определение послужило важным стержнем, на основе которого удалось организовать представленный в первой части материал. Это стало возможным также потому, что мы не ограничились лишь определением, предложенным на основе обобщения разработок в области методологии науки и анализа представленных в экономической теории примеров теоретического синтеза. Была разработана типологическая классификация его разновидностей. Она учитывает, какие дисциплины представлены в теоретическом синтезе, каков характер их взаимодействия и на основе каких структурных элементов участвующих теорий он базируется. Данная классификация, как мы надеемся, позволила упорядочить представленные на страницах книги примеры теоретического синтеза в экономике и задать общий фокус рассмотрения для всех представленных в первой части исследований.

205. В этом случае даже говорят о «прекращении методологической борьбы» между ними (Вудфорд, 2010).

В свою очередь, понятие *синтеза в экономической политике* является основополагающим для глав второй части монографии. В экономической политике синтез имеет инструментальный характер, он представляет собой способ решения проблемы конфликтующих тенденций при принятии решений в экономической сфере. Общее понимание синтеза в экономической политике вводится и обосновывается в главе 9. *Под синтезом в экономической политике мы понимаем достижение такой взаимодополнительности предлагаемых и реализуемых мер, которые, несмотря на определенную противоположность и, казалось бы, почти несовместимость, используются вместе и совокупно позволяют эффективнее достичь поставленных экономических целей.* Эффективнее в сравнении с тем, если применять эти разнонаправленные меры, инструменты и способы порознь. Повторим, речь идет о своего рода дополнительной мероприятии экономической политики, позволяющей достичь синергетического эффекта. Синтез в экономической политике выражается в том, что находятся формы сочетания альтернативных мер или методов, применяются комбинации альтернативных институтов²⁰⁶. Материал второй части монографии представляет разнообразные примеры и перспективы понимаемого таким образом синтеза в экономической политике. Мы постарались показать, что взгляд на экономическую политику как на синтез используемых в практике альтернативных мероприятий позволяет предвидеть возможные противоречия между ними и сфокусироваться на поиске необходимых решений.

Хотя для отечественной экономической науки постановка вопроса о синтезе в экономической политике является непривычной (несмотря на то, что о необходимости комплексности и системности экономической политики писали и говорили достаточно), в англоязычной литературе работ

206. Актуальность такого синтеза демонстрирует, например, известная проблема сочетания инструментов централизованного регулирования экономики и использования рыночных инструментов, выбора модели частно-государственного партнерства и др.

в этой области, пожалуй, больше, чем работ по синтезу в экономической теории. В то же время публикации на русском языке по этой теме практически не встречаются. Потому мы решили к ней обратиться и призываем читателей к дискуссии по поводу актуальности и содержания синтеза в экономической политике. Конечно, можно согласиться с замечанием Р.С. Гринберга о том, что экономическая политика это скорее искусство, чем наука²⁰⁷. Тем не менее, выявление научных основ экономической политике и проблематизация синтеза используемых в ней мероприятий и инструментов представляются нам весьма полезными.

Взявшись за сложную и многогранную тему синтеза в экономической теории и экономической политике, авторы монографии осознают, что пока предложены лишь отдельные готовые решения. Сейчас вряд ли можно говорить о том, что в современной экономической теории реализован масштабный синтез, сопоставимый с уже известными в экономической теории, такими, например, как неоклассический или новый неоклассический синтез. То же справедливо и для экономической политики. Однако перспективы такого синтеза, особенно в гетеродоксальной экономической теории и в опирающейся на ее достижения экономической политике, представляются авторам монографии вполне реальными.

207. Это замечание прозвучало при обсуждении данной монографии на заседании Ученого совета Института экономики РАН 27 октября 2022 г.

Приложение

МЕТОДЫ МОНТЕ-КАРЛО ДЛЯ СЕЛЕКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА²⁰⁸

Во многих областях исследований, в том числе в общественных науках и экономике, предметная область не описывается надежно верифицированными и строго обоснованными моделями. В этой ситуации приобретает актуальность сравнение альтернативных вариантов регрессионных моделей, проверка оправданности усложнения таких моделей, например, посредством включения в них новых переменных. До сих пор в разных областях науки применяются простейшие методы сравнения моделей посредством сравнения коэффициентов детерминации, получаемых при применении этих моделей к единому набору данных. Однако такой подход имеет тот недостаток, что коэффициент детерминации может только расти при добавлении в модель новых переменных. Дальнейшее развитие математической статистики привело к появлению новых способов сравнения с использованием скорректированных коэффициентов детерминации, критерия Акаике, байесовского критерия Шварца и др. В литературе подобные подходы в ряде публикаций объединены под названием выбор моделей (англ. Model selection) (*Стрижов, Крымова, 2010*). Однако перечисленные критерии имеют свои ограничения, включая невозможность прямых оценок статистической достоверности превосходства усложненных моделей.

208. Данный материал представляет собой расширенную версию статьи (*Кириллок, Сенько, 2020*).

Одно из направлений Model selection – применение методов непараметрической статистики. В отличие от вышеперечисленных критериев они не предполагают конкретной формы распределения ошибок модели, но при этом часто требуют долгих вычислений. Здесь применяются перестановочные тесты (*Kennedy, Cade, 1996; Anderson, Robinson, 2001; Senko, Dzyba, Pigarova, Rozhinskaya, Kuznetsova, 2014*) и метод бутстрэпа (*Skrobotov, 2018*). Эти методы основаны на генерации множества псевдовыборок, полученных из распределений эмпирических данных. Методом генерации служит взятие последовательности эмпирических данных в произвольном порядке. Для перестановочных тестов в результате получается перемешивание, для бутстрэпа же данные берутся «с возвращением» (т. е. какие-то значения могут дублироваться). Используемым альтернативным вариантом метода Монте-Карло служит генерация псевдовыборок с нормальным распределением.

Одной из трудностей, имеющих место при поиске моделей, корректно описывающих данные, является проблема ложных регрессий (*Granger, Newbold, 1974*). Этот эффект имеет место, когда расчет показывает достоверность регрессионной зависимости (например, высокие значения коэффициентов детерминации), хотя на самом деле такой закономерной зависимости нет. Явление ложной регрессии характерно для стохастически нестационарных процессов, например для случайных блужданий. В таких случаях для верификации зависимостей использовать стандартную статистику (например, t -статистику) неправомерно, в частности из-за несоблюдения требования независимости отдельных наблюдений. Поэтому важную роль в проверке достоверности регрессионной зависимости играет проверка временных рядов на стационарность. Известным способом такой проверки служит тест Дики–Фуллера. Представленное исследование направлено на разработку методов верификации, применимых для регрессионных моделей, включающих нестационарные переменные, т. е. переменные, значения которых являются

элементами нестационарного временного ряда. При моделировании учитывается также возможность отличия распределения ошибок от нормального. Интересным объектом для исследования методами Model selection представляются широко применимые в экономике производственные функции, связывающие объем выпускаемой продукции с факторами производства (классическими факторами выступают труд и капитал). Простейшая спецификация — функция Кобба—Дугласа — посредством логарифмирования сводится к модели линейной регрессии, для которой получено особенно много результатов, в том числе с применением непараметрических методов. За время исследований накопилось множество обобщений этой функции и альтернативных спецификаций. В данной работе они исследуются на мезоуровне — на уровне российских регионов. Их анализ позволяет лучше понять особенности конкретных регионов, прогнозировать их развитие и управлять ими.

Дадим описание исследуемых моделей и данных. Ранее в: (Кириллюк, 2013) исследовались различные варианты производственных функций, построенных по временным рядам, характеризующим развитие Российской Федерации в целом. Выводы о качестве моделей делались на основе вычисления обычных и скорректированных коэффициентов детерминации. В данной работе они исследуются для отдельных регионов Российской Федерации (по данным за 1996–2014 гг.), исследуются временные ряды фиксированной длины. В предыдущей работе (Кириллюк, Сенько, 2018) для производственных функций регионов проводилась оценка применимости классической модели функции Кобба—Дугласа и определялась роль трендов по времени в обеспечении достоверности зависимости с использованием псевдовыборок в виде Гауссова белого шума и случайных блужданий. В данной работе методы Монте-Карло использованы для сравнения альтернативных вариантов моделей, анализа достоверности отдельных переменных с привлечением непараметрических методов (перестановочных тестов и бутстрэпов).

В литературе ведется дискуссия о целесообразности использования в производственных функциях в качестве фактора производства *инвестиций* вместо *капитала* (Поспелов, Поспелова, Хохлов, Шипулина, 2006; Гребнев, 2015). Это связано, в частности, с тем, что для инвестиций проще оценивать объективные количественные значения. Кроме того, расчеты показали, что использование инвестиций при аппроксимации исследуемых данных функцией Кобба–Дугласа приводит к более высоким значениям коэффициента детерминации, чем при использовании капитала. Поэтому, в отличие от (Кириллюк, 2013; Кириллюк, Сенько, 2018), в данной работе для расчетов в качестве исходной модели используется инвестиционная производственная функция.

Также, в отличие от (Кириллюк, 2013; Кириллюк, Сенько, 2018), в переменную *труд* производственной функции введена в качестве сомножителя к числу занятых в экономике заработная плата, что существенно увеличило значимость труда в исследуемых вариантах производственных функций. В литературе инвестиционные производственные функции с трудом, выражаемым через зарплату, были представлены ранее, например в (Гребнев, 2015).

Основная используемая в статье модель («инвестиционный» аналог функции Кобба–Дугласа) выражается формулой:

$$Y = A I^{\alpha} L^{\beta}, \quad (1)$$

где Y – валовой региональный продукт; I – инвестиции в основной капитал; L – среднегодовая численность занятых в экономике, помноженная на среднемесячную номинальную начисленную заработную плату работающих в экономике; A , α , β – вычисляемые параметры.

Иногда на (1) накладывается условие $\alpha + \beta = 1$, но здесь это условие не используется. Зато было использовано приведение Y , L и I к постоянным ценам с помощью индексов потребительских цен (в (Кириллюк, 2013) использовался индекс-дефлятор ВВП, а в (Кириллюк, Сенько, 2018) индекс физического объема валового регионального продукта).

Посредством логарифмирования переменных из (1) получаем линейное соотношение:

$$\ln Y = \ln A + \alpha \ln I + \beta \ln L, \quad (2)$$

которое теперь можно исследовать методами линейного регрессионного анализа.

Однако имеет смысл проверять альтернативные гипотезы, например, о том, что производственная функция достоверно зависит только от инвестиций или только от труда:

$$\ln Y = \ln A + \alpha \ln I, \quad (3)$$

$$\ln Y = \ln A + \beta \ln L. \quad (4)$$

Далее представим расчеты по альтернативным моделям производственных функций. Исследуемый нами набор данных в терминах эконометрики является частным случаем панельных данных (т. е. данных, описывающих совокупность однотипных объектов, каждый из которых характеризуется некоторым числом временных рядов показателей). Для них разработаны особые методы исследования, в частности методы выяснения того, есть ли у объектов закономерные индивидуальные признаки (модель с фиксированными эффектами) или они характеризуются единым набором признаков со случайными отклонениями (модель со случайными эффектами). Этот подход ранее использовался для оценки производственных функций регионов Российской Федерации (Бахитова, Ахметшина, Лакман, 2014) и на основе иного набора данных показал, что они описываются моделью с фиксированными эффектами. Проведенные нами расчеты также подтвердили справедливость этой модели. Это делает более обоснованным исследование производственных функций регионов независимо друг от друга.

Классические методы оценки достоверности, применяемые в регрессионном анализе (вычисление R^2 , p -значения для модели в целом с использованием F -статистики и для

коэффициентов при отдельных переменных с использованием t -статистики Стьюдента), показывают высокую достоверность получаемых зависимостей, однако из литературы известно, что применение стандартных методов верификации к регрессионным моделям приводит к возникновению ложных регрессий – формально весьма достоверных, но фактически бессмысленных.

Важная причина возникновения ложных регрессий кроется в несправедливости для временных рядов предположения о взаимной независимости отдельных наблюдений. Избежать подобного предположения позволяют методы верификации, основанные на искусственной генерации псевдовыборок в соответствии с предполагаемой нулевой гипотезой. В этом случае генерация данных, в частности, будет производиться с использованием предположения о соответствии исследуемого временного ряда процессу случайного блуждания.

Для оценки достоверности (1)–(4) и сравнения моделей были рассмотрены следующие модели генерации данных методами Монте-Карло:

1) для совокупности используемых показателей генерировалось по 5000 псевдовыборок по формуле:

$$X_t = e_t \quad (5)$$

где e_t – Гауссов белый шум. Известно, что он характеризуется средним значением и дисперсией, но значение коэффициентов детерминации для его реализаций конечной длины от них не зависит и определяется числом наблюдений во временных рядах (поэтому среднее и дисперсия могут устанавливаться произвольно, в данном случае они выбирались в соответствии с эмпирическими данными для регионов);

2) генерировалось по 5000 псевдовыборок по формуле:

$$X_t = X_{t-1} + e_t \quad (6)$$

где e_t – Гауссов белый шум с нулевым средним и дисперсией, соответствующей дисперсии эмпирических рядов данных.

Процесс (6) называется случайным блужданием и относится к нестационарным процессам;

3) генерировалось по 5000 псевдовыборок, для получения которых внутри используемых эмпирических временных рядов данных происходило перемешивание случайным образом порядка их значений во времени (этот подход называется перестановочными тестами);

4) генерировалось по 5000 псевдовыборок, где внутри используемых эмпирических временных рядов данных происходило перемешивание случайным образом порядка их значений во времени, но при этом (в отличие от предыдущего случая) некоторые значения могли повторяться за счет других данных (выборка с возвращением, может интерпретироваться как бутстрэп).

5) генерировалось по 5000 псевдовыборок, где внутри используемых эмпирических временных рядов данных происходило перемешивание случайным образом порядка приращений во времени, при этом некоторые значения могли повторяться за счет других данных. Дополнительно проводилось исключение влияния прироста значений величин реальных данных за весь период наблюдений.

Перестановочного теста для приращений не проводилось, поскольку его использование оставляет инвариантным суммарное приращение величин за период наблюдений, что вносит искажения в результаты.

Использовалась следующая методология верификации: величины параметра R^2 , характеризующего точность регрессионной модели на искусственно сгенерированных выборках, сравнивались с величинами на истинной выборке. Для полученных каждым из пяти способов псевдовыборок вычислялись коэффициенты детерминации, получающиеся при аппроксимации данных исследуемыми моделями (2)–(4). Затем 5000 полученных коэффициентов детерминации ранжировались по величине и реальное значение R^2 сравнивалось с 250-м по величине значением от максимального среди полученных для псевдовыборок (которое далее будем называть

95%-ным квантилем эмпирического распределения, или просто 95%-ным квантилем). Это способ оценки достоверности полученного результата на уровне 95% (в данном случае того, что значение R^2 получено не случайно, а выражает некоторую закономерность, если реальное R^2 больше 250-го по величине псевдослучайного).

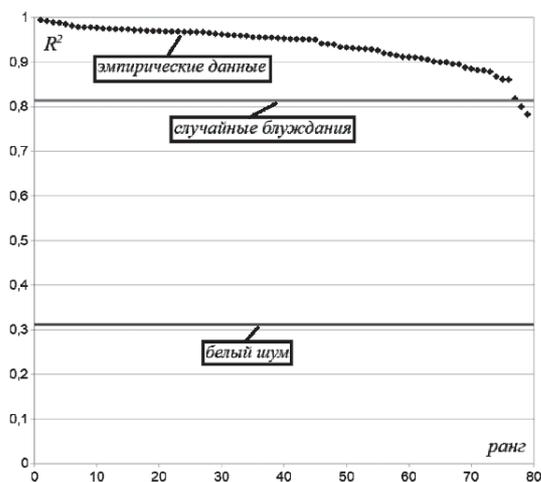

Рис. 1Пр. Ранговое распределение R^2 , рассчитанных по формуле (2), в сравнении с 95%-ными квантилями R^2 для симуляций, рассчитанных по формулам (5) и (6). Символы \diamond обозначают реальные значения R^2

Можно считать, что для конкретных регионов, для которых значение R^2 превышает соответствующее значение 95%-ого квантиля (рис. 1Пр.), выявлена закономерность, достоверная на уровне ниже 0,05. Однако авторам доступна информация о 79 регионах, и это дает дополнительную возможность проверить, не является ли выявленная закономерность на самом деле случайной (такая проблема становится особо актуальной при множественном тестировании). Если, например, лишь для одного региона из 79 для какой-либо модели превзойден 95%-ный квантиль, то достоверность выявленной закономерности значительно меньше, чем если он превзойден для всех регионов.

Классические оценки по F -критерию соответствия модели (2) реальным данным показывают высокие значения коэффициента детерминации (рис. 1Пр). Они варьируют в диапазоне от 0,994 для Дагестана до 0,783 для Мурманской области. Соответствующие p -значения варьируют в диапазоне $(1,55 \cdot 10^{-18}; 4,96 \cdot 10^{-6})$. При этом 95%-ный квантиль для сгенерированных согласно формуле (5) псевдовыборок равен примерно 0,313, а для псевдовыборок, сгенерированных согласно формуле (6), он равен 0,813. Только для двух регионов из 79 имеет место соотношение $R^2 < 0,813$. Описываемая моделью зависимость в данных, таким образом, не может быть полностью объяснена не только чистой случайностью, но и ложной регрессией, обусловленной нестационарностью вида (6) рассматриваемых процессов, из чего можно сделать вывод о достоверности закономерности, выражаемой соотношениями (1)–(2) на уровне меньше 0,05. Результат, полученный с использованием (5) соответствует обычному p -значению для R^2 , вычисляемому в стандартных пакетах в рамках параметрической статистики, а использование (6) позволяет получить более надежные результаты в оценке наличия закономерностей с учетом возможной нестационарности исследуемых процессов. В качестве альтернативы (5) в вычислениях использовались бутстрэпы, но они дали близкие к полученным для псевдовыборок, сгенерированных по моделям (5) и (6), результаты: соответственно $R^2 \approx 0,313$ (как и перестановочный тест) и $R^2 \approx 0,87$ – и не привели к качественно новым выводам о достоверности исследуемых моделей.

Тест Дики–Фуллера в целом формально показывает нестационарность временных рядов и остатков модели (2) по 19 значениям во времени, но для получения достоверных результатов не хватает данных (ряды должны были бы быть хотя бы в несколько раз длиннее), и потому используется сравнение реальных результатов со сгенерированными по формуле (6) в качестве альтернативы этому тесту, пригодной для малых выборок.

Возникает вопрос, не описываются ли данные с настолько приемлемой точностью более простыми соотношениями, например формулами (3) или (4), что усложнение модели до (2) может оказаться нецелесообразным. Дальнейший анализ выявляет подходы к ответу на этот вопрос.

Достоверность отличия от нуля отдельных коэффициентов – $\ln A$, α , β – в формуле (2) по классическому t -критерию Стьюдента следующая: условие $p < 0,05$ выполняется для $\ln A$ у 41 региона, для α – у 37 регионов, и для β – у 60 регионов.

Зависимость, определяемая формулой (3), характеризуется для используемых в статье данных коэффициентами детерминации в диапазоне (0,346; 0,986). При этом 95%-ные квантили эмпирического распределения R^2 для псевдовыборок, генерируемых по формулам (5) и (6), равны соответственно 0,209 и 0,707. Для четырех регионов из 79 имеет место соотношение $R^2 < 0,707$.

Зависимость (4) характеризуется R^2 в диапазоне (0,62; 0,99), 95%-ные квантили R^2 для (5) и (6) те же, что для (3). Лишь для одного региона имеет место соотношение $R^2 < 0,707$.

Итак, модели (3) и (4) сами по себе с весьма высокой достоверностью описывают данные, хотя достоверность, на уровне меньше 0,05, отличия от нуля коэффициентов формулы (2) по t -критерию для значительного числа регионов не имеет места. Это связано с наличием мультиколлинеарности, корреляции между L и I . Существенный вклад в мультиколлинеарность вносит наличие общего тренда по времени, значение которого (для несколько другого набора показателей и с применением другого подхода) обсуждалось в (Skrobotov, 2018). В следующем разделе описаны способы оценки целесообразности для описания исследуемого набора данных усложнения моделей (3) и (4) до модели (2).

Далее продемонстрируем использование метода генерации псевдовыборок для оценки целесообразности усложнения модели.

Объединенная модель (2) статистически достоверна, как и более простые модели (3) и (4). Но существует ли при

этом комбинированный, синергетический эффект, можно ли доказать, что объединенная модель действительно лучше? Рассмотрим основные подходы к ответу на этот вопрос. Для этого опишем алгоритм, применявшийся для оценки целесообразности использования для описания динамики Y обоих факторов производства — I и L . Поскольку обычный R^2 может только увеличиваться при введении в модель новой переменной, даже при использовании в качестве всех данных случайно сгенерированных псевдовыборок расчет по модели с дополнительной имитируемой случайным процессом переменной даст некоторый прирост в значении R^2 . Прирост будет и при добавлении такой переменной к реальным данным. Рассчитав эти приросты для достаточно большого числа псевдовыборок и определяя квантили распределения приростов, можно оценить, насколько достоверно усложненный вариант модели в действительности лучше описывает ситуацию по сравнению с исходной моделью, насколько вероятно, что увеличение значения R^2 (будем обозначать его ΔR^2) не является артефактом.

Было проведено сравнение «длинной» модели (2) с «короткими» моделями (3) и (4). Набор из 5000 имитируемых длинных моделей рассчитывался на основе реальных данных короткой модели и случайных псевдовыборок, описываемых формулами (5) и (6) и имитирующих реальные данные той из переменных длинной модели (2), которая отсутствует в сравниваемой короткой модели. Для полученного набора вычислялись значения коэффициентов детерминации. Затем значения R^2 «короткой модели» (3) или (4), посчитанные для реальных данных, вычитались из соответствующих значений R^2 «длинной модели» (2) и определялись 95%-ные квантили полученных наборов ΔR^2 . Они сравнивались с реальными значениями ΔR^2 (т. е. с такими разностями, где и в «короткой» и в «длинной» моделях все данные реальные).

$\Delta R^2_{\text{реал}}$ — реальные значения ΔR^2 , рассчитанные по формулам (2) и (3) и (2) и (4), и ΔR^2_{250} — разности 95%-ных квантилей эмпирических распределений ΔR^2 для симуляций,

рассчитанных по формулам (5) и (6) для случаев зависимостей от одной и двух переменных.

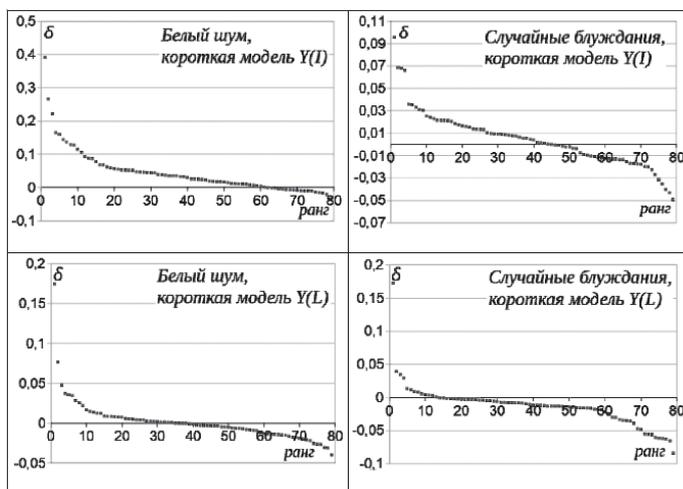

Рис. 2Пр. Ранговое распределение разностей $\delta = (\Delta R^2_{\text{реал}} - \Delta R^2_{250})$

Расчеты по сравнению моделей (2) и (3) показали, что для 61 региона реальные значения ΔR^2 больше 95%-ных квантилей симуляций (5) и для 44 регионов больше 95%-ных квантилей симуляций (6).

Сравнение моделей (2) и (4) показало, что значения ΔR^2 для 38 регионов больше 95%-ных квантилей симуляций (5) и для 13 регионов больше 95%-ных квантилей симуляций (6).

Как видно из результатов расчетов, представленных на рис. 2Пр, сравнение с симуляциями, основанными на модели (6), не позволяет сделать вывода со значимостью на уровне $p < 0,05$ об информативности переменной I (инвестиции) для 34 из 78 регионов. Симуляции по модели (6) не позволяют сделать вывода со значимостью на уровне $p < 0,05$ об информативности переменной L (труд) уже для 65 из 78 регионов.

В описанных выше расчетах информация о каждом из регионов использовалась независимо от информации о других регионах. Вместе с тем для каждого отдельного региона вывод основывается на анализе весьма короткого временного

ряда. Совместное использование информации обо всех регионах может дать более достоверные результаты об информативности переменных I и L в целом безотносительно к каждому конкретному региону. Поэтому были проведены дополнительные расчеты. Были вычислены суммы ΔR^2 по всем регионам для пар моделей ((2) и (3)) и ((2) и (4)). Такие же суммы были вычислены в каждом случае для 5000 наборов из 79 псевдовыборок, где переменная, не вошедшая в короткую модель, генерировалась по формулам (5) и (6). Полученные суммы для реальных данных сравнивались с 95%-ными квантилями эмпирического распределения разностей коэффициентов детерминации псевдовыборок. Для обеих пар моделей была показана высокая достоверность исследуемых разностей ΔR^2 . Для случая с короткой моделью (3) получены интервалы сумм ΔR^2 псевдовыборок по формуле (5) – (0,28; 1,24) и по формуле (6) – (0,99; 3,23), при реальном значении 6,02. Для случая с короткой моделью (4) получены интервалы сумм ΔR^2 псевдовыборок по формуле (5) – (0,15; 0,70) и по формуле (6) – (0,42; 1,37), при реальном значении 1,57. То есть в обоих случаях имеет место высокая достоверность, оцениваемая по крайней мере на уровне $p < 0,0002$.

Все использованные в статье расчеты проводились с помощью программ, написанных на языке R.

Перейдем к рассмотрению аналитических результатов. Будут рассмотрены свойства инвариантности R^2 и его приращений относительно преобразований переменных линейной регрессионной модели, существенно упрощающие применения изложенных выше методов Монте-Карло. Часть рассматриваемых свойств инвариантности в рамках классической регрессионной модели упоминаются в литературе, например, на стр. 54 в (Грин, 2016). Отличие наших результатов, в том, что они получены для стохастических регрессоров, обобщены и адаптированы к использованию в рамках применения методов Монте-Карло.

Дан набор временных рядов: вектор Y значений зависимой переменной длины n , матрица значений регрессоров X

размера $N \times n$, зависимость $Y(X)$ аппроксимируется линейной регрессионной моделью

$$Y = a_0 + a_1 \cdot X_1 + a_2 \cdot X_2 + \dots + a_N \cdot X_N + \varepsilon$$

с коэффициентом детерминации R^2 , производится линейное невырожденное преобразование исходных переменных к новому вектору y целевой переменной и матрице значений преобразованных регрессоров Z (также размера $N \times n$) посредством умножения X на невырожденную матрицу преобразования P размерности $N \times N$ ($\det P \neq 0$, из чего следует существование обратной матрицы преобразования P), добавление вектора констант C к регрессорам и проведения линейного преобразования $y = c_0 Y + c_1$, где c_0, c_1 – константы. Элементы Y, X, Z, P, C обозначаются индексами: $i = 1, \dots, N$ – номер регрессора $X_i, k = 1, \dots, N$ – номер регрессора $Z_k, j = 1, \dots, n$ – номера наблюдений по времени во временных рядах переменных Y, X_i, Z_k (длина n всех рядов Y, X_i, Z_k одинакова).

В этом случае справедлива следующая

Теорема 1²⁰⁹. В линейной регрессионной модели распределение выборочного множественного R^2 инвариантно относительно линейных невырожденных преобразований переменных (записанных в матричной форме) вида:

$$Z = XP + C, \quad (7)$$

$$y = c_0 Y + c_1, \quad (8)$$

Теорема справедлива при использовании симулированных данных произвольной природы.

Доказательство:

Вначале рассмотрим преобразование 1 при $C = 0$.

Преобразование (7) при таком условии можно записать в форме:

$$Z_1 = p_{11}X_1 + \dots + p_{1N}X_N, \dots, Z_N = p_{N1}X_1 + \dots + p_{NN}X_N. \quad (9)$$

Оно оставляет Y неизменным.

209. Теоремы 1–3 выведены И.Л. Кирилюком.

Предполагается, что детерминант матрицы P не равен нулю (т. е. никакая переменная не является линейной комбинацией других переменных).

Формула справедлива для каждого значения X_{ij} и Z_{kj} во временных рядах. При этом, p_{ik} от j не зависит.

Функционал качества модели (сумма квадратов ее остатков, $\sum_{j=1}^n \varepsilon_j^2$) в исходных переменных имеет вид:

$$Q = \sum_{j=1}^n \left(Y_j - a_0 - \sum_{i=1}^N a_i X_{ij} \right)^2. \quad (10)$$

Поскольку преобразование (9) невырожденное, для него имеется обратное преобразование:

$$X_1 = p'_{11}Z_1 + \dots + p'_{1N}Z_N, \dots, X_N = p'_{N1}Z_1 + \dots + p'_{NN}Z_N. \quad (11)$$

Подставляя это преобразование в (10), получаем:

$$Q_1 = \sum_{j=1}^n \left(Y_j - a_0 - \sum_{i=1}^N a_i \sum_{k=1}^N p'_{ik} Z_{kj} \right)^2, \quad (12)$$

Q_1 можно переписать в новых обозначениях:

$$Q_1 = \sum_{j=1}^n \left(Y_j - a_0 - \sum_{k=1}^N \gamma_k Z_{kj} \right)^2, \quad (13)$$

где γ_k определяются по формуле:

$$\gamma_k = \sum_{i=1}^N a_i p'_{ik},$$

Формула (13) аналогична по структуре формуле (10).

Соответственно, при замене переменных в обратном направлении получаем с использованием преобразования переменных (9):

$$Q = \sum_{j=1}^n \left(Y_j - a_0 - \sum_{k=1}^N \gamma_k \sum_{i=1}^N p_{ik} X_{ij} \right)^2,$$

таким образом,

$$a_i = \sum_{k=1}^N \gamma_k P_{ik}.$$

Слагаемые Y_j и a_0 остаются в (10) и в (12), поскольку не затрагиваются преобразованиями (9) и (11), сумма остальных слагаемых тоже инвариантна, поскольку ее численное значение остается тем же, только выражено в новых переменных. Следовательно, значение Q остается прежним, соответственно, минимумы функционалов Q и Q_1 совпадают. Поскольку R^2 – это Q , разделенное на дисперсию Y , $R^2 = Q/\sigma_2^2(Y)$, то значение R^2 также остается инвариантным относительно (9). Поскольку это справедливо для любой реализации симуляции, отсюда следует инвариантность распределений R^2 и их 95%-квантилей относительно преобразования переменных (9).

Теперь рассмотрим преобразования

$$y = c_0 Y, \quad (14)$$

$$y = Y + c_1, \quad (15)$$

$$Z = X + C. \quad (16)$$

Если увеличить Y в c_0 раз, увеличатся в c_0 раз, согласно уравнению регрессии и остатки модели, следовательно, получим $Q_2 = c_0 Q_1$. При этом дисперсия $\sigma^2(Y)$ также увеличится в c_0 раз, а следовательно, R^2 не изменится при преобразовании (14).

Добавляя константы c_i к зависимой переменной и к регрессорам, получим функционал:

$$Q_2 = \sum_{j=1}^n \left(Y_j + \left(c_1 - a_0 - \sum_{i=1}^N a_i c_i \right) - \sum_{i=1}^N a_i X_{ij} \right)^2,$$

с новым постоянным членом $\left(c_1 - a_0 - \sum_{i=1}^N a_i c_i \right)$.

Но при решении оптимизационной задачи минимизации Q в (10) постоянный член находится как результат вычислений и его значение для минимумов Q и Q_2 останется одинаковым. Остальные слагаемые преобразование не затрагивает.

Следовательно, минимумы Q и Q_2 совпадают. Дисперсия $\sigma^2(Y)$ при этом преобразовании также очевидно не меняется, следовательно, R^2 инвариантно относительно преобразований (15, 16).

Очевидно, что R^2 не меняется при комбинировании (9), (14) (15) и (16), т. е., при системе преобразований (7–8).

Следовательно, не меняется при этих преобразованиях и распределение R^2 для набора реализаций временных рядов и его квантили.

В доказательстве не уточнялась природа породившего реализации целевой переменной и регрессоров процесса (или процессов), поэтому оно справедливо для любых таких процессов. Теорема 1 доказана.

Рассмотрим теперь случай, когда сравниваются две регрессионные модели, одна из которых отличается от другой наличием дополнительного регрессора X_{N+1} .

Дан набор временных рядов: вектор Y значений зависимой переменной длины n , матрица значений регрессоров X размера $(N+1) \times n$, зависимость $Y(X)$ аппроксимируется линейными регрессионными моделями:

$Y = a_0 + a_1 \cdot X_1 + a_2 \cdot X_2 + \dots + a_N \cdot X_N + \varepsilon$ — короткая модель с коэффициентом детерминации R^2_k , $Y = b_0 + b_1 \cdot X_1 + b_2 \cdot X_2 + \dots + b_N \cdot X_N + b_{N+1} \cdot X_{N+1} + e$ — длинная модель с коэффициентом детерминации R^2_∂ , приращение коэффициента детерминации $\Delta R^2 = R^2_\partial - R^2_k$.

Производится линейное невырожденное преобразование исходных переменных к новым вектору y целевой переменной и матрице значений преобразованных регрессоров Z (также размера $(N+1) \times n$) посредством умножения X на невырожденную матрицу преобразования P размерности $(N+1) \times (N+1)$ ($\det P \neq 0$, из чего следует существование обратной матрицы преобразования P'), добавление вектора констант C к регрессорам и проведения линейного преобразования $y = c_0 Y + c_1$, где c_0, c_1 — константы. Элементы Y, X, Z, P, C обозначаются индексами: $i = 1, \dots, N+1$ — номер регрессора X_i , $k = 1, \dots, N+1$ — номер регрессора Z_k , $j = 1, \dots, n$ — номера

наблюдений по времени во временных рядах переменных Y , X_i , Z_k (длина n всех рядов Y , X_i , Z_k одинакова).

Теорема 2. При сравнении на фиксированном наборе данных линейных регрессионных моделей, отличающихся наличием дополнительного регрессора, распределение приращений выборочного множественного коэффициента детерминации ΔR^2 инвариантно относительно линейных невырожденных преобразований (записанных в матричной форме) вида:

$$\begin{aligned} Z &= XP + C, \\ y &= c_0 Y + c_1, \end{aligned}$$

если в матрице P равны нулю коэффициенты, выражающие независимые переменные короткой модели через переменную X_{N+1} . Теорема справедлива при использовании симулированных данных произвольной природы.

Доказательство:

Подвергнем сначала переменные длинной модели преобразованию:

$$\begin{aligned} Z_1 &= p_{11}X_1 + \dots + p_{1N+1}X_{N+1}, \dots, Z_{N+1} = \\ &= p_{N+11}X_1 + \dots + p_{N+1N+1}X_{N+1}. \end{aligned} \quad (17)$$

Согласно теореме 1, оно сохраняет R^2 длинной модели. Функционал качества короткой модели имеет вид:

$$Q_k = \sum_{j=1}^n \left(Y_j - a_0 - \sum_{i=1}^N a_i X_{ij} \right)^2. \quad (18)$$

Обратное преобразование имеет вид:

$$\begin{aligned} X_1 &= p'_{11}Z_1 + \dots + p'_{1N+1}Z_{N+1}, \dots, X_{N+1} = \\ &= p'_{N+11}Z_1 + \dots + p'_{N+1N+1}Z_{N+1}. \end{aligned} \quad (19)$$

Подставляя это преобразование в Q_k , получаем:

$$\begin{aligned}
Q_{k1} &= \sum_{j=1}^n \left(Y_j - a_0 - \sum_{i=1}^N a_i \sum_{k=1}^{N+1} p'_{ik} Z_{kj} \right)^2, \\
Q_{k1} &= \sum_{j=1}^n \left(Y_j - a_0 - \sum_{i=1}^N a_i \sum_{k=1}^N p'_{ik} Z_{kj} - \sum_{i=1}^N a_i p'_{iN+1} Z_{N+1j} \right)^2, \\
Q_{k1} &= \sum_{j=1}^n \left(Y_j - a_0 - \sum_{k=1}^N \gamma_k Z_{kj} - \gamma_{N+1} Z_{N+1j} \right)^2, \\
\gamma_k &= \sum_{i=1}^N a_i p'_{ik}, \text{ в том числе } \gamma_{N+1} = \sum_{i=1}^N a_i p'_{iN+1}.
\end{aligned}$$

В общем случае, $Q_{k1}(Z)$ зависит от числа переменных на одну больше, чем $Q_k(X)$.

Это значит, что коэффициенты детерминации короткой модели в исходных и преобразованных переменных не совпадают.

$$\text{Исключением является случай } \gamma_{N+1} = \sum_{i=1}^N a_i p'_{iN+1} = 0.$$

Это условие может быть выполнено, когда $p'_{iN+1} = 0$, $i = 1, \dots, N$.

При этом важно выполнение условия $p'_{N+1N+1} \neq 0$, так как иначе преобразование будет вырожденным.

В этом случае, в обратном преобразовании (19) выделяется преобразование (11), ограниченное переменными короткой модели и удовлетворяющее условию теоремы 1. В этом случае ΔR^2 инвариантен относительно рассмотренного преобразования.

Преобразования $y = c_0 Y + c_1$, и добавление констант к регрессорам оставляют инвариантными R^2 как короткой, так и длинной модели согласно теореме 1, следовательно, ΔR^2 относительно них также инвариантен.

Таким образом, при ограничениях $p'_{iN+1} = 0, i = 1, \dots, N$ ΔR^2 при преобразованиях (17–18) не меняется.

В доказательстве не уточнялась природа породившего реализации целевой переменной и регрессоров процесса (или процессов), поэтому оно справедливо для любых таких процессов. Теорема 2 доказана.

Определение: линейное ограничение на параметры – линейное соотношение в уравнении регрессии

$$Y = a_0 + a_1 X_1 + a_2 X_2 + \dots + a_N X_N + \varepsilon, \quad (20)$$

выполняющееся для набора коэффициентов регрессии вида

$$A_0 + a_1 A_1 + \dots + a_N A_N = 0.$$

Теорема 3. Заменой переменных задача проверки ограничения на коэффициенты регрессии сводится к задаче проверки равенства нулю коэффициента регрессии.

Доказательство: В регрессионной модели (20) проведем замену переменных, вычтя из целевой переменной и из $N-1$ регрессоров любой регрессор, например N -й, помноженный на некоторые константы:

$$Y = Y - A_0 X_N, x_1 = X_1 - A_1 X_N, x_{N-1} = X_{N-1} - A_{N-1} X_N, x_N = X_N.$$

В результате подстановки получим выражение:

$$y = a_0 + a_1 x_1 + \dots + a_{N-1} x_{N-1} + (a_1 A_1 + \dots + a_{N-1} A_{N-1} + a_N A_0) X_N + \varepsilon.$$

Если выполнено условие $a_1 A_1 + \dots + a_{N-1} A_{N-1} + a_N A_0 = 0$, получаем короткую модель, в которой присутствуют все регрессоры кроме N -го.

Таким образом, доказательство наличия ограничения на параметры сводится к доказательству того, что переменная X_N не увеличивает значимо точность модели, что может быть проверено используемыми в разделе методами Монте-Карло. Теорема 3 доказана.

Подведем итоги представленного исследования. Использованные в статье методы оценки целесообразности усложнения моделей имеют преимущества перед классической методологией оценки достоверности регрессии по F - и t -статистикам и могут быть использованы для широкого класса моделей. Преимущество заключается, в частности в том, что легко учитывается эффект нестационарности,

а также существуют непараметрические варианты методов. В исследованном случае перестановочные тесты, бутстрэпы и симуляции с использованием нормального распределения дали близкие результаты, но такая ситуация не является общей, непараметрические методы имеют более широкую сферу применимости. Представляет интерес интеграция методов исследования нестационарных процессов непараметрическими методами с существующими подходами к исследованию панельных данных, что предполагается возможным предметом дальнейших исследований.

Литература

- Абалкин Л.И. (2000). Избранные труды в 4-х томах. Т. 1. М.: ОАО «НПО "Экономика"».
- Автономов В.С. (1998). Модель человека в экономической науке. СПб: Экономическая школа.
- Аганбегян А.Г., Еришов М.В. (2020). Нет длинных денег – нет роста // Ведомости. 9 сентября / Экономика. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/09/08/839227-dlinnih-deneg> (дата обращения: 15.07.2022).
- Акаев А.А. (2011). Стратегическое управление устойчивым развитием на основе теории инновационно-циклического экономического роста Шумпетера-Кондратьева // «Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития». М: Кн. дом «ЛИБРОКОМ». С. 109–124.
- Акерлоф Дж. (2021). Грехи и упущения экономической науки // Экономическая политика. Т. 16. №1. С. 104–123.
- Александров Ю.И., Кирдина С.Г. (2012). Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. № 8. С. 3–13.
- Александров Ю.И., Кирдина С.Г. (2012). Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // СОЦИС (Социологические исследования). № 8. С. 3–12.
- Ананьин О.И. (2002). Компаративистика в методологическом арсенале экономиста. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Ананьин О.И. (2009). За «экономический империализм» без имперских амбиций, или О формах междисциплинарных взаимодействий // Общественные науки и современность. № 6. С. 130–139.
- Ананьин О.И. (2021). Генезис экономической науки: историко-научный контекст: Доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Андрюшин С.А. (1998). Банковская система России: особенности эволюции и концепции развития. М.: Институт экономики РАН.
- Атнер М. (1970). Кибернетика и развитие. Пер. с англ. М: Изд-во «Мир».
- Ариели Д. (2010). Предсказуемая иррациональность: скрытые силы, определяющие наши решения. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Баарс Б., Гейдж Н. (2014). Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 т. Т. 2. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний.
- Бажанов В.А. (2019). Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».

- Баженов Г., Мальцев А. (2018). Современные гетеродоксальные направления экономической теории в контексте трансформации мейн-стрима // Общество и экономика. №1. С. 5–21.
- Балахонский В.В. (2020). Тенденция интеграции междисциплинарного научного знания: важнейшие направления и детерминанты // Синтез междисциплинарного научного знания как фактор развития современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука». С. 59–62.
- Балацкий Е.В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин и красивая метафора // Journal of Institutional Studies № 12(3). С. 24–41.
- Балацкий Е.В. (2012а). Институциональные и технологические ловушки: анализ идей // Журнал экономической теории. №2. С. 48–63.
- Балацкий Е.В. (2012б). Технологическая диффузия и инвестиционные решения // Журнал Новой экономической ассоциации. № 15(3). С. 10–34.
- Балацкий Е.В., Ушакова С.Е., Малахов В.А., Юревич М.А. (2017). Национальные модели технологического развития: сравнительный анализ // Journal of Institutional Studies. № 9(4). С. 37–51.
- Баранов Г. (2017). Сотвори себе банкира. 30 лет последней банковской реформе СССР // «Журнал «Коммерсантъ Деньги», 18.02.2017.
- Барсукова С.Ю., Коробкова А.Д. (2014). Вступление России в ВТО в зеркале российских печатных СМИ // Экономическая социология. №15(4). С. 20–44.
- Баумоль У. (2001). Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики №2. С. 73–107.
- Бахитова Р.Х., Ахметшина Г.А., Лакман И.А. (2014). Панельное моделирование объема выпуска продукции для регионов России // Управление большими системами. № 50. С. 99–109.
- Белоглазова Г.Н., Толоконцева Г.В. (2013). Денежное обращение и банки: Учебное пособие. М: Финансы и статистика.
- Бланишар О. (2010). Макроэкономика (пер. с английского) // М: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М: Дело ЛТД.
- Блауг М. (2004). Методология экономической науки, или как экономисты объясняют // Журнал Вопросы экономики.
- Болдырев И. (2008). Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации // Вопросы экономики. № 7. С. 100–111.

- Болдырев И.А. (2011). Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений // Журнал Новой экономической ассоциации. № 9. С. 47–70.
- Боулз С. (2011). Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М.: Дело.
- Браславский Р.Г. (2014). Трансформации методологического самоопределения социологии в контекстах дисциплинарного развития социальных наук // Вторые Давыдовские чтения. М.: Институт социологии. С. 19–41.
- Булыгина Т.А. (2000). Общественные науки в СССР: 1945–1985 гг. 2-е изд. М.: МАДИ (Технический университет): Институт гуманитарных исследований.
- Бурдье Пьер (2005). Социальное пространство: поля и практики. Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Бьюкенен Дж., Таллок У. (1997). Расчет согласия. В кн. Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: Таурус Альфа.
- Вархотов Т.А. (2018). Объективность «объективности»: историографическая модель Л. Дастон и П. Галисона и эпистемологическая история науки // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 4, № 3. С. 3–13.
- Вахитайн В.С. (2014). Эпистемические интервенции. 7 фактов о «военных действиях» между дисциплинами // Постнаука. <https://postnauka.ru/faq/27198> (дата обращения: 23.07.2021).
- Веблен Т. (2006 (1898)). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 10–32.
- Верников А.В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? // Journal of Institutional Studies 12(2). С. 25–37.
- Верников А.В., Кирдина С.Г. (2010). Эволюция банков в X- и Y-экономиках. Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост. Материалы VIII международного симпозиума по эволюционной экономике, г. Пушкино, Московская область, Россия, 17–19 сентября 2009 года / Под ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной. М.: Институт экономики РАН, 2010. С. 246–280.
- Верников А.В., Кирдина С.Г. (2010). Эволюция банков в X- и Y-экономиках. Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост. Под ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной. М.: Институт экономики РАН. С. 246–280.

- Винер Н. (1958). Кибернетика и общество. Пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Виноградов А.В. (2016). 3-й пленум ЦК КПК 12-го созыва. В: История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука. 2013. ISBN 978-5-02-036530-8. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов. 2016. ISBN 978-5-02-039212-0 (в пер.). С. 344–349.
- Власов С.А., Синяков А.А. (2020). Эффективность государственных инвестиций и выводы для денежно-кредитной политики в России // Вопросы экономики. № 9. С. 22–39.
- Воейков М.И. (2012). Советская политическая экономия: оценки и переоценки. М.: Ин-т экономики РАН.
- Вольчик В.В. (2012). Институциональные изменения: на пути к созданию общей теории // Journal of Institutional Studies 4(4). С. 4–6.
- Вольчик В.В. (2015). Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // Terra Economicus. № 13(4). С. 52–64.
- Вольчик В.В. (2017). Нарративная институциональная экономика. анализ // Journal of Institutional Studies. № 9(4). С. 131–143.
- Вольчик В.В. (2021). Дискурсы о социальных барьерах российской (контр)инновационной системы: реальность или нарратив? // Социологические исследования. №10. С. 61–71.
- Вольчик В.В., Маслокурова Е.В., Пантеева С.А. (2021а). Показатели инновационной деятельности в контексте нарративной экономики // Journal of New Economy. №22(4). С. 24–44.
- Вольчик В.В., Маслокурова Е.В., Пантеева С.А. (2021б). Исследование подходов к моделированию национальных инновационных систем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. №14(5). С. 135–150.
- Воронцов Н.Н. (1980). Синтетическая теория эволюции: ее источники, основные постулаты и нерешенные проблемы // Журнал Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева. Т. 25. № 3. С. 293–312.
- Вудфорд М. (2010). Сближение взглядов в макроэкономике: элементы нового синтеза // Вопросы экономики. № 10. С. 17–30.
- Габриэль М. (2020). Я не есть мозг: Философия духа для XXI века. М.: URSS.
- Гильманова Р.Н. (2010). Некоторые предпосылки определения полезности в гиббсовских моделях событийного рынка // IX Международная

- конференция по финансово-актуарной математике и эвентоконвергенции технологий, Красноярск. С. 1–6.
- Глазьев С.Ю. (2019). Управление развитием экономики: курс лекций. М.: Издательство Московского университета.
- Глазьев С.Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар.
- Глазьев С.Ю., Микерин Г.И, Тесля П.Н. и др. (1991). Длинные волны: Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. / Отв. ред. С.В. Казанцев, П.Н. Тесля. Новосибирск: Наука: Сиб. отделение.
- Глазьев С.Ю. (2018). Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир.
- Глезерман Г.Е., Келле В.Ж., Пилипенко Н.В. (1971). Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия // Коммунист. № 4. С. 60–70.
- Говтвань О.Д. (2020). Подход к формированию альтернативной теории денег // Экономика. Налоги. Право 13(5). С. 54–61.
- Голиченко О.Г. (2012). Основные факторы развития национальной инновационной системы // Инновации №5 (163). С. 4–18.
- Голиченко О.Г. (2014). Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования // Вопросы экономики. №7. С. 35–50.
- Голиченко О.Г., Бальчева Ю.Е. (2012). Типичные модели инновационного поведения предприятий // Инновации. №2. С. 19–28.
- Головнин М. Ю. (2017). Взаимодействие денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики стран Центральной и Восточной Европы // Деньги и кредит. № 8. С. 3–11.
- Гончаров В.Э. (1999). Гражданское общество как идеологема // Гражданское общество: первые шаги / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб.: Электронная библиотека «Гражданское общество». <http://www.civisbook.ru>. С. 1–6.
- Гребер Д. (2020). Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гребер Д. (2021). Долг: первые 5 000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж».
- Гребнев М.И. (2015). Построение производственных функций регионов России // ВУЗ. XXI век. № 2. С. 50–56.
- Грин У.Г. (2016). Эконометрический анализ. Книга 1. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС.

- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2014). Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюгляровских циклов), Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: ежегодник, Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель.
- Гуля Е.Г., Кудревич В.В. (2021). Современные аспекты денежного обращения в России // International Journal of Humanities and Natural Sciences 4-3(55). С. 120–122.
- Гусаков А.Д., Дымышиц И.А. (1951). Денежное обращение и кредит в СССР. М.: Госфиниздат.
- Данилкина Д.С. (2019). Нейроэкономика: новый междисциплинарный подход к исследованию экономического поведения // Философия хозяйства. № 3. С. 188–199.
- Деан С. (2018). Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли. М.: Карьера-Пресс.
- Десярева С.В. (2010). Методологические основания исследования институциональной структуры национальной экономики. В сб.: Формування ринкової економіки: зб. наук. праць. Спец. вип. Проблеми сучасної економіки та інституціональна теорія. М-во освіти і науки України, ДВНЗ «Київський нац. екон. ун-т ім. В. Гетьмана»; відп. ред. О. О. Беляєв. Київ: КНЕУ. С. 100–110.
- Дежина И.Г., Киселева В.В. (2008). Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М.: ИЭПП (Научные труды / Ин-т экономики переходного периода; No 115P).
- Декреты Советской власти. (1957). Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы.
- Деягин М.Г. (1997). Экономика неплатежей: Как и почему мы будем жить завтра. М.: Держава.
- Денежное обращение в СССР в 1986–1991 годах (ведомственные материалы). (2011). По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 12. М.: Центральный банк Российской Федерации. С. 1–120.
- Деррида Ж. (2000). О грамматологии. Пер. с фран. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem.
- Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. (2004). Судьба политической экономики и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Довбенко М. В., Осик Ю.И. (2011). Современные экономические теории в трудах нобелиантов. М.: Издательство «Академия Естественных наук».
- Дру Ш. (2006). Математика в экономической теории: исторический и методологический анализ // Вопросы экономики. № 7. С. 53–72.
- Дудина В.И. (2001). Сравнительная эпистемология социального знания. Компаративистика. М.: СПб: СПбГУ. С. 5–19.

- Дэн Сяопин (1988). Основные вопросы современного Китая. Пер. с кит. М.: Политиздат.
- Евстигнеев Р.Н., Евстигнеева Л.П. (2007). Экономическая синергетика (Сборник). М.: Институт экономики РАН.
- Евстигнеев Р.Н., Евстигнеева Л.П. (2010). Экономика как синергетическая система. М.: Ленанд.
- Еришов М.В. (2015). Об условиях экономического роста: о валютном курсе, валютной стабильности и длинных деньгах // Сборник Государственной думы РФ «О мерах по преодолению кризисных процессов в экономике России». С. 208–222.
- Еришов М.В. (2020). Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике // Вопросы экономики. № 12. С. 5–23.
- Ефимов В.М. (2016). Экономическая наука под вопросом. М.: Инфра-М.
- Жигулева В.В. (2004). Реформа системы ценообразования КНР (1978–2002 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.
- Занг В.-Б. (1999). Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории: Пер. с англ. М.: Мир.
- Заславская Т.И. (2007). Избранное: в 3-х т. Т. 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: ЗАО «Издательство «Экономика».
- Зотова Т.А. (2011). Предпосылка ограниченной рациональности в изучении влияния институтов на экономическое поведение // TERRA ECONOMICUS. Т. 9. № 2. Ч. 3. С. 7–10.
- Исламутдинов В.Ф. (2020). Дихотомия энтропии в экономике // IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Т. XXI. Тематическая конференция «Междисциплинарные исследования в экономике» (сборник материалов). Составители В.Н. Бобков, М.Ю. Урнов, Д.В. Ушаков. М.: Новая экономическая ассоциация. С. 59–63.
- Исламутдинов В.Ф. (2010). Синтез институционального и эволюционного подходов к теоретическому обоснованию инновационных процессов. М.: Ханты-Мансийск, ИИЦ ЮГУ.
- Исламутдинов В.Ф. (2014). Эволюционная экономика. Учебное пособие для магистрантов по направлению «Экономика». М.: Ханты-Мансийск: ЮГУ.
- История экономических учений. (2002). Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М.
- Кадочкиков Д. (2012). Спрос на деньги в структурных моделях формирования валютных курсов // Вопросы экономики. № 7. С. 96–113.
- Канеман Д. (2021). Думай медленно... решай быстро: перевод с английского. М.: Изд-во АСТ.

- Канеман Д., Словик П., Тверски А. (2005). Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. М.: Харьков: Гуманитарный центр.
- Канунников А.А. (2016). «Гражданское общество» как идеологема и инструмент политики // Вестник РМАТ. № 3. С. 17–22.
- Капелюшников Р.И. (2018). Куда движется современная экономическая наука: полу-социологические наблюдения // Экономическая теория: триумф или кризис?: XVII Ежегодная международная конференция из цикла «Леонтьевские чтения», Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2018 года. С. 81–103.
- Капелюшников Р.И. (2018а). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения. В: Куда движется современная экономическая наука?: Научные доклады. (2018). Москва, Институт экономики РАН. С. 8–33.
- Капелюшников Р.И. (2013). Поведенческая экономика и новый патернализм. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Серия WP3 «Проблемы рынка труда».
- Капогузов Е.А. (2012). Теория общественного выбора как теоретический фундамент реформ государственного управления // Мир экономики и управления. Т. 12. № 2. С. 21–30.
- Кара-Мурза С.Г. (2016). Советская цивилизация. Главная книга об СССР. Одним томом. Т. 1. М.: ТД Алгоритм.
- Картов М.В. (2014). Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. М., СПб.: Издательство Нестор-История.
- Кирдина С.Г. (2013). Институциональные модели финансирования реального сектора // Журнал Новой экономической ассоциации №2(18). С. 129–157.
- Кирдина С.Г. (2013а). Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. № 10. С. 66–89.
- Кирдина С.Г. (2013б). Преодолевая ограничения методологического индивидуализма. // Журнал экономической теории. № 4. С. 100–109.
- Кирдина С.Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. М., СПб.: Нестор-История.
- Кирдина С.Г. (2015). Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // СОЦИС (Социологические исследования). № 12. С. 51–59.

- Кирдина С.Г. (2006). «Блеск и нищета» политической экономики социализма (гипотеза, основанная на институциональном анализе российского общества) // Журнал экономической теории. 2006. № 2. С. 19–39.
- Кирдина С.Г. (2016). Институциональная организация воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках // Journal of Institutional Studies. №8(4). С. 38–57.
- Кирдина С.Г. (2012). «Гражданское общество»: уход от идеологемы // СОЦИС (Социологические исследования). № 2. С. 63–73.
- Кирдина С.Г. (2015). Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? // Journal of Institutional Studies. № 2. С. 6–37.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019). Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // Journal of Institutional Studies 11(3). С. 7–20.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2020). Механизм денежного обращения: микро-, макро-, мезо-. В сборнике: Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост: Сборник материалов XIII Международного Пушкинского симпозиума по эволюционной экономике (г. Пушкино Московской обл., Россия, 6–7 сентября 2019 года) / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кириной-Чэндлер и Ульриха Витта. М.: Институт экономики РАН, С. 89–102.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021). Парадоксы синтеза в экономической теории // Terra Economicus. Т. 19. № 3. С. 37–52.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Кузнецова А.Н., Сенько О. В. (2015). Климат и институциональные матрицы: межстрановой анализ // Социологические исследования. № 9. С. 3–13.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.Г. (2017). Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // JIS. № 3: 7–23.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. (2020). Эволюция гетеродоксальной мезоэкономики // Terra Economicus. № 8(3). С. 30–52.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021) Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике. // Экономическая наука современной России. № 3. С. 17–32.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021а) Новая «старая» институционализация денежного обращения в постсоветской России // Journal of Institutional Studies. №13(4). С. 6–24.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2022). Экономическая теория, идеология и экономический интерес // AlterEconomics. Т. 19. № 1. С. 71–92.
- Кирилловская А.А. (2013). Эволюция представлений о теоретических основах экономической политики в отечественной и немецкой

- литературе // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. Вып. 3. С. 53–62.
- Кирилловская А.А.* (2015). Экономическая политика: от методологии к проблемам // Проблемы современной экономики. № 1 (53). С. 98–101.
- Кириллюк И.А., Сенько О.В.* (2020). Выбор моделей оптимальной сложности методами Монте-Карло (на примере моделей производственных функций регионов Российской Федерации) // Информатика и ее применения. Т. 14. № 2. С. 111–118.
- Кириллюк И.А.* (2013). Модели производственных функций для российской экономики // Компьютерные исследования и моделирование. Т. 5. № 2. С. 293–312.
- Кириллюк И.А., Сенько О.В.* (2018). Исследования соотношений между нестационарными временными рядами на примере производственных функций // Машинное обучение и анализ данных. Т. 4. № 3. С. 142–151.
- Кириллюк И.А., Сенько О.В.* (2020). Выбор моделей оптимальной сложности методами Монте-Карло (на примере моделей производственных функций регионов Российской Федерации) // Информатика и ее применения. Т. 14. Выпуск 2. С. 111–118.
- Клейнер Г.Б.* (2003). Мезоэкономические проблемы российской экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. № 1(2). С. 11–18.
- Клейнер Г.Б.* (2004). Эволюция институциональных систем. М.: Наука.
- Клейнер Г.Б.* (2013). Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. № 6. С. 4–28.
- Клейнер Г.Б.* (2017). Экономическая теория и экономическая реальность: проблемы взаимодействия // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 206. № 4. С. 459–470.
- Клейнер Г.Б.* (2021). Системная экономика: шаги развития. М.: Издательский дом «Научная библиотека».
- Ключарев Г.А.* (ред.) (2021). Наукоемкие производства в системе взаимодействия институтов: монография. М.: ФНИСЦ РАН.
- Ключарев Г.А., Чурсина А.В.* (2021). Наукоемкие производства для инновационной экономики: мнения экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. № 21(1). С. 68–83.
- Ковалевская М.С.* (2020). Статус модели в экономической теории: роль предпосылок: дис. ... М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

- Козловцева И., Пономаренко А., Сняжков А., Татаринцев С. (2019). Контрициклическая политика и финансовая стабильность в малой открытой экономике страны-экспортера природных ресурсов. Серия докладов об экономических исследованиях. № 42. М.: Центральный банк Российской Федерации. С. 5, 26.
- Коммонс Дж. (2012) Институциональная экономика // *Terra Economicus* 10(3). С. 69–76.
- Кондратьев Н.Д. (1922/2002). Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны. В: Кондратьев. С. 40–341.
- Кондратьев Н.Д. (1925). Большие циклы конъюнктуры // Сборник «Вопросы конъюнктуры». М., Т. 1. Вып. 1. С. 28–79.
- Кондратьев Н.Д. (1989). Проблемы экономической динамики / А.И. Абалкин (отв. ред.). М.: Экономика.
- Конституция КНР (в редакции 2018 г.). Сайт *Chinalaw.center*. https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian (дата обращения: 27.07.2022).
- Корнаи Я. (2002). Системная парадигма // *Вопросы экономики*. № 4. С. 4–22.
- Королев О.А., Кусый М.Ю., Сигал А.В. (2013). Применение энтропии при моделировании процессов принятия решений в экономике. Под ред. А.В. Сигала. М.: Симферополь: Издательство «ОДЖАКЪ».
- Корхонен И. (2021). Почему экономическая политика расходится с теорией. Выступление на заседании Клуба экономической политики НИУ ВШЭ, 30 сентября 2021 г. <https://econs.online/articles/ekonomika/pochemu-ekonomicheskaya-politika-raskhoditsya-s-teoriye> (дата обращения: 04.10.2022).
- Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Леишевич Т.Г., Фатхи Т.Б. (2003). Философия для аспирантов: Учебное пособие. М.: Изд. 2-е Ростов-на-Дону: Феникс.
- Кошкина Ю., Старостина Ю. (2021). Правительство рассмотрит запрет на покупку банков государством. Помогут ли новые ограничения нарастить долю частного бизнеса в финансовом секторе. // *Финансы*. 15 января 2021. <https://www.rbc.ru/finances/15/01/2021/600059d99a79475c62bc109e> (дата обращения: 03.09.2021).
- Кошовец О.Б. (2019). Отвергая «субъективизм», забывая «объективность»: экономическая наука и стандарты научности // *Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории: сборник материалов 1-й Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики*, Москва. 3–5 октября 2019 г. Под ред. В. С. Автономова, А. Я. Рубинштейна. М.: Институт экономики РАН. С. 108–110.

- Кошовец* О.Б. (2020). Современная дискуссия о парадигмах. В: Мезо-экономика: элементы новой парадигмы / Под ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: Институт экономики РАН. С. 347–349.
- Кошовец* О.Б. (2021). Измерять и править: как наука и государство производят экономические знания // *Тетра Economicus*. Т. 19. № 3. С. 6–19.
- Кошовец* О.Б., *Вархотов* Т.А. (2020). Натурализация предмета экономики: от погони за естественно-научными стандартами к обладанию законами Природы // *Логос*. Т. 30. № 3. С. 21–54.
- Кошовец* О.Б., *Фролов* И.Э. (2013). Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки и возможность построения научно-реализуемой онтологии // *Теоретическая экономика: онтологии и этика*. Сборник. М.: Институт экономики РАН. С. 27–111.
- Кошовец* О.Б., *Фролов* И.Э., *Чусов* А.В. (2015). Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки // *Философия и общество*. № 1–2. С. 156–176.
- Кравченко* Л.А., *Сильченко* Ю.О. (2018). Междисциплинарный синтез в современных экономических исследованиях. Становление и развитие новой парадигмы инновационной науки в условиях современного общества: сборник статей Международной научно-практической конференции, Саратов, 29 апреля 2018 года. М.: Саратов: ООО «Омега Сайнс». С. 71–74.
- Кротов* Н. (2008). История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Спецбанк. М.: АНО «Экономическая летопись».
- Кротов* Н. (2008а). История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Первые коммерческие банки (1988–1991). М.: АНО «Экономическая летопись».
- Крылов* О.М. (2016). Виды денежного обращения // *Административное и муниципальное право* №6. С. 533–539.
- Крылов* О.М. (2018). Понятие правовой категории «денежное обращение» и ее соотношение с правовой категорией «денежный оборот» // *Административное и муниципальное право*. №3. С. 27–35.
- Крылов* О.М. (2020). Организация денежного обращения как функция государства // *Журнал юридических исследований* №5(4). С. 34–43.
- Крылов* О.М. (2021). Денежное обращение и его организация в Российской Федерации как публичные потребность и интерес // *Административное и муниципальное право*. №1. С. 30–38.
- Крылова*, Ю.В., *Телехов* И.И., *Ценжарик*, М.К. (2019) Цифровые платформы: сущность, виды, особенности функционирования.

Управление бизнесом в цифровой экономике: вызовы и решения. М.: Издательство СПбГУ. С. 25–43.

Кузнецова Т.Е. (2005). К истории Института экономики РАН (АН СССР): домислы и реалии. М.: Институт экономики РАН.

Кузьминов Я. и др. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. № 5. С. 5–27.

Кумхоф М., Якоб З. (2016). Правда о банках. Финансы и развитие 53 (1): 50–53.

Латов Ю.В., Латова Н.В. (2018). Российская технологическая инноватика в отечественных СМИ (на примере технопарков) // Мир России. Социология. Этнология. № 27(4). С. 141–162.

Лебедева Н.Н. (2005). Модель институционального человека в экономической теории // Вестник ВолГУ. Серия 3. № 9. С. 19–24.

Ленин В.И. (1967). Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 4. М.: Изд-во политической литературы.

Ленчук Е.Б. (2021). О качестве государственного управления научно-технологическим развитием // Экономическое возрождение России. № 1 (67). С. 31–38.

Либерман М. (2020). Социальный вид. Почему мы нуждаемся друг в друге. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Либман А. (2008). Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации // Вопросы экономики. № 6. С. 4–19.

Лившиц В.Н. (2013). Основы системного мышления и системного анализа. М.: Институт экономики РАН.

Липкин А.И. (2020). Философия науки: учебник для магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт.

Литвинцева Г.А. (2001). Словарь терминов по институциональной экономике. <https://vocabulary.ru/slovari/slovar-terminov-po-institucionalnoi-ekonomike.html> (дата обращения: 05.09.2022).

Львов Д.С. (2003). Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России // Экономическая наука современной России. № 1 (11). Экспресс-выпуск.

Маевский В.И. (2021). О базовых предпосылках не-нейтральности денег в экономической теории // Journal of Institutional Studies. № 13(1). С. 6–19.

Маевский В. И. (2012). О переключающемся режиме воспроизводства // Terra Economicus. 10 (1). С. 11–19.

- Маевский В.И.* (2022). О политизированных теориях и их замещении // Экономическое возрождение России. № 2. С. 28–34.
- Маевский В.И., Кузык Б.Н.* (2003). Условия развития высокотехнологического комплекса // Вопросы экономики. № 2. С. 26–39.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.* (2016). Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение. М.: Санкт-Петербург: Нестор История.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А., Красильникова Е.В.* (2019). Об одном направлении развития мезоэкономической теории // Journal of Institutional Studies. № 11(3). С. 21–38.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.* (2019). Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства // Вопросы экономики, № 8. С. 45–66.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А., Красильникова Е.В.* (2020). Теория воспроизводства капитала и не-нейтральность денег / Под ред. акад. РАН В.И. Маевского. М.; СПб.: Нестор-История. Глава первая.
- Маевский В.И.* (1997). Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Издательство «Япония сегодня».
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.* (2018). Анализ экономической динамики США, СССР и России с помощью модели ПРВ // Вопросы экономики. № 7. С. 82–95.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А., Красильникова Е.В.* (2020). Теория воспроизводства капитала и не-нейтральность денег. М., СПб.: Нестор-История.
- Маевский В.И., Рубинштейн А.А.* (2021). Макроэкономическая политика компромисса между инфляцией и ростом // Журнал экономической теории. Т. 18. № 4. С. 485–496.
- Маевский В.И.* (2022). Волны Кондратьева и макроэкономика // AlterEconomics. Т. 19. № 1. С. 166–184.
- Макашева Н.А.* (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е годы): революция и рост научного знания // Экономические и социальные проблемы России. №1. С. 12–32.
- Макашева Н.А.* (2017). Когда история вторгается в науку: к 125-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева / Н.Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, В.М. Бондаренко. М.: «Учитель».
- Макклоски Д.* (2015). Риторика экономической науки. 2-е изд. / пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. перевода Д. Расков. М.; СПб.: Изд-во

Института Гайдара; Международные отношения, факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

- Малков С.Ю., Сулейманова А.И. (2014). К вопросу об общей теории социально-экономических циклов / Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: ежегодник / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Кортаев. Волгоград: Учитель.
- Мальшиева Е.Г. (2009). Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. №30. С. 32–40.
- Мальцев А.А. (2017). Эволюция экономической мысли в контексте развития мирового хозяйства. М.: ТЕИС.
- Мальцев А.А. (2018). Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития // Экономическая политика №13(2). С. 148–169.
- Маневич В.Е., Букина И.С. (2013). Макроэкономическая ситуация и денежно-финансовая политика в России. Доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Маневич В.Е. (2008). Кейнсианская теория и российская экономика. М.: Наука.
- Маркс К. (2011). Капитал: критика политической экономии. Т. 1. М.: Эксмо.
- Маршалл А. (1983–1984). Принципы политической экономии. В 3-х т. М.: Прогресс.
- Математика, ее содержание, методы и значение. (1956) / Под ред. А.Д. Александрова, А.Н. Колмогорова, М.А. Лаврентьева. М.: Изд. Академии наук СССР.
- Маццукато М. (2021). Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Меньшиков С.М., Клименко Л.А. (1989). Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения.
- Меньшиков С.М. (2007). О времени и о себе. Воспоминания. М.: Изд-во «Международные отношения».
- Месропян М., Орлова Ю. (2015). ЦБ опасается поглощения иностранцами Московской биржи. // Ведомости 22 апреля 2015. <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2015/04/23/tsb-opasaetsya-pogloscheniya-inostrantsami-moskovskoi-birzhi> (дата обращения: 03.09.2021).
- Миклашевская Н.А., Антипина О.Н., Никифоров А.А. (2018). Поведенческая макроэкономика до и после великой рецессии // Экономическая наука современной России. Т. 33. № 1. С. 33–48.

- Могилат А., Ачкасов Ю., Егоров А., Климовец А., Донец С. (2016). Дискуссия о денежно-кредитной политике и состоянии экономики: в поисках конструктивной критики // Вопросы экономики. № 5. С. 25–43.
- Моисеев С.Р. (2018). «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–18 годах // Вопросы экономики. №1. С. 26–44.
- Момджян К.Х. (2001). Социальная философия. Философская энциклопедия. М: Мысль. Т. 3. С. 609–611.
- Найшуль В., Сапова Г. (1996). Предисловие. В: Хайек Ф.А. фон. Частные деньги. М: Институт Национальной Модели Экономики. С. 12–13.
- Национальная энциклопедическая служба. (2022). Теоретический синтез. <https://didacts.ru/termin>teoreticheskii-sintez> (дата обращения: 14.08.2022).
- Некителов А.Д., Ивантер В.В., Глазьев С.Ю. (ред.) (2013). Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Аналитический доклад. М.
- Нехода Е.В., Кучинова Э.С. (2012). Междисциплинарный анализ и синтез в исследовании рынка труда // Вестник Томского государственного университета. № 364. С. 120–126.
- Никифоров А.А. (2018). Проблемы синтеза научных исследовательских программ: концептуальный аспект. 2014. https://www.econ.msu.ru/ext/lib/Article/x22/x6e/8814/file/Thesis_Nikiforov_Rudakova.doc (дата обращения: 23.07.2021).
- Никифоров А.А., Антипина О.Н. (2016). Поведенческая макроэкономика: на пути к новому синтезу // Вопросы экономики. № 12. С. 88–103.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений: пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021). Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 2. С. 185–196.
- О достоверности научного знания (2021). Телевизионная программа «Агора». <https://smotrim.ru/video/2300818> (дата обращения: 05.09.2022).
- Олсон М. (2013). Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М: Новое издательство.
- Орехов А.М. (2009). Методы экономических исследований: учеб. пособие. М: ИНФРА-М.

- Орехов А.М. (2018). Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования // Социум и власть. № 3 (71). С. 91–97.
- Остапенко В. (2020). Монетарный и реальный анализ в макроэкономической теории: вечная дихотомия? IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том II. М.: НЭА, ИЭ РАН, ЭФ и МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 80–83.
- Островитянов К.В. (1972) Развитие Лениным экономического учения Маркса // Островитянов К. В. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Политическая экономия досоциалистических формаций. М.: Наука.
- Очерки по экономической синергетике. (2017). Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кириной-Чэндлер, М.А. Дерябиной. М.: Институт экономики РАН.
- Панцов А.В. (2013). Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия.
- Перес К. (2011). Технологические революции и финансовый капитал. М.: Изд-во «Дело» АНХ.
- Перспективы инновационного развития российских регионов. (2012). Отв. ред. Ленчук Е.Б. М.: Институт экономики РАН.
- Пескова А.В., Ковалевская М.С. (2016). Нейроэкономика и поведенческая экономика: источники синтеза // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. Т. 10. № 3. С. 18–25.
- Пескова А.В., Ковалевская М.С. (2016). Нейроэкономика и поведенческая экономика: источники синтеза // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. Т. 10. № 3. С. 18–25.
- Печчи А. (1985). Человеческие качества / Под ред. Д.М. Гвишиани. М.: Прогресс.
- Пивоварова Э.П. (2011). Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «Форум».
- Полбин А.В. (2013). Построение динамической стохастической модели общего равновесия для экономики с высокой зависимостью от экспорта нефти // Экономический журнал ВШЭ. №2. С. 347–383.
- Политика регионального развития в современной России: приоритеты, институты и инструменты. (2018) / Отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: ИЭ РАН.
- Политическая экономия. (1953). Учебник. Второе, дополненное издание. М.: Госполитиздат, Академия наук; Институт экономики.
- Полищук А.И. (2013). Распад денежно-кредитной системы СССР: двадцать лет спустя // Финансы и кредит. №45(575). С. 29–40.

- Полтерович В.М. (1998) Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. № 1. С. 46–67.
- Полтерович В.М. (2022). Экономическая теория и формирование человеческих качеств // *AlterEconomics*. Т. 19. № 2. С. 201–211.
- Полтерович В.М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 48–57.
- Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. № 3. С. 24–50.
- Полтерович В.М. (2007). *Элементы теории реформ*. М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 101–111.
- Полтерович В.М. (2013). Общий социальный анализ и проектирование реформ // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1(17). С. 185–188.
- Полтерович В.М., Попов В.В. (2016). Валютный курс, инфляция и промышленная политика // *Журнал Новой экономической ассоциации*. №1 (29). С. 192–198.
- Поспелов И.Г., Поспелова И.И., Хохлов М.А., Шипулина Г.Е. (2006). Новые принципы и методы разработки макромоделей экономики и модель современной экономики России. М: ВЦ РАН.
- Прангишвили И.В. (2003). Энтропийные и другие системные закономерности: Вопросы управления сложными системами / И.В. Прангишвили; Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова. М.: Наука.
- Прололович Т.О. (2021). Новейшие примеры междисциплинарного синтеза в экономике // *Журнал экономической теории*. Т. 18. № 4. С. 512–525.
- Раквиашвили А.А. (2015). Нейробиология и новые возможности экспериментальной экономики // *Вопросы экономики*. № 12. С. 124–137.
- Рассыльников И.А. (2019) Особенности организации бюджетного процесса в США // *Северо-Кавказский юридический вестник*. № 1. С. 68–78.
- Родрик Д. (2015). Экономика решает: сила и слабость «Мрачной науки» // *Экономическая социология*. Т. 16. № 4. С. 39–59.
- Розмаинский И. (2008). О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX – начала XXI века // *Вопросы экономики* №7. С. 89–99.

- Розмаинский И.В. (2007). Денежная экономика как основной «предметный мир» посткейнсианской теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. №5(3). С. 58–68.
- Розов Н.С. (2009). От дисциплинарного империализма — к Общественному Без Границ! («Шенгенский» проект интеграции социальных наук) // Общественные науки и современность. № 3. С. 132–141.
- Ромер Д. (2015). Высшая макроэкономика / Под науч. ред. В.М. Полтеровича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-ое изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Ронкаля А. (2018). Богатство идей. История экономической мысли. / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Рубинштейн А. (2008). Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. № 11. С. 62–80.
- Рубинштейн А.А. (2020). Расширенная версия модели переключающегося режима воспроизводства с эндогенной инфляцией // Экономика и математические методы. Т. 56. № 4. С. 43–52.
- Сагден Р. (2012). Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке. Философия науки. Антология. М.: Изд. Института Гайдара.
- Садовский В. Н. (2001). Синтез. Новая философская энциклопедия. Том третий. М.: Мысль. С. 546–547.
- Самохин Ю.М. (2001). Экономическая история: Учебное пособие. М.: Изд-во ГУ ВШЭ.
- Саттарова Н.А. (2016). Денежное обращение: особенности реализации публичного интереса // Финансовое право №2. С. 8–10.
- Сергеев В.М. (1999). Пределы рациональности: Термодинамический подход к теории экономического равновесия. М.: ФАЗИС.
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г. (2017). Влияние государственных институтов развития на инновационное поведение фирм: качественные эффекты // Вопросы экономики. №2. С. 109–135.
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г. (2021). Взаимодействие российского бизнеса с наукой: точки соприкосновения и камни преткновения // Вопросы экономики. № 6. С. 103–138.
- Синельникова-Мурылева Е.В. (2021). Цифровой рубль: риски и выгоды. // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития России. №8(140). С. 13–16.

- Синяков А.А., Юдаева К.В. (2016). Политика центрального банка в условиях значительных шоков платежного баланса и структурных сдвигов // Вопросы экономики. №9. С. 5–39.
- Смит А. (1962). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз.
- Смит В. (2008). Экспериментальная экономика. М.: ИРИСЭН; Мысль.
- Сморodinская Н.В. (2017). Усложнение организации экономических систем в условиях нелинейного развития // Вестник Института экономики РАН. № 5. С. 104–115.
- Сморodinская Н.В., Катукoв Д.Д. (2021a). Распределенное производство в условиях шока пандемии: уязвимость, резильентность и новый этап глобализации // Вопросы экономики. № 12. С. 21–47.
- Сморodinская Н.В., Катукoв Д.Д. (2021b). Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики РАН. № 5. С. 93–115.
- Сморodinская Н.В., Катукoв Д.Д., Малыгин В.Е. (2021). Глобальные стоимостные цепочки в эпоху неопределенности: преимущества, уязвимости, способы укрепления резильентности // Балтийский регион. Т. 13. № 3. С. 78–107.
- Сморodinская Н.В., Малыгин В.Е., Катукoв Д.Д. (2020). Роль эндогенных механизмов и фактора сложности в достижении сбалансированного экономического роста // Вестник Института экономики РАН. № 1. С. 113–129.
- Степин В.С. (2000). Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция.
- Стиглер Дж. (2017). Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. (2016). Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? (Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса). М.: Изд-во Института Гайдара.
- Столбов М. (2012). Современная макроэкономика: основные вызовы и возможные векторы изменений // Вестник Института экономики. №3. С. 3–20.
- Стоун Р. (1956). Метод затраты – выпуск и национальные счета. М.: Статистика.
- Стрижов В.В., Крымова Е.А. (2010). Методы выбора регрессионных моделей. М.: ВЦ РАН.
- Струмилин С.Г. (1927). К теории планирования // Плановое хозяйство. № 11. С. 115–133.

- Сэмюэлс У. (1981). Идеология в экономическом анализе. Современная экономическая мысль / Под ред. С. Вайнтрауба. М.: Прогресс. С. 661–682.
- Талер Р. (2020). Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо.
- Тамбовцев В.А. (2017). Модели и истории в экономической теории // Вестник Московского университета. №6 (1). С. 3–21.
- Тамбовцев В.А. (2021). Возможна ли единая институциональная экономическая теория? // Вопросы экономики. № 1. С. 33–51.
- Тихомиров Ю.А. (1995). Публичное право. М.: Издательство БЕК.
- Толстогузов О.В., Белых А.Д. (2021). Исследование интеллектуального потенциала российских регионов и оценка их резилентности // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 3 (67). С. 1–13.
- Трофимов Г.Ю. (2006). Экономика и нейронаука – на пути синтеза // Экономика и математические методы. Т. 42, № 4. С. 3–16.
- Трунин П.В., Князев Д.А., Сатдаров А.М. (2010). Анализ независимости центральных банков РФ, стран СНГ и Восточной Европы. М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара».
- Тутов Л.А., Шаститко А.Е. (2021). Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору // Вопросы экономики. № 4. С. 96–115.
- Уайброу П. (2016). Мозг: Тонкая настройка. Наша жизнь с точки зрения нейронауки. М.: Альпина Паблишер.
- Уильямсон О.И. (1993). Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. Перевод А.В. Беянина // THESIS, №3. С. 39–49.
- Уразова С.А. (2008). Кредитная система СССР в период НЭПа // Финансы и кредит. №37(325). С. 69–80.
- Усов В.Н. (2017). Китайская народная республика в 1949–1960гг. В: История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука. ISBN 978-5-02-036530-8. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. 2017. ISBN 978-5-02-039991-4 (в пер.). С. 19–198.
- Устав Коммунистической Партии Китая / принят с частичными поправками XIX Всекитайским съездом КПК 24 октября 2017 года. Сайт Посольства Китайской народной республики в Российской

- Федерации. <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/ztbd/19sjd/t1507488.htm> (дата обращения: 27.06.2022).
- Федорова О. (2014). А и б сидели на трубе, или междисциплинарность когнитивных исследований // Логос. № 1. С. 19–34.
- Федотов Г. П. (1994). О святости, интеллигенции и большевизме: Избр. статьи. М.: СПб.: СПбУ.
- Филатова А.А. (2018). Нейронаука и гуманитаристика: идеологические основания и методы дисциплинарной колонизации // История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей. В 6 томах. М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». С. 26–29.
- Филатова А.А. (2020). Что нам делать с нейронауками? От эпистемологии подозрения к эпистемологии заботы // Социология власти. Т. 32. № 2. С. 18–47.
- Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. (1997). Экономика / Пер. с англ. со 2-го изд. М.: Дело.
- Фоули Д. (2012). Математический формализм и политэкономическое содержание // Вопросы экономики. № 7. С. 82–95.
- Милтон Ф. (1994). Методология позитивной экономической науки // THESIS. № 4. С. 20–52.
- Фролов Д.П. (2020). Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима // Вопросы экономики. № 5. С. 107–140.
- Фролов Д.П. (2020b). От транзакционных издержек – к транзакционной ценности: преодолевая фрикционную парадигму // Вопросы экономики. № 8. С. 51–81.
- Фролов Д.П. (2021). Трансплантация экономических институтов: расширенная теория // Вопросы экономики. № 9. С. 69–108.
- Хайек Ф.А. (2020). Ошибки конструктивизма / В кн.: Хайек Ф.А. Собрание сочинений, в 19 т., т. 15. Рынок и другие порядки. М., Челябинск: Социум.
- Хайек Ф.А. (1992). Дорога к рабству. М.: Экономика.
- Харрис Л. (1990). Денежная теория / Пер. с англ. Общ. ред. и вступ. ст. В.М. Усоскина. М.: Прогресс.
- Хикс Дж. Р. (1993). Стоимость и капитал. М.: Прогресс.
- Худокормов А.Г. (2009). Экономическая теория: Новейшие течения Запада. Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М.
- Цвайнерт Й. (2006). Экономические идеи и институциональные изменения: на материалах экономических дискуссий в СССР в 1987–

- 1991 г. // Экономические и социальные проблемы России. 2006. №1. С. 33–62.
- Ценжарик М.К., Крылова Ю.В., Стещенко В.И. (2020) Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 36. № 3. С. 390–420.
- Ценжарик М.К. (2020). «Программные алгоритмы как механизм управления в цифровых экосистемах»: Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер и У. Витта. – М.: ИЭ РАН. С. 251–263.
- Частная собственность, эксплуатация и социализм. Материалы «круглого стола» (1990). М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, сектор социально-экономических проблем.
- Челноков В.А. (2008). Эволюция денег, кредита и банков. М.: Финансы и статистика.
- Чжунхуа жэньминь гунхэго го'уюань гунбао [Бюллетень Госсовета Китайской народной республики] (1984). Издательство Чжунхуа жэньминь гунхэго го'уюань гунбао баньгунтин [канцелярия Госсовета КНР]. (На китай. языке).
- Шаниро Н.А. (2015). Ценности и смыслы научной школы Н.А. Цаголова // Проблемы современной экономики. № 3. С. 78–83.
- Ширков Д.В., Казаков Д.И. (2009). Квантовая теория поля. Большая российская энциклопедия. Т. 13. М: Большая российская энциклопедия. С. 453.
- Шумпетер Й.А. (2004). История экономического анализа: В 3-х т. / Пер. с англ., под ред. В.С. Автономова. №1 М.: СПб.: Экономическая школа. LVI.
- Шумпетер Й.А. (2008). Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. / (Антология экономической мысли). М.: Эксмо.
- Эгертссон Т. (2011). Знания и теория институциональных изменений // Вопросы экономики. № 7. С. 4–16.
- Эйнштейн А. (1967). Собрание научных трудов. Т. 4. / Пер. с англ. М.: Наука.
- Юревич М.А. (2019). Новые институциональные инициативы России в контексте концепции четырехзвенной инновационной спирали // Journal of Institutional Studies. Т. 11. №2. С. 79–93.

- Accession of The People's Republic Of China (2001). WORLD TRADE ORGANIZATION.
- Acocella N., Bartolomeo G.D., Hughes Hallett, A.H.* (2011). The theory of economic policy: from a theory of control to a theory of conflict (resolutions). No 91/11, Working Papers from Sapienza University of Rome, *Metodi e Modelli per l'Economia, il Territorio e la Finanza MEMOTEF*.
- Adner R.* (2017). Ecosystem as structure: An actionable construct for strategy // *Journal of Management*, 43(1), 39–58.
- Akerlof G., Snower D.* (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 126(B), 58–71.
- Alexander J.C.* (2017). *Classical Attempt at Theoretical Synthesis (Theoretical Logic in Sociology)*. London: Routledge.
- Alexandrov Yu. I., Kirdina S. G.* (2013). Toward Integration of Social Mental and Institutional Models: Systemic Approach. *Montenegrin Journal of Economics*, 9 (1), 7–16.
- Anderson M.J., Robinson J.* (2001). Permutation tests for linear models. *Australian & New Zealand Journal of Statistics*, 43(1), 75–88.
- Anderson P.W.* (1972). More is different. *Science*, no. 177(4047), 393–396.
- Antonietti A. Iannello P.* (2011). Social sciences and neuroscience: a circular integration. *International Review of Economics*, 58(3), 307–317.
- Antràs P.* (2020). De-globalisation? Global value chains in the post-COVID-19 age. NBER Working Papers. No. 28115.
- Archibugi D., Coco A.* (2005). Measuring technological capabilities at the country level: A survey and a menu for choice. *Research policy* 34(2), 175–194.
- Arthur W.B.* (2015). *Complexity and the Economy*. Oxford: Oxford Economic Press.
- Arthur W.B.* (2021). Foundations of complexity economics. *Nat. Rev. Phys.* No. 3. Pp. 136–145. <https://doi.org/10.1038/s42254-020-00273-3>.
- Arthur, W.B., Durlauf S., Lane D.* (1997). *The Economy as an Evolving Complex System II*. Reading, Mass.: Addison-Wesley. <http://www2.econ.iastate.edu/tesfatsi/SFIVolume1997.SilverbergReview.pdf>.
- Arthur W.B.* (1994). *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Augsburg T.* (2005). *Becoming interdisciplinary: An introduction to interdisciplinary studies*. Dubuque, Iowa: Kendall Hunt Publishing.
- Baker S.R. et al.* (2020). COVID-induced economic uncertainty. NBER Working Papers. No. 26983.

- Balatsky E.* (2021). Identification of the technology frontier. *Foresight and STI Governance*. 15(3), 23–34.
- Baldwin R. E., Freeman R.* (2020). Supply chain contagion waves: Thinking ahead on manufacturing «contagion and reinfection» from the COVID concussion, *VoxEU.org* – CEPR’s policy portal. <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (accessed: 01.04.2020).
- Ball L., Romer R.* (1990). Real Rigidities and the Non-Neutrality of Money. *Review of Economic Studies* 57 (April): 183–203.
- Barr K.* (1979). Long Waves: A Selective Annotated Bibliography // *Review* 2(4), 675–718.
- Barsky R.B., Miron J.A.* (1989). The Seasonal Cycle and Business Cycle // *Journal of Political Economy*. 97(June), 503–534.
- Basukie J., Wang Y., Li Sh.* (2020) Big data governance and algorithmic management in sharing economy platforms: A case of ridesharing in emerging markets, *Technological Forecasting and Social Change*, 161, 120–310.
- Batson A.* (2015). Marxist numerology, or why seven workers are different than eight. *Andrew Batson’s Blog*. <https://andrewbatson.com/2015/10/18/marxist-numerology-or-why-seven-workers-are-different-than-eight> (accessed: 28.07.2022).
- Bazhanov V.* (2019). Subject of Cognition from a Cultural Neuroscience Perspective. *Axiomathes*, 29, 599–606.
- Becker G.* (1976). *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bénabou R., Falk A., Tirole J.* (2018). Narratives, imperatives, and moral reasoning. *National Bureau of Economic Research*, working paper no. w24798.
- Berkowitz D., Pistor K. Richard J.-F.* (2003). The Transplant Effect. *The American Journal of Comparative Law*, 51(1), 163–203.
- Boltzmann L.* (2013). *Über die Mechanische Bedeutung des Zweiten Hauptsatzes der Wärmetheorie*, Cambridge University Press. 6: 9–33.
- Bresser-Pereira L.C.* (2010). The global financial crisis and a new capitalism? *Journal of Post Keynesian Economics* 32(4): 499–534.
- Brousseau E., Glachant, J.-M.* (2002). *The Economics of Contracts – Theories and Applications*.
- Brousseau E., Pénard T.* (2007). The Economics of Digital Business Models: A Framework for Analyzing the Economics of Platforms. *Review of Network Economics*, 6, 81–114.

- Brunnermeier M. K.* (2021). *The resilient society*. Denver, CO: Endeavor Literary Press.
- Bryant J.* (2015). *Entropy Man*. VOCAT International Ltd.: Harpenden. UK.
- Buchanan J. M.* (2003). *Public Choice: The Origins and Development of a Research Program*. Center for Study of Public Choice at George Mason University, Fairfax: Virginia, USA, 1–7.
- Bunge M.* (2000). Systemism: the alternative to individualism and holism. *Journal of Socio-Economics*, 29, 147–157.
- Carrigan M.* (2014). Can we have a «Turn» to end all Turns? July 13, 2014 (дата обращения: 09.07.2022).
- Chen J.* An Entropy Theory of Value // SSRN Electronic Journal. May 2002. https://www.researchgate.net/publication/228398386_An_Entropy_Theory_of_Value (accessed: 12.06.2021).
- Chian A.C.-L.* (2007). *Complex Systems Approach to Economic Dynamics*. Berlin, Heidelberg: Springer.
- China further lifts government price controls in new pricing catalog (2020). People's Daily Online. Updated: March 16, 2020. <http://en.people.cn/n3/2020/0317/c90000-9669032.html> (accessed: 28.07.2022).
- Eggertsson, T.* (1996) The Old Theory Of Economic Policy and The New Institutionalism. https://dlc.dlib.indiana.edu/dlc/bitstream/handle/10535/2382/The_old_theory_of_economic_policy_and_new_institutionalism.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 01.10.2022).
- Choudary S.P.* (2018). The future of supply chains as networked ecosystems. <https://platformed.info/the-future-of-supply-chains-as-networked-ecosystems> (accessed: 15.06 2022).
- Cleaver F.* (2001). Institutional bricolage, conflict and cooperation in Usangu, Tanzania. *IDS Bulletin*. 32(4): 26–35.
- Cleaver F., Franks T.* (2005). How institutions elude design: river basin management and sustainable livelihoods. BCID Research Paper No. 12. Bradford, Bradford Centre for International Development.
- Cleaver F.D., de Koning J.* (2015). Furthering critical institutionalism. *International Journal of the Commons*, 9(1), 1–18.
- Commons, J.R.* (1934). *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. New Brunswick and London: Transaction Publishers.
- Costa-Font J.* (2011). Behavioural Welfare Economics: Does 'Behavioural Optimality' Matter?, *CESifo Economic Studies*, 57(4), 551–559.
- Cusumano M.A, Gawer A., Yoffie D.B.* (2019). *The Business of Platforms: Strategy in the Age of Digital Competition, Innovation, and Power*. New York, NY: Harper Collins.

- Davanzati G., Pacella A.* (2014). Thorstein Veblen on credit and economic crises. *Cambridge Journal of Economics* 38(5), 1043–1061.
- David P.A.* (1985). Clio and the economics of QWERTY. *American Economic Review* 75(2), 332–337.
- Davis J.B.* (2016). Economics Imperialism versus Multidisciplinarity. *History of Economic Ideas*, 24, 77–94.
- De Jong M.* (1999). Institutional Transplantation – How to adopt good transport infrastructure decision-making ideas from other countries? Doctoral thesis. Delft, Eburon Publishers.
- De Jong M., Mamadoub V.* (2002). Two contrasting perspectives on institutional transplantation. In: M. de Jong, K. Lalenis, V. Mamadoub (eds.). *The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 19–32.
- Dezhdina I.* (2018). Russian-French scientific collaboration: Approaches and mutual attitudes. *Sociology of Science and Technology* 9(1), 101–115.
- Dolgui A., Ivanov D., Sokolov B.* (2018). Ripple effect in the supply chain: An analysis and recent literature, *International Journal of Production Research*, 56(1-2), 414–430.
- Duffy K.* (2020). More than 1,000 economists have now signed letter urging voters to reject ‘reckless and selfish’ Trump on Election Day. Alvin Roth, a Nobel winner, tells us why he’s among them. *The Insider*. <https://www.businessinsider.com/trump-economists-letter-election-day-alvin-roth-2020-10> (accessed: 28.07.2022).
- Duijn van J.J.* (1983). *The Long Wave in Economic Life*. London, Boston: George Allen and Unwin.
- Egger P. H., Zhu J.* (2022). How COVID-19 travels in- and outside of value chains and then affects the stock market: Evidence from China, *The World Economy*. 45(2), 523–538.
- Eggertsson T.* (1997). The old theory of economic policy and the new institutionalism // *World Development* 25 (8), 1187–1203.
- Eklund K.* (1980). Long Waves in the Development of Capitalism? *Kyklos*. 33(3), 383–419.
- Elkin-Koren N., Pere, M.* (2019). Algorithmic Governance by Online Intermediaries. *The Oxford Handbook of Institutions of International Economic Governance and Market Regulation*.
- Elliott M., Golub B., Leduc M.V.* (2020). Supply network formation and fragility. SSRN Working Papers.

- Elsner W., Heinrich T., Schwardt H.* (2015). The microeconomics of complex economies: Evolutionary, institutional, neoclassical, and complexity perspectives. Amsterdam: Academic Press.
- Eppinger P. et al.* (2020). COVID-19 shocking global value chains. Kiel Working Papers. No. 2167.
- Evans D.S., Schmalensee R.* (2007). The Industrial Organization of Markets with Two-Sided Platforms, *Competition Policy International*, 3, 151–179.
- Evans D. S., Schmalensee R.* (2016). Matchmakers: The New Economics of Multisided Platforms. Harvard Business Review Press.
- Evans M.* (2009). Policy Transfer in Critical Perspective. *Policy Studies*, 30(3), 243–268.
- Evans A.* (2020). Overcoming the global despondency trap: strengthening corporate accountability in supply chains. *Review of International Political Economy*, 27(3), 658–685.
- Festré A., Nasica E.* (2009). Schumpeter on money, banking and finance: an institutionalist perspective. *The European Journal of the History of Economic Thought* 16 (2): 325–356.
- Flink T., Kaldewey D.* (2018). The new production of legitimacy: STI policy discourses beyond the contract metaphor. *Research Policy*, 47(1), 14–22.
- Florida R., Kenney M.* (1991). Transplanted Organizations: The Transfer of Japanese Industrial Organization to the U.S. *American Sociological Review*, 56(3), 381–398.
- Florida R., Kenney M.* (2001). Transfer and Replication of Organizational Capabilities: Japanese Transplant Organizations in the United States. In: G. Dosi, R. Nelson, S. Winter (eds.). *The Nature and Dynamics of Organizational Capabilities*. Oxford, Oxford University Press, 281–307.
- Foley D.* (2014). Varieties of Keynesianism. *International Journal of Political Economy* 43(1): 4–19.
- Forrester J.W.* (1981). The Kondratieff Cycle and Changing Economic Conditions. System Dynamics Group working paper. Cambridge, MA: MIT.
- Forsythe R., Lundholm R.* (1990). Information Aggregation in an Experimental Market. *Econometrica*, 58 (2), 309–347.
- Foster J.* (2004a). From Simplistic to Complex Systems in Economics. School of Economics. Discussion Paper, 335, October. The University of Queensland.

- Foster J.* (2004b). Why is Economics not a Complex Systems Science? School of Economics. Discussion Paper, 336, December. The University of Queensland.
- Fourcade M., Healy K.* (2017). Categories All the Way Down. *Historical Social Research*, 42(1), 286–296.
- Frank R.* (2012). A less-is-more approach to introductory economics. *Journal of Economic Methodology* 19(3), 193–198.
- Fratzscher M., Lo Duca M., Straub R.* (2018) On the international spillovers of US quantitative easing. *The Economic Journal*, 128(608), 330–377.
- Freeman C.* (1987). Technical Innovation, Diffusion, and Long Cycles of Economic Development. *The Long-Wave Debate*, Berlin: Springer, Ed. by T. Vasko, 295–309.
- Frolov D.* (2021). Blockchain and the institutional complexity: an extended institutional approach. *Journal of Institutional Economics*, 17(1), 21–36.
- Frolov D.* (2022). Crafting of cognitive institutions for overcoming the COVID-19 pandemic // *Journal of Institutional Economics*, published online: doi:10.1017/S1744137422000030.
- Gaffard J.-L.* (2021). Instability, A Challenge For Economic Theory And Policy. /Knowledge website of Skema Business School. July 27, 2021. <https://knowledge.skema.edu/instability-challenge-economic-theory-policy/>(accessed: 04.10.2022).
- G7 Leaders' Communiqué (2022). Elmau, 28 June 2022. Council of the EU. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/28/g7-leaders-communication/> (accessed: 28.07.2022).
- Gawer A.* (2014) Bridging differing perspectives on technological platforms: Toward an integrative framework. *Research Policy*, 43(7), 1239–1249.
- Gereffi G.* (2020). What does the COVID-19 pandemic teach us about global value chains?: The case of medical supplies, *Journal of International Business Policy*, 3(3), 287–301.
- Gewirtz J.* (2017). The Little-Known Story of Milton Friedman in China. *Cato Policy Report*. 39(5), 5–11.
- Giacalone M., Alibrandi A.* (2015). Overview and Main Advances in Permutation Tests for Linear Regression Models // *Journal of Mathematics and System Science* 5(2), 53–59.
- Gill A.Q.* (2021). A Theory of Information Trilog: Digital Ecosystem Information Exchange Architecture. *Information*, 12(3), 270–283.
- Glimcher P.* (2011). *Foundations of Neuroeconomic Analysis*. N.Y.: Oxford University Press.

- Glismann H. H., Rodemer H., Wolte, W.* (1983) Long Waves in Economic Development: Causes and Empirical Evidence. Long Waves in the World Economy, London: Butterworth, Ed. By Chr. Freeman, 135–163.
- Godley W., Lavoie M.* (2007). Monetary Economics: An Integrated Approach to Credit, Money, Income, Production and Wealth. Basingstoke, Hampshire, UK Palgrave Macmillan.
- Goldstein J.* (1999). Emergence as a construct: History and issues. *Emergence*, 1(1), 49–72. [https://doi: 10.1207/s15327000em0101_4](https://doi.org/10.1207/s15327000em0101_4).
- Goodfriend M., King R.G.* (1997). The new neoclassical synthesis and the role of monetary policy. *NBER Macroeconomics Annual*, NBER, 12, 231–283.
- Gordon D.M.* (1978). Up and Down the Long Roller Coaster. U. S. Capitalism in Crisis, Ed. by B. Steinberg, New York, NY: Economics Education Project of the Union for Radical Political Economics, 22–34.
- Gräßner C.* (2016). A systemic framework for the computational analysis of complex economies. An evolutionary-institutional perspective on the ontology, epistemology, and methodology of complexity economics. A thesis submitted to the Doctoral Commission. University of Bremen. <https://d-nb.info/1102308889/34>.
- Gräßner C.* (2017). The complementary relationship between institutional and complexity economics: The example of deep mechanistic explanations // *Journal of Economic Issues*. 51(2), 392–400.
- Granger C.J., Newbold P.* (1974). Spurious regressions in econometrics // *Journal of Econometrics*. 2(2), 111–120.
- Greenwood J.* (2017). The Japanese Experience with QE and QQE // *Cato Journal*. 37(1), 17–38.
- Gritsenko D., Wood M.* (2022) Algorithmic governance: A modes of governance approach. *Regulation & Governance*. 16, 45–62.
- Gul F., Pesendorfer W.* (2008). The Case for Mindless Economics. *The Foundations of Positive and Normative Economics*. N.Y.: Oxford University Press, 3–41.
- Guntermann E., Lenz G.S., Myers J.R.* (2021). The Impact of the Economy on Presidential Elections Throughout US History. *Political Behavior*. 43, 837–857.
- Ha J., Kindberg-Hanlon G.* (2020). Asset purchases in emerging markets: Unconventional policies, unconventional times. Technical Report, The World Bank.
- Haberler G.* (1937). Prosperity and Depression: A Theoretical Analysis of Cyclical Movements. Geneva: League of Nations.

- Hagiu A.* (2014). Strategic decisions for multisided platforms // MIT Sloan Management Review. 55(2), 71–80.
- Hallett T., Hawbaker A.* (2019). Bringing Society Back in Again: The Importance of Social Interaction in an Inhabited Institutionalism. In: P. Haack, J. Sieweke, L. Wessel (eds.). Microfoundations of Institutions. Bingley, Emerald Publishing Limited, 317–336.
- Hamermesh D.S.* (2013). Six Decades of Top Economics Publishing: Who and How? // Journal of Economic Literature. 51 (1): 162–172.
- Hansen A.H.* (1949). Monetary Theory and Fiscal Policy. New York: McGraw Hill.
- Hansen B.* (1963). Lectures in Economic Theory: Part III: The Theory of Economic Policy. Cairo: United Arab Republic, Institute of Planning
- Hay C.* (2009). Constructivist Institutionalism. In: The Oxford Handbook of Political Institutions.
- Hein E.* (2008). Money, Distribution Conflict and Capital Accumulation: Contributions to “Monetary Analysis”. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 14.
- Hermann, A., Mouatt, S.* (2021). Contemporary Issues in Heterodox Economics: Implications for Theory and Policy Action, London: Routledge.
- Conti-Brown P.* (2016). The New Institutional Synthesis: Rules and Organizations in Institutional History. <https://thebhc.org/new-institutional-synthesis-rules-and-organizations-institutional-history> (accessed on 25 июля 2020).
- Hicks J.R.* (1937). Mr. Keynes and the “Classics”: A suggested interpretation. *Econometrica*. 5, 147–59.
- Hidalgo C. A.* (2015). Why information grows: The evolution of order, from atoms to economies. New York, NY: Basic Books.
- Hidalgo C. A.* (2021). Economic complexity theory and applications, Nature reviews. Physics. 3(2), 92–113.
- Hirooka M.* (2006). Innovation Dynamism and Economic Growth. A Non-linear Perspective. – Cheltenham, UK-Northampton, MA: Edward Elgar.
- Ho, M.W.* (1994). What is (Schrödinger’s) Negentropy?, *Modern Trends in BioThermoKinetics*, 3, 50–61. https://www.researchgate.net/publication/255612623_What_is_Schrodinger's_Negentropy (accessed: 12.06.2021).
- Hofmann B., Ilhyock Sh., Hyun S.S. et al.,* (2020). Emerging market economy exchange rates and local currency bond markets amid the Covid-19 pandemic. Bank for International Settlements, BIS Bulletin, 5.

- Hogarth R. M. (2005). The challenge of representative design in psychology and economics. *Journal of Economic Methodology*. 12(2), 253–263.
- Hughes Hallett A.J. (1989), "Econometrics and the theory of economic policy: the Tinbergen-Theil contributions 40 years on", *Oxford Economic Papers*, 41: 189–214.
- IMF. Fiscal Monitor: Policies for the Recovery. October. 2020.
- Ivanov D., Dolgui A. (2021). OR-methods for coping with the ripple effect in supply chains during COVID-19 pandemic: Managerial insights and research implications, *International Journal of Production Economics*, 232, 107921.
- Ivanov D., Dolgui A., Sokolov B. (2019). Ripple effect in the supply chain: Definitions, frameworks and future research perspectives, *Handbook of ripple effects in the supply chain* Cham: Springer. 1–33.
- Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. (2018). Towards a theory of ecosystems // *Strategic Management Journal*. 39(8), 2255-2276.
- James H. (2021). *The War of Words*. Yale University Press. New Haven & London.
- Javorcik B. (2020). Global supply chains will not be the same in the post-COVID-19 world, *COVID-19 and trade policy: Why turning inward won't work*, London: CEPR Press. 111–116.
- Jones D. S. (2012). Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics. Princeton; Oxford: Princeton University Press // *Journal of Management*. 43(1), 39–58.
- Joyce M.A., Lasaosa A., Stevens I., Tong M. (2011). The financial market impact of quantitative easing in the United Kingdom // *International Journal of Central Banking*. 26, 113–161.
- Juille T., Jullien D. (2017). Narrativity and identity in the representation of the economic agent. *Journal of Economic Methodology* 24(3), 274–296.
- Just N., Latzer M. (2016). Governance by Algorithms: Reality Construction by Algorithmic Selection on the Internet. *Media, Culture & Society*, 39.
- Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk, *Econometrica*. 47(2), 263–291.
- Kamusella T. (2021). How China combined authoritarianism with capitalism to create a new communism. *The Conversation*. Published: October 26.
- Kasapoglu T., Masso A., Calzati S. (2021) Unpacking algorithms as technologies of power: Syrian refugees and data experts on algorithmic governance, *Digital Geography and Society*. 2, 100016.
- Katzenbach C., Ulbricht L. (2019) Algorithmic governance // *Internet Policy Review*. 8(4).

- Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A.* (2020) Algorithms at work: the new contested terrain of control, *Academy of Management Annals*. 14, 1, 366–410.
- Kennedy S., Blanchette J.* (2021). *Chinese State Capitalism. Diagnosis And Prognosis*, CSIS Trustee Chair in Chinese Business and Economics and Freeman Chair in China Studies.
- Kennedy P.E., Cade B.S.* (1996). Randomization Tests for Multiple Regression, *Communications in Statistics – Simulation and Computation*. 25(4), 923–936.
- Kenworthy J.B., Miller N., Collins B.E., Read S.J., Earleywine M.* (2011). A trans-paradigm theoretical synthesis of cognitive dissonance theory: Illuminating the nature of discomfort. *European Review of Social Psychology*. 22(1), 36–113.
- Keynes J.M.* (1926). *The End of Laissez-Faire*. London: Hogarth Press.
- Keynes J.M.* (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Palgrave Macmillan.
- Kirdina S., Vernikov A.* (2013). Evolution of the banking system in the Russian context: An institutional view // *Journal of Economic Issues*. 47(2), 475–484.
- Kirdina S., Vernikov A.* (2013). Evolution of the banking system in the Russian context: An institutional view // *Journal of Economic Issues*. 47(2), 475–484.
- Kirdina-Chandler S.* (2017). Institutional Matrices Theory, or X-and Y-theory: A Response to F. Gregory Hayden // *Journal of Economic Issues*. 51(2), 476–485.
- Kirdina-Chandler S.G., Maevsky V.I.* (2020). Meso-economics from the heterodox perspective and its structure // *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 6–24.
- Kleinknecht A.* (1981). Innovation, Accumulation, and Crisis: Waves in Economic Development? // *Review* 4(4): 683–711.
- Kooiman J.* (2003) *Governing as Governance*. Sage, London.
- Korinek A.* (2017). Thoughts on DSGE macroeconomics: matching the moment, but missing the point? “A Just Society” Conference Honoring Joseph Stiglitz’s 50 years of Teaching. <https://ssrn.com/abstract=3022009> (accessed: 05.09.2022).
- Kornai J.* (1998). *The System Paradigm*, William Davidson Institute Working Papers Series 278. William Davidson Institute. University of Michigan.

- Kornai J. (2016). The system paradigm revisited: Clarification and additions in the light of experiences in the post-socialist region. *Acta Oeconomica*. 66(4), 547–596.
- Korosteleva E.A., Flockhart T. (2020). Resilience in EU and international institutions: Redefining local ownership in a new global governance agenda, *Contemporary Security Policy*. 41(2), 153–175.
- Koshovets O.B., Varkhotov T.A. (2019). Neuroeconomics: new heart for economics or new face of economic imperialism? // *Journal of Institutional Studies*. 11(1), 6–19.
- Krugman P. (2016). The Economic Fallout. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/interactive/projects/cp/opinion/election-night-2016/paul-krugman-the-economic-fallout> (accessed: 28.07.2022).
- Kuhn T.S. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, London: University of Chicago Press Ltd.
- Laffargue J.-P., Malgrange P., Morin P. (2012). The «new neoclassical synthesis»: An introduction, *Économie et Statistique*. 451–453, 31–44.
- Lakomski-Laguerre O. (2016). Joseph Schumpeter's credit view of money: A contribution to a "Monetary Analysis" of capitalism. *History of Political Economy*. 48(3), 489–514.
- Latzer M., Festic N. (2019). A Guideline for Understanding and Measuring Algorithmic Governance in Everyday Life // *Internet Policy Review*. 8(2), 1–19.
- Lavoie M. (1992). *Foundation of Post-Keynesian Economic Analysis*. Aldershot (England) and Brookfield (Vermont): Edward Elgar.
- Lawrence T.B., Leca B., Zilber T.B. (2013). Institutional work: Current research, new directions and overlooked issues. *Organization Studies*. 34(8), 1023–1033.
- Lawson T. (2014). Process, Order and Stability in Veblen. *Cambridge // Journal of Economics*. 39, 993–1030.
- LeDoux, J.E. (1998). *The Emotional Brain: The Mysterious Underpinnings of Emotional Life*. New York: Simon & Schuster.
- LeDoux J. E. (2012). Rethinking the Emotional Brain. *Neuron*. 73(4), 653–676.
- Legrand T. (2021). *The Architecture of Policy Transfer: Ideas, Institutions and Networks in Transnational Policymaking*. Cham, Palgrave Macmillan.
- Lewis-Beck C., Martini N.F. (2020). Economic perceptions and voting behavior in US presidential elections. *Research & Politics*. October 2020. <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2053168020972811> (accessed: 28.07.2022).

- Lieberman M.* (2000). Intuition: a social cognitive neuroscience approach. // *Psychological bulletin*. 126(1), 109–137.
- Lieberman M.* (2007). Social Cognitive Neuroscience: A Review of Core Processes // *Annual Review of Psychology*. 58, 259–289.
- Lieberman M.A.* (2012). Geographical history of social cognitive neuroscience. *Neuroimage*. 61(2), 432–436.
- Lieberman M., Jarcho J., Satpute A.B.* (2004). Evidence-based and intuition-based self-knowledge: an fMRI study // *Journal of personality and social psychology*. 87(4), 421–435.
- Liebowitz S.J., Margolis S.E.* (1995). Path dependence, lock-in and history // *Journal of Law, Economics and Organization*. 11 (1), 205–226.
- Linkov I., Trump B.D.* (2019). *The science and practice of resilience*. Cham: Springer.
- Linkov I., Trump B.D., Hynes W.* (2019). Resilience-based strategies and policies to address systemic risks. SG/NAEC(2019)5. [https://www.oecd.org/naec/averting-systemic-collapse/SG-NAEC\(2019\)5_Resilience_strategies.pdf](https://www.oecd.org/naec/averting-systemic-collapse/SG-NAEC(2019)5_Resilience_strategies.pdf) (accessed: 05.09.2022).
- Lucas R.E.* (1976). *Econometric policy evaluation: A critique*. Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. 1, 19–46. New York: American Elsevier.
- Lucas R.* (1981). *Studies in Business-Cycle Theory*. Oxford, Basil Blackwell.
- Lundberg E.* (1937). *Studies in the Theory of Economic Expansion*. London: King & Son. 10.
- Mandel E.* (1980). *Long Waves of Capitalist Development*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Mann M.* (1986). *The Sources of Social Power*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Martin R., Sunley P.* (2015). On the notion of regional economic resilience: Conceptualization and explanation // *Journal of Economic Geography*. 15(1), 1–42.
- Maslov A., Volchik V.* (2014). Institutions and lagging development: The case of the Don Army Region // *Journal of Economic Issues*. 48(3), 727–742.
- Matousek R., Papadamou S.T., Šević A., Tzeremes N.G.* (2019). The effectiveness of quantitative easing: Evidence from Japan // *Journal of International Money and Finance*, 99.
- McCloskey D.N.* (2006). *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*. The University of Chicago Press.

- Ménard C.* (2022). Hybrids: Where are we? // *Journal of Institutional Economics*. 18(2), 297–312.
- Mensch G.* (1979). *Stalemate in Technology – Innovations Overcome the Depression*. New York, NY: Ballinger.
- MGI (2020). *Risk, resilience, and rebalancing in global value chains*. Washington, DC: McKinsey & Company.
- Milbaupt Curtis J.* (2015). *Chinese Corporate Capitalism in Comparative Context* (October 13, 2015). Columbia Law and Economics Working Paper No. 522. <https://theconversation.com/how-china-combined-authoritarianism-with-capitalism-to-create-a-new-communism-167586> (accessed: 28.07.2022).
- Minas J.P., Simpson N.C., Kao T.-W.* (2019). New measures of vulnerability within supply networks: A comparison of industries, *Handbook of ripple effects in the supply chain* / D. Ivanov, A. Dolgui, B. Sokolov (eds.). Cham: Springer. 209–227.
- Miron J.A.* (1996). *The Economics of Seasonal Cycles*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mitchell A.* (2013). Risk and resilience: From good idea to good practice. OECD Development Co-operation Working Papers, 13.
- Modigliani F.* (1944). Liquidity preference and the theory of interest and money // *Econometrica*. 12(1), 45–88.
- Moore J.F.* (1993) Predators and Prey // *Harvard Business Review*, May-Jun. 71(3), 75–86.
- Mukand S., Rodrik D.* (2018). The political economy of ideas: On ideas versus interests in policymaking. National Bureau of Economic Research, working paper no. w24467.
- Myrdal G.* (1944). *An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy*. New York, London: Harper & Bros.
- Nakicenovic N.* (1992). *Energy Strategies for Mitigating Global Change*. IIASA. January.
- North D.C.* (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- OECD (2015). *Final NAEC synthesis: New approaches to economic challenges*. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2020). *A systemic resilience approach to dealing with COVID-19 and future shocks*. OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19).
- OECD (2021). *Strengthening economic resilience following the COVID-19 crisis: A firm and industry perspective*. Paris: OECD Publishing.

- OECD, SIDA (2017). Resilience systems analysis: Learning and recommendations report. Paris: OECD Publishing.
- Pak Ch.* (2022) Responsible AI and algorithm governance: An institutional perspective. Human-Centered Artificial Intelligence. Elsevier.
- Parker, G., Van Alstyne, M., Choudary, S. P.* (2016) Platform revolution: how networked markets are transforming the economy and how to make them work for you. New York, NY: Norton & Company.
- Patinkin, D.* (1956). Money, Interest and Prices: An integration of Monetary and Value Theory. Evanston, Il: Row, Peterson and Company.
- Peck J., Theodore N.* (2015). Fast Policy: Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism. Minneapolis, University of Minnesota Press.
- Pemer F., Skjølsvik T.* (2018). Adopt or Adapt? Unpacking the Role of Institutional Work Processes in the Implementation of New Regulations // Journal of Public Administration Research and Theory. 28(1), 138–154.
- PIIE (2021). Rebuilding the global economy. PIIE briefing 21-1, Peterson Institute for International Economics. Washington, DC.
- Pil F.K., MacDuffie, J.P.* (1999). Transferring Competitive Advantage across Borders: A Study of Japanese Auto Transplants in North America. In: J.K. Liker, W.M. Fruin, P.S. Adler (eds.). Remade in America: Transplanting and Transforming Japanese Management Systems. Oxford, Oxford University Press, 39–74.
- Policonomics (2021). Neoclassical Synthesis. <https://policonomics.com/neoclassical-synthesis> (дата обращения: 12.04.2021).
- Pop N.A., Iorga A.M.* (2012). A new challenge for contemporary marketing – neuromarketing, Management & Marketing. 7(4), 631–644.
- Porter M.E.* (1979). How Competitive Forces Shape Strategy // Harvard Business Review. 57(2), 137–145.
- Prigogine I.* (2005). The rediscovery of value and the opening of economics. Chapter 2 in book The Evolutionary Foundation of Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 61–69.
- Puab C.H., Tang M.M.J., Shazali A.M., Brahmana R.* (2015). Does money matter in Indonesia? Revisiting Divisia money // Journal of International Finance and Economics. 15(2), 7–12.
- Rebucci A., Hartley J.S., Jiménez D.* (2020). An event study of COVID-19 central bank quantitative easing in advanced and emerging economies. National Bureau of Economic Research, Working Paper 27339.
- Ricks M.* (2019). Money as infrastructure // Columbia Business Law Review. 2018(3), 757–851.

- Rochet J., Tirole J.* (2003) Platform competition in two-sided markets // Journal of the European Economic Association. 1(4), 990–1029.
- Rogers J.* (1992). The Currency Substitution Hypothesis and relative Money Demand in Mexico and Canada, Journal of Money, Credit and banking. 24(3), 300–318.
- Romer D.* (2019) Advanced Macroeconomics, 5th Edition. McGraw-Hill Education.
- Root H.L.* (2020). Network origins of the global economy: East vs. West in a complex systems perspective. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rostow W.W.* (1975). Kondratieff, Schumpeter and Kuznets: Trend Periods Revisited // Journal of Economic History. 25(4), 719–753.
- Sakaguchi A.* (2020). On the institutional theory of money: Learning from J.R. Commons' institutional economics // Journal of Economic Issues. 54(4): 975–986.
- Samuelson P.A.* (1948). Economics. New York: McGraw-Hill Company.
- Samuelson P.A.* (1955). Economics: An Introductory Analysis. Third edition. New York: McGraw-Hill.
- Sanders E.* (2009). Historical Institutionalism. In: The Oxford Handbook of Political Institutions.
- Sarapultsev A., Sarapultsev P.* (2014). Novelty, Stress, and Biological Roots in Human Market Behavior. Behavioral Sciences. 4(1), 53–69.
- Scharfenaker E., Foley D.K.* (2017). A Maximum Entropy Solution to Quantal Response Equilibria in Economic Models, Working Paper. https://www.researchgate.net/publication/312153408_A_Maximum_Entropy_Solution_to_Quantal_Response_Equilibria_in_Economic_Models (accessed: 19.06.2021).
- Schumpeter J.A.* (1934). The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Schumpeter J.A.* (1939). Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process. 2 vols. New York: McGraw-Hill.
- Schumpeter J. A.* (1954). History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press.
- Seaver N.* (2017). Algorithms as Culture: Some Tactics for the Ethnography of Algorithmic Systems, Big Data & Society, 4(2).
- Seidler V.* (2014). When do institutional transfers work? The relation between institutions, culture and the transplant effect: The case of Borno in north-eastern Nigeria // Journal of Institutional Economics. 10(3), 371–397.

- Seidler V.* (2018). Copying informal institutions: the role of British colonial officers during the decolonization of British Africa // *Journal of Institutional Economics*. 14(2), 289–312.
- Senko O.V., Dzyba D.S., Pigarova E.A., Rozhinskaya L.Ya., Kuznetsova A.V.* (2014). A Method for Evaluating Validity of Piecewise-linear Models, Short paper in Proceedings of KDIR, 437–443.
- Sever Can, Robit Goel, Dimitris Drakopoulos, Evan Papageorgiou et al.* (2020). Effects of Emerging Market Asset Purchase Program Announcements on Financial Markets During the COVID-19 Pandemic. International Monetary Fund. WP/20/292.
- SFI at Davos (2012). SFI at Davos: How a complex systems approach can help improve economic, social, & cyber systems. January, 25. <https://e.mail.ru/cgi-bin/msglist#/message/1370372922000000422> (accessed: 03.07. 2022).
- Shannon C.E., Weaver, W.* (1964). *The Mathematical Theory of Communication*. The University of Illinois Press. Urbana. https://monoskop.org/images/b/be/Shannon_Claude_ (accessed: 03.07. 2022).
- Shenkar O., Luo Y., Yehekel O.* (2008). From «distance» to «friction»: Substituting metaphors and redirecting intercultural research // *The Academy of Management Review*. 33(4), 905–923.
- Shiller R.* (2017). *Narrative Economics* // *American Economic Review*. 107(4), 967–1004.
- Shiller R.* (2019). *Narrative Economics*. Princeton University Press.
- Shiller R.* (2020). Popular economic narratives advancing the longest U.S. expansion 2009–2019 // *Journal of Policy Modeling*. 42(4), 791–798.
- Skidelsky R.* (2020). *What's Wrong with Economics? A Primer for the Perplexed*. Padstow, Cornwall, Yale University Press.
- Skrobotov A.* (2018). On Bootstrap Implementation of Likelihood Ratio Test for a Unit Root, *Economics Letters*. 171(C), 154–158.
- Smith C. A.* (2019). Datong and Xiaokang. In: C. Sorace, I. Franceschini, N. Loubere (eds.). *Afterlives of Chinese Communism: Political Concepts from Mao to Xi*, 63–66.
- Snyder H.* (2019). Literature review as a research methodology: An overview and guidelines // *Journal of Business Research*. 104, 333–339.
- Spitz A.* (1966). Democratic Transplantation: The Case of Land Policy in Hawaii. *Land Economics*. 42(4), 473–484.
- Sreedevi R., Saranga H.* (2017). Uncertainty and supply chain risk: The moderating role of supply chain flexibility in risk mitigation // *International Journal of Production Economics*. 193, 332–342.

- Stewart H.* (2009). This is how we let the credit crunch happen, Ma'am ..., *The Guardian*. Sun 26 Jul. <https://www.theguardian.com/uk/2009/jul/26/monarchy-credit-crunch> (accessed: 08.07.2022).
- Stiglitz J.* *Freefall*. (2010). America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy. New York: W.W. Norton & Company.
- Stiglitz J.E.* (2018). Where modern macroeconomics went wrong // *Oxford Review of Economic Policy*. 34(1–2), 70–106.
- Stock W.A., Hansen, W.L.* (2004). Ph.D. Program Learning and Job Demands: How Close Is the Match? *American Economic Review*. Vol. 94. No. 2. Pp. 266–271.
- Sugden R.* (2002). Credible Worlds. The Status of Theoretical Models in Economics. *Fact and Fiction in Economics. Models, Realism, and Social Construction*. Cambridge: Cambridge University Press. 107–136.
- Swank Otto H.* (1998). Towards an economic theory of party ideology // *European Journal of Political Economy*. 14(2), 223–240.
- Swedberg R.* (1990). *Economics and Sociology. Redefining Their Boundaries: Conversations with Economists and Sociologists*. Princeton: Princeton University Press.
- Tang M.M.J.* (2016). A review of the literature on monetary neutrality. MPRA Paper, 70113. <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/70113> (accessed: 08.07.2022).
- Tapscott D.* (2008). *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. McGraw Hill Professional.
- The Real Policy Wonks: How Economists Reshaped America* (2019). A business journal from the Wharton School of the University of Pennsylvania. Published: 17.10.2019. <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/role-of-economists> (accessed: 24.07.2022).
- Thomas L.* (1985). Liquidity Preferences as behavior Risk // *Review of Economic Studies*. 25(2), 65–86.
- Tinbergen J.* (1956). *Economic Policy: Principles and Design*. Amsterdam: North Holland. XXVIII.
- Tobin J.* (1958). Liquidity Preference as Behavior Towards Risk // *Review of Economic Studies*. 25(2), 65–86.
- Tobin J.* (1996). *Full Employment and Growth: Further Keynesian Essays on Policy*. Cheltenham, UK, and Brookfield, VT: Edward Elgar. 11
- Toboso F.* (2008). On institutional individualism as a middle way mode of explanation for approaching organizational Issues. Chapter 10. In: Mercurio, N. (Ed.). *Alternative Institutional Structures: Evolution and Impact*. London: Routledge.

- Trautwein H.-M.* (2014). Three macroeconomic syntheses of vintage 1937: Hicks, Haberler, and Lundberg. *The European Journal of the History of Economic Thought* 21(5), 839–870.
- Van Alstyne M. W., Schrage M.* (2016). The Best Platforms Are More than Matchmakers // *Harvard Business Review*. <https://hbr.org/2016/08/the-best-platforms-are-more-than-matchmakers> (дата обращения: 12 июля 2022 г.).
- Veblen T.* (1898). Why Is Economics Not an Evolutionary Science? // *Quarterly Journal of Economics*. 12 (3), 373–397.
- Veblen T.* (1899). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York: MacMillan Company.
- Veblen T.* (1958). *The Theory of Business Enterprise. A Mentor Book*. New York: The New American Library of World Literature, Inc.
- Vegh C.* (2013) *Open Economy Macroeconomics in Developing Countries*. The MIT Press.
- Vogel E.* (2011). *Deng Xiaoping and the Transformation of China*, Cambridge, MA, and London, The Belknap Press of Harvard University Press.
- Vozna L.Yu.* (2016). The Notion of Entropy in Economic Analysis: The Classical Examples and New Perspectives // *Journal of Heterodox Economics*, 3, 1–16. <https://www.scilit.net/article/c5c498f7d171f-24cdef43796e52e7ad6> (accessed: 19.06.2021).
- Vranceanu R., Barthe lemy J.* (2012). Knowledge in Economics and Economic Reform: An Analysis of Survey Data from a French Business School // *Revue  conomique*. 63(6), 1193–1208.
- Vromen J.* (2010). On the Surprising Finding That Expected Utility Is Literally Computed in the Brain // *Journal of Economic Methodology*. 17(1), 17–36.
- Walker J., Cooper M.* (2011). Genealogies of resilience // *Security Dialogue*. 42(2), 143–160.
- Wallerstein I.* (1984). Economic Cycles and Socialist Policies. *Futures*. 16(6), 579–585.
- Watson A.* (1974). *Legal transplants: an approach to comparative law*. Edinburgh, Scottish Academic Press.
- Weintraub R.* (2002). *How Economics Became a Mathematical Science*. Durham, London: Duke University Press.
- Whalen C.* (2021). Storytelling and institutional change, 247–270. In: Whalen C. (ed.) *Institutional Economics*. Abingdon, UK and New York: Routledge.

- Whaples R.* (2006). Do economists agree on anything? Yes! *The Economists' Voice* 3(9), 1–6.
- Whyte W.F.* (1968). Imitation or Innovation: Reflections on the Institutional Development of Peru. *Administrative Science Quarterly*. 13(3), 370–385.
- Wilson D.S.* (2016). Two meanings of complex adaptive systems, Complexity and evolution: Toward a new synthesis for economics, D.S. Wilson, A. Kirman (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 31–46.
- Wood A.J.* (2021) Algorithmic Management: Consequences for Work Organisation and Working Conditions, Seville: European Commission, JRC124874. https://joint-research-centre.ec.europa.eu/publications/algorithmic-management-consequences-work-organisation-and-working-conditions_en (accessed: 10.06.2022).
- Woodford M.* (2009). Convergence in macroeconomics: Elements of the new synthesis *American Economic Journal: Macroeconomics*. 1(1), 267–279.
- World Bank (2020). *Global economic prospects: June 2020*. Washington, DC: World Bank.
- World Bank (2022). *Global economic prospects: June 2022*. Washington, DC: World Bank.
- Wray R.L.* (2007). Veblen's theory of business enterprise and Keynes's monetary theory of production // *Journal of Economic Issues*. 41 (2), 617–624.
- Yeung K.* (2018). Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation. *Regulation & Governance*. 12(4), 505– 523.
- Zhao Ziyang* (2009). *Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang*. Trans & Ed. Bao Pu, Renee Chiang, and Adi Ignatius. New York: Simon and Schuster.
- Zwan A. van der.* (1980). On the Assessment of the Kondratieff Cycle and Related Issues. *Prospects of Economic Growth*, Oxford: North-Holland, Ed. by S.K. Kuipers, G.J. Lanjouw, 83–222.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вольнский Андрей Игоревич,

н.с., Институт экономики РАН, г. Москва
ava3003@hotmail.com

Вольчик Вячеслав Витальевич,

д.э.н., проф., Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
volchik@sfedu.ru

Исламутдинов Вадим Фаруарович,

д.э.н., доцент, Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова, г. Казань
isvad@yandex.ru

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна,

д.с.н., к.э.н., гл.с., завсектором, Институт экономики РАН, г. Москва
kirdina@inecon.ru

Кирилук Игорь Леонидович,

м.н.с., Институт экономики РАН, г. Москва
igokir@rambler.ru

Круглова Мария Семеновна,

к.и.н., ст.н.с., Институт экономики РАН, г. Москва
mashakruglova999@gmail.com

Маевский Владимир Иванович,

действительный член РАН, д.э.н., профессор, руководитель центра,
Институт экономики РАН, г. Москва
maev1941@bk.ru

Малков Сергей Юрьевич,

д. т. н. , профессор, Институт экономики РАН, г. Москва
s@malkov.org

Маслюкова Елена Васильевна,

к.э.н., доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
maslyukova@sfedu.ru

Ореховский Петр Александрович,
д.э.н., профессор, гл.н.с., завсектором, Институт экономики РАН,
г. Москва
orekhovskypa@mail.ru

Проволович Татьяна Олеговна,
к.филос.н., н.с., Институт экономики РАН, г. Москва
tatiana.provolovich@gmail.com

Рубинштейн Александр Александрович, к.э.н., ст.н.с.,
Институт экономики РАН, г. Москва
rubinstein.alexander@gmail.com

Сенько Олег Валентинович,
д.ф.-м.н., профессор, Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН, г. Москва
senkoov@mail.ru

Смородинская Наталия Вадимовна,
к.э.н., в.н.с., Институт экономики РАН, г. Москва
smorodinskaya@gmail.com

Фролов Даниил Петрович,
д.э.н., профессор, Волгоградский государственный технический
университет, г. Волгоград
ecodev@mail.ru

Ценжарик Мария Казимировна,
к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург
matiac@yandex.ru

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Научное издание

**Синтез в экономической теории
и экономической политике**

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Полякова А.В.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 19.12.2022

Заказ № 33. Тираж 300 экз. Объем 22,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН